

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Казанский филиал

*Институт языка, литературы и истории
им. Г. Ибрагимова*

А. Х. ХАЛИКОВ

ВОЛГО-КАМЬЕ
В НАЧАЛЕ ЭПОХИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
(VIII—VI вв. до н. э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1977

В книге дается обзор материалов из раскопок поселений, могильников: орудий труда, оружия, посуды раннеананьинского времени (VIII—VII вв. до н. э.). Многочисленные материалы исследований получили научную систематику и описание, что позволяет проводить сравнительный этимологический анализ. В результате раскрываются особенности перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в волго-камском регионе северо-востока Европы.

Ответственный редактор

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ярких археологических образований на северо-востоке Европы является ананьинская культура, или культурная общность, открывающая собой новую ступень развития населения Волго-Камья и Приуралья — эпоху железа. Первыми исследователями этой культуры — А. М. Тальгреном¹, А. В. Збруевой² и др. — были определены общие контуры ее развития, выявлены определяющие черты, установлена хронология бытования в пределах VIII—VII — III—II вв. до н. э. Однако общая характеристика культуры этими и другими авторами (см. работы Н. А. Прокошева, А. П. Смирнова, О. Н. Бадера и др.) была в основном дана на базе изучения материалов развитого ананьина — преимущественно на материалах Ананьинского, Зуевского могильников и поселений типа Конецгорского селища, Галкинского городища и др. Наиболее важный начальный период развития ананьинской культуры, относящийся к VIII—VI в. до н. э., был, к сожалению, мало исследован, что в свою очередь оставлял открытым ряд вопросов, прежде всего вопрос о происхождении ананьинской культуры.

Развернувшиеся в 50—70-е годы нашего столетия археологические работы в Поволжье и Прикамье, особенно работы в зонах крупных водохранилищ волго-камского каскада, привели к открытию и изучению ряда важных раннеананьинских памятников. Еще в 40-е годы XX в. А. В. Збруева исследовала один из ранних ананьинских могильников у с. Луговое в Елабужском районе Татарской АССР³. В 1956—1958 гг. был изучен раннеананьинский Аозинский могильник в Горно-Марийском районе Марийской АССР⁴, а в 1962 г. здесь же были начаты исследования крупнейшего некрополя начальной поры эпохи железа — Старшего Ахмыловского могильника. К 1975 г. здесь было раскопано уже более 800 погребений VIII—VI вв. до н. э.⁵

В 1961 г. был открыт и в течение ряда лет изучались I Новомордовский могильник и целая серия связанных с ним позднеприказанских и раннеананьинских памятников в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Татарской АССР⁶. В 1962 г. полностью был исследован небольшой, но интересный своей приказанско-ананьинской преемственностью II Полянский могильник⁷, расположенный недалеко от раннеананьинского Гулькинского могильника⁸.

В 1969—1970 гг. произведены раскопки еще одного раннеананьинского могильника у г. Тетюши⁹. В 1975—1976 гг. охранными раскопками продолжено изучение Пусто-Морквашинского могильника, исследованного в 1927 г. В. Ф. Смолиным¹⁰. Таким образом, за относительно небольшой срок был открыт и исследован ряд наиболее ранних ананьинских могильников, где общее число изученных погребений достигло полутора тысяч.

В это же время систематически изучаются поселения, в том числе и ранние, ананьинской культуры. Так, в 1958—1959 гг. В. Е. Стоянов продолжил нача-

тые Б. С. Жуковым, М. В. Воеводским и О. Н. Бадером¹¹ исследования ряда городищ по Ветлуге. Г. А. Архипов совместно с А. Х. Халиковым провели раскопки раннеананьинского городища Ройский Шихан на Вятке¹². В. С. Патрушевым успешно ведется изучение ряда городищ и селищ (Ильинское, Копани, Ардинское) в Марийском Поволжье, где первым широко исследованным раннеананьинским поселением было Васильсурское городище в устье р. Сура¹³. Г. Р. Ишмуратовой, П. Н. Старостиным и А. Х. Халиковым подвергнут раскопкам ряд поселений, преимущественно городищ в Казанско-Тетюшском Поволжье (Казанка I, Нижний Услон, Антоновка, II Маклашеевка) и низовьях р. Камы (городища Гремячий ключ, Курган, Троицкий Урай II)¹⁴. В. Ф. Генинг вместе с В. Е. Стояновым, Р. Д. Голдиной и А. И. Ашихминой провели раскопки I Зуево-Ключинского городища в Удмуртском Прикамье¹⁵. Ряд поселений изучен в бассейне р. Белая — Бирское, Новобиктовское¹⁶ и др. Наконец, несколько поселений — Ерзовское, I, VI Заюрчимские, I Еловское, I Половинное и др. — исследовано пермскими археологами на Средней Каме¹⁷. Характерной особенностью почти всех этих памятников является наличие в них как материалов конца эпохи бронзы, так и материалов начала эпохи железа.

Данные исследования многих из указанных выше памятников, как могильников, так и поселений, легли в основу настоящей книги. В ней учитывается и то обстоятельство, что уже в самое раннее время население ананьинской культуры, вернее культурной общности, занимало огромную территорию — от Ветлуги и Суры на западе до Белой и Верхней Камы на востоке (рис. 1). Исследованиями на севере (в бассейне Вычегды, Печоры, Северной Двины) установлено, что и здесь в начале эпохи раннего железа обитали родственные ананьинцам племена¹⁸. Изучение всей этой огромной культурной общности, ее происхождения и развития показывает, что ананьинские племена приняли несомненное участие в формировании не только народов пермской ветви финно-угорской языковой семьи, но и других финноязычных народов, как мари, мордва, муромя, меря и финская подоснова чувашей. Поэтому ананьинскую общность в этническом отношении следует рассматривать как еще не распавшуюся общность восточного финноязычного ядра¹⁹. Этой общности в более западных районах вплоть до Прибалтики соответствовала ранняя городецко-дьяковская основа западнофинского ядра²⁰. В раннем этапе своего развития племена ананьинской культурной общности имели весьма тесные контакты со степными районами, через них были активно связаны с культурами киммерийско-карасукской эпохи Евразии (конец II тысячелетия до н. э. — VI в. до н. э.). По мнению Н. Л. Членовой, «культуры эти следующие: ранние стадии гальштата (на А и В) или конечные фазы культуры погребальных урн в Баварии, Австрии, начальные фазы лужицкой культуры Силезии, предскифская культура Венгрии, памятники фракийского гальштата, или фрако-киммерийские памятники в Югославии, Румынии, Болгарии, Галиции, Молдавии, чернолесские памятники лесостепной Украины..., Симферопольское погребение и кизил-кобинская культура Крыма, памятники типа Кобякова городища и Аксайское погребение на Дону, так называемые протомеотские памятники Кубани, каменномоетско-березовские памятники и кобанская культура Северного Кавказа, колхидская культура Западного Кавказа и северо-восточной части Малой Азии, памятники типа Хасанлу IV—V, Динка-II, Хурвин, Томаджан, Дайламан, поздние фазы Шах-тепе и Гиссара, Шандар, Даррус, Гийян I, Сналк А и В и Тепе-Гуран в

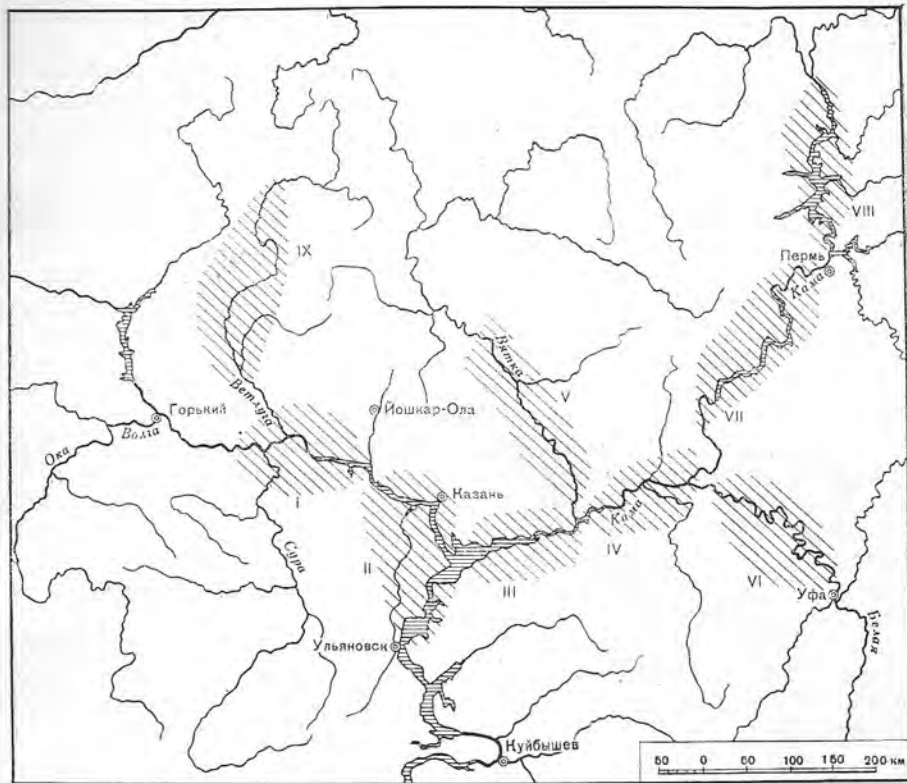

Рис. 1. Схема выделения локальных вариантов раннеананьинской культуры в Волго-Камье

I — западновожский (Волга I); II — средневолжский (Волга II); III — 1 нижекамский (Кама I); IV — 2 нижекамский (Кама II); V — вятский (Вятка), VI — нижебельский (Белая); VII — среднекамский (Кама III); VIII — верхнекамский (Кама IV); IX — ветлужский (Ветлуга)

Иране, так называемые памятники с серой керамикой в Южной Туркмении, сурганская культура Хорезма, памятники типа Пайкент в Узбекистане, Тагискен в низовьях Сырдарьи, дандыбай-бегазинские памятники Центрального Казахстана, Каинда и Джаильма в Киргизии, Трушниково, Шемокаиха и Зевакино в Восточном Казахстане, ирменская и молчановская культуры западно-сибирской лесостепи и Алтая, карасукская культура Минусинской котловины, находки карасукского типа в Туве, Монголии и др.»²¹ К этому перечислению можно добавить непосредственных соседей ранних ананьинцев с юга и юго-востока — ранних савромат²² и с востока — восточнуральские племена каменногорского и носилового вариантов гамаюнской культуры²³. Своеобразие раннеананьинской культуры может быть понято, естественно, лишь при сравнительном изучении ее памятников с материалом если не всех, то многих

из вышеотмеченных культур. По мере возможности такое сравнение проводится и в настоящей книге.

Конечно, распространенные на значительной территории раннеананьинские племена не были абсолютно однообразными по своей культуре. Еще Н. А. Прокошев²⁴ и А. В. Збруева²⁵ наметили несколько вариантов ананьинской культуры. Так, А. В. Збруевой были выделены нижнекамская, бельская, вятская, верхнекамско-чувская и ветлужская группы ананьинских памятников. В последние годы появились монографические работы, посвященные детальной характеристике некоторых из ананьинских групп²⁶.

В настоящей книге раннеананьинские памятники и их материалы рассматриваются по следующим территориальным группам — культурным вариантам (рис. 1): 1 — западновожский (Волга I); 2 — средневолжский (Волга II), 3 — I нижнекамский (Кама I), 4—2 нижнекамский (Кама II), 5 — вятский (Вятка), 6 — бельский (Белая I); 7 — среднекамский (Кама III), 8 — верхнекамский (Кама IV), 9 — ветлужский (Ветлуга).

К сожалению, не все вопросы, связанные с историей и культурой раннеананьинских племен, получили свое освещение в настоящей работе. Так, здесь не рассматриваются вопросы быта, костюма и украшений, а также экономического и социального развития, проблемы взаимоотношений ранних ананьинцев с соседями и более отдаленными племенами. Остается надеяться, что эти вопросы найдут свое отражение во второй части книги, посвященной начальным этапам эпохи раннего железа в Волго-Камье.

Появление этой книги невозможно было бы без труда многих участников археологических экспедиций — студентов, научно-технических и научных сотрудников, внесших свой посильный вклад в дело изучения раннеананьинских памятников. Им в первую очередь автор приносит свою глубокую благодарность.

¹ Tallgren A. M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale.— SMYA, 31. Helsinki, 1919.

² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.

³ Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, 1960, № 80, с. 72 и сл.

⁴ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 26 и сл.

⁵ В настоящее время В. С. Патрушевым и А. Х. Халиковым подготовлена монография «Старший Ахмыловский могильник», содержащая дневник исследований памятника за 1962—1976 гг. Она должна выйти в серии «Труды Чебоксарской археологической экспедиции».

⁶ Халиков А. Х. Стелы эпохи раннего железа с изображением оружия.— СА, 1963,

№ 3; он же. I Новомордовский могильник.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

⁷ Халикова Е. А. II Полянский могильник.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148.

⁸ Збруева А. В. Гулякинский могильник.— МИА, 1954, № 42.

⁹ Исследования Е. П. Казакова, А. Х. и Е. А. Халиковых.

¹⁰ Збруева А. В. История населения Прикамья..., с. 307—318.

¹¹ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи.— МИА, 1951, № 22.

¹² Архипов Г. А. Ананьинские городища на р. Вятке.— «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II, Йошкар-Ола, 1962, с. 188 и сл.

¹³ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 138 и сл.

¹⁴ Ишмуратова Г. Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии.— СА, 1975, № 1.

- ¹⁵ *Генинг В. Ф. и Стоянов В. Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии.— В АУ, (Свердловск), 1961, вып. 1; *Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции.— АО 1972 г. М., 1973, с. 155, 156.
- ¹⁶ *Иванов В. И.* Новые памятники ананьинской культуры на северо-западе Башкирии.— «Тезисы докладов I ПАЭС». Казань, 1974.
- ¹⁷ *Вечтомов А. Д.* Раскопки первого Половинного поселения (к вопросу о происхождении и периодизации ананьинской культуры в Среднем Прикамье) — «Тезисы докладов I ПАЭС». Казань, 1974.
- ¹⁸ *Кацивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
- ¹⁹ *Халиков А. Х.* Этническая принадлежность племен ананьинской общности.— «Всесоюзная конференция по финно-угроведению». Йошкар-Ола, 1969, с. 151.
- ²⁰ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. Л., 1966.
- ²¹ *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 323, 324.
- ²² *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- ²³ *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 238 и сл.
- ²⁴ *Прокошев Н. А.* Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье (VIII—II вв. до н. э.)—«Записки Удмуртского НИИ», вып. II. Ижевск, 1949, с. 54.
- ²⁵ *Збруева А. В.* История населения..., с. 163.
- ²⁶ *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.) Л., 1971, Автореф. канд. дисс.

РАННЕАНАНЬИНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

К раннеананьинскому времени на основной территории распространения ананьинской культуры, т. е. в Волго-Камье, мы можем отнести 63 поселения (рис. 2, табл. I), которые по своему характеру подразделяются на укрепленные поселки-городища (22) и поселения, не имеющие следов внешних укреплений — селища (41). При выделении их как раннеананьинских мы исходили из двух датирующих предпосылок — наличие на поселении раннеананьинских (в том числе и керамики) и других ранних предметов VIII—VI вв. до н. э.; наличие на поселении культурного слоя конца эпохи бронзы, обычно подстилающего напластования начала эпохи раннего железа.

На территории западновожского варианта (Волга I) к настоящему времени известно 8 раннеананьинских поселений, в том числе 6 городищ (I Васильсурское, Хмелевское, Копаньское, Токаревское, Ардинское и Ельниковское) и 2 селища, не имеющие укреплений (Сиухинское и Малахайское)¹. Таким образом, следует полагать, что для этой группы характерно преимущественное обитание населения в укрепленных поселениях. Укрепления у городищ здесь в основном имеют вид шишкообразного вала и рва за ним. Так, у Васильсурского городища вал ананьинского времени в основании имел округлую форму (18 × 20 м) при высоте 1,6 м; ров имел ширину 4,8 м и глубину — 1,2 м. У Хмелевского городища основание вала 20 × 32 м, высота — 1,5 м, ширина рва — 5 м, глубина — 1 м. У Копаньского городища площадь основания вала 28 × 35 м, высота — 2 м, у Ельниковского городища — 14 × 16 м, высота — 2,5 м.

На Малахайском поселении, единственном из известных на территории группы Волга I поселений, расположенном на краю низкой надлуговой террасы, исследованиями В. С. Патрушева в 1970 г. изучены остатки двух жилищ наземного типа с неглубокими котлованами (рис. 3, 1). Археологические остатки первого жилища, нарушенного оползнями, имели ширину 4,7—5,1 м, второго — 4—5 м. По предположению исследователя, оба жилища являются скорее всего остатками наземных домов в виде срубов прямоугольной формы (10 × 5 м). Углистые полосы с кусочками обожженной глины, выявленные под развалами жилищ, вероятно, остались от обрушившегося потолка или крыши, имевшего деревянный каркас, обмазанный глиной. Отсутствие столбовых ямок внутри дома заставляет думать, что потолок поддерживался положенными поперек на верхние бревна стен балками. Может быть, следами этих балок и являются поперечные углистые полосы и обугленное дерево, выявленные в верхней части пятна второго жилища. По продольной оси пола дома располагалось длинное очажное пятно (150 × 500 см во втором жилище). Очевидно, пол дома был земляной, слегка подсыпанный песком.

II группа, связанная со средневожским вариантом Волга II, состоит из

Таблица I

СПИСОК РАННЕАНАНЬИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ВОЛГО-КАМЬЕ (ПРИЛОЖЕНИЕ К РИС. 2)

№	Наименование	Селище		Городище	Ориентировочная площадь, м ²	Примечания
		на террасе	на мысу			
<i>I. Западновожский вариант (Волга I)</i>						
1	I Васильсурское	—	—	+	1250	2 жилища
2	Хмелевское	—	—	+	400	
3	Копаньское	—	—	+	900	
4	Сиухинское	—	+	—	800	
5	Токаревское	—	—	+	500	
6	Малахайское	+	—	—	500	
7	Ардинское	—	—	+	?	
8	Ельничковское	—	—	+	1160	
<i>II. Средневожский вариант (Волга II)</i>						
9	Мари-Луговое	+	—	—	?	жилище
10	Казанка I	—	—	+	1180	
11	Нижне-Услонское	—	+	—	?	
12	Ташевкинское	—	—	+	3500	
13	Лабышкинское	—	+	—	?	
14	Антоновское	—	—	+	450	
15	Сюкеевское (Красно-Каратаевское)	—	+	—	?	
16	II Маклашеевское	—	+	—	?	
<i>III. 1 Нижнекамский вариант (Кама I)</i>						
17	Курган	—	+	—	?	2 жилища
18	Гремячий ключ	—	—	+	1614	
19	Кирюшкин городок	—	—	+	1500	
20	Сорочьи горы	—	+	—	4400	
21	Мурзихинское	+	—	—	?	
22	Березовское	+	—	—	?	
23	Красный исток	—	—	+	9400	
24	Белахчинское	—	—	+	2400	
25	Грохань	—	—	+	8700	
<i>IV. Вятский вариант (Вятка)</i>						
26	I Чутайское	—	—	+	1000	
27	II Чутайское	—	—	+	840	
28	Ройский Шихан	—	—	+	2100	
29	Мальковское	—	—	+	10200	
30	I Буйское	+	—	—	?	
31	Пижемское	—	+	—	?	

Таблица I (окончание)

№	Наименование	Селище		Городище	Ориентировочная площадь, м²	Примечание
		на террасе	на мысу			
<i>V. 2 Нижнекамский вариант (Кама II)</i>						
32	I Свиногорское	+	—	—	?	
33	III Танайское	—	+	—	?	
34	IV Танайское	—	+	—	?	
35	V Танайское	—	+	—	?	
36	I. Байларское	+	—	—	?	
37	I. Зуево-Ключинское	—	+	—	1000	жилище
38	Бизякинское	—	+	—	?	
39	Каменный лог	—	—	+	?	
40	Каракулинское	+	—	—	?	
<i>VI. Бельский (Белая)</i>						
41	II Кюньское	+	—	—	?	
42	III Ст. Кабановское	+	—	—	?	
43	Ст. Киргизовское	+	—	—	?	
44	III Ново-Медведевское	+	—	—	?	
45	I Бирское	—	+	—	?	
46	II Бирское	+	—	—	?	
47	Кумлекульское	+	—	—	?	
<i>VII. Среднекамский вариант (Кама III)</i>						
48	II Еловское	+	—	—	?	
49	Ерзовское	+	—	—	?	
50	II Каменный Бор	+	—	—	?	
51	I Заюрчимское	+	—	—	?	жилища наземные
52	VI Заюрчимское	+	—	—	?	
53	I Половинное	—	+	—	24000	жилища
54	II Половинное	—	+	—	?	
55	III Половинное	—	+	—	?	
<i>VIII. Верхнекамский вариант (Кама IV)</i>						
56	Скородумское	+	—	—	?	
57	Базов бор	+	—	—	?	
58	Огурдино	+	—	—	?	
59	I—II Васюковские	+	—	—	?	около 20 жилец
<i>IX. Ветлужский вариант (Ветлуга)</i>						
60	Пановское	+	—	—	?	
61	Одоевское	—	—	+	900	
62	Богородское	—	—	+	3000	
63	Русенихинское	—	—	+	?	
Всего		24	17	22		

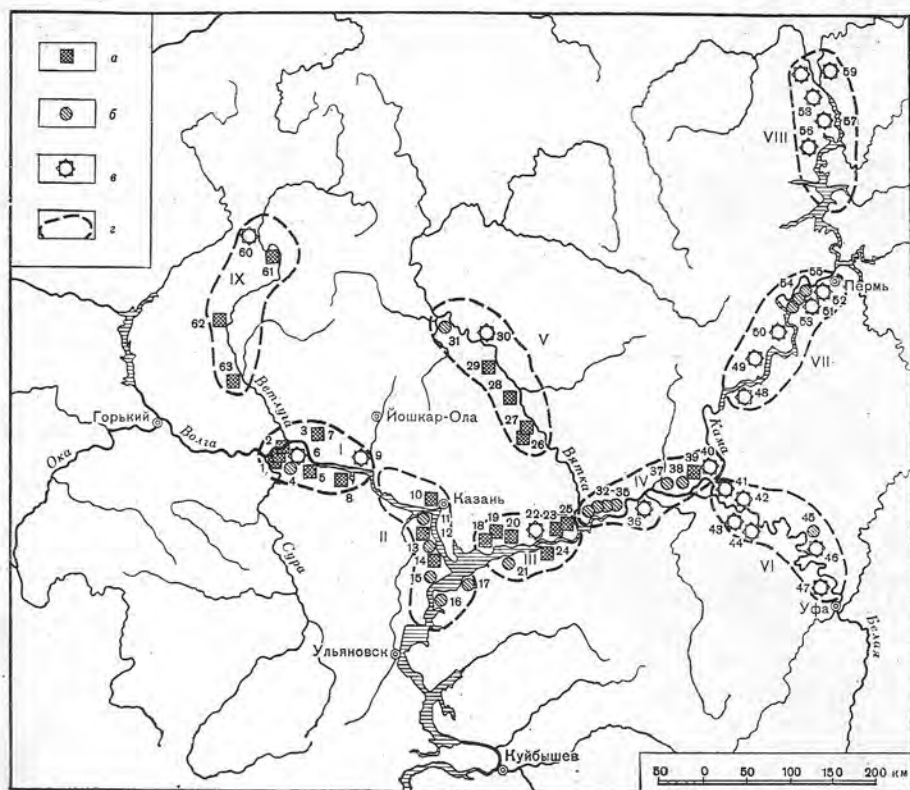

Рис. 2. Размещение основных раннеананьинских поселений. Наименование см. в таблице 1

а — городище; б — неукрепленное поселение на высоком месте; в — неукрепленное поселение на низком месте; г — предполагаемые границы локального варианта

9 поселений, в том числе 3 городищ (Казанка I, Ташевкинское и Антоновское), 5 селищ (Мари-Луговское, Нижне-Услонское, Лабышкское, Сюкеевское и II Маклашеевское) и 1 неопределенного памятника — поселения Курган, расположенного на высоком останце у устья р. Ахтай, левого берега низовой р. Камы. Все поселения, кроме Мари-Луговского, расположенного в устье р. Илеть, занимают высокие естественно укрепленные мысы правого берега р. Волги (рис. 2). Площади поселений в прослеженных случаях имеют средние размеры — от 1800 до 3500 кв. м. Наиболее малую площадь в 450 кв. м имеет Антоновское городище. Почти все эти памятники, за исключением городища Казанка I и II Маклашеевского поселения, нашли отражение в публикациях². Для укрепленных городищ характерны в основном дугообразные валы — длинные (60 м — на Ташевкинском городище; 33 м — на Антоновском), невысокие (0,85 м — на Ташевкинском, 0,8 м — на Антоновском) и не широкие (по 8 м на обоих горо-

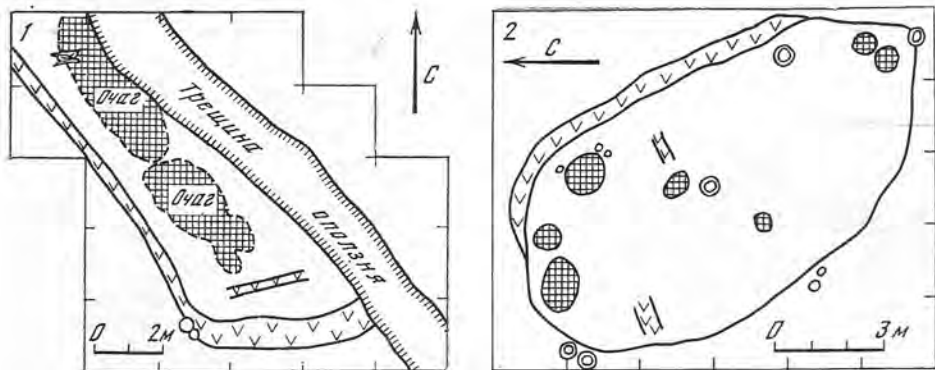

Рис. 3. Планы раннеананьинских жилищ

1 — жилище № 2 поселения Малахай (по В. С. Патрушеву); 2 — план жилища поселения Казанка I (по П. Н. Старостину)

дищах). Вал городища Казанка I имеет шишкообразную форму, но время его постройки не установлено. Вал соседнего городища Казанка II, относящегося к эпохе бронзы, имеет низкую дугообразную форму.

На городище Казанка I исследованиями П. Н. Старостина в 1966 г. изучены остатки наземного жилища, возраст которого хорошо определяется раннеананьинской керамикой, описанной Г. Р. Ишмуратовой³, и крупным обломком литейной формы кельта меларско-аозинского типа (рис. 43, 2). Котлован жилища, углубленный от выявленного уровня на 20 см, имел подпрямоугольную форму (13 × 6,5 м) с возможным выходом в юго-восточной части (рис. 3, 2). Судя по мощному углисто-древесному пятну, прослеженному по северо-восточной стороне жилищного котлована, обращенного в сторону крутого склона площадки городища, это жилище также имело бревенчатые стены скорее в виде сруба. Однако наличие столбовых ямок, расположенных преимущественно по продольной оси жилищного котлована, заставляет предполагать, что дом имел, вероятно, беспотолочное двускатное перекрытие. На полу жилища очажные пятна располагались тремя группами, вытянутыми по продольной оси пола.

В 1964 г. остатки двух жилищ были изучены П. Н. Старостиным на поселении Курган, на левом берегу Камы в устье Ахтая. Обнаруженная в наслоениях пола этих жилищ керамика относится к маклашеевскому типу приказанской культуры⁴, но в заполнении котлована встречена и раннеананьинская керамика, свидетельствующая об использовании жилищ и в последующее время. Оба жилища, расположенные рядом друг с другом, были углублены в землю на 30—40 см. Очертания их прямоугольные (12 × 4 и 10 × 4 м), с юга они обрезаны обрывом. По краям котлованов имеются продольные уступы шириной 25—40 см, а за пределами котлованов параллельно их длинным сторонам выявлены пятна от столбовых ямок, расположенных с равными промежутками. В первом жилище, имеющем лучшую археологическую сохранность, по длинной оси прослежены очажные ямы диаметром 80—90 см. По мнению исследователя, «наличие внешних столбовых конструкций, а также взаимное расположение кот-

Рис. 4. Раннесананьинские поселения
а — Сорочьи горы; б — Гремячий ключ

лованов позволяет утверждать, что рассматриваемые жилые постройки были наземными и существовали одновременно. При строительстве данных жилищ вырывались углубленные неглубокие котлованы, с наружной стороны которых вкапывались столбы. В последние, вероятно, врезались бревна. О конструкции крыш трудно судить. Не исключено, что они были и двускатные»⁵.

Поселения I нижнекамского варианта (Кама I) представлены в основном городищами (Гремячий ключ⁶, Кирюшкин городок⁷, Красный исток⁸, Беляхчинское⁹, Грохань¹⁰) и Сорочьегорским поселением¹¹, вскоре ставшим укрепленным городищем. Правда, здесь же имеются два небольших поселения — Мурзихинское и Березовское, но материал о них настолько незначителен, что

их скорее следует рассматривать как местонахождения. Площади поселений от 1614 кв. м (Гремячий ключ) до 9400 кв. м (Красный исток), в среднем около 3000—4000 кв. м. На Гремячеключинском городище в 1948 г. наблюдались остатки наземной постройки, низ которой был обложен камнями. На следы какой-то наземной постройки, наблюдавшейся при раскопках на Сорочьегорском городище, указывает А. М. Тальгрэн¹². Почти все городища укреплены с напольной стороны дугообразно изогнутым одним валом и рвом (рис. 4). На Гремячем ключе вал (рис. 4б) имеет длину 30 м, ширину — 12 м, и высоту — 1,2 м; ширина рва — 12 м, глубина — 1,2 м. У Сорочьегорского городища (рис. 4а) длина вала — 62 м, ширина — 11 м, высота — 1,3 м. У городища Красный исток длина вала — 58 м, ширина — 6 м, высота — 1,3 м, глубина рва — 1 м. У городища Грохань длина вала — 94 м, ширина — 15—16 м, высота — 2,3 м, глубина рва — 2 м. Более внушительные современные размеры укреплений этого городища следует объяснить тем, что они подновлялись в послеепананьинское время.

На Вятке (вятский вариант) к раннеананьинскому времени можно отнести 6 поселений, в том числе 4 городища (I Чутайское, II Чутайское¹³, Ройский Шихан¹⁴, Мальковское¹⁵) и 2 неукрепленных поселения (I Буйское¹⁶, расположенное на краю низкой террасы, и Пижемское, позднее обнесенное валом)¹⁷. В среднем площади поселений небольшие (840—2100 кв. м), но выделяется своими размерами Мальковское городище. Площадь его селитбенной части 10 200 кв. м. Укрепления городищ имеют преимущественно шишкообразные валы, ограниченные с напольной стороны относительно коротким рвом. Так, у I Чутайского городища основание вала 20 × 10 м, высота — 1 м, длина рва — 24 м, ширина — 8 м, глубина — 0,6 м. У II Чутайского городища основание вала 18 × 10 м, высота — 1,05 м; ширина рва — 5 м, глубина — 0,8 м. У городища Ройский Шихан основание вала 30 × 35 м, высота — 4 м, глубина рва — 2 м. На Мальковском городище основание вала очень обширно — 65 × 90 м, а высота вала максимальная — 6 м, ров прослеживается слабо. В раскопе городища Ройский Шихан, произведенном в 1956 г., было прослежено несколько крупных гумусированных пятен с углисто-очажными скоплениями¹⁸. Возможно, это остатки наземных жилищ.

На территории второго нижекамского варианта (Кама II) укрепленных поселений, т. е. городищ, практически нет, если не считать многослойного городища Каменный Лог, время сооружения укреплений которого не установлено. Среди основных поселений преобладают расположенные на относительно высоких естественно укрепленных местах: III, IV, V Танайские¹⁹, I Зуево-Ключинское²⁰, Бизякинское²¹. Имеются также поселения, расположенные как стоянки на низких краях надлуговых террас: I Байларское²², Каракулинское²³. Площади ни одного из поселений, не ограниченных укреплениями, не установлено, кроме I Зуево-Ключинского поселения, где исследователями определено распространение культурного слоя раннеананьинского времени на площади около 1000 кв. м. В X раскопе на этом поселении Л. И. Ашихминой исследованы остатки трех наземных жилищ, имевших вытянутую подпрямоугольную форму (8—10 м длиной, 6—6,9 м шириной) и очень слабо углубленный (всего на 5—10 см) котлован. В одном из жилищ прослежены очаги, расположенные по продольной осевой линии на глиняных вымостках. Рядом с другим домом расчищены остатки своеобразного ритуального места в виде скопления костей (17,5 ×

× 3 м), в котором обнаружено 7 черепов медведя, череп лося, кости лошади, свиньи, коровы ²⁴.

В бассейне р. Белая, т. е. на территории нижебельского (Белая I) варианта, пока известно 7 раннеананьинских поселений (рис. 2, табл. 1). Все они принадлежат к типу неукрепленных поселений, расположенных, кроме I Бирского, по краю низких надлуговых террас р. Белая: III Кюньское, III Старо-Кабанское, Старо-Киргизовское, III Ново-Медведовское, II Бирское, Кумлекульское ²⁵. Площади их ввиду отсутствия широко раскопанных памятников не установлены. По этой же причине не известен характер жилых сооружений на поселениях, хотя на стоянке Кюнь III «вскрыта часть жилища, углубленного в материк на 0,3—0,4 м. По краям его прослеживались ямки от столбов, диаметр некоторых из них достигал 0,5 м, глубина — 0,4 м. В заполнении жилищной впадины преобладала керамика поздней бронзы» ²⁶. По форме и конструктивным особенностям это жилище близко к жилищам из поселения Курган.

На территории среднекамского варианта (Кама III), т. е. в бассейне р. Камы от устья Белой до Перми, работами В. П. Денисова ²⁷, А. Д. Вечтомова ²⁸ выявлено около 10 поселений, среди которых нет ни одного укрепленного, т. е. городища. Как считает основной исследователь этих памятников А. Д. Вечтомов, «в Среднем Прикамье ананьинские поселения возникают на надпойменных террасах и высоких частях пойм, так же как и в позднебронзовый период. Городища появляются здесь лишь в V в. до н. э.» ²⁹ На I и VI Заюрчимских поселениях В. П. Денисовым были исследованы «наземные жилища (3 — на первом и 1 — на втором). Судя по находкам, они существовали в VIII в. и не позднее VII в. до н. э. Размеры их от 14 × 10 м до 20,8 × 13 м. Они имели прямоугольную форму. По границам очертаний прослежены углистые полосы (остатки сгоревшего бревенчатого сруба), а в некоторых из них — столбовые ямки в один или два ряда, позволяющие судить о том, что бревенчатые стены укреплялись вертикальными столбами. Жилища имели один или два выхода, внутри находились 1—2 очага и хозяйственные ямы. С внешней стороны двух жилищ (Заюрчимское I селище) прослежены примыкающие вплотную пристройки, напоминающие тамбуры жилищ последующего (гладеновского) времени» ³⁰.

Выше Перми, т. е. по берегам Верхней Камы (Кама IV), В. П. Денисовым выявлено 5 поселений (Скородумское, Базов Бор, Огурдинское, I—II Васюковские) ³¹, которые все без исключения являются неукрепленными и располагаются по краю низкой террасы Камы и ее притоков. На II Васюковском поселении исследовано 7 небольших жилищ (3 × 4 м), в древности, по мнению исследователя, имевшие вид наземных прямоугольных строений, изолированных друг от друга ³². Следует заметить, что как для среднекамского, так и верхнекамского регионов, очевидно, были характерны крупные по площади поселения. Так, площадь I Половинного поселения А. Д. Вечтомовым определена в 24 000 кв. м, а на II Васюковском поселении В. П. Денисов наметил около 20 жилищных впадин.

Ветлужский вариант раннеананьинских памятников представлен верхним слоем Пановского селища, расположенного на надлуговой террасе р. Ветлуга ³³, и догородищенскими селищами на Одоевском (третий слой) ³⁴, Богородском (второй слой) ³⁵ и Русенихинском (второй слой) ³⁶ городищах. На указанных городищах археологическими работами О. Н. Бадера в 1925—1926 гг., Е. Е. Стоянова в 1958—1959 гг. (на Богородском и Русенихинском городищах)

установлено, что раннеананьинские слои залегают под насыпями относительно более поздних, но ананьинского же времени, валов, кстати имеющих преимущественно шишкообразную форму. К сожалению, ни на одном памятнике при раскопках не выявлены точно зафиксированные следы жилищ, но в 1958 г. В. Е. Стоянову в раннеананьинских слоях Богородского и Русенихинского городищ удалось проследить расположенные группами очаги со следами глинистых подушек. Возможно, это очаги наземных жилищ, следы стен которых не сохранились или не были замечены археологами.

Итак, мы выяснили ряд важных для характеристики поселений раннеананьинского времени деталей. Во-первых, население этого времени (VIII—VI вв. до н. э.) еще предпочитало жить в неукрепленных поселках, расположенных нередко на тех же местах, что и предшествующие поселения эпохи бронзы (приказанской культуры)³⁷. Однако характерно, что большинство (39 из 63) раннеананьинских поселений уже располагается на высоких преимущественно естественно укрепленных местах (таблица I), которые вскоре обносятся валами и рвами (Сорочьегорское, Гроханьское, Зуево-Ключинское, Богородское, Русенихинское и др.). Поэтому следует полагать, что с начала эпохи раннего железа в Волго-Камье усилилась общая для этого времени³⁸ тенденция перехода к укрепленным поселениям.

Раннеананьинское население на Волге предпочитало жить, как и вятское население, в укрепленных городищах, тогда как население Средней и Верхней Камы, Белой и Ветлуги в это время еще не соорудило земляных укреплений. Очевидно, это явление надо поставить в непосредственную связь с тем, что волжские районы являлись окраинными территориями, открытыми с юга различным кочевникам (киммерийцам, савроматам, позднее скифам), вероятно, нередко производившим грабительские набеги на раннеананьинские поселки. Поэтому последние и были в основном укрепленными. Несколько непонятно появление ранних укреплений у ветлужских племен. Но, может быть, это объясняется слабой исследованностью укреплений ветлужских поселений, которые в раннеананьинское время вполне могли быть еще не укрепленными.

Кроме того, все известные раннеананьинские укрепленные поселения имеют вид простых мысовых городищ с одним валом и рвом с napольной стороны. Для западноволжской и вятской групп характерны городища с шишкообразными валами (на Вятке их называют шиханами), а для средневолжской и нижекамской групп — с длинными дугообразными валами. Откуда и когда ранние ананьинцы могли заимствовать эти системы укреплений?

На севере (в бассейне Вычегды и Северной Двины) городища возникают очень поздно — лишь в период средневековья (так называемые вымские городища)³⁹. Соседи с востока — Восточный Урал и Западная Сибирь — также не могли принести эту идею, так как здесь городища появляются лишь ближе к середине I тысячелетия до н. э. и преимущественно имеют круговые земляные валы (тип II по В. Е. Стоянову)⁴⁰.

Южные соседи — савроматы, будучи кочевниками, не строили городищ⁴¹. У западных соседей — племен дьяковской культуры — укрепленные поселения-городища появляются позже раннеананьинских и обычно имеют по два — три дугообразных вала с napольной стороны⁴². Лишь у лесостепных племен Поднепровья (чернолесские племена) городища возникают одновременно (в VIII—VII вв. до н. э.) с раннеананьинскими, но там они почти всегда имеют

круговую оборону⁴³. Все это заставляет полагать, что идея строительства укрепленных поселений у ранних ананьинцев была привнесена не со стороны (по крайней мере проникла не от соседей), а развивалась на месте.

К сооружению укрепленных поселений население Волго-Камья приступило еще в эпоху бронзы. Так, у племен балановской культуры на атли-касинском и ош-пандинском этапах⁴⁴ и у племен чирковско-сейминской культуры⁴⁵ в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. наблюдается тенденция к расположению поселений на естественно укрепленных местах (Кубашево, Васильсурское, Галанкина гора, Оленья гора, Ош-Пандо и др.). На Васильсурском поселении известны и первые искусственные земляные укрепления, сооруженные не позже середины II тысячелетия до н. э.⁴⁶ Укрепленным было и Сусканское поселение срубной культуры, бытовавшее в третьей четверти II тысячелетия до н. э.⁴⁷

Вполне вероятно, что часть позднеприказанских поселений, расположенных на высоких мысах, была защищена валом и рвом. Выразительным памятником в этом отношении является поселение-городище Казанка II на высоком левом берегу Казанки в пределах Казани рядом с раннеананьинским городищем Казанка I. Оно занимает оконечность мыса высотой около 40 м. Площадка его подтреугольной формы (30 × 15 м) огорожена с юго-восточной стороны невысоким валом (высота до 0,5 м), окаймленным заплывшим рвом. На распаханной поверхности площадки прослеживаются два серых пятна (10 × 6 м), возможно, остатки землянок. Материал, собранный на площадке и по склонам, подразделяется на два комплекса: неолитический с керамикой, орнаментированной отрисками зубчатого штампа и кремнем; позднеприказанский с типичной керамикой маклашеевского облика, в том числе с «текстильной» поверхностью. В профиле обнажений по северо-восточному краю прослежено перекрывание слоя с кремнем насыпью вала. Так как на памятнике никаких других остатков неизвестно, то наиболее вероятным следует полагать, что вал и ров были сооружены в позднеприказанское время.

Итак, начало строительства укрепленных поселений в Среднем Поволжье и, может быть, Нижнем Прикамье (по мнению В. Ф. Генинга, на II Зуево-Ключинском городище существовало укрепленное поселение абашевского населения)⁴⁸ уходит в глубь эпохи бронзы и связано прежде всего с пришлыми племенами балановской, срубной и абашевской культур. Носители их, очевидно, были индоевропейцами (балановцы — балто-германо-славянскими, срубные и абашевские племена — индоиранцами)⁴⁹. В связи с этим интересно отметить, что в ряде восточнофинских языков общими являются слова, в той или иной степени связанные со строительством укреплений и жизнью внутри укрепленных поселений. Но эти же слова в большинстве случаев имеют индоевропейское происхождение. Таковы, например:

плотина, запруда, насыпь — *ajža* (морд.), *vajiz* (удм.), *vož*, *ož* (коми-зыр.).
Сравни = *aēsa* (авеста)⁵⁰.

Земляное основание, фундамент — *rūndakš* (мари), *pides* (удм.), *pides* (коми), сравни = *fundus* (лат.), *boden* (нем.), *под* (рус.) и т. п.⁵¹

Находиться внутри (ограды) — *šai* —, *šajél* (мари), *šai* (удм.), *šai* (коми-зыр.), сравни = *sāye* (персид.), *siyā* (афган.)⁵².

Деревяя, укрепленная деревня — *gurt* (удм.), *gort* (коми-зыр.), *kardo*,

karda (морд.), сравни = gordum (город — фриг. яз.), gards (дом — готский), grad (др.-сл.) и т. п.⁵³

Таким образом, есть основание полагать, что сама идея строительства укрепленных поселений (городищ) к населению Волго-Камья проникла после распада общефинского единства (не раньше середины II тысячелетия до н. э.) и с индоевропейской, как западной (см. слова «pundas», «gurt»), так и восточной (индо-иранской, см. слова «ajza», «šai») сторон.

В раннеананьинское время окончательно происходит переход населения из полужемлянок в наземные дома. Все известные раннеананьинские поселения, обычно содержащие достаточно насыщенные культурные наслоения, были относительно долговременными поселениями. Многие из них функционировали еще в предшествующее время, а затем продолжали населяться и позднее. О назначении их для длительного жительства людей свидетельствуют и изученные на них при раскопках жилища.

В строительстве наземных жилищ раннеананьинским населением намечаются и локальные особенности. Так, население волжских районов, очевидно, строило дома в виде срубов, положенных венцом (Малахайское поселение). Эта традиция здесь также прослеживается с эпохи бронзы — срубными и уже наземными были дома на Кубашевском и Васильсурском поселениях⁵⁴. На Каме и Белой наземные дома, хотя также, видимо, строились из бревен, но укреплялись не венцом, а вертикальными столбами (см. поселения Курган, Кюнь III, I и II Заюрчимские). Укрепление наземных стен вертикальными столбами было характерно для приказанских племен на атабаевском и маклашеевском этапах⁵⁵, а также северного населения срубной культуры (жилища Сусканского поселения)⁵⁶, где уже бытовали преимущественно наземные изолированные дома прямоугольной формы. Для них же, между прочим, характерно и присущее для раннеананьинских жилищ расположение очагов по продольной оси земляного пола. В более раннее время, например, у жилищ волосовских и неолитических племен волго-камской культуры в расположении очагов жилищ-полужемлянок такой системы не чувствуется⁵⁷.

У ближайших соседей раннеананьинских племен жилища по размерам и конструкции отличались. Так, для дьяковских, в том числе и ранних, были характерны преимущественно округлые в плане полужемлянки с плетневыми стенами⁵⁸. Наземные постройки прямоугольные в плане со стенами из срубов здесь появляются лишь ближе к концу I тысячелетия до н. э.⁵⁹ Хотя для синхронного населения Зауралья и были известны наземные дома, но они или имели совершенно не характерную для Волго-Камья квадратную форму (поселения каменногорской культуры)⁶⁰ или окружались, как и андроновские жилища, канавками вокруг (поселения с керамикой носилковского типа)⁶¹.

Таким образом, следует полагать, что идея строительства наземных жилищ у раннеананьинского населения имеет местную основу, уходящую корнями в эпоху бронзы, где частично эта идея, очевидно, была воспринята от балановских (балто-германо-славянских) — срубные жилища и от срубных (индоиранских) племен — столбовые крепления наземных стен. Это в какой-то степени подтверждают и данные языка. Так, почти для всех финских языков характерно общее наименование наземного легкого жилища (шалаш, сарайчик и т. п.) — см. kota (фин.), ke ta (удм.) kudo (морд.), kudo (мар.), ka или керка (коми-зыр.)⁶², которое, по мнению лингвистов (Дифенбах, Мункачи, По-

корны, Рясинен, Йоки и др.), проникло в финские языки от индоевропейских языков (см. перс. — kad, авест. — kata, русск, украин. — хата, герм. Hütte и др.). Большое совпадение общефинского слова «kota» с общеиранским «kata», а не западным индоевропейским «hata» заставляет полагать об индо-иранском (срубно-абашевском) импульсе в возникновении наземного жилища у финноязычных племен Восточной Европы. В то же время основные понятия, связанные со строительством срубных жилищ, у волжских финнов (мари, мордвы) имеют западное индоевропейское балто-германо-славянское происхождение.

Например: бревно (мар. — rēpa), брус (мар. — rēgēs; удм. buris); бабка (мар. — барка), матица (морд. — matka) и др.)⁶³. Правда, ряд из этих понятий мог быть заимствован и в более позднее время, но учитывая, что многие из них имеются как в марийском, так и мордовском языках, а отчасти и в удмуртском и коми языках, следует полагать их внедрение в пермо-финское время.

¹ Все они достаточно подробно описаны в монографии: *Патрушев В. С.* Марийское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.), а также см. работу: *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.—«Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962.

² *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 108 и сл.; *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.—«Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, с. 147.

³ *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии.— Са, 1975, № 1.

⁴ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 292, рис. 55, 134.

⁵ *Старостин П. Н.* Жилища поселения Курган.—«Ученые записки ПГУ», 1967, № 148, с. 115.

⁶ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 265—268; *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ КФАН СССР за 1945—1952 гг. Казань, 1954.

⁷ *Збруева А. В.* История населения..., с. 264, 265.

⁸ Открыто мной в 1955 г.

⁹ Открыто Р. Г. Фахрутдиновым в 1959 г.

¹⁰ *Збруева А. В.* Городище Грохань.— ВСНИМК, 1947, вып. XVI.

¹¹ *Збруева А. В.* История населения..., с. 268 и сл.

¹² *Gallgren A. M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale.— SMYA, XXXI. Helsinki, 1919, p. 64, 65.

¹³ Открыты и исследованы в 1969 г. В. А. Семеновым.

¹⁴ *Архипов Г. А.* Ананьинские городища на р. Вятке. Городище «Ройский Шихан».—«Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 188 и сл.

¹⁵ Там же, с. 204, 205.

¹⁶ *Денисов В. П.* Новые археологические памятники на р. Вятка.— СА, 1958, № 3, с. 113 и сл.

¹⁷ *Збруева А. В.* История населения..., с. 297 и сл.

¹⁸ *Архипов Г. А.* Ананьинские городища..., с. 192, рис. 73.

¹⁹ *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

²⁰ Раскопки В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной и Л. И. Ашихминой в 1970—1975 гг.

²¹ Исследования археологической экспедиции КФАН СССР на 1959 г.

²² Исследования археологической экспедиции КФАН СССР в 1958 г.

²³ *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии.— ВАУ (Свердловск), 1961, Вып. 1, с. 81.

²⁴ *Ашихмина Л. И.* Отчет об исследованиях Зуево-Ключинского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР.— Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4685.

²⁵ Указанные поселения, кроме Старо-Киргизовского и III Ново-Медведовского, выявленного в 1958 г. археологической экспедицией КФАН СССР, обнаружены и исследованы в 1960—1970 гг. башкирскими археологами. (*Иванов В. А.* Новые памятники ананьинской культуры на северо-западе Башкирии.—«Тезисы докладов I ПАЭС». Казань, 1974).

- ²⁶ *Васильев И. Б., Горбунов В. С., Иванов В. А., Обьденнов М. Ф., Рутто Н. Г.* Работы Московского отряда Нижнекамской экспедиции.— АО 1972 г. М., 1973, с. 167.
- ²⁷ *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.—«Ученые записки ПГУ», 1967, № 148.
- ²⁸ *Вечтомов А. Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья.—«Ученые записки ПГУ», 1967, № 48, с. 149, табл. II.
- ²⁹ Там же, с. 147.
- ³⁰ Там же, с. 154.
- ³¹ *Денисов В. П.* Культуры эпохи..., с. 34.
- ³² Там же, с. 47.
- ³³ Открыто в 1925 г. О. Н. Бадером, коллекция в ГОМ, № 4059.
- ³⁴ *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Унжи.— МИА, 1951, № 22, с. 114 и сл.
- ³⁵ Там же, с. 140 и сл.; *Стоянов В. Е.* Отчет об исследованиях Богородского городища на р. Ветлуге в 1958 г. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Архив КФАН СССР, ф. 5.
- ³⁶ *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Унжи, с. 144.
- ³⁷ *Халиков А. Х.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.—«Ученые записки ПГУ», 1967, № 148, с. 25, 26. В настоящее время установлено, что более трети раннеананьинских поселений (селищ и городищ) продолжало располагаться на местах предшествующих поселков эпохи бронзы: Мари-Луговское, I Казанка, Нижне-Услонское, Антоновское, II Маклашеевское, Сюеевское (Красно-Каратаевское), Курган, Сорочьегорское, Красный исток, Гроханское, I Буйское, Танаевское, Каракулинское, Зуево-Ключинское, Кумлекульское, Бирское, Ерзовское, Заюрчимское, Васюковское, Пановское и Богородское.
- ³⁸ *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л., 1966, с. 117.
- ³⁹ *Савельев Э. А.* Пермь вычегодская, М., 1971.
- ⁴⁰ *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности надлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 239.
- ⁴¹ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- ⁴² *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги).— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 17 и сл.
- ⁴³ *Тереножекин А. И.* Предскифский период на Днепровском левобережье. Киев, 1961, с. 14 и сл.; *Ковпаненко Г. Т.* Племена скифского часу на Ворскли. Киев, 1967.
- ⁴⁴ *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры — САИ, В1—25, 1976, с. 41, 42.
- ⁴⁵ *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 184, 185.
- ⁴⁶ *Халиков А. Х., Халикова Е. А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы.— МИА, 1963, № 110.
- ⁴⁷ *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 63.
- ⁴⁸ *Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции.— АО 1972 г., 1971, с. 156.
- ⁴⁹ *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 376.
- ⁵⁰ *Joki A.* Uralier und Indogermanen. Die Älteren Berührengen zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen, MSFOu, 151. Helsinki, 1973, S. 253.
- ⁵¹ Ibid., S. 304.
- ⁵² Ibid., S. 319, 320.
- ⁵³ Ibid., S. 262.
- ⁵⁴ *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры.
- ⁵⁵ *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 271, 292.
- ⁵⁶ *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории..., с. 108, 109.
- ⁵⁷ *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 130—132.
- ⁵⁸ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 19 и сл.
- ⁵⁹ Там же, с. 79.
- ⁶⁰ *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация..., с. 240.
- ⁶¹ Там же, с. 240.
- ⁶² *Joki A.* Uralier..., S. 22, 272—273.
- ⁶³ *Räsänen M.* Wortgeschichtliches zu den Sprachen des Wolga-völker. Über den russischen Einfluss auf der Bautechnik des Wolga-völker.— FUF, B. XXVI, H. 2—3. Helsinki, 1939—1940, S. 127 usw.

РАННЕАНАНЬИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ И ИХ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Наиболее выразительными раннеананьинскими памятниками являются могильники, особенно широко исследованные в 50—70-е годы нашего века. Благодаря наличию в погребениях различных предметов могильники дают хорошо выраженные комплексы как для исследования материальной и духовной культуры раннеананьинского населения, так и для установления хронологии этого периода. К сожалению, не все локальные варианты раннеананьинской культуры обеспечены этим материалом. В Вятской, Бельской, Ветлужской группах могильники пока неизвестны. Однако наличие их в остальных шести группах позволяет выявить общие признаки погребального обряда для всей культуры. Но прежде чем показать эти признаки, обратимся к памятникам ¹.

В западновожской группе находятся наиболее широко исследованные раннеананьинские памятники — Акозинский и Старший Ахмыловский могильники (рис. 5).

Акозинский могильник ²

Расположен в 700 м к востоку от д. Акозино Горно-Марийского района Марийской АССР на краю низкой террасы правого берега Волги примерно в 800 м к западу от устья р. Сундырка — правого притока Волги. Поверхность могильника задернована, к югу она ограничивается крутым склоном коренной террасы Волги, к северу склоном к пойме, а к востоку и западу — ложбинами. Могильник был обнаружен в 1952 г. Р. В. Чубаровой ³, которая раскапывала здесь поселение эпохи бронзы и разрушила траншеей до десятка раннеананьинских погребений (рис. 6, № 102—110). В 1956 г. Марийская археологическая экспедиция заложила по обе стороны траншеи 1952 г. раскоп общей площадью 228 кв. м и исследовала 34 погребения ⁴ (рис. 6, погребения № 1—34). Кроме того, было установлено, что первоначально здесь располагалось поселение поздняяковской культуры эпохи бронзы (середины и третьей четверти II тысячелетия до н. э.) ⁵. В 1958 г. той же экспедицией были заложены новые раскопы — к востоку от раскопа 1956 г. (376 кв. м) и к западу (64 кв. м), в них было выявлено 33 погребения (рис. 6, погребения № 35—68). В 1971 г. В. С. Патрушев возобновил раскопки на памятнике, им было заложено 2 раскопа — к северу и востоку от раскопа 1958 г. Он вскрыл 572 кв. м и выявил дополнительно еще 31 погребение (рис. 6, № 66а—95) ⁶. В 1972 г. им же в раскопе, заложенном к северу от раскопа 2 1971 г., было вскрыто еще 6 погребений (рис. 6, № 95—101) ⁷.

Таким образом, на могильнике исследовано более 100 могил (с учетом разрушенных Р. В. Чубаровой — 110). Учитывая то, что во все стороны от изученных погребений вскрыты не занятые могилами свободные пространства, можно думать о завершенности исследования могильника. Раскопки В. С. Пат-

рушева, проведенные в 1973 г. в северо-восточной части памятника (была вскрыта площадь в 336 кв. м.), не выявили ни одного погребения⁸. Всего в 110 могилах Акозинского могильника изучены остатки более 150 костяков. Основной погребальный обряд их — труположение. Погребения расположены по краю невысокой террасы и никаких внешних признаков не имеют. Из 100 исследованных могил абсолютное большинство (88) содержало одиночные захоронения, в том числе 12 частичных (№ 4, 24, 52, 66, 69, 75, 77, 78, 79, 81, 89, 90). В трех погребениях (№ 9а — 10, 41 и 47) находились дополнительные впускные захоронения, 6 погребений (№ 15-16, 29-30, 32, 55, 83, 86) были парными, в 6 могильных ямах располагались коллективные захоронения (№ 2 — 4 костяка, № 21 — 5 костяков, № 46 — 16 костяков, № 63 — 6 костяков, № 85 —

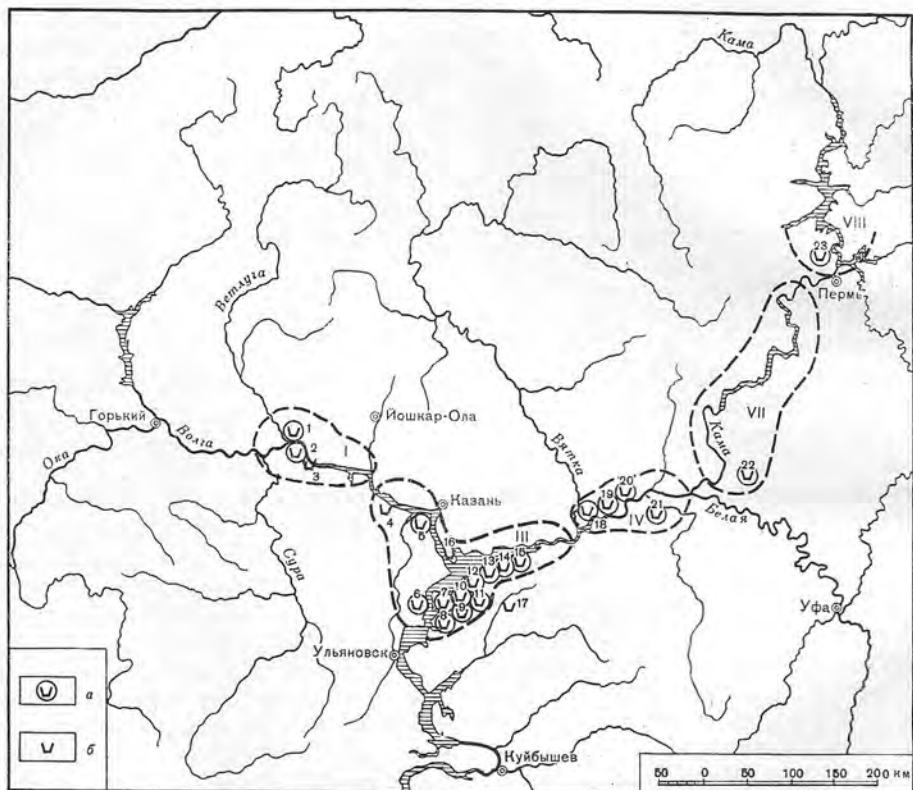

Рис. 5. Карта раннеананьинских могильников

а — исследованные; б — предполагаемые;
 1 — Ст. Ахмыловский; 2 — Акозинский; 3 — Ильинский (Малахайский); 4 — Криушинский;
 5 — Морквашинский; 6 — Тетюшский; 7 — II Полянский; 8 — Гулькинский; 9 — I Новомордовский;
 10 — VII Новомордовский; 11 — VIIa Новомордовский; 12 — VI Семеновский; 13 — VII Нижне-Марьянский; 14 — II Базяковский; 15 — II Березовогривский; 16 — Ташкерменский;
 17 — Билярский; 18 — Котловский; 19 — Ананьинский; 20 — Луговой; 21 — Байларский;
 22 — Таш-Елгинский; 23 — Скородумский

7 костяков, № 97 — 5 костяков). В могиле № 32 расчищено 2 вторичных захоронения.

Половозрастной состав погребенных ввиду слабой сохранности антропологического материала определен ориентировочно. Показательно отсутствие детских погребений, преобладание мужских — определено 58 мужских и 37 женских, 6 подростковых захоронений⁹.

В расположении могильных ям наблюдается следующая схема (рис. 6): в южной части фиксируется один неровный ряд, замкнутый двумя коллективными погребениями (№ 21 на западе и № 63 на востоке). К северу от концов ряда наблюдаются две кучевые группы — северо-западная и северо-восточная. В этих группах ориентация погребенных становится неустойчивой, а в северо-восточной фиксируются (в районе погребений 85, 86, 93, 98,) остатки какого-то сооружения, возможно, типа изученных на Ст. Ахмыловском могильнике «домов мертвых». В пользу такого предположения свидетельствует и скопление в этом районе отдельных находок, вероятно, связанных с наземными захоронениями, широтное направление ряда могил (см. № 39, 53, 54, 68, 70, 71, 72, 73, 76, 80, 87, 92), и сосредоточение здесь же так называемых частичных погребений (см. № 52, 75, 78, 81, 77, 90, 92, 96, 100, 102). Ориентировочно размеры «дома мертвых» можно определить длиной в 20 м и шириной — в 8 м.

Хронологической разницы между погребениями в основном ряду и в группах не наблюдается. Все они в основном датируются VII—VI вв. до н. э. Могильные ямы располагаются по глубине в двух горизонтах — в почве (на глубине 10—30 см) и материковом суглинке (глубина 35—70 см). Такая разница, очевидно, связана с сезонными явлениями — более глубокие ямы вырывались в теплое время года, более мелкие — в холодное.

В 61 случае удалось проследить форму могильных ям — у большинства (38 случаев) она овальная или подчетыреугольная с округлыми углами (22 случая). В 6 ямах (№ 20, 21, 28, 29, 83, 86) по краям или углам могил располагались обломки камней (рис. 8, 9), как бы обозначавшие нижние границы ям. Явных следов подстилок по дну или обкладок по стенам ям не отмечено, но в ряде случаев (№ 62, 83, 93 и др.) под медными предметами фиксировались следы древесной подстилки на дне могилы. В засыпи ям нередко встречались углистые включения, а в изголовье погребения № 93 отмечено интенсивное пятно прокала, не задевшее само захоронение (рис. 7). В ряде случаев (№ 1, 6, 8, 23, 83, 86) на дне могил наблюдались охристые включения (рис. 8, 18), залегавшие небольшими пятнами.

Костяки всех одиночных захоронений и большинство костяков в парных и коллективных погребениях, кроме частичных, имеют относительно устойчивое положение и ориентацию (рис. 7). Погребенные лежат на спине с вытянутыми конечностями и ориентированы преимущественно ногами к реке (на север), головой на юг с отклонением или к западу (47 случаев), или к востоку (8 случаев). В 12 могилах (№ 39, 53, 66б, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 80, 87, 92), предположительно окаймлявших «дом мертвых», ориентация погребенных имела широтное направление — восток-юго-восток на запад-северо-запад. В некоторых одиночных могилах (№ 56, 66а, 72, 80) следов костяка не обнаружено, возможно, это кенотафы — символические могилы погибших на стороне.

Наряду с одиночными захоронениями на могильнике, как отмечалось выше, обнаружены парные, коллективные, вторичные и частичные захоронения.

Среди парных захоронений 4 (№ 15-16, 29-30, 32, 83) содержат погребения мужчины с женщиной, причем, как правило, мужское погребение обладает относительно богатым погребальным инвентарем. Так, в погребении № 83 (рис. 8) около костяка мужчины лежали кельт, удила, ножи, поясные накладки, подвески и т. п., а у женского костяка — лишь пластинчатая накладка головного убора и гривна. В погребениях № 15-16, 29-30, 32 женские костяки вообще были лишены инвентаря. Учитывая то, что в других случаях женские костяки сопровождаются довольно богатым инвентарем (см. № 35, 37, 62 и др.), следует полагать, что безынвентарные захоронения являются погребениями подчиненных людей, возможно, наложниц-рабынь.

Показательно в этом отношении коллективное погребение № 21. В могильной яме, имевшей неправильно четырехугольную форму (330 × 160—170 см) и окаймленной крупными каменными плитами по узким сторонам (см. рис. 9), на глубине 30—45 см были обнаружены остатки пяти захоронений. В северной части ямы располагались два мужских костяка, лежавшие на спине с вытянутыми конечностями и ориентированные ногами к реке. Оба они сопровождалась бронзовыми кельтами, железными ножами и поясными украшениями. Рядом с ними у юго-западного края ямы лежал женский костяк на правом боку с согнутыми конечностями и без вещей. В головах первых, т. е. в южном конце ямы, располагались еще два женских костяка, лежавшие на левом боку с подогнутыми ногами и сильно согнутыми руками, кистями, сложенными перед лицом. Оба ориентированы головой на запад. У крайнего костяка обнаружен довольно богатый погребальный инвентарь, состоящий из остатков металлических украшений и налобного венчика, глиняного напярсла и 24 костяных трубочек, положенных у ног. У второго костяка найдены кремневый скребок и обломки пластинчатых накладок.

Центральными в могиле, очевидно, являлись два мужских захоронения. Их сопровождали три женских костяка, по расположению резко отличающиеся от основного положения захоронений Акозинского могильника, что свидетельствует о происхождении женщин из чужого рода. Может быть, эти женщины являлись женами-наложницами, находящимися в личной собственности мужчин, и при смерти последних их убивали.

Парные погребения № 55 и 86 представляют собой совместные захоронения в одной яме двух мужчин примерно одного возраста и равного имущественного положения.

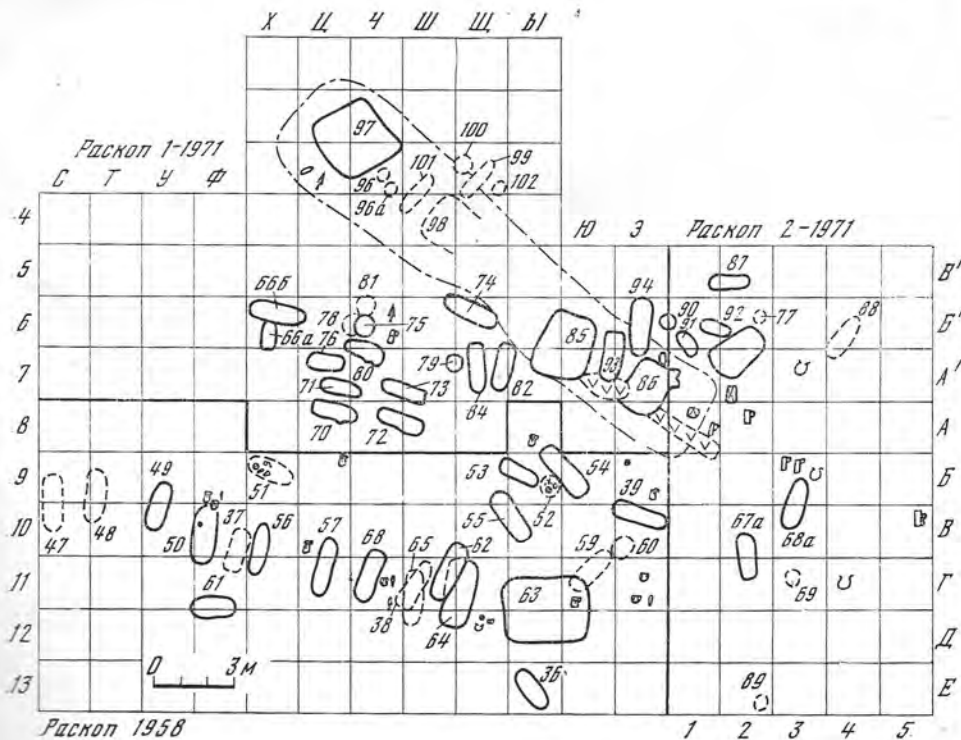
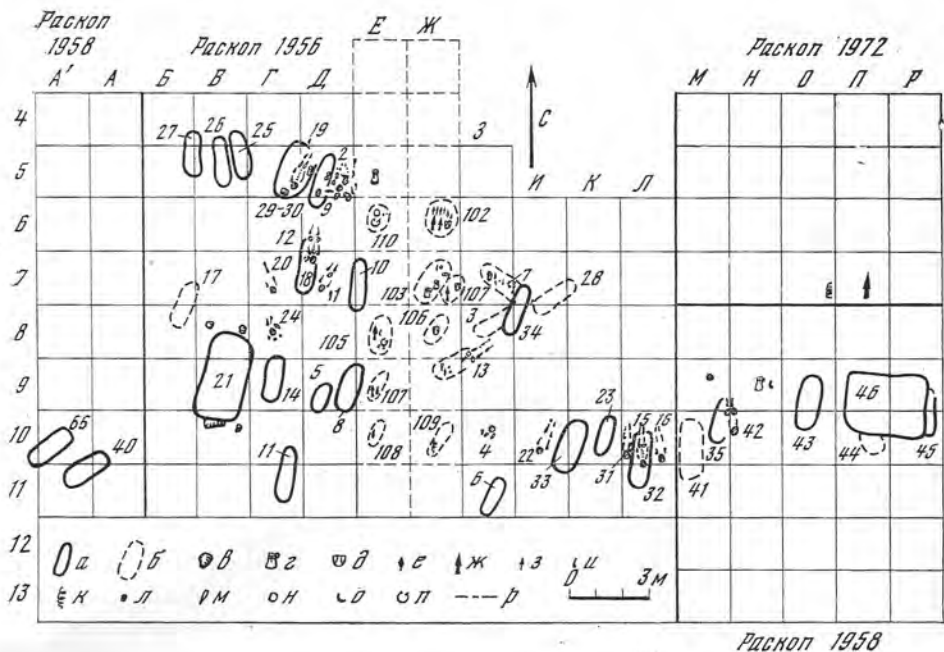
Интересны и другие коллективные захоронения. Яма № 2 содержала 4 костяка, № 21 — 5, № 46 — 16, № 63 — 6, № 85 — 7, № 97 — 5. Остановимся на описании погребения № 46.

Могильная яма погребения имела четырехугольную форму (3,15 × 2,65 м) и на глубине 40—45 см содержала остатки 16 костяков (см. рис. 10, А). Первыми

Рис. 6. Общий план раскопок Акозинского могильника

а — контуры могильных ям; б — намеченные контуры; в — камень; г — кельт акозинского типа; д — кельт ананьинского типа; е — бронзовый наконечник копья; ж — железный наконечник копья; з — наконечник стрелы; и — нож; к — височная спираль; л — мелкие бляшки и накладки; м — каменная подвеска; н — бляха; о — железная оковка; п — гривна; р — предполагаемые контуры «дома мертвых»

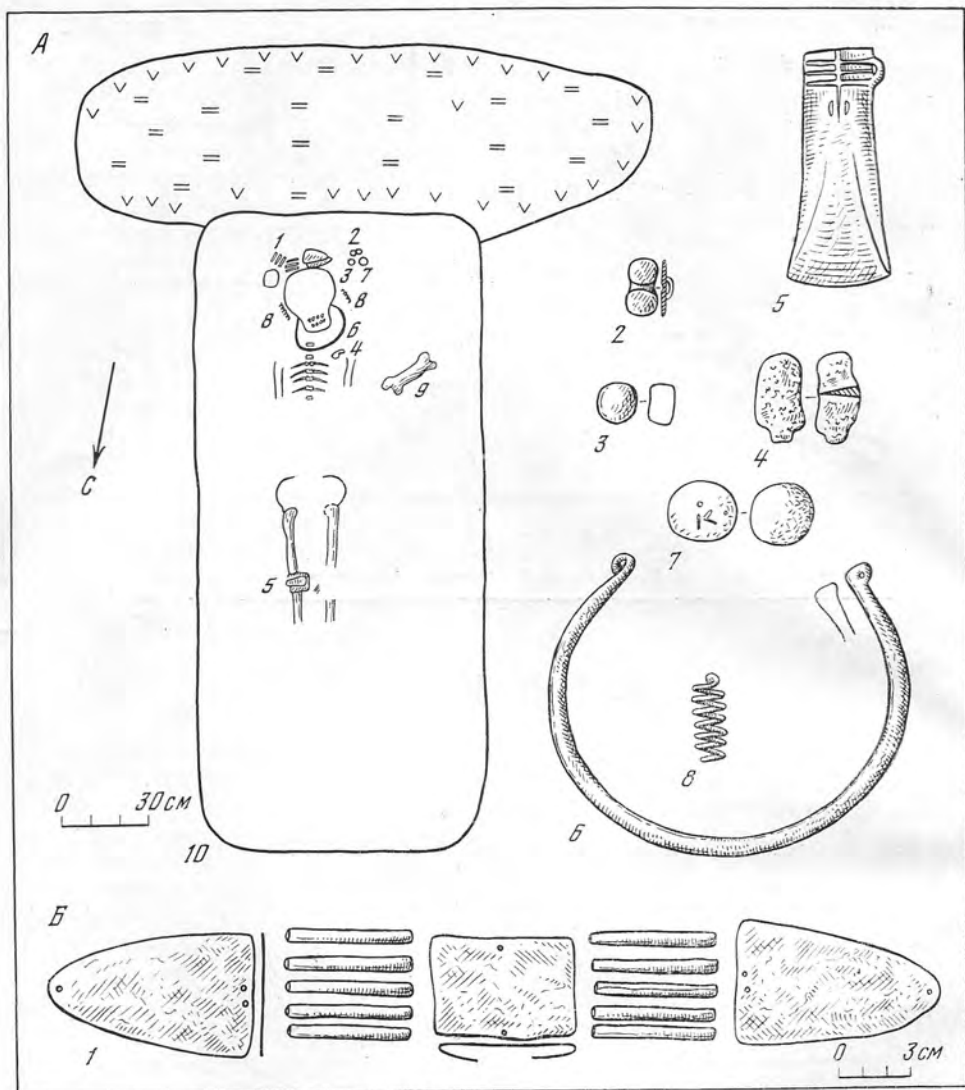

Рис. 7. Погребение № 93 Акозинского могильника

А — план погребения; Б — комплекс погребального инвентаря;

1 — налобный венчик; 2 — накладка; 3 — железный предмет; 4 — нож; 5 — кельт; 6 — гривна; 7 — шарик; 8 — височная спираль; 9 — кость животного; 10 — углистое пятно со следами прокала;

1, 2, 5, 6, 8 — бронза; 3, 4 — железо; 7 — кость

в яму у западного края был положен на спине с вытянутыми конечностями мужчина крупного телосложения. Его сопровождал бронзовый кельт (рис. 10, А, 1). Рядом с ним с левой стороны лежал костяк женщины, между ногами которой найден обломок медного шила. Далее располагался второй женский костяк без вещей. В центре ямы находился второй мужской костяк с медной височной спиралью (рис. 10, А, 2) с левой стороны черепа. Вдоль юго-западного края ямы за головами четырех описанных костяков лежал скелет подростка, головой покоившийся на левом плече второго мужского костяка. 6, 7 и 8 костяки лежали в том же положении, что и первые четыре, т. е. вытянуто на спине головой на юг, ногами на север к реке. Из них седьмой оказался мужским и сопровождался бронзовым кельтом, парой медных спиральных подвесок и железным ножом (рис. 10, А, 3). В изголовии у него лежали ножные кости быка. Шестой и восьмой, по-видимому, принадлежали женщинам. В юго-восточном углу за головами костяков 8 и 7 располагался скелет подростка (сохранились кисти лишь верхней половины туловища), положенный на правом боку головой на восток-северо-восток с согнутыми руками, кистью сложенными перед лицом. Еще один подросток был положен на левом боку с подогнутыми ногами у восточного края ямы. Ориентирован он головой на юг, ногами на север к реке. Остальные пять костяков, кроме 16-го, от которого сохранился лишь череп, лежали преимущественно в ногах первых семи и были ориентированы головой на запад. Из них один, принадлежавший мужчине, сопровождаемый медной спиральной височной подвеской у черепа, лежал на спине с вытянутыми конечностями по северо-западному краю ямы. Остальные четыре (два женских, один мужской и один неопределенный) покоились головами на ногах первого, частично задевая ноги 2—4 захоронений. Все они лежали на спине с некоторым поворотом на правый бок. У трех последних ноги были слегка подогнуты в коленях. Вещи при них отсутствовали. В ногах первого мужского, в изголовье второго женского и седьмого мужского скелетов обнаружены кости животных.

Ни один из костяков следов искусственной травмы не имел, поэтому можно предполагать, что большинство из них принадлежит людям, умершим естественной смертью в результате какой-либо эпидемии. Из 16 погребений определены 3 мужских, 7 женских, 3 подростковых и 1 детский костяки. Их совместное захоронение, по-видимому, было обусловлено тесными родственными отношениями между собой. Скорее всего это члены одной большой патриархальной семьи во главе с женщиной (костяк 1 или 7) в сопровождении взрослых сыновей, их жен и детей.

Своеобразный обряд вторичного захоронения зафиксирован в могиле № 32, (рис. 10, Б).

Первоначально на глубине 35—40 см яма имела форму вытянутого четырехугольника (220 × 65—80 см) с округлыми углами. На глубине 60 см она разделилась на две округлые ямы (80 × 65 и 100 × 65 см), в каждой из которых на глубине 60—70 см находились сложенные в беспорядке человеческие кости: в северной яме были кости мужчины, в южной — кости женщины. Положение этих костей свидетельствует о вторичном захоронении умерших после того, как мягкие части тела — соединительные ткани и сухожилия костяка — уже сгнили. Говорить о насильственном расчленении костей не приходится, так как никаких следов искусственной деформации или слома на костях не имеет-

ся. Сопровождающих вещей нет, лишь у западного края ямы на перемычке лежала ножная кость быка, а в северо-восточном углу — зуб лошади.

На Аозинском могильнике отмечены также захоронения отдельных черепов, в сопровождении с инвентарем, характерным как для мужских (№ 4, 24, 52, 75, 90), так и для женских (№ 78, 79, 89) захоронений. Всего таких погребений 12. Они совершены в неглубоких ямах, не имеющих четких очертаний. Так, на участке И/9 раскопа 1958 г. на глубине 21—31 см без четких контуров ямы был обнаружен мужской череп с четырьмя шейными позвонками (*погребение 52*). Череп, положенный на темя, лицевой частью был направлен на северо-запад (см. рис. 10, В). Рядом с черепом с обеих сторон найдены серебряные многовитковые височные подвески (рис. 10 В, 1), а с северо-восточной стороны — железный нож, небольшой железный наконечник копья (рис. 10, В, 4), остатки поясных украшений из парной бляхи (рис. 10, В, 2) и треугольной подвески (рис. 10, В, 5). В 15 см от комплекса вещей лежали две каменные плитки. Хорошая сохранность костей не оставляет сомнения в том, что череп был намеренно отделен от тела и отдельно захоронен в сопровождении жертвенного комплекса вещей. По вещам погребение датируется VI в. до н. э.

Большинство погребений сопровождается тем или иным инвентарем¹⁰. В ряде случаев наблюдалось положение в могилу погребальной пищи, сохранившейся в виде костей животных или в виде плечевой кости быка и лошади, обычно положенной у изголовья (№ 24, 32, 33, 46, 57, 63, 85), или зубов и челюстей коровы и лошади, лежащих большей частью в ногах или ниже пояса (№ 4, 10, 19, 29, 32, 47 и др.). В положении основного погребального инвентаря выявляются следующие закономерности:

1. Женские захоронения почти не содержат оружия (кроме погребения 62) и орудий труда, за исключением железных ножей, напярсел, скребков и шил.

2. Как в женских, так и в мужских погребениях наблюдаются различные по степени насыщенности их инвентарем категории, свидетельствующие о происходящей в родовом коллективе имущественной дифференциации.

Среди мужских погребений выделяются:

1. Богатые с копьем, кельтом, ножом и украшениями головы или пояса — погребения № 15, 55, 86—2.

2. Богатые с кельтом, ножом и украшениями, или копьем, ножом и украшениями — погребения № 2, 13, 21а, 21д, 35, 52, 83, 86—1.

3. Воины с кельтом, ножом и копьем или с копьем и кельтом, но без украшений — погребения № 22, 38, 54, 58.

4. Воины с копьем или с кельтом и ножами — погребения 3, 11, 19, 28, 31, 46—7.

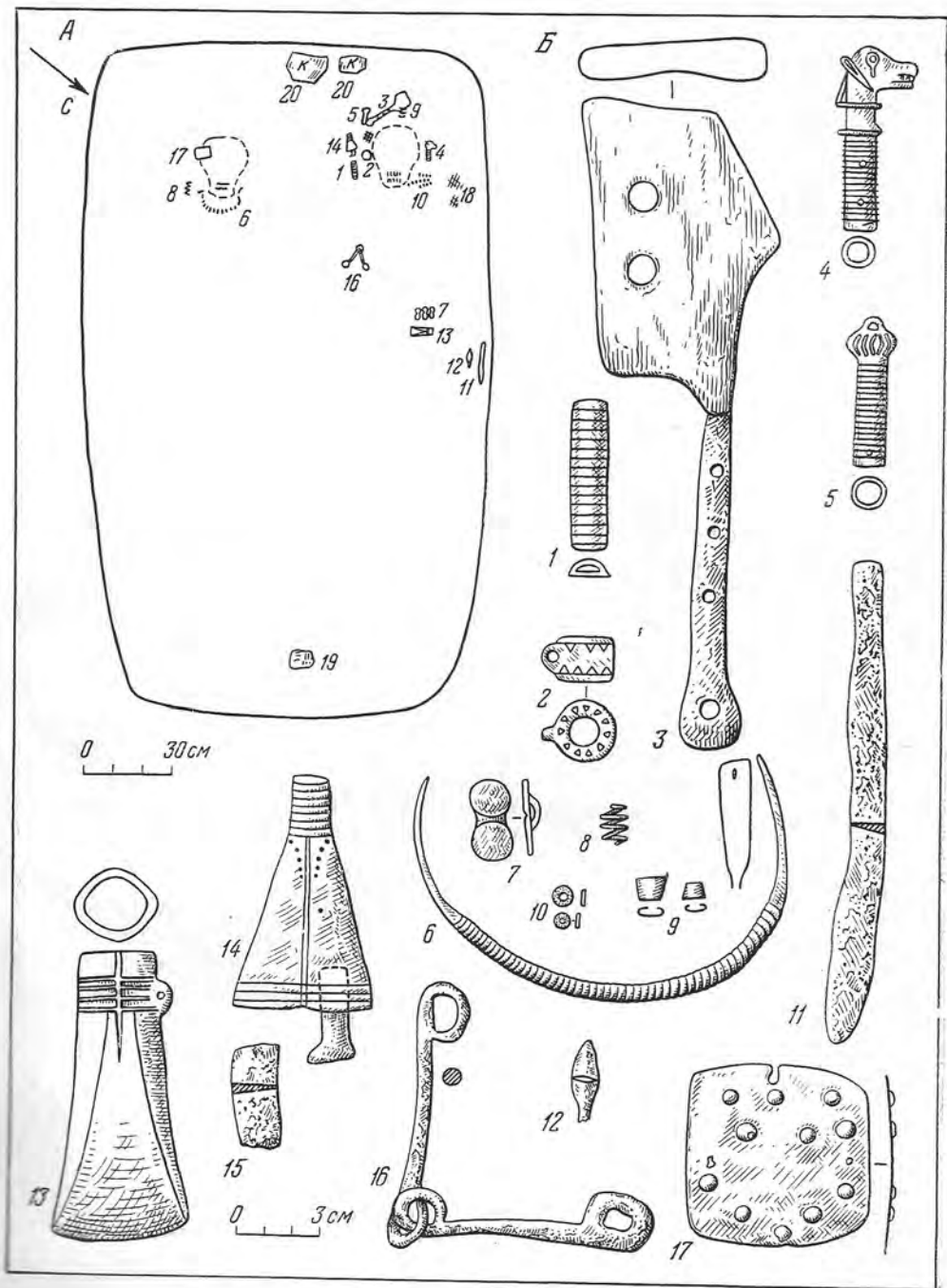
5. Воины только с ножом или только с кельтом — погребения № 4, 10, 31, 41, 44, 46—1, 48 и 59.

Рис. 8. Погребение № 83 Аозинского могильника

А — план погребения; В — комплекс погребального инвентаря;

1 — пронизь; 2 — подвеска-бубенчик; 3 — костяной предмет; 4, 5 — наверхия; 6 — гривна; 7 — бляшка; 8 — височная спираль; 9 — пронизь; 10 — бусы; 11, 15 — ножи; 12 — наконечник стрелы; 13 — кельт; 14 — подвеска; 16 — удила; 17 — накладка; 18 — охра; 39 — терочник; 20 — камень;

1—2, 4, 6—9, 13, 14, 17 — бронза; 3 — кость; 5 — серебро; 10 — паста; 11, 12, 15, 16 — железо

6. Бедные без оружия с ножом или отдельными украшениями — погребения № 26, 33, 40, 45, 46—4, 46—11, 47—2, 57, 63—4.

7. Беднейшие без всяких вещей — погребения № 18, 27, 32, 42, 43, 46—8, 46—12, 49, 63—6.

Среди женских захоронений наблюдается также несколько категорий:

1. Богатые со значительным набором украшений — погребения № 35, 37, 62.

2. Богатые с украшениями головы и шеи — погребения № 12, 66.

3. Средние с некоторыми украшениями головы, шеи или груди — погребения № 14, 17, 21а, 21б, 28, 46—2, 47 — 1, 61.

4. Беднейшие без всяких вещей погребения.

*Старший Ахмыловский могильник*¹¹

В 1960 г. на восточной окраине д. Ахмылово Горно-Марийского района Марийской АССР был открыт памятник, названный нами первоначально просто Ахмыловским могильником¹². В 1962 г. Марийская археологическая экспедиция начала систематические раскопки этого памятника, продолжающиеся и поныне (в 1962, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968 и 1969 гг. они велись под руководством А. Х. Халикова, в 1973, 1974, 1975 гг. — В. С. Патрушевым). Многолетние раскопки в районе д. Ахмылово выявили сложный комплекс археологических памятников. Здесь на широком мысу надлуговой террасы левого берега Волги (рис. 11, А) первоначально располагалось поселение приказанской культуры, существовавшее на атабаевском и маклашеевском этапах (XI—IX вв. до н. э.) и названное нами Ахмыловским поселением¹³. Не позже рубежа IX—VIII вв. до н. э. поселение было заброшено, и здесь начало хоронить своих умерших раннеананьинское население. Так образовался обширный некрополь — Старший Ахмыловский (далее — Ст. Ахмыловский) могильник, где уже изучено более 800 захоронений. Это кладбище функционировало несколько столетий — с середины VIII до конца VI в. до н. э. Затем и оно было заброшено, и спустя почти тысячу лет здесь возникло новое кладбище (Младший Ахмыловский могильник), но не столь обширное, как предыдущее.

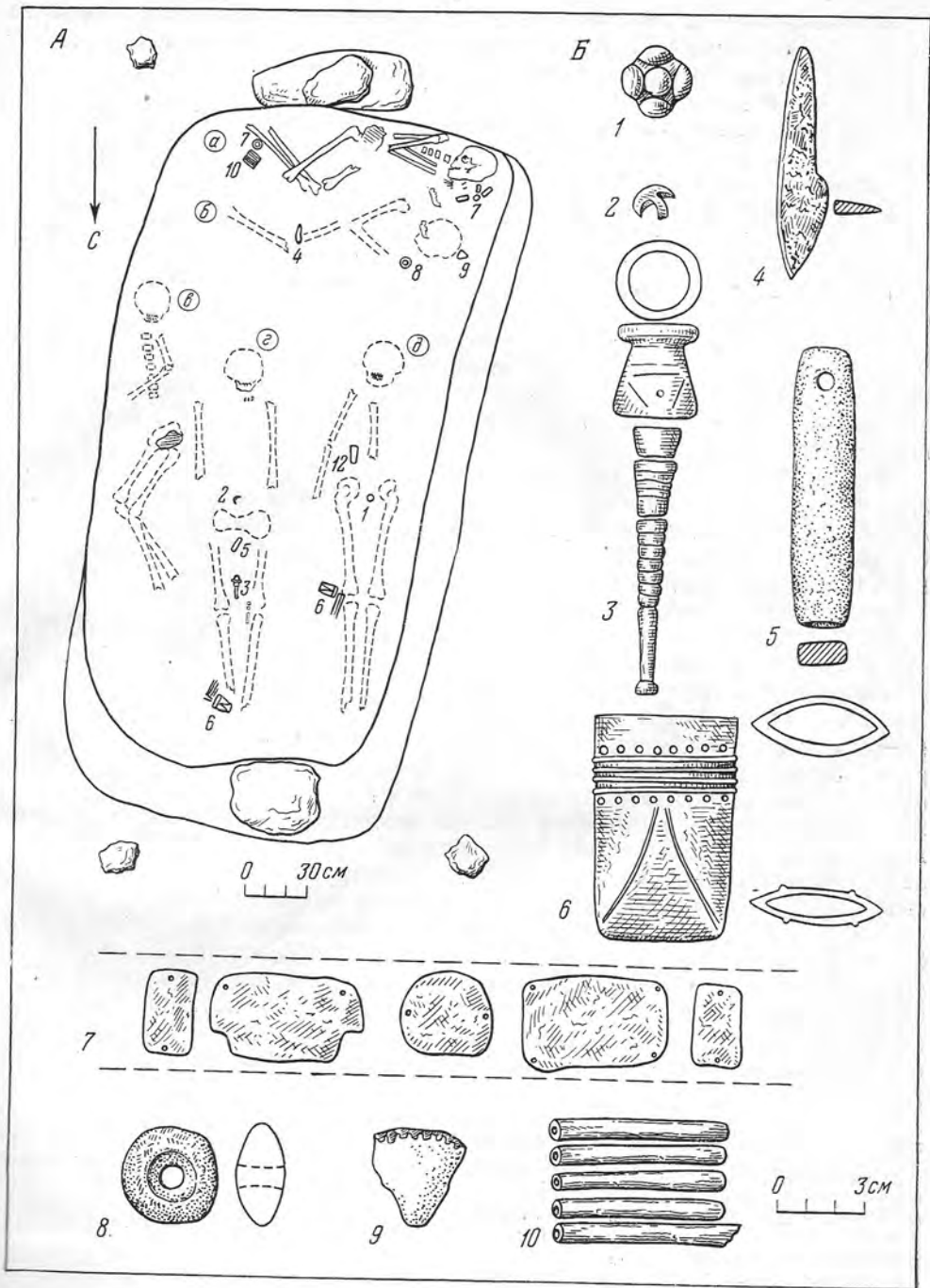
Поверхность памятника не имеет внешних признаков могил и длительное время распахивалось. На пашне, особенно в районе раскопов 1966, 1967, 1969 и 1974—1975 гг. (рис. 11, А), выделялись обширные углисто-гумусные пятна, нередко занимавшие слабо возвышенные места и обычно содержащие отдельные предметы (в основном кельты и оружие) и довольно многочисленные следы зубов от лошадиных черепов. В процессе раскопок здесь были вскрыты остатки сложных погребальных сооружений в виде «домов мертвых» (см. ниже).

Рис. 9. Погребение № 21 Акозинского могильника

А — план погребения; Б — комплекс погребального инвентаря;

1 — бляшка; 2 — пронизка; 3 — подвеска; 4 — нож; 5 — оселок; 6 — кельт; 7 — налобный венчик; 8 — напрасло; 9 — скребок; 10 — трубочки;

1, 2, 3, 6, 7 — бронза; 4 — железо; 5 — песчаник; 8 — глина; 9 — кремль, 10 — кость

За 10 лет работ на памятнике вскрыто 10 528 кв. м площади, на которой выявлено 827 погребений Ст. Ахмыловского могильника, в том числе (рис. 11, А):

- в 1962 г. вскрыто 422 кв. м, изучено 68 погребений;
- в 1963 г. вскрыто 648 кв. м, изучено 117 погребений;
- в 1965 г. вскрыто 852 кв. м, изучено 93 погребения;
- в 1966 г. вскрыто 622 кв. м, изучено 65 погребений;
- в 1967 г. вскрыто 1120 кв. м, изучено 92 погребения;
- в 1968 г. вскрыто 720 кв. м, изучено 34 погребения;
- в 1969 г. вскрыто 4600 кв. м, изучено 184 погребения;
- в 1973 г. вскрыто 60 кв. м, изучено 10 погребений;
- в 1974 г. вскрыто 1088 кв. м, изучено 129 погребений;
- в 1975 г. вскрыто 396 кв. м, изучено 35 погребений.

Весь могильник в древности, очевидно, был огорожен забором, следы ям от больших столбов которого прослежены в раскопах 1 и 3 1969 г. (рис. 11 Б). Площадь могильника была вытянута с юго-запада на северо-восток и имела ширину около 90 м. Длина могильника пока не установлена, но она, несомненно, была более 100 м.

На Ст. Ахмыловском могильнике по характеру захоронения выделяются два основных вида погребений: в наземных сооружениях и грунтовых ямах. Для последних характерно групповое и рядовое расположение могил. В прибрежной части (раскопы 1962, 1963 и 1965 гг.) наблюдается группировка могил в 3—4 ряда параллельно береговой линии с числом могильных ям от 9 до 21 в каждом ряду. К северу перпендикулярно береговой линии идет длинный ряд могил (31), продолжающийся до северных границ могильника. Еще один такой ряд наблюдается в западной части могильника (см. раскоп 1974 г.). Вне рядов могильника ямы группируются в территориальные гнезда от 15 до 60 погребений в каждом. По три такие группы выделено в северо-восточной и северо-западной частях могильника (рис. 11 Б). Отдельными компактными группами располагаются погребения в «домах мертвых», которых выявлено 13. Они преимущественно сосредоточены в центральной и западной частях общей площади могильника. Группы погребений и «дома мертвых» нередко друг от друга отделены пустыми промежутками или участками с редко расположенными могилами, что заставляет думать об оставлении этих групп скорее всего отдельными семейно-родственными объединениями, вероятно патриархальными семьями.

Всего, как отмечалось выше, за 10 лет работ на могильнике обозначено 827 номеров погребений, но это далеко не полная цифра, так как число захоронений в «домах мертвых» не удается установить. Кроме того, исследовано 63 коллективные могилы, содержащие следы почти от 200 костяков. Обнаружено достаточно много и очень неглубоко введенных в землю захоронений, полностью разрушенных пашней. Поэтому ориентировочно мы полагаем, что число

Рис. 10. Погребения Акозинского могильника

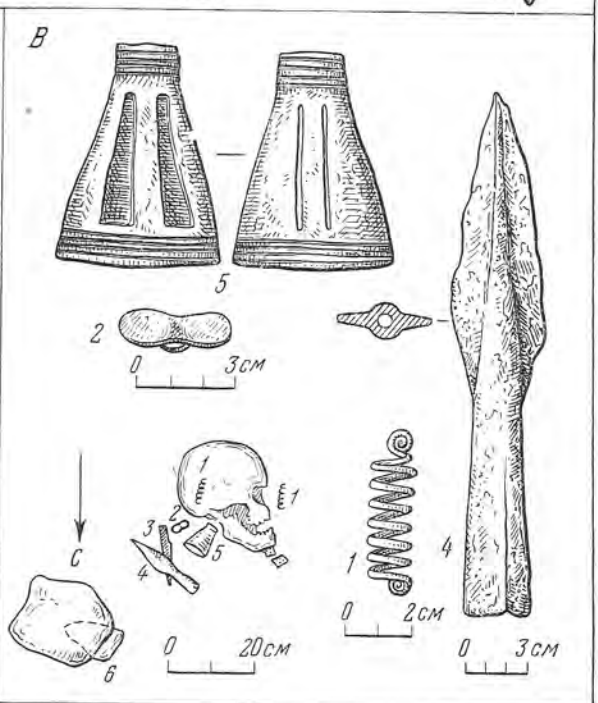
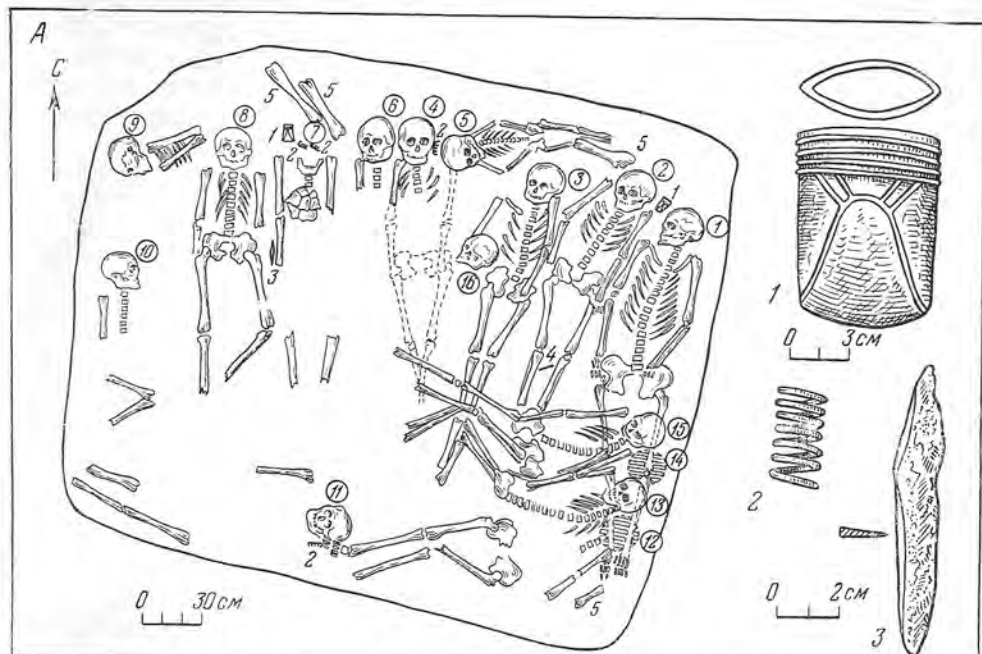
А — погребение 46: 1 — кельт; 2 — височная спираль; 3 — нож; 4 — шило; 5 — кость животного;

Б — погребение 32: 1 — кость животного;

В — погребение 52: 1 — височная спираль; 2 — парная бляха; 3 — нож; 4 — наконечник копья; 5 — подвеска; 6 — камень;

Г — серебро; 2,5 — бронза; 3,4 — железо

погребений на вскрытой части Ст. Ахмыловского могильника превышало 1000 единиц. Из них достоверно исследовано 424 одиночные могилы с нормальным положением умершего, 63 коллективные, 95 частичных с погребением только черепа, 92 ямы, содержащие лишь вещи, но не выявившие следов человеческих костей; 146 явно могильных ям не содержали ни следов погребенного, ни погребального инвентаря.

Примерно для 600 ям удалось установить форму, размеры и ориентацию¹⁴. Абсолютное большинство ям имело округленную по концам форму, расширенную в изголовье и несколько суженную в ногах, что напоминает по форме лодку-плоскодонку. Ямы в основном крупные. Так, ям длиной 100—130 см — 5%, 131—165 см — 10%, 166—209 см — 35%, 210—245 см — 40%; 246—295 см — 8%, 296—395 см — 2%. Объясняется это тем, что на могильнике практически нет детских захоронений. Также соответственно крупными являются и промеры ширины ям: 45—60 см — 33%, 61—80 см — 38%, 81—100 см — 17%, 101—199 см — 10%, 200 см и шире — 2%. Глубина ям относительно невелика. Значительная группа ям (24%) неглубокие — до 40 см. Это в основном, очевидно, зимние захоронения. Но большая половина ям (58%) имеет среднюю глубину — от 50 до 75 см. Глубоких ям (в 80—100 см) немного — до 15%, а очень глубоких (от 100 до 140 см) весьма мало — 3%.

В ориентировке могильных ям наблюдаем меридиальное (С — Ю с отклонениями к В и З — 58%) и широтное (В — З с отклонениями к С и Ю — 42%) направление. Могил с меридиальным направлением (перпендикулярно к реке или к Ахмыловскому озеру) больше в восточной и южной частях могильника (рис. 11, Б), с широтным — в северной и западной частях.

Для захоронений, произведенных в грунтовых ямах, мы можем выделить ряд общих особенностей. Во-первых, наличие своеобразных надмогильных погребальных комплексов в виде орудий труда (в основном бронзовые кельты), обломков посуды и костей животных. Большинство таких комплексов не сохранилось из-за перепаханности верхней части почвы. Но в ряде случаев (см. № 183, 197, 279, 301, 548, 568, 667 и др.) в засыпи могильных ям глубже слоя пашни, но выше уровня захоронения встречались отдельные вещи и кости животных (в основном зубы лошади). С этим поминальным ритуалом, очевидно, проходившим у погребального костра, связаны частые в засыпи могильных ям углистые включения (почти в 400 могилах из 600). Хотя для могильника абсолютно господствующим являлся обряд трупоположения, но следы культа огня сохранились в виде кострищных пятен с достаточно мощными следами прокала над отдельными погребениями (см. № 272, 616, 667, 668, 671, 677 и др.). Почти в 30 могилах (преимущественно на дне) встречались следы охристых включений.

Основное число погребений составляют одиночные захоронения (760 из 949). Но по характеру погребального ритуала они подразделяются на: 1) погребения, выполненные в обряде вытянутого трупоположения, 2) частичные захоронения, 3) вторичные захоронения, 4) кенотафы с вещами, 5) кенотафы без вещей.

В качестве примера опишем по одному из каждого типов одиночных захоронений.

Классическим примером первого типа одиночных захоронений может быть погребение № 36 из раскопа 1962 г. (рис. 12). Над ямой на глубине 30 см было

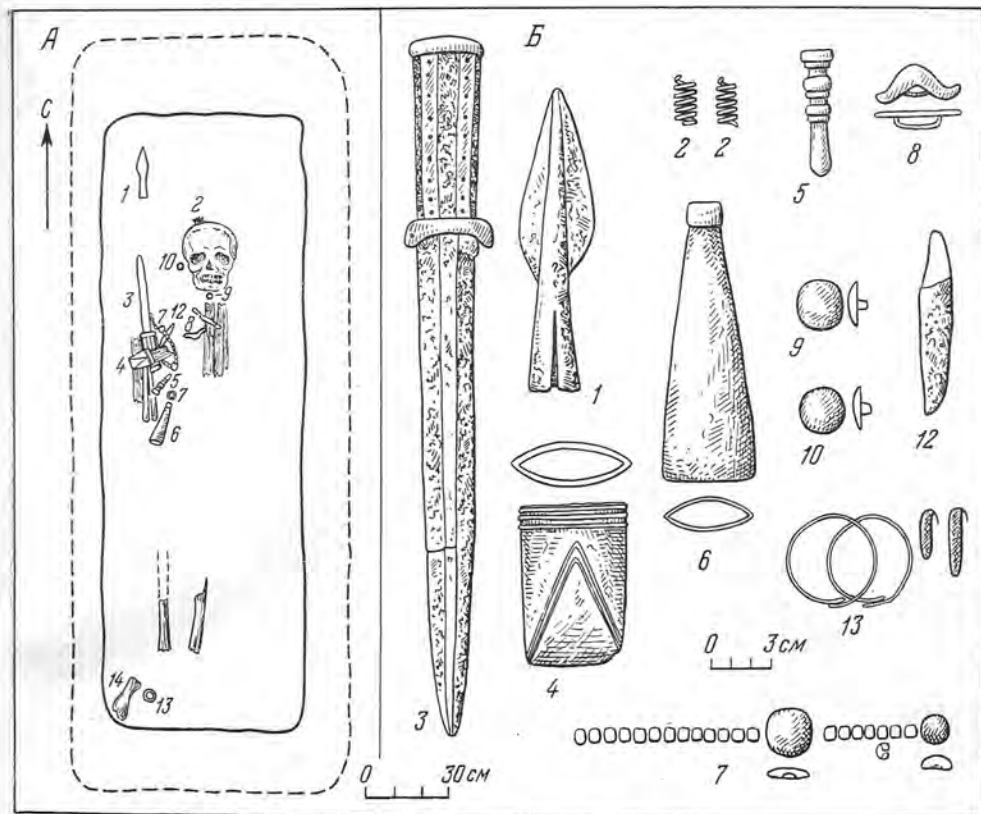

Рис. 12. Одинокое погребение 36 Ст. Ахмыловского могильника

А — план погребения; Б — погребальный инвентарь;

1 — копье; 2 — височная спираль; 3 — кинжал; 4 — кельт; 5, 6 — подвески к поясу; 7 — медные накладные портупеи; 8 — нагрудная подвеска; 9, 10 — бляшки; 11 — деревянная подстилка; 12 — нож; 13 — височные кольца; 14 — кость животного; 1, 12 — железо; 3 — железо и бронза; 4—10, 13 — бронза

прослежено углистое пятно, а на глубине 60 см обрисовалось пятно могильной ямы (240 × 90 см), вытянутое с востока-юго-востока на запад-северо-запад. На глубине 90 см яма сузилась (195 × 65 см), и в ее восточном конце был обнаружен поминальный комплекс из пары бронзовых височных колец (рис. 12, 13) и бедренной кости лошади (рис. 12, 14). На дне могилы (120 см) расчищен тлен от мужского костяка, положенного вытянуто на спине головой на запад-северо-запад (аз. 300°) и ногами на восток-юго-восток (к реке). Погребенного сопровождали: по височным сторонам черепа — по медной височной спирали в 5,5 оборота (рис. 12, 2), за головой у северо-западного угла могилы — железный наконечник копья (рис. 12, 1), на правом плече — бронзовый кельт ананьинского типа (рис. 12, 4), под ним железный кинжал с бронзовой рукояткой

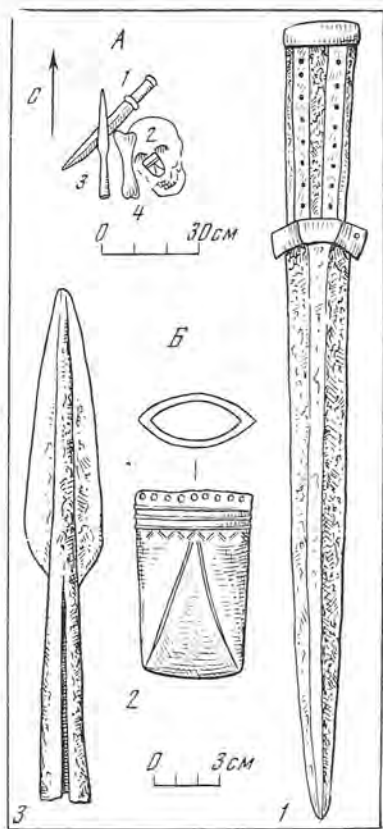

Рис. 13. Частичное погребение 26 Ст. Ахмыловского могильника

А — план погребения; Б — погребальный инвентарь: 1 — кинжал; 2 — кельт; 3 — наконечник копья; 4 — кость
1 — железо и бронза, 2 — бронза,
3 — железо

ник копья (рис. 13, 3) и бедро лошади. По кинжалу погребение хорошо датируется VII в. до н. э.

Женские захоронения в основном совершались в специальных вместилищах-коробах, хотя частичные женские погребения встречаются и в простых ямах. Образцом таких захоронений могут служить № 218 и 150.

Погребение № 218 — в квадрате 3/37 раскопа 1963 г. на глубине 50 см в слабо прослеживаемой яме округлой формы (37 × 35 см) был выявлен тлен от черепа с остатками головного убора. Все это лежало на древесном тлене

(рис. 12, 3) и набором медных пронизей и бляшек от портупей (рис. 12, 7); здесь же остатки поясного набора из бронзовых блях, подвесок (рис. 12, 5, 6) и ножа (рис. 12, 12), прикрепленного к поясу; ниже челюсти — бронзовая бляшка (рис. 12, 9) и лунница (рис. 12, 8). Над костяком и под ним в скоплении бронзовых предметов прослежены следы деревянных перекрытий и подстилки, возможно, остатки гробовища.

Аналогичные следы деревянной, лубяной или берестяной подстилки были отмечены в 82 могилах, а в погребении № 114 1963 г. были выявлены следы деревянной выдолбленной колоды-гробовища (120 × 40 см), округлое дно которого было обложено кожей.

К числу одиночных можно отнести и частичные погребения. Всего их учтено 95 номеров. Они преимущественно сосредоточены в южной половине могильника, где располагаются отдельными группами. Все они характеризуются следующими общими признаками — захоронениями только голов вместе с сопровождающими вещами. В 18 случаях по сопровождающему инвентарю установилась принадлежность погребенных мужчинам, в остальных 77 погребениях были найдены предметы, характерные для женских захоронений. Для первых в основном свойственно положение черепа и погребального инвентаря в простой круглой яме без следов какого-либо вместилища.

В качестве примера опишем погребение № 26 из раскопа 1962 г. (рис. 13). В квадрате Г/6 на глубине 65—75 см без следов могильной ямы обнаружен тлен от черепа костяка, с западного края которого в кучке лежали бронзовый кельт ананьинского типа (рис. 13, 2), железный кинжал с биметаллической ручкой (рис. 13, 1), железный наконеч-

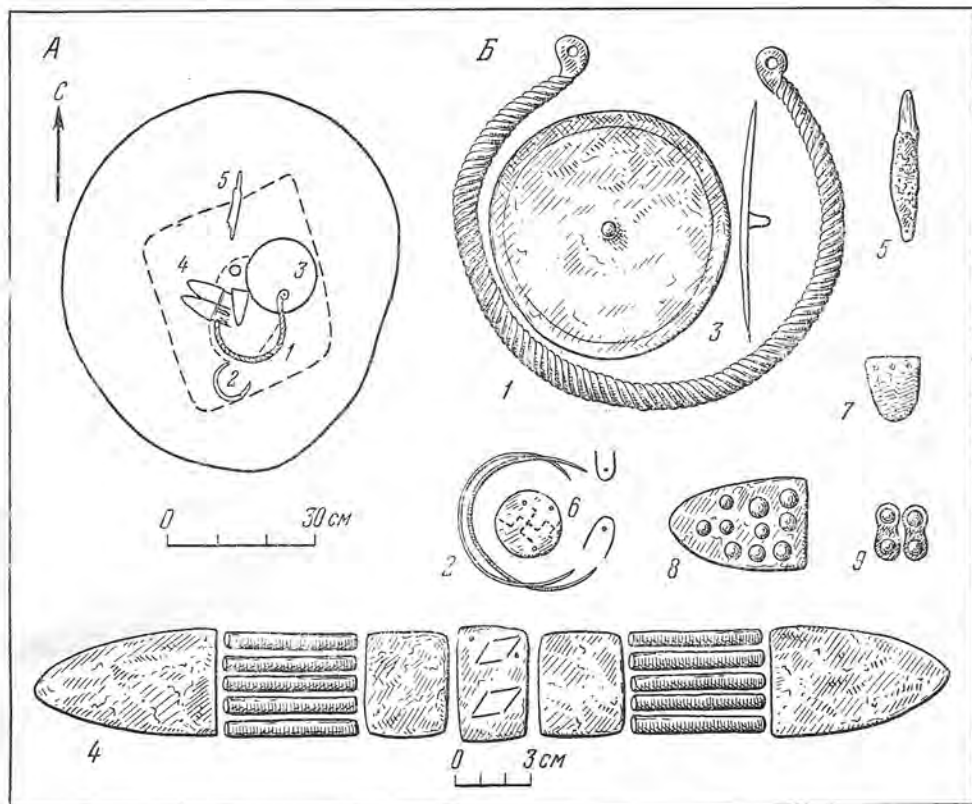

Рис. 14. Частичное погребение 150 Ст. Ахмыловского могильника

А — план погребения; Б — погребальный инвентарь: 1 — гривна; 2 — височные кольца; 3 — бляха; 4 — налобная повязка; 5 — нож; 6 — бляшка; 7, 8, 9 — накладки затылочного украшения; 5 — железо; все остальное — бронза

(возможно, остатки короба). В засыпи отмечены редкие углистые включения. Рядом на глубине 45 см расчищен тлен от челюсти лошади. Головной убор состоял из налобной повязки — шерстяная полоска, на которую были нашиты медные пронизки и накладки, в том числе со своеобразным орнаментом кобано-колхидского типа.

Погребение № 150 было расчищено в квадрате И/37—38 раскопа 1963 г. на глубине 80 см. В округлой яме (70 × 60 см) был помещен берестяной короб (30 × 35 см), дно которого было плоское и покрыто кожей (в 25 погребениях были зафиксированы следы таких коробов). В тлене от короба — женский череп с четырьмя шейными позвонками, на истлевшем развале которого лежали железный нож (рис. 14, 5) остатки женской одежды и головного убора, состоявшие из накладок от налобного венчика (рис. 14, 4) и затылочных украшений

(рис. 14, 7, 8), пары височных колец (рис. 14, 2), бронзовой гривны (рис. 14, 1) и нагрудной бляхи (рис. 14, 3) с остатками шерстяной одежды под ним.

Захоронения, выявленные в обычном обряде труположения, содержат почти все коллективные погребения, их 63. В них зафиксированы следы 212 костяков, в том числе: в 35 случаях — по 2, в 12 — по 3, в 5 — по 4, в 1 — 5, в 5 — по 6, в 3 — по 7, в 1 — 11 (погребение № 117); в 1 — 13 (погребение № 70). Большинство погребенных в коллективных ямах (до 70%) имеют меридиональную ориентацию.

Среди парных захоронений выделяются разные группы, но преобладают обычно погребения богатого мужчины с безынварным костяком (в проследженных случаях — с женским). В качестве примера опишем погребение № 124 (рис. 15). Оно было обнаружено в квадратах Д, Е/28, 29 раскопа 1963 г. На глубине 75 см обрисовалось пятно ямы (260 × 100 см), вытянутое с юга на север, в центральной части которой выделилось углисто-гумусное пятно со следами слабого прокала. Ко дну яма несколько сузилась (до 80-85 см), и на глубине 85—90 см были расчищены остатки двух костяков, положенных вытянуто на спине головой на север, ногами на юг к реке. Восточный костяк был без вещей, в изголовье западного костяка лежал железный наконечник копья (рис. 15, 1), слева от черепа — железный кинжал с биметаллической рукояткой (рис. 15, 2) и бляшкой от ремня португепи (рис. 15, 3), под кинжалом — железный нож (рис. 15, 4), в районе таза — бляшка (рис. 15, 5) и бедренная кость лошади или коровы, на ногах — бронзовый кельт ананьинского типа (рис. 15, 6). По кинжалу и кельту погребение хорошо датируется VII в. до н. э.

Подобных погребений, где у одного костяка найдены вещи, а другой был без инвентаря, на могильнике выявлено 12. В большинстве случаев (18) в парных погребениях оба костяка сопровождалась вещами. В 5 случаях оба костяка были без вещей.

Коллективные погребения с числом захороненных от 3 до 13 представляют в основном погребения родственников, возможно, даже членов одной патриархальной семьи. В могилах, где число погребенных не превышает пяти, умершие обычно лежали головой в одном направлении (см. рис. 16, А), в могилах с большим числом погребенных костяки обычно лежат антиподно, т. е. «валетом» (см. рис. 16, Б). Остановимся на описании двух таких могил.

Погребение № 55 в квадратах В, Г/13, 14 раскопа 1962 г. на глубине 60—70 см выявилась яма подпрямоугольной формы (220—240 × 180 см), на дне которой на глубине 90 см были расчищены остатки 6 костяков — пять взрослых и один детский. 4 взрослых костяка лежали на спине вытянуто головой на север, ногами к реке, пятый, также взрослый, лежал в обратном направлении — головой на юг. Детский костяк (№ 6) был положен сверху на ноги костяка № 2 и левый бок костяка № 5 (рис. 16, А). Почти всем погребенным был положен погребальный инвентарь, но особенно выделялся его богатством центральный костяк (№ 3). По характеру инвентаря можно предполагать, что двое погребенных (№ 2 и 3) были мужчинами, двое (№ 1 и 5) — женщинами, один (№ 4) — неопределенный. У черепа первого костяка найдены височное кольцо (рис. 16, А, 1) и пронизки головного убора (рис. 16, А, 2). Около черепа второго костяка с разных сторон лежали 2 железных ножа (рис. 16, А, 4, 8), бронзовая бляшка (рис. 16, А, 5), бронзовый кельт (рис. 16, А, 7) в берестяном чехле. По бокам черепа костяка № 3 обнаружены две височные спирали

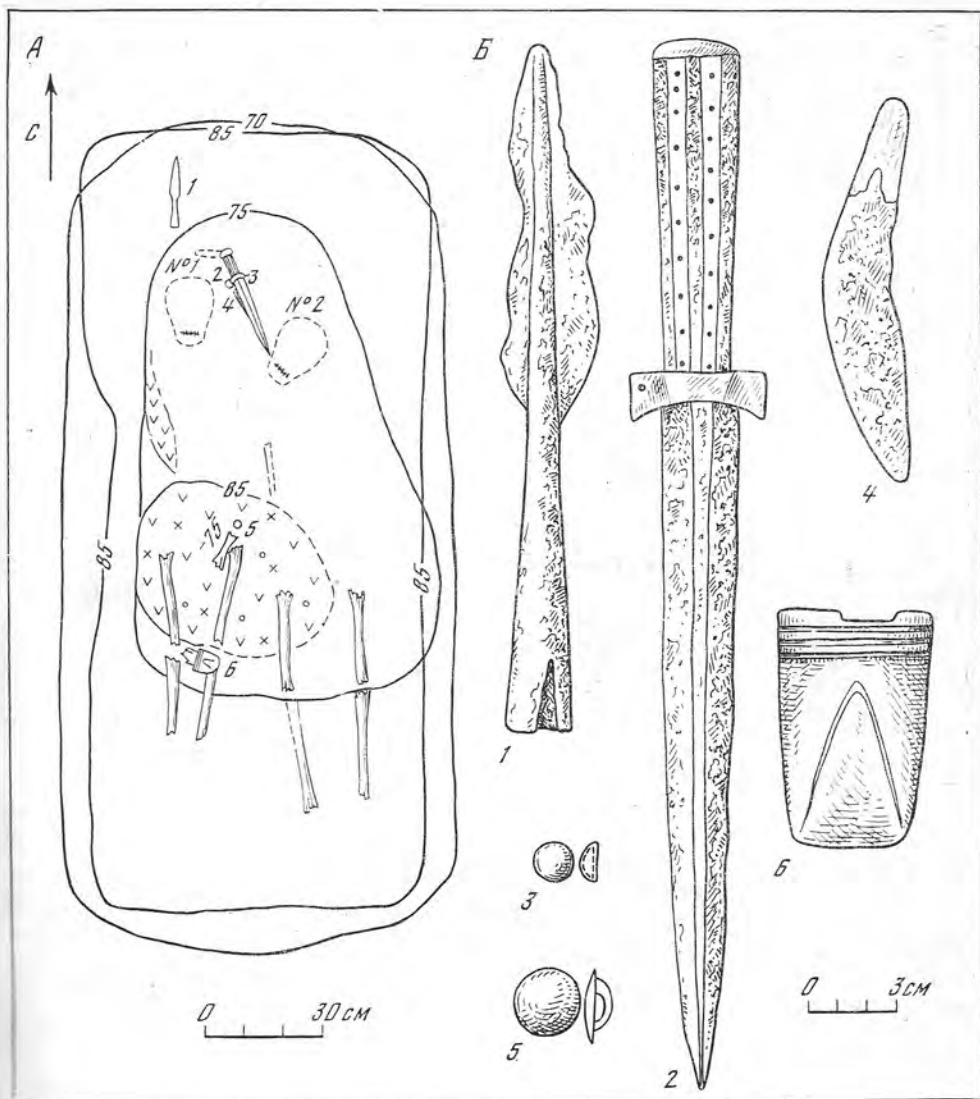

Рис. 15. Парное погребение 124 Ст. Ахмыловского могильника

А — план погребения; Б — погребальный инвентарь;

1 — наконечник копья; 2 — кинжал; 3, 5 — бляшки; 4 — нож; 6 — кельт;

1, 2, 4 — железо; 3, 5, 6 — бронза

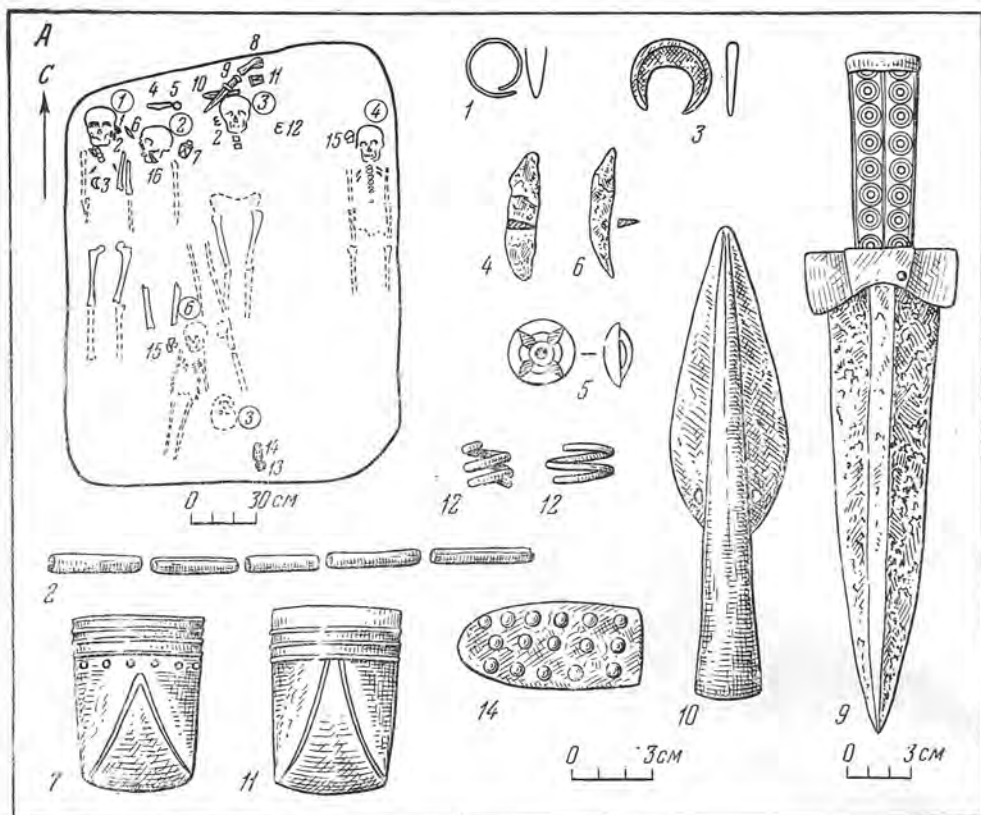

Рис. 16. Коллективные погребения Ст. Ахмыловского могильника

А — погребение 55: 1 — височное кольцо; 2 — пронызки головного убора; 3 — лунница; 4, 6 — ножи; 5 — бляшка; 7, 11 — кельты; 8 — кость животного; 9 — кинжал с бронзовой рукояткой; 10 — наконечник копья; 12 — височные спирали; 13 — височное кольцо; 14 — накладка головного убора; 15 — фрагменты керамики

1—3, 5, 7, 10 — 12, 14 — бронза; 4, 6 — железо; 9 — железо и бронза. Цифры в кружке обозначают номера костяков

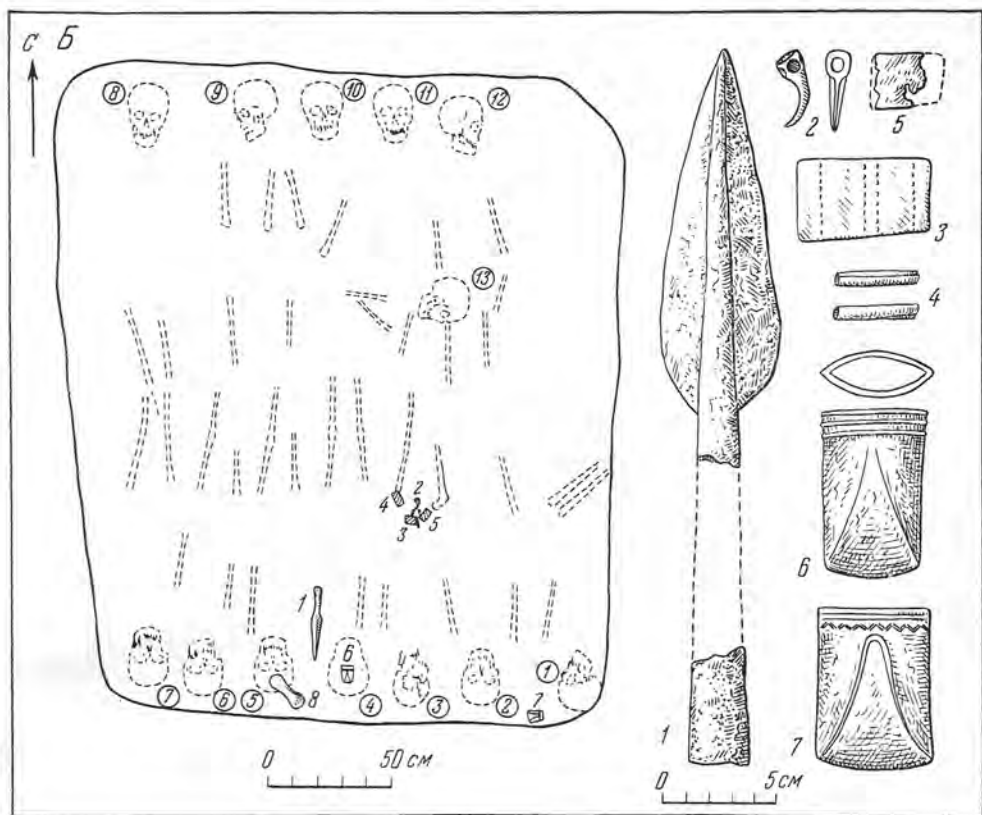
Б — погребение 70: 1 — наконечник копья; 2 — подвеска; 3—5 — накладки и пронызки головного убора; 6, 7 — кельты; 8 — кость животного;

1 — железо; 2—7 бронза. Цифры в кружке обозначают номера костяков

(рис. 16 А, 12), а за черепом — кость от жертвенного мяса (бедро лошади), бронзовый наконечник копья (рис. 16, А, 10), на нем — железный кинжал с бронзовой рукояткой (рис. 16, А, 9), рядом — бронзовый кельт (рис. 16 А, 11). За головой костяка № 5 лежали украшения головного убора (рис. 16, А, 14).

Погребение № 70 в квадратах Д, Е/21, 22 на глубине 70—75 см очертились контуры ямы подпрямоугольной формы (235—250 × 270 см), вытянутой с юга на север. В средней части южной половины ямы на глубине 80 см найдены набор медных пронызок, накладок и когтевидная подвеска (рис. 16, Б, 2—5) от жен-

ского головного убора, очевидно, брошенного в яму. На дне ямы (глубина 85—95 см) расчищены остатки 13 костяков, пять из которых (№ 8—12) лежали вытянуто головой на север; ногами на юг — к реке; семь (№ 1—7) — в противоположном направлении; один (№ 13) был положен на левом боку сверху северных костяков. В скорченном положении на левом боку находился и костяк № 1 (рис. 16, А). Большинство погребенных не имели сопровождающего инвентаря, кроме костяка № 4, на черепе которого лежал бронзовый кельт ананьинского типа (рис. 16, Б, 6), а рядом — железный наконечник копья (рис. 16, Б, 1). На черепе костяка № 4 лежала кость животного (бедро лошади), а между черепами № 1 и 2 — еще один бронзовый кельт (рис. 16, Б, 7).

В шести коллективных и пяти одиночных погребениях на могильнике встречаются так называемые вторичные захоронения, отличающиеся от обычных положений костей умершего не в анатомическом порядке. В коллективных захоронениях в четырех случаях во вторичном положении находились кости подростков (см., например, погребение № 372). Взрослые вторичные захоронения встречаются в наиболее ранних могилах — № 357 (под коллективным захоронением, датированным бронзовым наконечником стрелы и синей египетской бусиной второй половиной VII в. до н. э.), в погребении № 276, где вторичное за-

хоронение сопровождали лишь кремневые и костяные наконечники стрел и т. п. вещи.

Довольно многочисленную группу грунтовых захоронений на могильнике составляют погребения, не содержащие следов человеческих костей, но имеющие погребальный инвентарь (92 случая), или без инвентаря, но с выраженными могильными ямами (146 номера). Конечно, среди них, очевидно, есть и такие, где кости человека просто не сохранились, так как почвенные условия в районе могильника весьма неблагоприятны для сохранения костей. Но есть и несомненные могилы, где не было положено останков человека, но был помещен погребальный, иногда весьма богатый инвентарь.

Показательно, что большинство могил без следов костяка расположено в северной и северо-западных частях могильника, где они имеют преимущественно широтное направление.

Одним из весьма своеобразных видов захоронений на могильнике являются «дома мертвых». Всего на могильнике за 10 лет работы выявлены остатки по крайней мере 13 таких «домов» (рис. 11, Б). В большинстве случаев в районе этих объектов еще до раскопок фиксировались интенсивные углистые включения, очевидно, оставшиеся от сгоревших наземных конструкций (рис. 11, А). При раскопках в этих пятнах еще в слое пашни находили различные вещи и многочисленные зубы лошади. Глубже выявились канавки, заполненные углесто-гумусированной почвой, которые и очерчивали контуры древних сооружений (рис. 17). Внутри этих конструкций обычно выявлялись остатки захоронений или в виде отдельных комплексов вещей, иногда вместе со следами человеческих костяков, или в виде обычных погребений в могильных ямах, но введенных в контуры древних сооружений. По размерам, форме и ориентации выделяются два типа «домов».

Первый — крупные «дома», состоящие из многих отсеков и имеющие общее направление с востока на запад — № 1, 2, 3, 13 (рис. 11, Б; 17). Размеры их: № 1—9,6—10 × 2,6—3,8 м; № 2—7,4 × 2,6—3,2 м; № 3—10 × 3,6 м; № 13—16 × 1,7—2,9—3,2 м.

В качестве образца опишем остатки «дома мертвых» № 3, вскрытые в 1966 г. Они были изучены в юго-западной части раскопа. Стратиграфия наслоений в районе объекта проста: до глубины 35—40 см — слой пашни; ниже — светло-серый суглинок с углистыми включениями мощностью до 20 см; под ним — погребенная почва, прорезанная канавками глубиной до 40 см, столбовыми и могильными ямами, насыщенными углистыми включениями.

В слое пашни над конструкциями «дома» была обнаружена серия находок — височные кольца, бляшки, накладки, ножи и т. п., очевидно, происходящие от разрушенных погребений.

Канавками шириной в 15—20 см на уровне погребенной почвы очертилось прямоугольное сооружение (10 × 3,6 м), разделенное поперечными перегородками на восемь отсеков. В ряде случаев над канавками перегородок были обнаружены отдельные комплексы (см. № 169, 223, 346, 349, 354, 355), состоящие или из вещей, или из вещей и обломков человеческих костей (см. № 346, 355). С севера к конструкциям «дома» примыкали захоронения в обычных могильных ямах (см. № 421, 422, 423).

Второй — относительно малые «дома», представляющие скорее всего отдельные, пристроенные друг к другу наземные сооружения с введенными внутрь

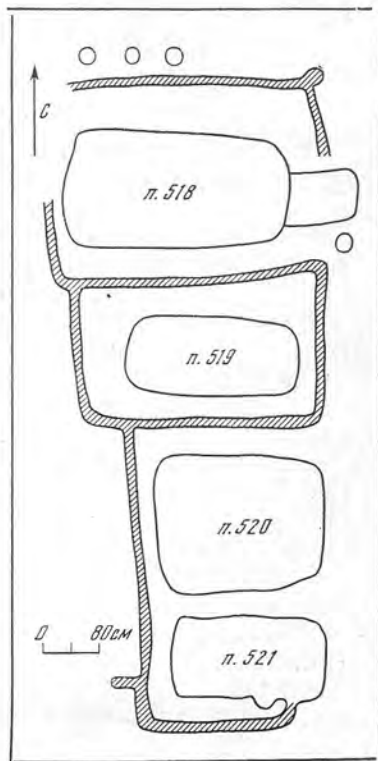

Рис. 17. «Дом мертвых» № 2 Ст. Ахмыловского могильника

Рис. 18. «Дом мертвых» № 8 Ст. Ахмыловского могильника

них могильными ямами. Такие «дома» обычно вытянуты в меридиональном направлении (рис. 11, Б, 18).

В качестве примера можно рассмотреть комплекс «дома» № 9 из раскопа 1967 г. (рис. 11, Б). В северной части раскопа под слоем пашни, насыщенном углистыми включениями, на глубине 40—45 см обрисовались контуры сооружения в виде углисто-гумусных полос шириной 15—20 см. Конструкция длиной 5,4 м, шириной 2,7—3,6 м, ориентированная с юго-юго-востока на север-северо-запад, была разделена на 3 камеры размерами (с Ю на С) $2,4 \times 1,3$; $2,4 \times 1,4$; $3,4 \times 2,3$ м. Углисто-гумусные полосы конструкций прослежены до глубины 45—55 см, а глубина изученных в них захоронений составляет 45—80 см. В каждой камере располагалось по одной могильной яме: в первой — № 500 (250×140 см), во второй — № 501 (250×80 см), в третьей —

№ 522 (240 × 90 см). В засыпи всех ям отмечены обильные углистые включения, а в яме № 500 — следы погребальной камеры и помоста. В ямах № 500 и № 522 следов человеческих костей не обнаружено (найлены вещи).

Погребальные камеры с какими-то наземными сооружениями, очевидно, были вообще характерны для Ст. Ахмыловского кладбища. Следы таких конструкций зафиксированы всего в 95 изученных могилах.

При исследовании памятника извлечено много различных предметов, в том числе: кельтов бронзовых — ананьинских — 143, аозинско-меларских — 116, железных ножей — 318, бронзовых — 3, железных шильев — 89, бронзовых — 3, каменных «оселков» — 58, топоров железных — 5, бронзовых тесел — 3; глиняных пряслиц — 41, глиняных сосудов — 59, бронзовых наконечников копий — 36, железных — 71, каменных наконечников стрел — 21, костяных — 13, деревянных — 4, бронзовых — 32, железных — 66, 16 кинжалов и 7 стилетов, 2 клевца, 3 секиры, 7 удил, 7 пар псалий, детали от 104 налобных повязок и 3 шапки, 97 пар височных колец и 68 височных спиралей, 58 гривен, детали 31 нагрудника и 13 ожерелий, большое число различных подвесок и т. п.

Восточнее Ст. Ахмыловского и Аозинского могильников в западноволжской группе раннеананьинских памятников других могильников пока неизвестно. Но они, очевидно, были. Об этом, в частности, свидетельствуют группы находок раннеананьинских металлических изделий у Малахайского поселения (2 ранних кельта аозинско-меларского типа, 2 проушных топора кобанокколхидского типа, рыболовный крючок-блесна)¹⁵ и на Криюшинской дюне (4 бронзовых кельта аозинско-меларского и раннеананьинского типов)¹⁶.

Пустоморквашинский (Морквашинский) могильник

Последняя группа находок скорее уже открывает средневожскую группу раннеананьинских памятников, среди которых первый достоверный могильник был частично раскопан в 1927 г. В. Ф. Смолиным в дачном месте под Казанью, известном под именем «Пустые Моркваши»¹⁷. Находится оно примерно в 30 км к западу от Казани на правом берегу Волги в 6 км к востоку от устья Свяги, на левом берегу устья речки Морквашки (рис. 19, А). В настоящее время низкая терраса в углу между Морквашкой и Волгой занята территорией дома отдыха «Пустые Моркваши». В 1901 г. отсюда А. А. Штукенбергу было доставлено несколько бронзовых предметов, в том числе наконечник копья (рис. 19, В, 1) и несколько кельтов ананьинского типа (рис. 19, В, 4, 5, 6)¹⁸. Первые сведения о памятнике как о раннеананьинском могильнике опубликовал А. М. Гальгрэн, который полагал, что захоронения могильника были под низкими курганными всхолмлениями¹⁹. Интересную находку — бронзовое зеркало с зооморфной ручкой на двух столбиках — опубликовал в 1936 г. Б. Рабинович, датировавший его VI в. до н. э.²⁰

К сожалению, ввиду того, что В. Ф. Смолин вел раскопки небольшими траншеями и к тому же ни дневники, ни чертежи раскопок не сохранились, о погребальном обряде вскрытых им захоронений можно судить лишь предположительно. Всего при раскопках В. Ф. Смолина было вскрыто 14 обычных, 3 частичных и вторичное захоронения, произведенные преимущественно в ямах, ориентированных с северо-востока на юго-запад и расположенных на глубине от 0,4 до 1 м. В могилах погребенные преимущественно лежали на спи-

не вытянуто головой на юго-запад, ногами к северо-востоку к реке. В насыпи могил встречались углистые включения и, может быть, поминальные комплексы, как, например, остатки женского головного убора над мужским захоронением № 1. Наиболее четкое описание имеет погребение № 7, изученное в траншее VII а²¹. На глубине 80 см были расчищены остатки мужского костяка, лежащего вытянуто головой на юго-запад, ногами на северо-восток к реке. Справа от черепа лежали бронзовый наконечник копья, кельт с остатками деревянной рукоятки, железный нож. С другой стороны черепа находились плечевая кость лошади и височная спираль из медной пластинки, свернутой в 6 оборотов. В районе таза лежали еще нож и медные подвески к поясу.

Интересны три случая частичных захоронений, выявленные в траншеях III, VII, VIII. Так, в траншее III остатки черепа человека «находились под каменной кладкой, которая состояла из двух-трех рядов несколько наклонно поставленных плит, прикрытых большой, почти четырехугольной плитой. Кладка производила впечатление могилы, обложенной плитами и прикрытой сверху плиткой. Высота кладки 70 см. Под ней обнаружены, кроме черепа человека, кости животных (в том числе свиньи), черепки и угли. Длина кладки — 1,2 м, ширина — 65 см»²².

В траншее VIII «у южной стенки на глубине 42 см был найден раздавленный человеческий череп»²³.

А. В. Збруева в своей публикации датировала могильник VI—V вв. до н. э., но, как я уже писал²⁴, для такой относительно поздней датировки нет оснований.

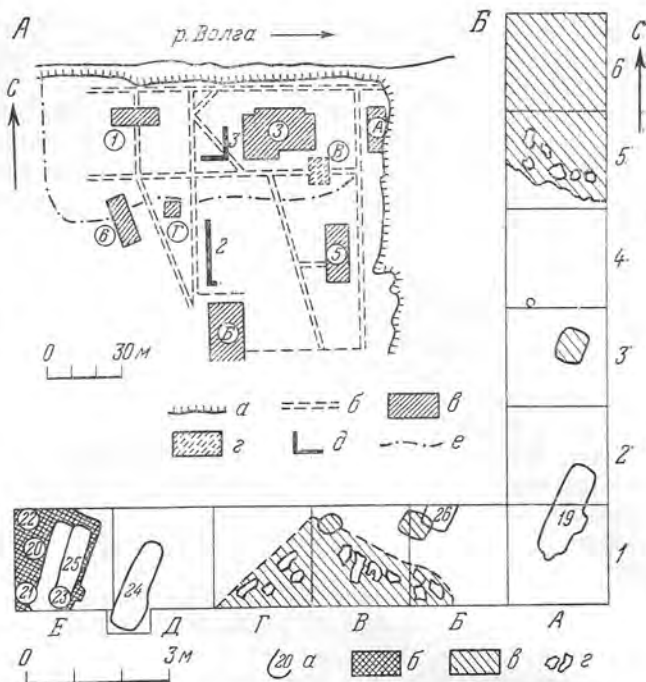
Новые материалы для характеристики и датировки памятника были получены осенью 1975 г., а также весной 1976 г., когда здесь были проведены охранные раскопки.

Осмотр местности и опрос старожилов показал следующее. По сравнению с 1927 г. вся территория древнего могильника оказалась почти сплошь занята постройками и прогулочными аллеями дома отдыха (рис. 19, А). По сообщениям старожилов, особенно А. Я. Якимова (1906 г. рождения), живущего в районе Пустых Моркваш более 60 лет и участвовавшего в раскопках В. Ф. Смолина в 1927 г., выяснилось, что траншеи В. Ф. Смолина в основном были заложены в районе, где сейчас находится жилой корпус № 3 (рис. 19, А). Удалось установить также, что дом лесника, показанный на схематическом плане А. В. Збруевой²⁵ и важный как репер для отыскания местоположений вскрытых в 1927 г. погребений, также находится рядом с корпусом № 3 (у юго-восточного его угла — рис. 19, А). Кроме того, удалось установить, что при строительстве корпуса № 1 в 1939 г. и рытье котлована для старой котельни (корпус Д на плане — рис. 19, А) были обнаружены следы человеческих костяков и отдельные металлические, преимущественно медно-бронзовые предметы. Такие же находки производились при размыве берега, особенно после поднятия уровня Волги с 1956 г., примерно на протяжении 125—130 м от устья Морквашки к западу.

В рекогносцировочных целях были заложены 4 траншеи — № 1 и 2 к северу в 8—10 м от корпуса клуба параллельно центральной аллее (рис. 19, А). Эти траншеи, как и небольшая траншея № 4 (1 × 3 м) у корпуса № 1, никаких следов древних захоронений не выявили. Более интересной оказалась траншея № 3.

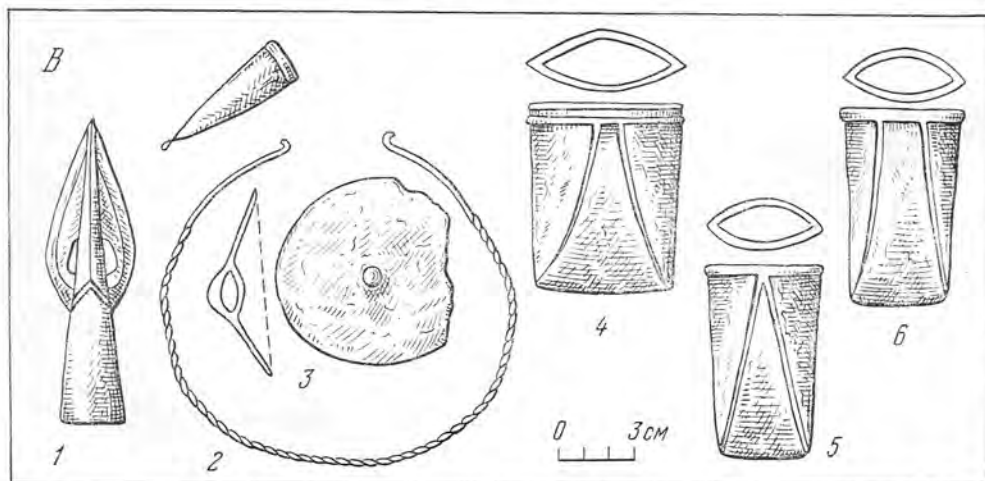
Рис. 19. Могильник Пустые Морквашы

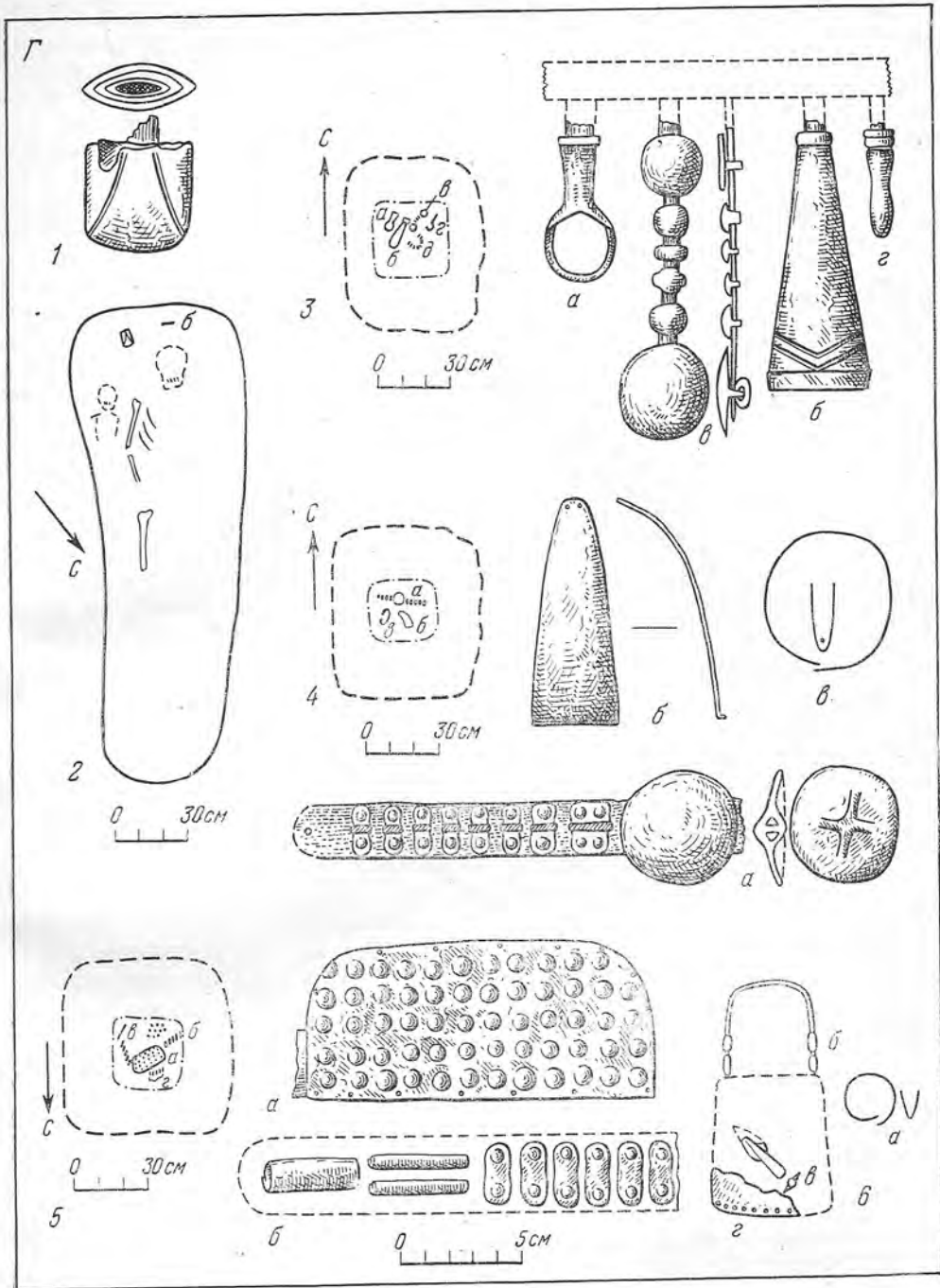
А — план могильника:
 а — край террасы;
 б — аллеи дома отдыха;
 в — корпуса дома отдыха (1, 2, 3 — жилые);
 А, Б, В — административные;
 г — место дома объездчика-лесника;
 д — траншеи 1975 г.;
 е — предполагаемые контуры площади могильника;
 Б — план траншеи № 3 1975 г.:
 а — погребение;
 б — часть конструкций «дома мертвых»;
 в — поздние ямы и постройки;
 г — камни;
 В — предметы из Пустых Морквашей, найденные до раскопок 1927 г.:
 1—3 — из публикации А. М. Тальгрена;
 4—6 — из коллекций археологического кабинета КГУ. Бронза;
 Г — погребения и вещи, вскрытые в 1975 г.:
 1 — кельт из погр. 19;
 2 — погребение 24;
 3 — погребение 20:
 а, б, в, г — подвески поясного набора;
 д — зубы человека;
 4 — погребение 22;

а — украшения налобной повязки;
 б — пластинка шапки;
 в — височное кольцо;
 г — детали налобной повязки;
 б — погребение 24;

а — височное кольцо;
 б — пронизки и ремешок от ручки кошелька;
 в — бронзовый наконечник стрелы;
 г — дно берестяного кошелька

Траншея (рис. 19, Б), заложенная к западу в 5 м от корпуса № 3 (рис. 19, А), состояла из 11 квадратных участков (2×2 м), соединенных под прямым углом. В северной части траншеи была вскрыта часть котлована позднейшей постройки. Такие же остатки были обнаружены и в квадратах Б, В Г/1. Этими постройками, очевидно, были разрушены древние захоронения — при расчистке квадратов В, Г/1 найдены обломки человеческих костей и медные пронизи и накладки от головного убора. В квадратах А/1—2, Б, Д, Е/1 намечены, а также и исследованы остатки погребений раннеананьинского времени. Прежде чем перейти к их описанию, несколько слов об общей стратиграфии памятника. Общая мощность культурных напластований в районе траншеи № 3 достигает 40—50 см. Они включают в себя покров дерна и перекопанный слой толщиной до 20 см, прослой темно-серой супеси с углистыми включениями толщиной 5—7 см (возможные отложения древнего уровня могильника), слой темно-серой подзолистой супеси, содержащий в основном фрагменты керамики маклашеевского этапа приказанской культуры (цилиндрошейные округлодонные сосуды, нередко с «сетчатой» поверхностью), и редкие осколки и отщепы белого окремнелого известняка. Мощность этого слоя 15—20 см. Ниже находится прослой серой подзолистой супеси толщиной не более 5 см, содержащей осколки, отщепы и пластины, в том числе и трехгранные, прочного преимущественно желвачного кремня серого и черного цветов. Керамики здесь нет, потому не исключена принадлежность прослоя к эпохе мезолита. Таким образом, есть основание предполагать, что для функционирования Морквашинского могильника здесь существовала в разное время по крайней мере два поселения — стоянка эпохи мезолита (скорее конца) и позднеприказанское поселение X—IX вв. до н. э.

Судя по плану (рис. 19, Б), раннеананьинские погребения в районе траншеи № 3 располагались двумя рядами параллельно Волге. В первый ряд можно отнести могилы № 19 и 26 (не исследованы, во второй № 24, 25 и конструкции «дома мертвых» с частичными погребениями № 20, 21, 22, 23. Погребение № 19 с могильной ямой (210×60 см), вытянутой с юго-юго-запада на север-северо-восток (азимут 10°) выявилось на глубине 50 см и продолжалось до 85 см. В засыпи отмечены углистые включения, но на дне следов человеческого костяка не обнаружено. В юго-восточном углу найден бронзовый кельт, воткнутый лезвием в землю и расположенный широкой плоскостью параллельно длинной стороне ямы. В юго-западном углу на дне лежали рядом кремневый отщеп и две гальки. Возможно, перед нами кенотаф. Бронзовый кельт из погребения относится к раннеананьинскому типу (рис. 19, Г, 1). Во втулке его сохранились остатки тонерища, обернутого берестой и кожей.

Могильная яма погребения № 24 также имела нормальные размеры (210×50 —80 см), была углублена до 90 см от поверхности и вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток (азимут 195°). На дне расчищены остатки двух очень плохо сохранившихся костяков — взрослого человека и ребенка, положенных скорее всего вытянуто на спине головой на юго-юго-восток, ногами на север к реке (рис. 19, Г, 2). В засыпи ямы отмечены углистые включения, а в изголовье взрослого костяка расчищен небольшой бронзовый кельт раннеананьинского типа (типа рис. 19, Г, 1), но несколько больший — $4,5 \times 4,7$ см и с двумя поперечными валиками по верхнему краю) и обломок железного шила, трехгранного в сечении.

Все остальные погребения 1975 г. выявлены в западном конце траншеи (квадрат Е/1) и связаны скорее всего с конструкциями какого-то большого сооружения, возможно, типа «дома мертвых», изученных на Ст. Ахмыловском могильнике. Погребения № 20, 21, 22, 23 в этом районе представляли собой частичные или вещевые захоронения, а погребение № 25 — нормальное ямное захоронение, но связанное с конструкциями «дома мертвых».

Все частичные (№ 20, 23) и вещевые (№ 21, 22) погребения обнаружены примерно на одной глубине — 65—75 см и имеют довольно однотипную планировку (рис. 19, Г, 3, 4, 5). Общие контуры их ям можно наметить лишь приблизительно, так как на темно-сером общем пятне они практически не прослеживаются. Лишь условно можно говорить о подквадратной форме 65 × 70, 60 × 55 см. Более четко выделяется центральная часть, имеющая большую пигментированность как за счет тлена от органических остатков, так и за счет окиси меди, придающей окружающей поверхности более темную окраску. Эти части обычно имеют подквадратную форму 25 × 30, 30 × 30 см. Возможно, это следы погребальных коробов, хорошо прослеженные в материалах Ст. Ахмыловского могильника. В заполнении пятен отмечены углистые вкрапления.

В погребениях № 20 и 22 выявлены коронки от человеческих зубов — остатки отчлененных черепов. В погребении № 20, очевидно, была захоронена мужская голова, так как сверху был положен пояс с достаточно богатым набором поясных подвесок (рис. 19, Г, 3а, б, в, г), в погребении № 22 — женская голова, так как сверху был положен головной убор, состоящий из шапочки, обшитой бисером из белой пасты, и налобной повязки с крупной подпрямоугольной бляхой, украшенной пятью рядами выпуклин (рис. 19, Г, 5а). В этом же погребении обнаружены обломки железного шила, круглого в сечении и, может быть, железного ножа.

Погребение № 21, в центральном пятне которого найден только бронзовый кельт раннеананьинского облика (типа рис. 19 В, 4), очевидно, было совершено в честь мужчины, а погребение № 23, содержащее интересный набор женских головных украшений (рис. 19, Г, 4а, б, в), — в честь женщины. Может быть, это поминальные комплексы, так как в квадрате Е/1 под указанными комплексами еще продолжается интенсивно гумированное пятно, уходящее за пределы траншеи и поэтому неисследованное.

Под погребением № 23 выявилось пятно нормальной могильной ямы (155 × 40 см), вытянутой с северо-северо-востока на юго-юго-запад. К юго-восточному углу ямы примыкало пятно продолговатой формы (50 × 25 см), возможно, от столба конструкций «дома мертвых». В основной яме (№ 25) на глубине 75 см расчищены остатки захоронения подростка, лежавшего скорее всего головой (сохранился лишь тлен от коронок зубов) на юго-юго-запад, а ногами — к реке.

В изголовье погребенного лежали пара небольших пластинчатых височных колец (рис. 19, Г, 6а), обломок железного ножа и, вероятно, берестяной кошелек, от которого сохранился кусок придонной части (рис. 19, Г, 6б), кожаный ремешок с двумя обоймицами (рис. 19, Г, 6в), а внутри кошелька найден небольшой бронзовый двухлопастной наконечник стрелки (рис. 19, Г, 6г).

Раскопки 1975 г. дали новые материалы для характеристики Морквашинского могильника, несомненно, раннеананьинского памятника VII—VI вв. до

н. э. Общая площадь могильника, по данным 1972 и 1975 гг., достигла 8400 кв. м.

Ниже устья Камы в средневожской группе в послевоенные годы было исследовано три раннеананьинских могильника — Гулькинский, II Полянский и Тетюшский. Среди них наиболее крупным оказался Тетюшский могильник. Характерной особенностью всех этих трех памятников является то, что в них содержатся взаимосвязанные хронологически и в культурном отношении погребения финальной бронзы (маклашеевского этапа приказанской культуры) и начала эпохи раннего железа (раннеананьинские).

Тетюшский могильник

Из бывшего Тетюшского уезда Казанской губернии происходит серия бронзовых кельтов, описанных в известной работе А. А. Штукенберга²⁶. Это пять кельтов, три из которых раннеананьинского типа с линзовидной в сечении втулкой²⁷, один ананьинского типа с шестигранной в сечении втулкой²⁸ и один аказинско-меларского типа с округлой втулкой²⁹.

Возможно, они происходят из раннеананьинского могильника в окрестностях г. Тетюши, выявленного в 1969 г. при исследовании Тетюшского средневекового могильника. Памятник, открытый в 1949 г. Н. Ф. Калинин³⁰, находится в 500 м к северу от г. Тетюши на высоком мысу коренной террасы правого берега Волги (высота над Волгой не менее 80 м). Склоны мыса не задернованы и интенсивно разрушаются оврагами, оползнями и хозяйственными постройками. В 1969 и 1970 гг. Е. П. Казаковым, А. Х. Халиковым и Е. А. Халиковой здесь были проведены охранные раскопки, которые выявили наряду с погребениями эпохи раннего средневековья значительную серию захоронений конца эпохи бронзы и начала эпохи раннего железа. Так как результаты раскопок последней группы не получили освещения в печати, кроме отдельных информационных заметок³¹, мы сочли возможным дать ниже более полную публикацию о могильнике интересующего нас времени.

В пяти раскопах 1969—1970 гг. (№ 1—1969, 2, 7, 8, 9 — 1970 г.) выявлено около 70 захоронений конца эпохи бронзы и начала эпохи раннего железа и намечена общая территория могильника этого времени (рис. 20)³².

Есть основание предполагать, что могильник располагался по краю высокого берега Волги и имел здесь общую протяженность не менее 100 м при ширине до 30 м. В северной и южной частях изученной площади (рис. 20) как будто прослеживается рядовое положение могил (ряды вытянуты параллельно к реке). В центральной части, где находились более ранние захоронения, в том числе и конца эпохи бронзы, намечается групповое расположение захоронений (ориентировочно можно выделить пятнадцать таких групп). Здесь же весьма ярко сохранились и следы обряда, связанного с сожжением каких-то наземных погребальных сооружений, а также обнаружены скопления обломков от надмогильных камней-стел.

Г р у п п а 1 (погребения № 94, 95, 96) вскрыта в квадратах В Г/4,5 в раскопе 2 1970 г. (рис. 20, А). Здесь, на пересечении квадратов В, Г/4,5, начиная с глубины 60—70 см, прослеживались обуглившиеся плахи, углистые пятна и пятна прокала, охватывающие площадку, вытянутую с юго-юго-запада на северо-северо-восток (370 × 280 см). В этом же районе на глубине 60—75 см

обнаружены скопления обломков лепной керамики (рис. 21, А, 4), обломки челюстей и зубы лошади, а в квадрате В/4 — сверленный каменный топор (рис. 21, А, 3).

В группе изучено три разновременных захоронения. Наиболее ранним следует считать погребение № 94, совершенное в яме подпрямоугольной формы шириной 65 см, срезанной на большую половину ямой № 95 (рис. 21, А). Костяк погребения, судя по сохранившимся нижним конечностям, лежал на спине головой на запад-юго-запад, ногами — к реке. С правой стороны обнаружен «оселок» из песчаника. В засыпи ямы отмечены угли. Костяк погребения № 95 лежал головой на север (рис. 21, А). При нем обнаружены: с левой стороны черепа — железный нож (рис. 21, А, 2), с правой — бронзовое кольцо с перемычкой (рис. 21, А, 1), у левой ноги — плечевая кость лошади. Могильная яма погребения № 96, частично срезавшая яму № 95, была вытянута с севера на юг и несла сверху интенсивные следы прокала у кострища (рис. 21, А): Погребенный лежал на спине вытянуто головой на юг. Вещей нет.

Г р у п п а 2 (погребения № 123, 124). На глубине 40—60 см на пересечении квадратов В, Г/5,62 раскопа 1970 г. отмечено обширное пятно прокала с обильными углистыми включениями. Среди прокала встречались обломки лепной керамики, полуобгорелые кости животных. Под прокалом выявились две могильные ямы — № 123 (240 × 90 см) и № 124 (165 × 60 см), вытянутые с юго-юго-востока на северо-северо-запад (рис. 21, Б). В засыпи ям отмечены сползшие следы прокала и куски обугленного дерева. Костяки, вскрытые в ямах, имеют следы обжига, особенно № 123. Оба погребенных лежали на спине вытянуто головой на северо-запад; ноги у костяка № 123 сильно сжаты и производят впечатление связанных. В изголовье с правой стороны погребенного № 124 лежали два небольших круглодонных сосудика (рис. 21, Б, 1, 2); на груди погребенного № 123 обнаружена рассыпавшаяся стеклянная бусина зеленоватого цвета, а на правой руке — обломок плечевой кости лошади.

Г р у п п а 3 (погребения № 120, 122, 136, 137, 140, 141), выявленная на пересечении квадратов В, Г/6, 7, также была связана перекрывавшим их сверху общим кострищным пятном, севернее которого располагалась груда бесформенных каменных плит, среди которых обнаружены обломки костей животных и лепной керамики раннеананьинского облика. Все вскрытые в этом скоплении остатки погребенных на костях имели следы поверхностного обжига. Погребение № 120, от которого сохранились лишь отдельные обугленные человеческие кости и обломки кремневого наконечника стрелы (рис. 22, 4), выявленные на глубине 45 см, следует рассматривать почти как наземное, вероятно, положенное в надмогильное сооружение. Погребение № 122, выявленное на глубине 50 см в виде сильно обожженного костяка (женщины?), лежавшего на спине вытянуто головой на юго-восток, очевидно, также было совершено в наземной конструкции. В районе черепа погребенной обнаружены обломки височного пластинчатого кольца (рис. 22, 5), медные пронизки (рис. 22, 6) от головного убора и мелкие стеклянные бусы черного, зеленого и оранжевого цвета вместе со свинцовыми пронизками (рис. 22, 7, 8) от ожерелья.

Центральное место в группе занимало погребение № 136 (рис. 22, 1), пятно могильной ямы (200 × 80 см) которого выявилось на глубине 60 см. На дне расчищены остатки двух костяков (рис. 22, 1). Один из них от взрослого человека лежал головой к юго-востоку на спине с вытянутыми конечностями. Ко-

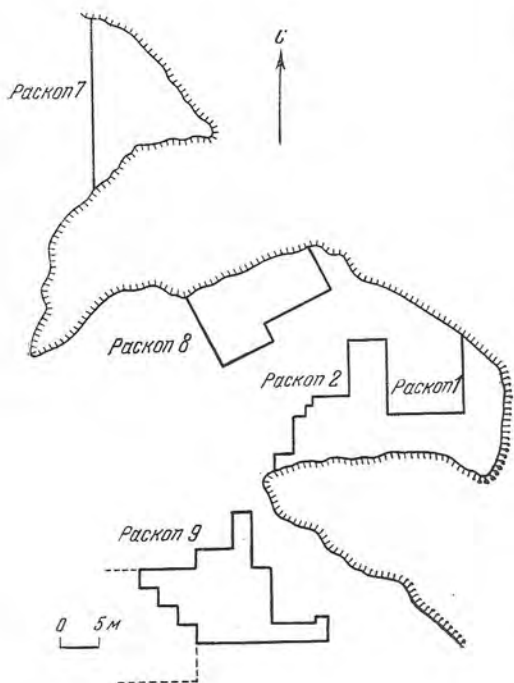
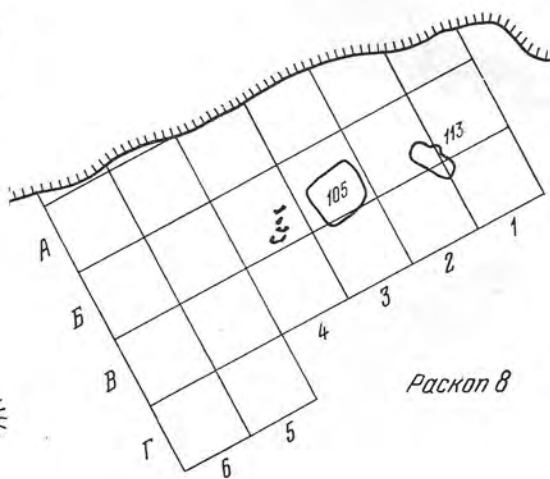
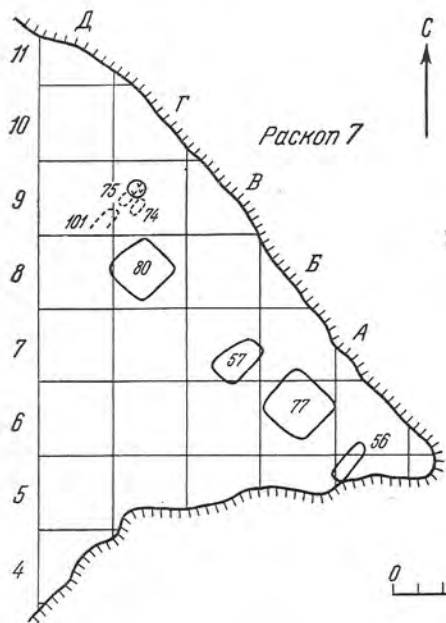
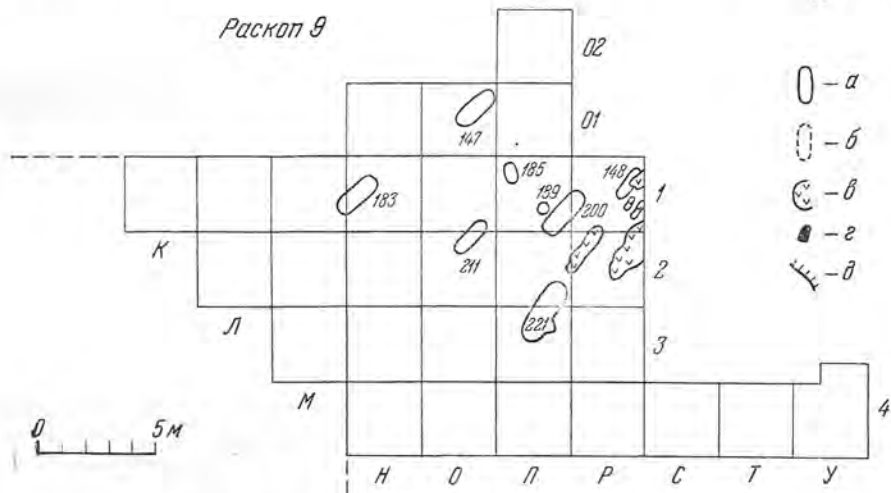
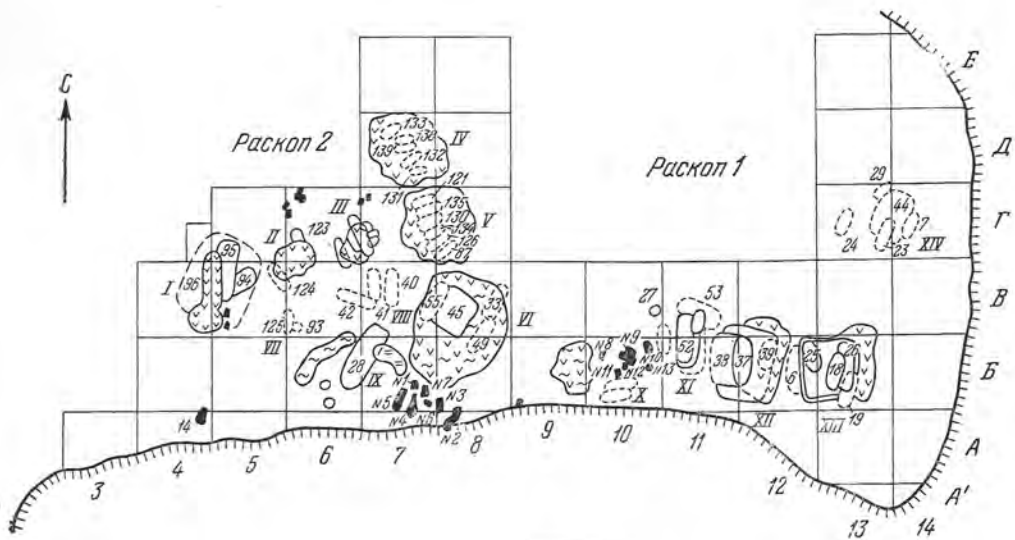

Рис. 20. Общий план раскопов
Тетюшского могильника

- а* — могилы с выявленными контурами;
- б* — могилы с предполагаемыми контурами;
- в* — пятна прокала;
- г* — камни;
- д* — контуры обрыва

сти, имеющие ⁷удовлетворительную сохранность, несут следы пережога. В северо-восточной части находились остатки детского костяка, лежащего вытянуто на спине головой на северо-запад. Ноги детского костяка сильно обожжены. Левая рука детского костяка лежит на груди скошенно к правой руке. На детском костяке вдоль всего тела погребенного лежали кости животных. В изголовье обнаружены 2-я фаланга коровы и астрагал свиньи, в районе таза — две первые фаланги лошади и вторая фаланга лося в районе костей стопы — первая и вторая фаланги коровы и первая фаланга лося ³³. Кости животных имеют меньшие следы обжига, чем кости человека. У головы основного костяка справа на 10—13 см выше дна могильной ямы были положены бронзовый кельт (рис. 22, 2) плашмя лезвием на север и правая плечевая кость ло-

шад. У самого южного края могилы, восточнее черепа, лежала кучка пережженных костей, среди которых есть и фаланги человека. Рядом с кельтом найдены обломки амулета из тонкой черепной коробки с просверленным отверстием (рис. 22, 3). Погребения № 137, 140 и 141, выявленные на глубине 40—50 см в виде обугленных человеческих костей, по расположению которых можно предположительно говорить об ориентации погребенных головой на северо-северо-запад, очевидно, также были совершены непосредственно в наземной погребальной камере. У развала обугленного черепа погребения № 140 находился небольшой круглодонный сосудик с цилиндрическим горлом позднемаклашеевского типа (рис. 22, 9).

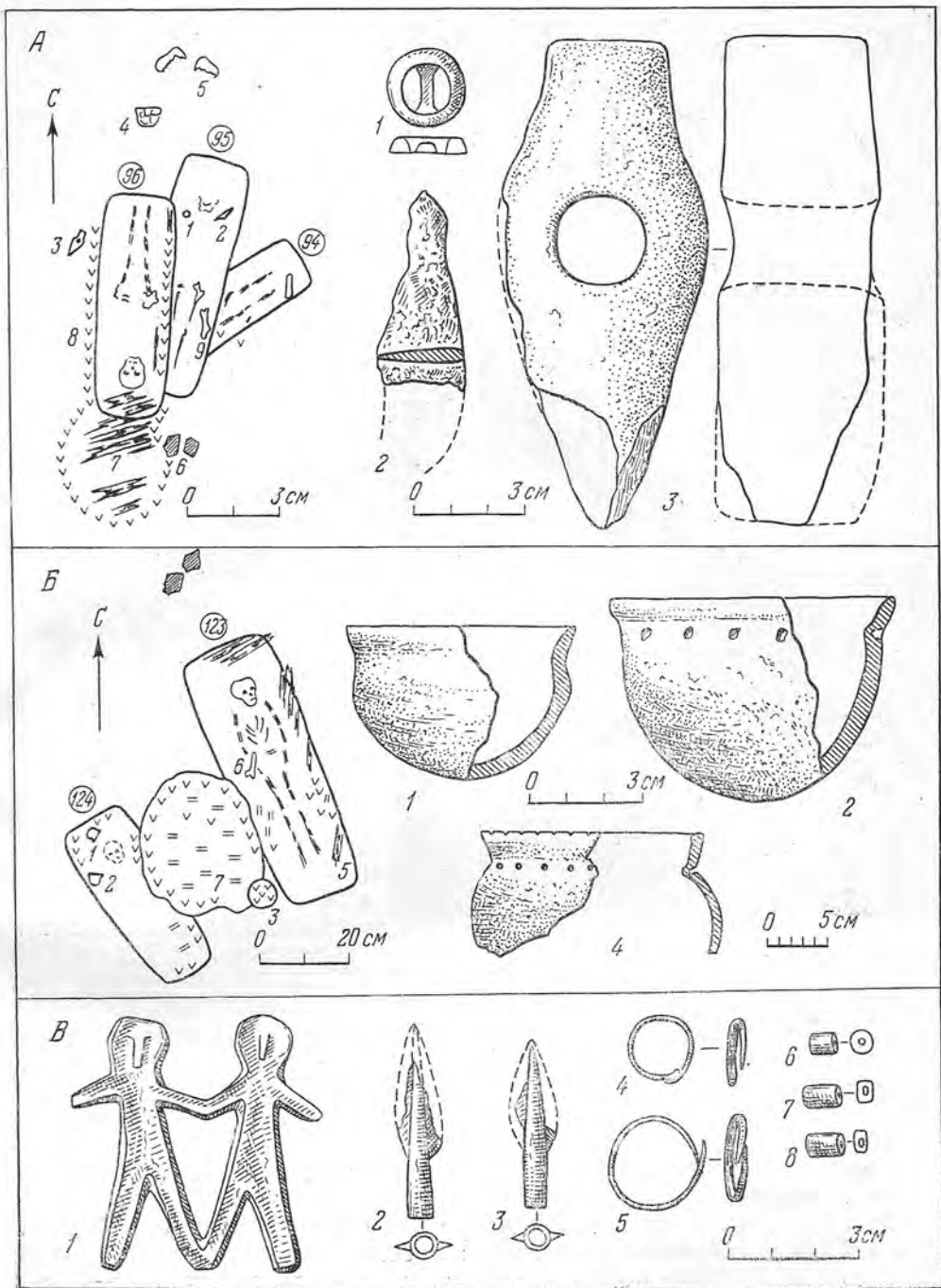
Г р у п п а 4. На глубине 40—60 см в квадрате Д/7 выявилось обширное пятно прокала с углистыми включениями, занимающее площадь 380 × 320 см (рис. 20). В пятне на глубине 60—70 см расчищены остатки трех обугленных костяков — двух взрослых (№ 131 и 132), лежавших головой на запад-юго-запад, ногами к реке, и одного детского (№ 133) головой к реке. Вещей не обнаружено. Под погребением № 132 на глубине 90 см расчищен детский костяк (№ 138), лежавший скорченно на левом боку, головой на восток-юго-восток, а рядом на глубине 85 см расчищено вторичное захоронение (№ 139) в виде сложенных в грудку длинных костей и черепа взрослого человека. Все костяки несут следы воздействия огня. Очевидно, погребенные первоначально размещались под наземной конструкцией, которая затем была сожжена.

Г р у п п а 5, расположенная в квадратах Г/7—8, содержала остатки по крайней мере шести захоронений — № 87, 121, 126, 130, 134, 135 (рис. 20). Первоначально на глубине 40—50 см обрисовалось обширное пятно (330 × 290 см) прокала со следами обугленных деревянных конструкций.

Древнейшим захоронением в этой группе следует считать погребение № 135, лежавшее под пятном прокала на глубине 75 см на спине с подогнутыми и свалившимися на левую сторону ногами, головой на запад. Вещей нет. Кости имеют слабые следы прокала. Над этим погребением, очевидно, была сооружена наземная камера, в которой были совершены захоронения № 134 (подросток, головой на восток), № 130 (костяк женщины, ориентирован головой на восток, под челюстью найдено железное шило, а в ногах — кучка пережженных костей животного) и № 126 — костяк женщины (?), положенный на спине вытянуто, головой на северо-восток (рис. 23, А) в сопровождении следующих вещей: по обем сторонам черепа — 2 височных кольца (рис. 23, А, 3), у правой стороны челюсти — бронзовая коническая пронизка-подвеска (рис. 23, А, 4) и втульчатый двухперый наконечник стрелы (рис. 23, А, 5), ниже челюсти — стеклянные бусины желтого и синего цвета (рис. 23, А, 1) от ожерелья, слева от бедра — плечевая кость лошади. Сверху погребения № 126

Рис. 21. Погребения 1-й и 2-й групп Тетюшского могильника

А — погребения 94, 95, 96: 1 — бронзовое кольцо; 2 — железный нож; 3 — каменный топор; 4 — глиняный сосуд; 5 — челюсти коровы и лошади; 6 — камни; 7 — обгоревшие плахи; 8 — угли и следы прокала; 9 — кость лошади;
Б — погребения 123 и 124: 1, 2, 4 — сосуд; 3 — угли; 5 — обугленные плахи; 6 — кость животного; 7 — прокал;
В — предметы из 7 (4, 5 — погр. 57; 6 — погребение 77) и 8 (2, 3 — погр. 113) раскопов Тетюшского могильника; 1—5 — бронза; 6 — стекло и паста

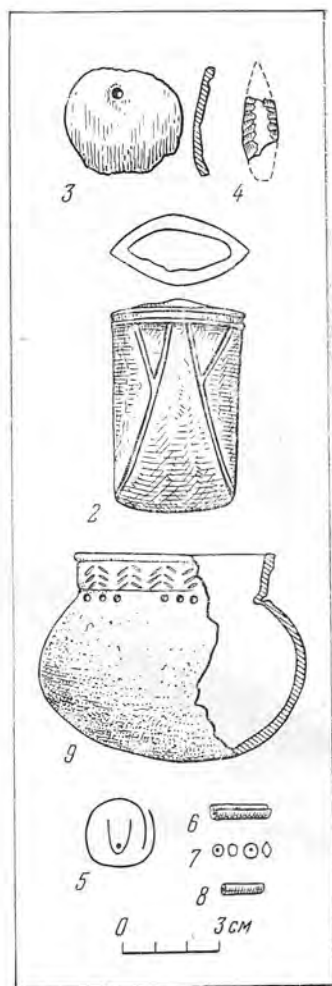
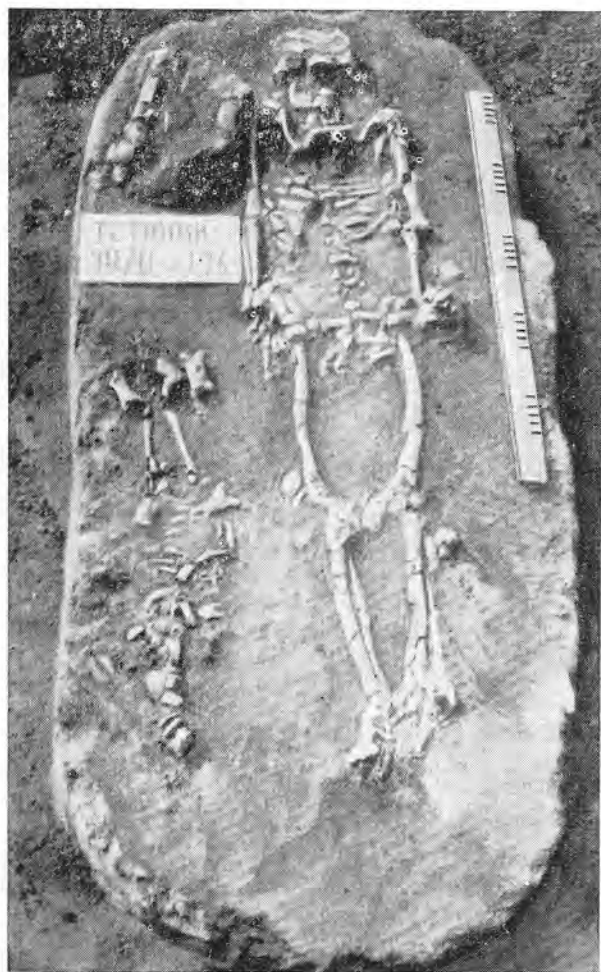

Рис. 22. Погребения 3 группы Тетиюшского могильника

погребение 136: 1 — общий вид погребения; 2 — кельт бронзовый; 3 — амулет из черепной кости. Погребение 120: 4 — кремневый наконечник стрелы
 погребение 122: 5 — височное кольцо; 6 — медная пронизка; 7 — стеклянные бусы; 8 — свинцовая пронизка
 погребение 140: 9 — сосуд

в мощном пятне прокала лежали остатки трех пережженных человеческих черепов (погребение № 121).

Таким образом, складывается впечатление, что погребения № 134, 130, 126 и 121 были совершены в наземной погребальной камере, которая затем была сожжена. После этого здесь же совершили и еще одно захоронение—№ 87,

костяк которого, положенный ногами к реке, т. е. в традиционном ананьинском направлении, никаких следов действия огня не имеет.

Г р у п п а 6, сосредоточенная под наиболее обширным пятном прокала (рис. 20) в квадратах Б, В/7, 8, состояла из погребений № 33, 45, 49, 55. Первоначально в указанных квадратах на глубине 40—50 см обрисовалось обширное пятно (450 × 350 см) прокала, интенсивно насыщенное углем и комками обгорелой глины. Средняя мощность пятна 15—20 см, но местами, особенно в центре и над погребениями № 45 и 55, толщина слоя прокала достигала 40—50 см. В этом пятне на глубине 60 см были найдены бронзовый кельт раннеананьинского типа (рис. 23, Б, 2) и в северо-западном углу квадрата Б/7 две челюсти лошади. Основными погребениями в пятне, очевидно, также оставшемся от сгоревшей наземной погребальной камеры, были № 45 и 55. Погребение № 45 было совершено в подпрямоугольной яме (190 × 140 см) на глубине 70 см и состояло из трех костяков, несущих следы прокала и лежащих на спине вытянуто головой на северо-восток (рис. 23, Б). В ногах одного из костяков обнаружено железное, квадратное в сечении шило с остатками деревянной ручки. В погребении № 55, не имевшем выраженных контуров ямы, обнаружены остатки костей по крайней мере от четырех взрослых людей и костяк ребенка, ориентированный головой на юго-запад. Все кости несут следы сильного воздействия огня.

Погребения № 33 и 49, выявленные на глубине 40—45 см, содержали остатки слабо сохранившихся костяков, лежавших головой к северо-востоку, но не имеющие ни вещей, ни следов воздействия огня. Очевидно, они были совершены уже после того, как сгорела наземная камера погребений № 45 и 55.

Г р у п п а 7, состоявшая из двух погребений — № 93 и 125, была выявлена в южном пересечении участков В/5, 6. Возможно, они также были совершены в наземной камере, которая, однако, не была сожжена. В захоронении № 93, выявленном на глубине 65 см, кости человека не обнаружены, но расчищен головной убор из 20 медных накладок с парными выпуклинами (рис. 23, В, 2, 3, 4) и 2 трубчатых массивных подвесок с парными кольцевидными выступами на концах и по середине (рис. 23, В, 5, 6). В том же районе найдены развал ананьинского сосуда чашевидной формы (рис. 23, В, 1) и бабка лошади. От погребения № 125 на глубине 70—75 см расчищен тлен от черепа и трубчатой кости человека, скорее всего положенного вытянуто головой на юг.

Г р у п п а 8, выявленная на пересечении квадратов В/6—7, состояла из трех погребений — № 40, 41, 42, очевидно, также совершенных в наземной камере. Об этом свидетельствует весьма не глубокое (40 см) их расположение, значительная деформация костяков (в погребении № 40 — два разбитых черепа, 41 — сохранилась лишь верхняя часть костяка) и отсутствие вещей (кроме кремневого наконечника стрелы у черепа костяка № 42, рис. 23, Г), очевидно, унесенных из наземной камеры. Но камера не была сожжена, поэтому на костях из отмеченных погребений никаких следов воздействия огня не прослежено.

Г р у п п а 9, исследованная на пересечении квадратов Б/6, 7 (рис. 20, 24, А), состояла из остатков сгоревшей наземной камеры и трех погребений — № 8, 21, 28. Первоначально на глубине 60 см по северо-западному краю комплекса была прослежена полоса прокала шириной 50—60 см и длиной до 350 см, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Она загибалась к юго-востоку и таким образом очерчивала площадку в 340 × 260 см (рис. 24, А). В юго-западной части этой

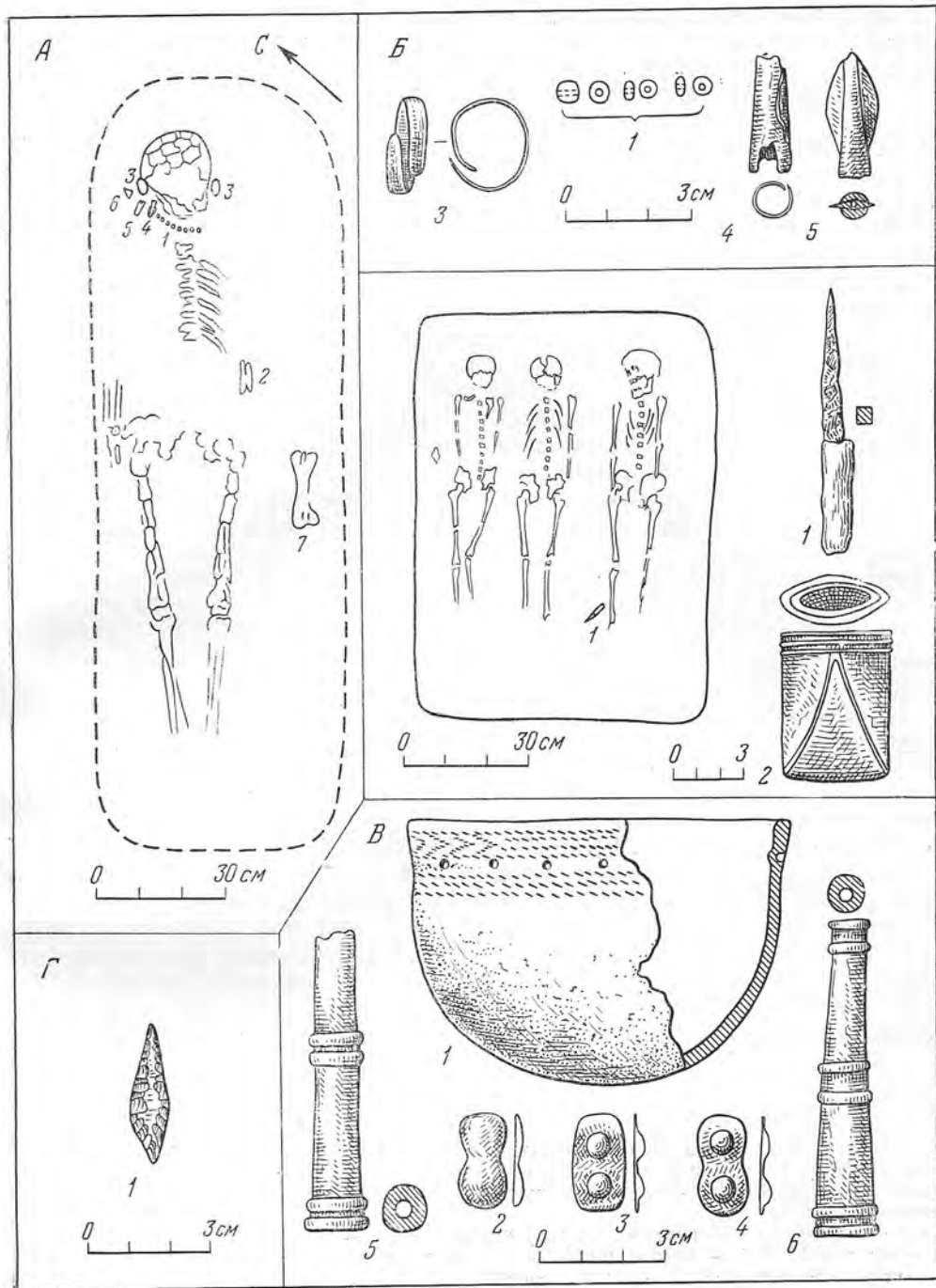
площадки выявлено два частичных погребения, расположенные, очевидно, в неглубоких ямах, контуры которых не удалось выявить. Погребение № 8 имело глубину в 110 см и содержало тлен от черепа взрослого человека, рядом с которым обнаружены бронзовый наконечник копья (рис. 24, А, 9), плечевая кость лошади и древесный тлен, скорее всего от небольшого деревянного сосуда. Погребение № 21 на глубине 80 см содержало череп подростка, вокруг которого найдены остатки головного убора из медных пронизок (рис. 24, А, 8), уплощенно-конической (рис. 24, А, 6) и двух трубчатых (рис. 24, А, 5) привесок. С левой стороны черепа найдена бронзовая височная спираль в 1,5 оборота (рис. 24, А, 7).

Основным в камере, очевидно, было погребение № 28, совершенное в могильной яме 260 × 90 см и содержащее на глубине 130 см захоронение взрослого человека (женщины), положенного на спине, вытянуто головой на северо-северо-восток (рис. 24, А). У черепа слева — медные пронизи (рис. 24, А, 2). В разной части дна могильной ямы и в засыпи отмечены кости животных (рис. 24, А, 10), а в юго-западной стороне могильной ямы были положены два отдельных человеческих черепа (рис. 24, А, 11). Характерно, что яма не имеет следов прокала, хотя в верхней части углистые включения довольно многочисленны.

Очевидно, с какими-то поминальными обрядами связаны челюсти лошади и коровы, обнаруженные рядом с могилой на глубине 60 см. От разрушенных захоронений, бывших кроме описанных в погребальной камере, возможно, происходят обнаруженные на этой же глубине 60 см глиняный чашевидный сосудик (рис. 24, А, 3) и кремневый наконечник стрелы (рис. 24, А, 4).

Первый комплекс каменных стел, расположенный в юго-западном углу раскопа между группами 6 и 9, очевидно, относящийся в целом к группам 1—9, был выявлен в квадратах А, Б/7, 8 (рис. 20, 25, 26). На глубине 50—60 см т. е. на глубине древнего уровня описанных выше наземных конструкций, было обнаружено семь не полностью сохранившихся плит-стел из рыхлого коричневатого-серого песчаника, расположенных как будто в ряд с востока-юго-востока на запад-северо-запад (рис. 25). Все плиты оказались в той или иной степени деформированными, что свидетельствует скорее об их вторичном положении. Форма их во всех прослеженных случаях однотипна — это плоские (18—20 см толщиной) камни со слегка расширяющимся округлым верхом и подтрапециевидным грубо отесанным основанием (рис. 26). Размеры выявленных камней следующие: 1 — 90 × 40 × 20 см, 2 — 85 × 42 × 19 см, 3 — 50 × 40 × 13 см, 4 — 49 × 34 × 13 см, 5 — 95 × 42 × 20 см, 6 — 33 × 30 × 10 см, 7 — 40 × 30 × 11 см. Ни на одном камне ни с какой стороны никаких изображений или надписей не выявлено.

Рис. 23. Погребения 5 (А), 6 (Б), 7 (В) и 8 (Г) групп Тетюшского могильника
 А — погребение 126: 1 — стеклянные бусы; 2 — зуб животного; 3 — височное кольцо; 4 — конусовидная подвеска; 5 — наконечник стрелы; 6 — кремень; 7 — кость лошади;
 Б — погребение 45: 1 — шило, 2 — кельт.
 В — погребение 93: 1 — сосуд, 2—4 — парные бляхи, 5—6 подвески;
 Г — погребение 42: 1 — наконечник стрелы

Второй комплекс каменных стел, состоящий из обломков шести плит, открывает собой второе скопление групп погребений в юго-восточной части раскопа (рис. 20). Размеры камней: 8—35 × 15 × 16 см, 9—52 × 42 × 18 см, 10—70 × 45 × 18 см, 11—17 × 15 × 25 см, 12—35 × 23 × 20 см, 13 — 25 × 26 × 15 см (рис. 26). Все они находились на глубине 35—60 см, т. е. на уровне древней поверхности. Еще одна плита (№ 14) обнаружена на глубине 60 см в северо-восточном углу квадрата А/4 (рис. 26; размеры 80 × 45 × 18 см).

Составление всех камней показывает (рис. 26), что они, возможно, происходят от шести крупных стел, имевших среднюю высоту 140—150 см.

Во втором скоплении погребений можно выделить четыре группы (10, 11, 12, 13).

Г р у п п а 10, выявленная в квадратах Б/9, 10, на глубине 40—70 см, состояла из остатков двух погребений (№ 1 и 2), следов мощного прокала и отдельных находок (рис. 20; 24, Б). В квадрате Б/9 и частично заходя в квадрат Б/10 на глубине 40—70 см выявилось большое пятно (200 × 152 см) прокала с углистыми включениями, с восточной стороны которого на глубине 40—50 см расчищены следы слабо сохранившихся костяков (погребения № 1 и 2), лежавших головой на запад-юго-запад. У глена черепов обнаружены обломки небольших медных височных колец в 1,5 оборота (рис. 24, Б, 1). За пределами комплекса в юго-западном углу квадрата Б/9 на глубине 90 см найден бронзовый кельт раннеананьинского типа (рис. 24, Б, 2), возможно, и не относящийся к рассматриваемой группе.

Г р у п п а 11, выявленная в западной части квадратов Б, В/11, состояла из пяти погребений (11, 27, 43, 52, 53), из которых центральным было коллективное погребение № 52 (рис. 20, 24, В).

На глубине 60 см в южной части квадрата В/11 обнаружены разбросанные кости лошади, пережженные кости и амулет из клыка медведя (рис. 24, В, 5). На этой же глубине, но севернее, на пересечении квадратов Б, В/11 выявлено большое углистое пятно со следами прокала, в северном и южном концах которого, но над ним на глубине 40—50 см расчищены остатки двух захоронений с разрушенными костяками (возможно, ориентированными головой на север и без вещей — погребение № 11 в южной и № 53 в северной сторонах. В углистом пятне расчищены остатки интересного коллективного погребения (рис. 24, В). На глубине 90 см выявились остатки трех детских костяков, лежавших вытянуто головой на север, костяк подростка с височной спиралью (рис. 24, В, 2) и медными пронизями (рис. 24, В, 1) у черепа; костяк ребенка под ногами подростка с развалом глиняного сосуда позднеприказанского типа (рис. 24, В, 3); костяк ребенка в северо-восточном углу (погребение № 43) с небольшим сосу-

Рис. 24. Погребения 9 (А), 10 (Б) и 11 (В) групп Тетюшского могильника

А — погребение 28: 1 — шило, 2 — пронизки (погр. 28); погребение 21; 3 — сосуд; 4 — наколечник стрелы; 5 — височные подвески; 6 — коническая подвеска; 7 — височное кольцо; 8 — пронизка; погребение 8: 9 — бронзовый наконечник копья; 10 — кости животных; 11 — череп человека

Б — погребение 2: 1 — височное кольцо; квадрат Б/9: 2 — кельт

В — погребение 52: 1 — медные пронизки, 2 — височное кольцо; 3 — сосуд; погребение 43: 4 — сосуд; квадрат В/11: 5 — клык медведя

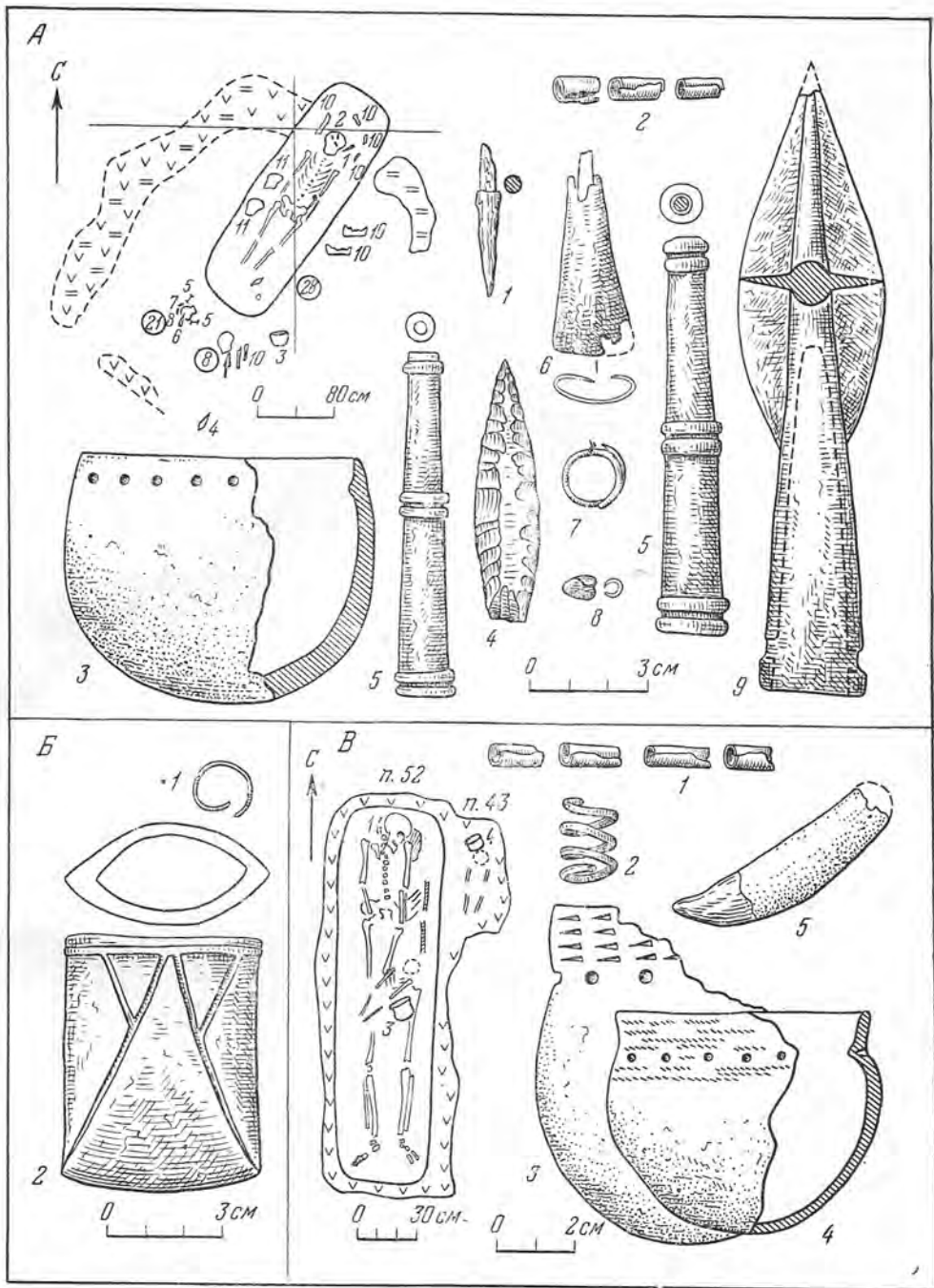

Рис. 25. Вид с северо-востока на первый комплекс каменных стел Тетюшского могильника

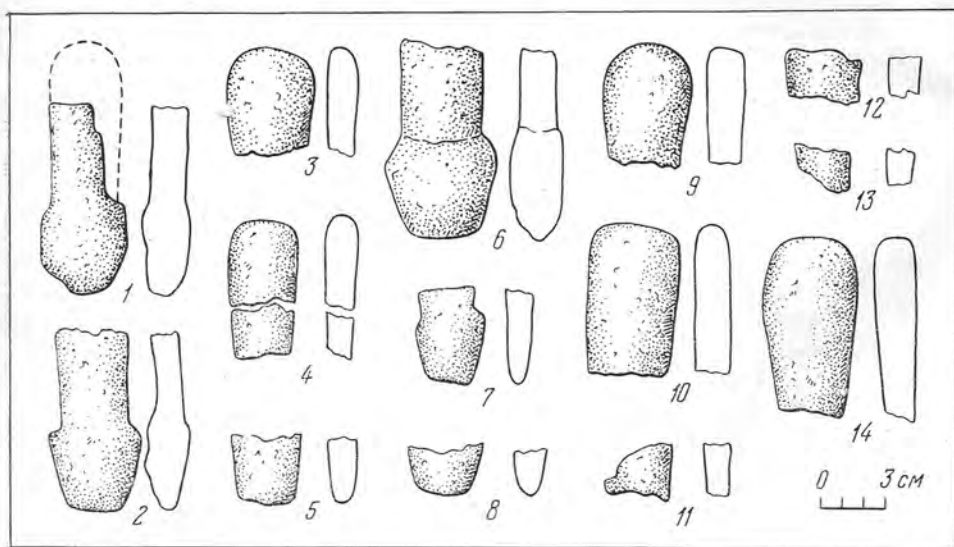

Рис. 26. Прориси каменных стел Тетюшского могильника

диком (рис. 24, В, 1) в изголовье. Показательно, что костяки следов воздействия огня не имеют в противоположность основному захоронению взрослого человека, выявленного на глубине 110 см и лежавшего на спине вытянуто головой на север (рис. 24, В). Кость верхней половины скелета были обуглены. Вещей не обнаружено, кроме пятна охры у левого плеча.

По изложенным материалам можно реконструировать следующий обряд захоронения. Основное погребение было, очевидно, совершено в яме, над которой было возведено наземное сооружение. Затем оно было сожжено, и в верхней части ямы поместили детские захоронения, а по краям, почти на поверхности — еще два погребения.

К западу от прокала группы 11 на глубине 90 см расчищен костяк подростка, лежавший головой на север и имевший в изголовье небольшой глиняный сосудик (рис. 27, А, 2), а у ног — подвеску из клыка кабана (рис. 27, А, 1).

Г р у п п а 12, выявленная на пересечении квадратов В/11, 12 (рис. 20, 27, Б), состояла из центрального коллективного погребения (№ 38) и двух введенных в камеру более поздних погребений (№ 37 и 39).

Первоначально на глубине 60 см выявилось большое кострищное пятно подпрямоугольной формы (300 × 185—200 см), имевшее мощность прокала от 30 до 50 см. Севернее пятна в квадрате В/12 найдена медная височная спираль в 2,5 оборота (рис. 27, Б, 3).

На глубине 110 см в пятне прокала расчищен костяк взрослого человека (погребение № 37), положенный на спине вытянуто головой на юг. По сторонам черепа — 2 небольших медных височных кольца (рис. 27, Б, 1). Кости скелета следов воздействия огня не имеют.

На глубине 115 см в пятне прокала 210 × 160 см расчищено коллективное захоронение (погребение № 38), состоявшее из пяти взрослых и одного детского костяка (рис. 27, Б). Все костяки имеют следы сильного обжига, поэтому кости деформированы, а упавшей сверху землей и обугленными конструкциями в ряде случаев смещены с первоначального положения. Один костяк был ориентирован головой на юг, остальные — на север. У правого бедра первого костяка обнаружены остатки берестяного пояса, орнаментированного прокусами (рис. 27, Б, 2). В ряде мест коллективного захоронения отмечены кости животных — челюсть овцы, плечевая кость коровы и т. п.

К северо-востоку от основной ямы в более верхних слоях кострища на глубине 90 см расчищена груда обожженных человеческих костей (погребение № 39), скорее всего, от вторичного захоронения.

Г р у п п а 13, исследованная преимущественно в квадрате В/13 с частичным заходом в соседние участки (рис. 20), состояла из основного погребения № 26 и введенных затем в этот же район после разрушения наземных конструкций погребений № 6, 18, 19, 25.

Первоначально на глубине 60 см выявилось большое пятно прокала трапециевидной формы (175—250 × 200 см), окаймленное углистой полосой шириной 15 см. В разных местах этого пятна расчищены вводные, более поздние захоронения, залегающие выше основного погребения и не содержащие следов воздействия огня. Таковы погребение № 6, выявленное с северо-восточной стороны пятна на глубине 40 см и содержавшее костяк взрослого человека, ориентированный головой на север (у черепа — небольшое височное колечко; рис. 27, В, 1); погребение № 18, расчищенное на глубине 60 см у восточного края пятна

и содержавшее частично потревоженное захоронение с серебряным височным кольцом у черепа (рис. 27, В, 2); погребение № 19, введенное до глубины 80 см в юго-восточном углу развала конструкций и содержащее костяк подростка и еще череп взрослого человека, а также оригинальный бронзовый наконечник копья (рис. 27, В, 5); погребение № 25, изученное на глубине 100 см в северо-западном углу общего пятна и содержавшее костяк подростка, положенный вытянуто головой на север.

В восточной половине общего пятна после снятия углисто-прокаленного слоя на глубине 80 см очертилось подпрямоугольной формы (210 × 70 см) яма, содержащая на глубине 100 см захоронение взрослого человека и ребенка, ориентированные головой на север. Многие кости скелета обожжены и деформированы упавшими конструкциями. Справа у черепа взрослого человека — серебряное височное кольцо (рис. 27, В, 3), в изголовье — каменный сверлелый молотковидной формы топор.

Г р у п п а 14, выявленная на пересечении квадратов Г/13, 14, занимает обособленное место и не содержит следов сгоревших наземных конструкций. В этой группе 5 погребений (№ 7, 23, 24, 29, 44), из которых центральным является коллективное погребение № 44 (рис. 20). Могильная яма погребения (120 × 180 см), южнее которого был найден бронзовый кельт раннеананьинского облика (рис. 27, Г, 3), выявилась на глубине 80 см. На дне ямы (105 см) расчищено три костяка взрослых людей, лежавшие головой на северо-восток. Один костяк лежал на спине, другой — на правом боку, третий — на левом. Под черепом центрального костяка найдены ребра животного, а в ногах — костяк ребенка, ориентированный, головой на юго-запад. Вещей не обнаружено.

Над основной могилой, в той или иной степени затрагивая ее верхние края, располагались более поздние захоронения: в северо-западном углу на глубине 75 см — вторичное погребение (№ 29); в юго-западной стороне на глубине 40 см — разрушенные остатки взрослого костяка (№ 24); над южной половиной на глубине 35 см — также фрагменты взрослого костяка (№ 23), а с восточной стороны на глубине 50 см — еще одно разрушенное взрослое захоронение (№ 7). Вещей не обнаружено, но сосредоточение всех погребенных на одном месте, преимущественная их ориентация головой на северо-запад, ногами к реке заставляют их отнести к раннеананьинскому времени и полагать, что здесь находилось какое-то наземное сооружение, но не сожженное и поэтому не сохранившее каких-либо следов.

Какие-то наземные сооружения имелись, очевидно, и в южной части могильника, так как в восточных квадратах раскопа № 9 ближе к разрушенной части могильника отмечены углистые пятна со следами прокала (рис. 20). Но все же здесь более отчетливым является рядовое положение могильных ям. Выделяют-

Рис. 27. Погребения 127 (А), 12 (Б), 13 (В) и 14 (Г) групп Тетюшского могильника

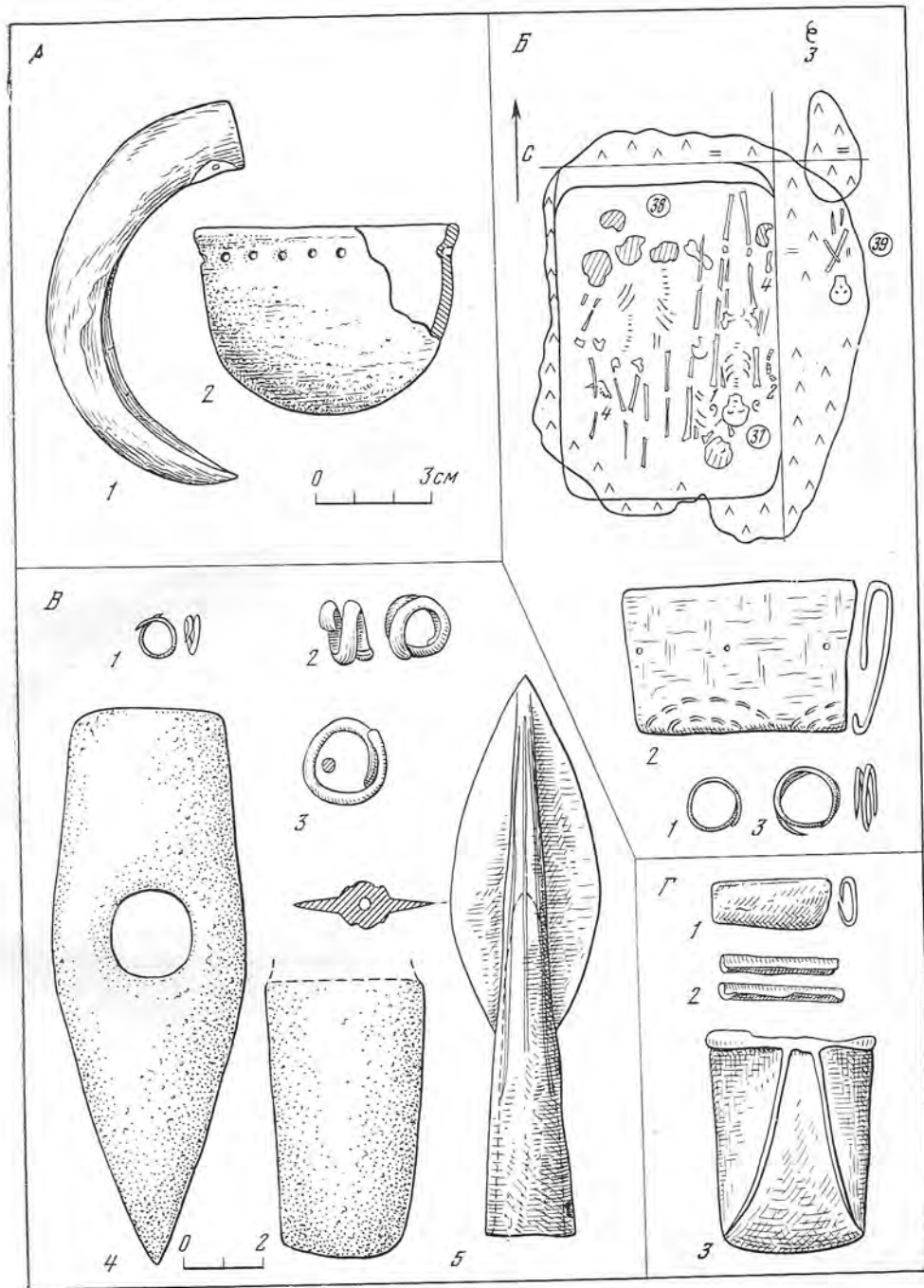
А — погребение 27: 1 — клык кабана, 2 — глиняный сосуд;

Б — погребение 37: 1 — височное кольцо; погребение 36: 2 — берестяной пояс, 3 — височное кольцо (кв. В/12), 4 — кости животных;

В — 13 группа. Погребение 6: 1, 2 — височное кольцо; 3 — височное медное кольцо; погребение 26: 4 — каменный топор; погребение 19: 5 — бронзовый наконечник копья

Г — 14 группа: погребение 53: 1, 2 — медные пронизки; 3 — бронзовый кельт (кв. В — 13).

ся два ряда, имеющие направление, параллельное берегу Волги. Первый (ближний) ряд включает пять могил (№ 147, 148, 185, 189, 200).

В могильной яме погребения № 147 (190 × 65 см) вначале на глубине 45 см были зафиксированы следы костяка ребенка, лежавшего в юго-западном конце ямы. Ниже, на глубине 50 см расчищен костяк взрослого человека, лежавший на спине вытянуто головой на юго-запад, ногами — к реке. За черепом находились бронзовый кельт раннеананьинского типа (рис. 28, 3), плечевая кость лошади, и под ней — железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 28, 2).

Над и вокруг могильной ямы № 148 в квадратах Р/1, 2 на глубине 35—40 см прослежены углистые пятна с прокалом неправильных очертаний и разных размеров (125 × 135, 180 × 60, 70 × 40) см. Под ними на глубине 50 см очертилась могильная яма (195 × 50 см), на дне которой (глубина 80 см) расчищен костяк взрослого человека, лежавшего на спине вытянуто головой на юго-запад, ногами — к реке. Руки были слегка согнуты в локтях и кистями положены на таз. За черепом справа — 2 небольшие медные накладки и железное шило (рис. 28, 1), под левой берцовой костью прослежен красноватый тлен от кожи. Хотя в засыпи ямы, особенно в верхней части, отмечались углистые включения, костяк каких-либо следов воздействия огня не имел.

Расположенное в северо-западном углу квадрата П/1 погребение № 185 представляло собой груду человеческих костей, расчищенных на глубине 35—40 см. Очевидно, это вторичное захоронение, с которым, может быть, связан найденный рядом глиняный круглодонный сосуд с ямочным орнаментом (рис. 28, 6).

Особый интерес представляют расположенные рядом и, очевидно, составляющие единый комплекс, погребения № 189 и 200, расчищенные в квадратах П, Р/1 (рис. 20, 29—31).

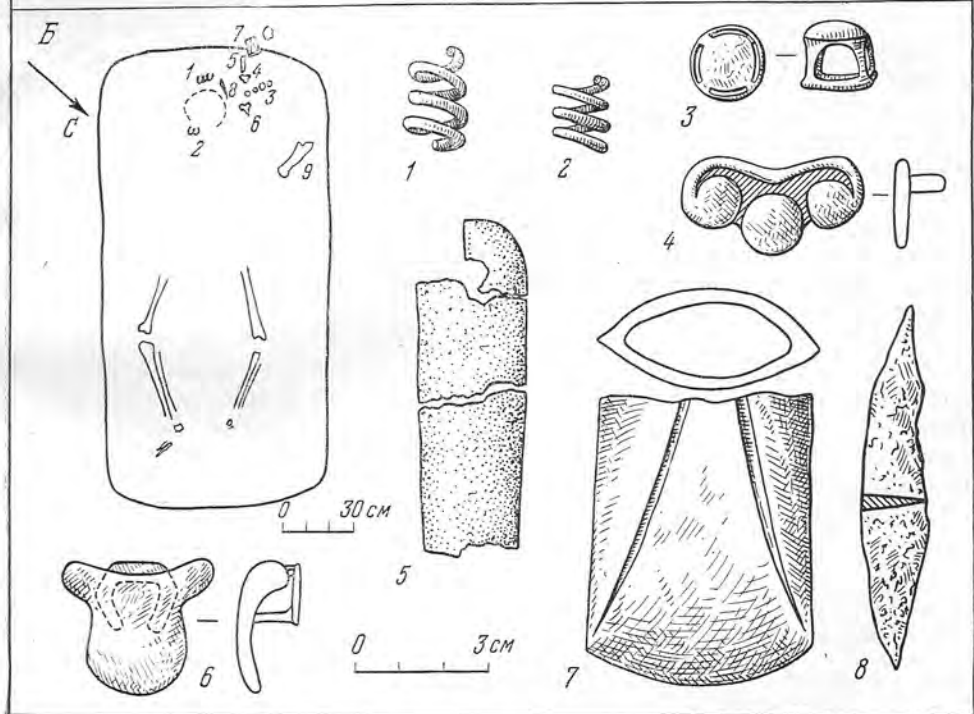
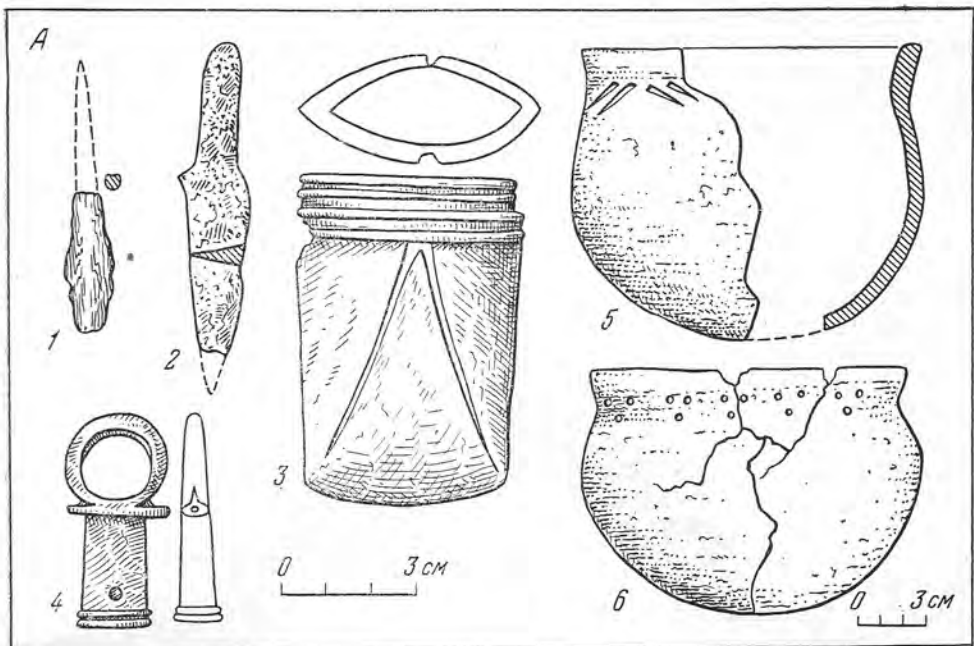
Первоначально в юго-западной части квадрата П/1 на глубине 35 см выявилось скопление бронзовых предметов.

Сверху скопление было покрыто берестой. Под ней лежала бронзовая бляха тыльной стороной вверх (рис. 29, Б). Под бляхой выявился набор женских украшений, состоящий из головной повязки и трубчатых привесок (рис. 30).

Бляха, очевидно, подвешивалась на кожаном ремешке, от которого сохранились фрагменты. Головная повязка была выполнена на кожаном ремне с бронзовыми пронизками и бляшками (рис. 31). Ниже головной повязки — 4 массивные трубчатые пронизи (рис. 31). Трубицы были соединены друг с другом (поочередно) кожаными ремешками. Сохранились остатки плетеных тесемок, которые были продеты в трубицы. Здесь же лежал обломок железного шила. Весь комплекс располагался на берестяной подкладке, очевидно, являющейся остатками днища берестяной коробки квадратной формы 16 × 16 см. Никаких следов человеческих костей в скоплении не обнаружено.

Рис. 28. Раннеананьинские предметы из Тетюшского могильника

А — из участков и разных погребений: 1 — шило (погр. 148), 2 — нож, 3 — кельт (погр. 147), 4 — поясная подвеска (под мат.), 5 — сосуд (кв. Р — 3, р. 9), 6 — сосуд (кв. П — 1, р. 9); Б — из комплекса погребения 183: 1 — серебряная височная спираль; 2 — золотая височная спираль; 3 — медные пронизи; 4 — поясная подвеска-накладка; 5 — «оселок», 6 — подвеска-накладка; 7 — кельт; 8 — железный нож; 9 — кость лошади

На глубине 50—60 см рядом с описанным скоплением начали очерчиваться контуры большой могильной ямы (240 × 60—85 см), вытянутой с северо-востока на юго-запад. На глубине 50 см над этой ямой найден лепной круглодонный сосудик с органическими примесями в тесте и веревочным орнаментом, стоявший вверх дном (рис. 29, 1). Рядом с ним — два каменных ядра-шара из белого известняка (рис. 29, 6, 7), на 10 см ниже и в 10 см южнее этого комплекса расчищены бронзовый кельт (рис. 29, 5) и маленький бронзовый штырек, в 10 см западнее — каменная точеная чашечка (рис. 29, 4). Под сосудом расчищен бронзовый наконечник ремня (рис. 29, 10), рядом с ним — железный нож (рис. 29, 3) и бронзовый наконечник копья (рис. 29, 8), ниже их на глубине 75 см найден кремешок (рис. 29, 9) и к западу от него в 13 см — 4 кремневых наконечника стрел (рис. 29, 2). Все эти вещи были положены в специально вырытую для них яму, контуры которой прослеживались довольно четко (рис. 29, А). Под наконечниками стрел на глубине 80 см в засыпи могилы встречена плечевая кость лошади.

На глубине 90 см расчищен костяк погребенного, довольно хорошо сохранившийся. Погребенный был положен вытянуто на спине головой на юго-запад (ногами к реке) лицом вверх. Руки вытянуты вдоль корпуса. Сопровождающих вещей на дне могилы нет. У середины северо-восточной стенки могильной ямы выявлена яма от столба. Ее диаметр сверху — 20 см, ниже на 15 см она сузилась до 11—17 см. Глубина ямки — 40 см.

Следует полагать, что мужское захоронение, кроме комплекса вещей, ему принадлежавших, сопровождалось еще комплексом женских украшений (№ 189).

Ко второму ряду относятся три расположенных в 3—4 м друг от друга погребения — № 183, 211, 221 (рис. 20). Над ними следов каких-либо наземных конструкций не наблюдалось.

У погребения № 183 первоначально на глубине 40 см были обнаружены бронзовый кельт (рис. 28, Б, 7), лежавший лезвием вниз, и каменная галька. На глубине 50—60 см обрисовалось пятно могильной ямы (200 × 100 см), на дне которой, имевшей прямые стенки, расчищены остатки костяка взрослого человека, лежавшего на спине вытянуто головой на запад-юго-запад. Ноги погребенного были расставлены ромбом. Остальные кости, за исключением тлена от черепа, не сохранились (рис. 28, Б).

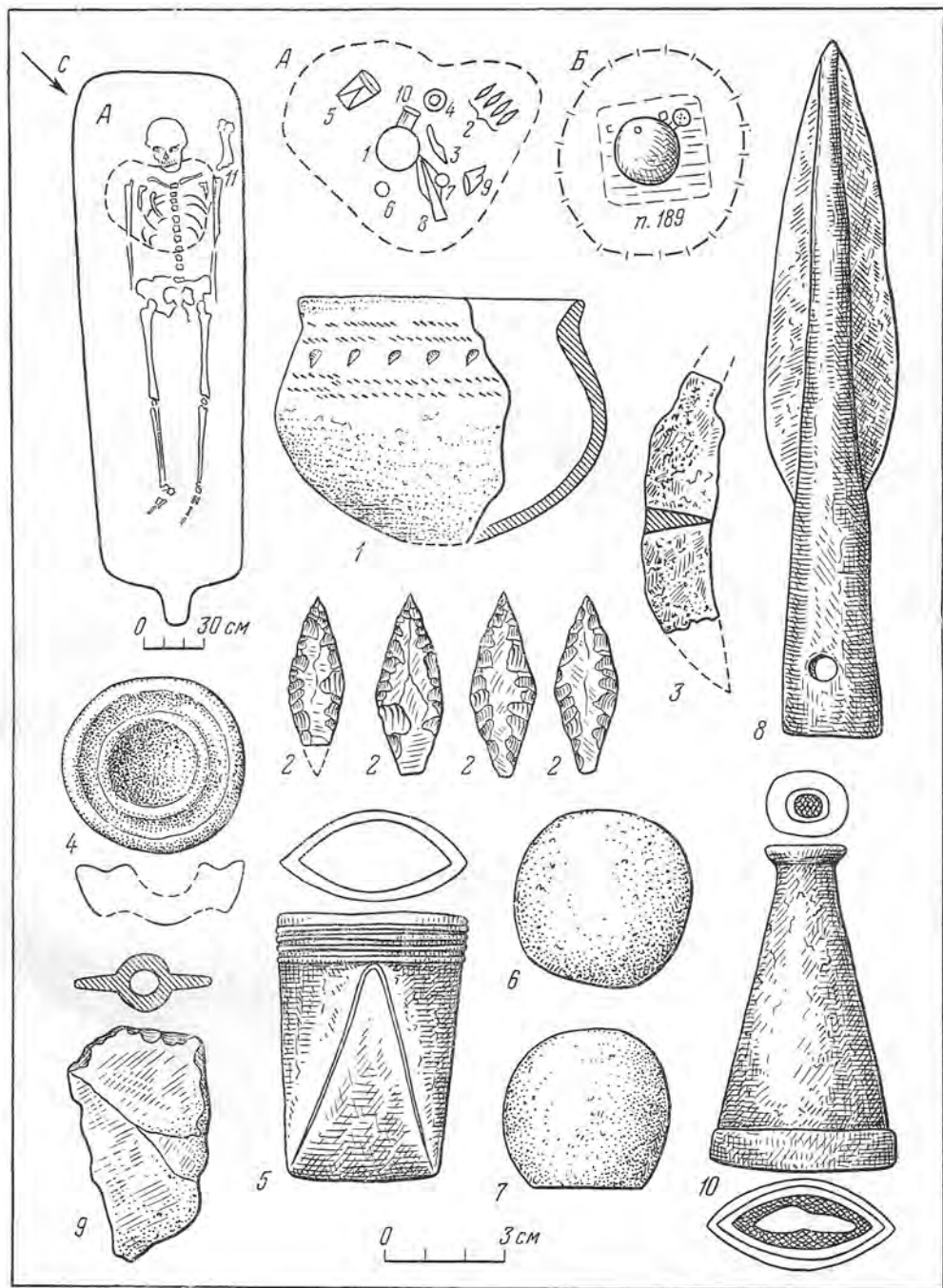
У черепа погребенного обнаружены 2 височные подвески: за черепом — серебряная (рис. 28, Б, 1), у челюсти — золотая (рис. 28, Б, 2). Западнее черепа найден нож серповидной формы (рис. 28, Б, 8) в северо-западном углу — скопление бронзовых украшений от поясного набора (рис. 28, Б, 3, 4, 6) и «оселок» (рис. 28, Б, 5) из рыхлого песчаника, несколько восточнее у северной стенки могилы — плечевая кость лошади. В районе несохранившейся грудной клетки лежали обломок медной пронизки и окисленная кость.

Рис. 29. Погребение 189, 200 Тетиюшского могильника

А — верхний комплекс погребения 200; Б — погребение 189;

1 — сосуд; 2 — наконечники стрел; 3 — нож; 4 — чашечка; 5 — кельт; 6, 7 — шарики; 8 — наконечник копья; 9 — кремешок; 10 — подвеска; 11 — плечевая кость лошади;

1 — глина, 2, 9 — кремешок, 3 — железо, 4, 6, 7 — камень, 5, 8, 10 — бронза

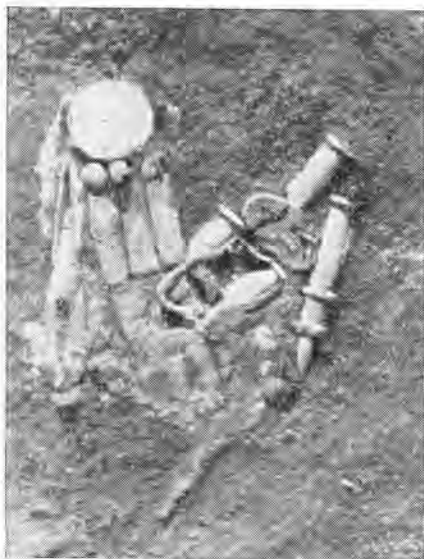

Рис. 30. Погребение 189 Тетюшского могильника

Руки вытянуты вдоль корпуса. Правая — несколько откинута. В юго-западном конце могилы в изголовье погребенного была положена плечевая кость лошади, а непосредственно у черепа слева от него — железный наконечник копья (рис. 32, 7) и железный нож (рис. 32, 5), а справа — бронзовый кельт (рис. 32, 3), положенный лезвием к голове погребенного. Во втулке кельта сохранились фрагменты дерева от рукояти. В 27 см справа от черепа найдена золотая спиральная височная подвеска (рис. 32, 1). Под кельтом и над ним сохранились фрагменты кожаного чехла. Ниже обнаружен древесный тлен. Очевидно, дно могилы было выстлано деревянными плашками.

Две могилы (№ 105 и 113) вскрыты в раскопе 8, заложенном по южному краю северного оврага (рис. 20). Вероятно, число раннеананьинских могил в этом районе было значительно больше, но, к сожалению, они были разрушены обрывом и особенно строительными работами. Из одного таких разрушенных погребений, вероятно, происходит весьма оригинальная подвеска в виде двух спаренных антропоморфных фигур (рис. 21, В, 1).

Из изученных на раскопе могил одна (№ 105) содержала коллективное захоронение, а в другой (№ 113) следов человеческого костяка не обнаружено.

Могильная яма № 105, выявленная на глубине 70 см, имела подпрямоугольную форму (210 × 105 см) с закругленными углами и была вытянута с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Заполнение ее, состоящее из темного суглинка, по краям имело желтые глинистые включения. Ближе ко дну отмечены обильные углистые пятна. На глубине 100 см расчищены остатки коллективного погребения с хорошо сохранившимися пятью костяками, лежавшими

От погребения № 211, совершенного на глубине 70 см и разрушенного более поздним захоронением № 212, сохранились лишь нижние конечности, судя по которым погребенный (подросток) лежал вытянуто на спине головой на юго-запад, ногами — к реке.

В районе погребения № 221, в квадрате Р-3 на глубине 35—40 см в разных местах были найдены бронзовая поясная подвеска (рис. 28, 4) и небольшой глиняный сосудик (рис. 28, 5) с растительной примесью в тесте.

Могильная яма (220 × 90 см) выявилась на глубине 110 см. Непосредственно над ней на глубине 90 см был найден бронзовый наконечник копья (рис. 32, 6), ниже его на глубине 105 см расчищен круглодонный чашевидный сосудик с примесью в тесте песка и ямочным орнаментом по шейке (рис. 32, 2).

На глубине 125 см расчищен костяк взрослого человека, положенного вытянуто на спине головой на юго-запад, ногами — к реке. Череп слегка повернут вправо.

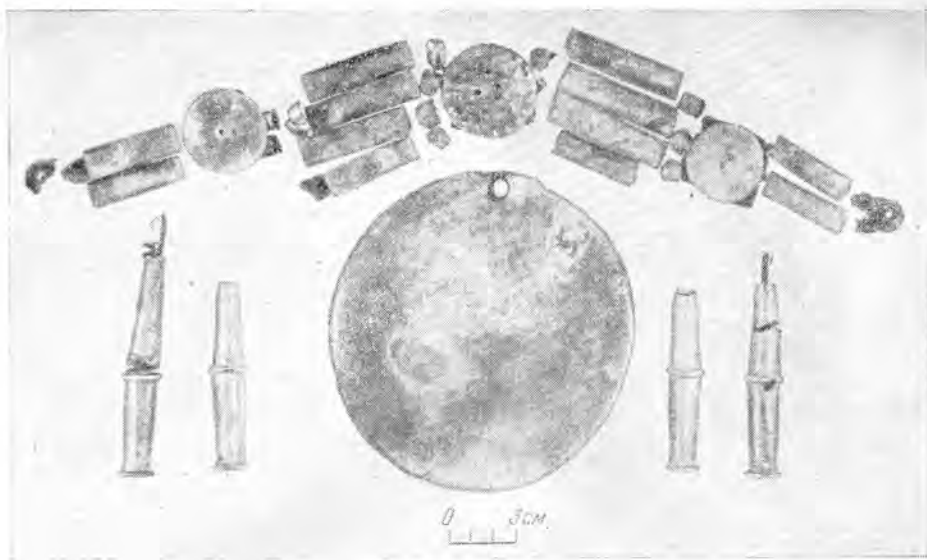

Рис. 31. Головные украшения и зеркало из комплекса № 189 Тетюшского могильника

головой на восток-северо-восток (рис. 33). Костяки сильно потревожены грызунами. Один, располагавшийся у северного края ямы, лежал вытянуто на спине, с черепом на правом виске. Руки вытянуты, но кости правой руки перемещены на грудь. Верхняя половина туловища несколько откинута назад. Второй лежал, вероятно, на спине, но ноги его, согнутые под прямым углом, были откинuty на ноги первого костяка. Третий располагался вытянуто на спине с широко расставленными ногами. Верхняя часть его туловища смещена к тазу, четвертый костяк (младенца) лежал вытянуто. Пятый сильно нарушен грызунами, но, по-видимому, также лежал на спине вытянуто. Кости ног вытянуты на костяки № 2—3.

Могильная яма № 113, вытянутая с востока на запад (250 × 60 см), оказалась пустой. В ее засыпи отмечены углистые включения, а у юго-западной стенки на глубине 50 см найдены 2 бронзовых втульчатых двухперых наконечника стрелы (рис. 21, В, 2, 3).

В северной, вернее северо-западной, стороне могильника (раскоп 7) в основном располагались детские захоронения, что подтверждает неоднократно высказываемую исследователями мысль о выделении у ананьинцев специальных мест для детских погребений. Всего в этой части изучено 7 могил (№ 56, 57, 74, 75, 77, 80, 101), размещенные в один ряд параллельно берегу Волги.

Погребение № 56 обнаружено при осмотре обрыва. Очертания могильной ямы длиной 165 см, ориентированной по линии запад-восток, появились на глубине 80 см. Ширина ямы в восточной части 45 см, в западной части яма разрушена обрывом. На глубине 120 см найдено парное детское погребение.

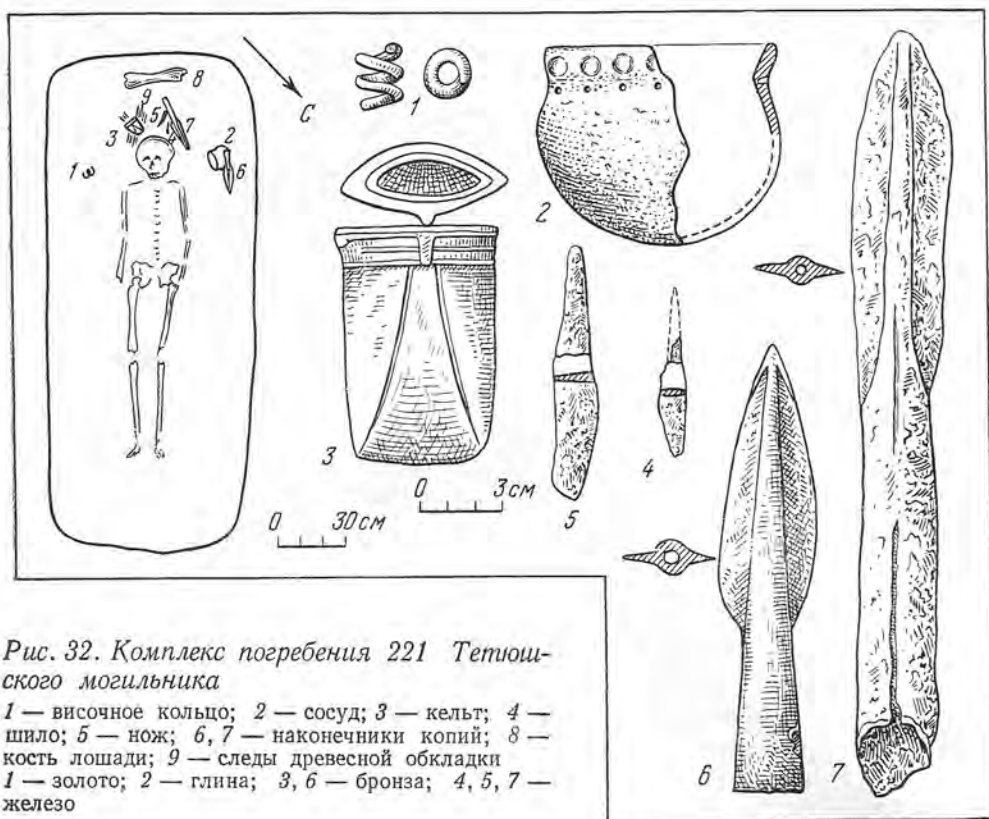

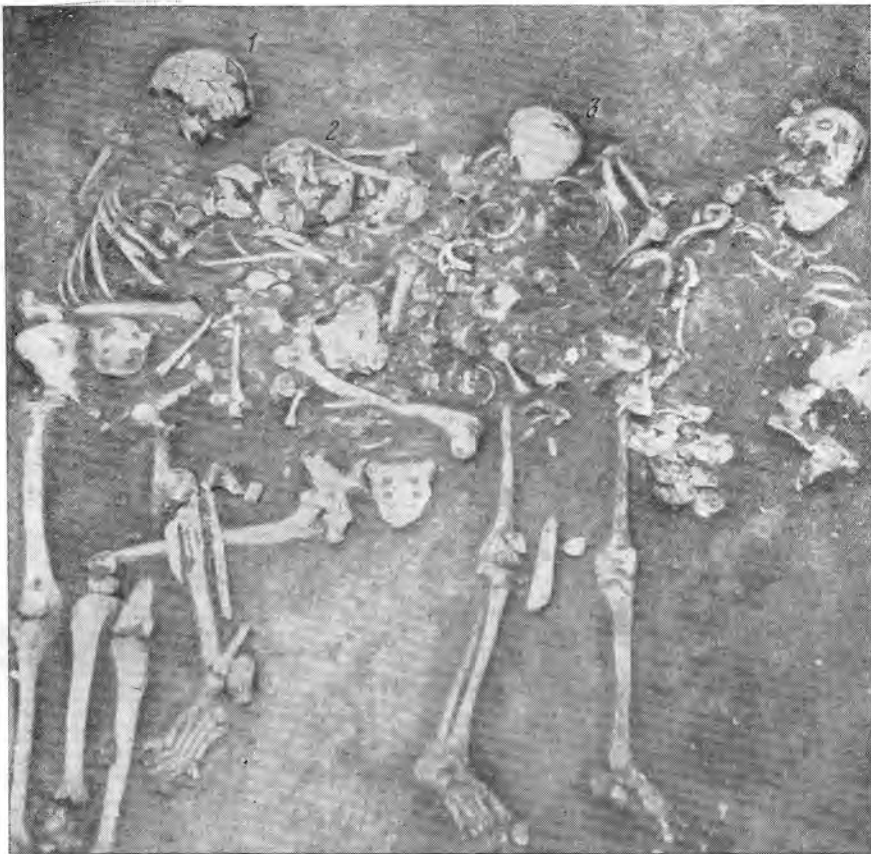
Рис. 32. Комплекс погребения 221 Тетюшского могильника

1 — височное кольцо; 2 — сосуд; 3 — кельт; 4 — шило; 5 — нож; 6, 7 — наконечники копий; 8 — кость лошади; 9 — следы древесной обкладки
1 — золото; 2 — глина; 3, 6 — бронза; 4, 5, 7 — железо

Один из костяков, ориентированный головой на восток-северо-восток (отклонение к северу от линии восток-запад — 20°), лежал вытянуто на спине. Правая рука располагалась вдоль туловища. Под черепом и у височных костей находились кости животных (фаланга лося и зуб кабана). Справа от костей ног правой ноги скелета расчищен еще один детский скелет, значительная часть которого обгорела. Сохранились лишь череп и верхняя половина костяка, судя по которым погребенный был ориентирован головой на восток-северо-восток. Левая рука положена вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть ее на тазовых костях. Вещей не обнаружено.

В 1,5 м к северо-западу от описанного исследовано коллективное захоронение № 77, очертание могильной ямы (215×195 см) которого появились на глубине 75 см. На глубине 75—80 см над юго-восточной частью ямы зафиксирована россыпь бус (рис. 21, б). На глубине 115—120 см яма приобрела округло-квадратное очертание (195×195 см). На дне ее выявлены остатки 12 костяков, в том числе 6 взрослых и 6 детских и подростковых. Все взрослые были ориентированы головой на юго-восток к реке. Справа налево они пронумерованы 1, 2, 3, 4, 5, 6. Правая сторона верхней части и череп скелета № 1 разрушены ямой позднего погребения № 69. Судя по сохранившимся остаткам, погре-

Рис. 33. Коллективное захоронение № 105 Тетюшского могильника

бенный лежал вытянуто на спине. Костяк № 2, слегка повернутый на правый бок, находился между скелетами № 1 и 3 и частично перекрывал их. Костяк № 3 также был повернут на правый бок. Берцовые кости ноги и кости ступни так же, как и лучевые кости руки, у него не сохранились. Плечевая кость левой руки откинута. Костяк № 4 лежал вытянуто на спине, руки вдоль. Костяк № 5 также лежал на спине, кости ног сдвинуты влево. Костяк № 6 лежал на спине, череп повернут направо, правая рука вдоль, левая согнута в локте. Кости ног в коленях согнуты влево. Между кистями рук костяков № 6 и 5 расчищен костяк младенца (№ 7). Еще один костяк ребенка (№ 12), ориентированный головой на север-северо-восток и лежащий слегка на правом боку, расчищен между костями ног скелетов № 5 и 6. В ногах скелетов № 1—5 находились еще 3 детских костяка (№ 8—10). Один из них (№ 10), ориентированный головой на северо-северо-запад, лежал вытянуто на спине. Второй (№ 9) ориентирован

головой на северо-запад, третий (№ 8) — на запад-юго-запад. На позвоночных костях костяка № 2 были расчищены кости детского таза (№ 11).

При выборке погребения над черепом костяка № 2 расчищена окись бронзового колючка из прямоугольной в сечении проволоки. В некоторых местах найдены мелкие фрагменты керамики.

В 1,5 м к северо-западу от погребения № 77 расчищено также коллективное захоронение № 57. Очертания его могильной ямы (150 × 90 см), ориентированной по линии северо-восток-юго-запад, появились на глубине 75 см. На глубине 125 см расчищены три скелета, лежавшие вытянуто на спине, один возле другого, головами на северо-восток. Кости центрального и левого костяков в значительной степени потревожены. Череп правого костяка повернут на правый бок. Справа на месте таза центрального скелета лежала бабка лошади. Под центральным черепом при выборке его расчищено разломанное бронзовое височное колечко (рис. 21, 4). Другое бронзовое колечко в 1,5 оборота (рис. 21, 5) найдено над черепом левого костяка.

В 3,5 м к северо-западу выявилась еще одна большая яма, содержащая также коллективное захоронение № 80. Очертания могильной ямы погребения размером 190 × 170 см, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток, выявились на глубине 65 см. На глубине 90 см расчищено коллективное захоронение с остатками десяти костяков, ориентированных головой на северо-восток. В направлении северо-юг скелеты обозначены 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Детский костяк № 1 лежал вытянуто на спине, череп его свален на левый бок. Костяк № 2 был повернут на правый бок, ноги его вытянуты; костяк № 3 лежал на левом боку с согнутыми ногами. Костяк № 4 на правом боку, ноги его также слегка согнуты. Скелет № 5 на левом боку со слегка согнутыми ногами, частично он перекрывал скелет № 6. От детского скелета № 7 сохранились лишь разбросанные в беспорядке трубчатые кости ног в юго-восточном конце ямы. Костяк № 8 — детский. Череп его свален на правый бок. Кости ног отброшены в нижний угол ямы. Между бедренными костями ног скелета № 1 найдена бабка лошади; детский костяк № 9, также ориентированный головой на северо-восток, лежал слегка повернуто вправо над левой ногой костяка № 4. Скелет № 10, также детский, ориентированный головой на северо-восток и слегка повернутый на правый бок, находился между костями ног скелетов № 2 и 3.

К северо-западу от ямы № 80 находилась завершающая группа захоронений (№ 74, 75, 101), сосредоточенные около углистого пятна со следами прокала. Далее на северо-запад и в других направлениях погребений интересующего нас времени не выявлено.

Очертания могильной ямы погребения № 74, частично перекрытой пятном прокала, в слое, переходном от чернозема к суглинку, не прослеживается. На глубине 50 см обнаружено детское захоронение, от которого сохранился только череп. Через 50 см к северо-западу от него на той же глубине расчищен еще один детский череп (погребение № 75).

Южнее их в 60 см на глубине 35—40 см без четких очертаний выявились пять на обожженной глины, под которыми расчищены полубоженные человеческие кости — длинные, трубчатые, часть таза и нижняя челюсть. Их расположение заставляет предполагать наличие здесь вторичного погребения, кости которого подверглись обжигу за счет костра, разожженного сверху. Значительная часть погребения была разрушена более поздней ямой № 100.

Тетюшский могильник по погребальному обряду и особенно по погребальному инвентарю относится к числу наиболее ранних ананьинских могильников. В центральной части памятника содержатся и погребения позднеприказанской поры, составляющие непрерывное целое с раннеананьинскими захоронениями.

Несколько южнее по Волге известны еще два раннеананьинских могильника — II Полянский и Гулькинский, расположенные по обе стороны устья Утки—левого притока Волги (рис. 5, 7, 8).

II Полянский могильник

В 1962 г. в 350 м к юго-востоку от с. Полянки Куйбышевского района Татарской АССР на краю высокой песчаной террасы Волги был обнаружен могильник, на котором исследовано около 30 погребений. К сожалению, значительная часть площадки могильника разрушена обрывом берега, поэтому точное число погребенных установить невозможно. Никаких признаков курганных насыпей не прослежено, скорее всего могильник был грунтовым и не имел сверху насыпей. Могильные ямы вытянуты в ряд вдоль края берега³⁴.

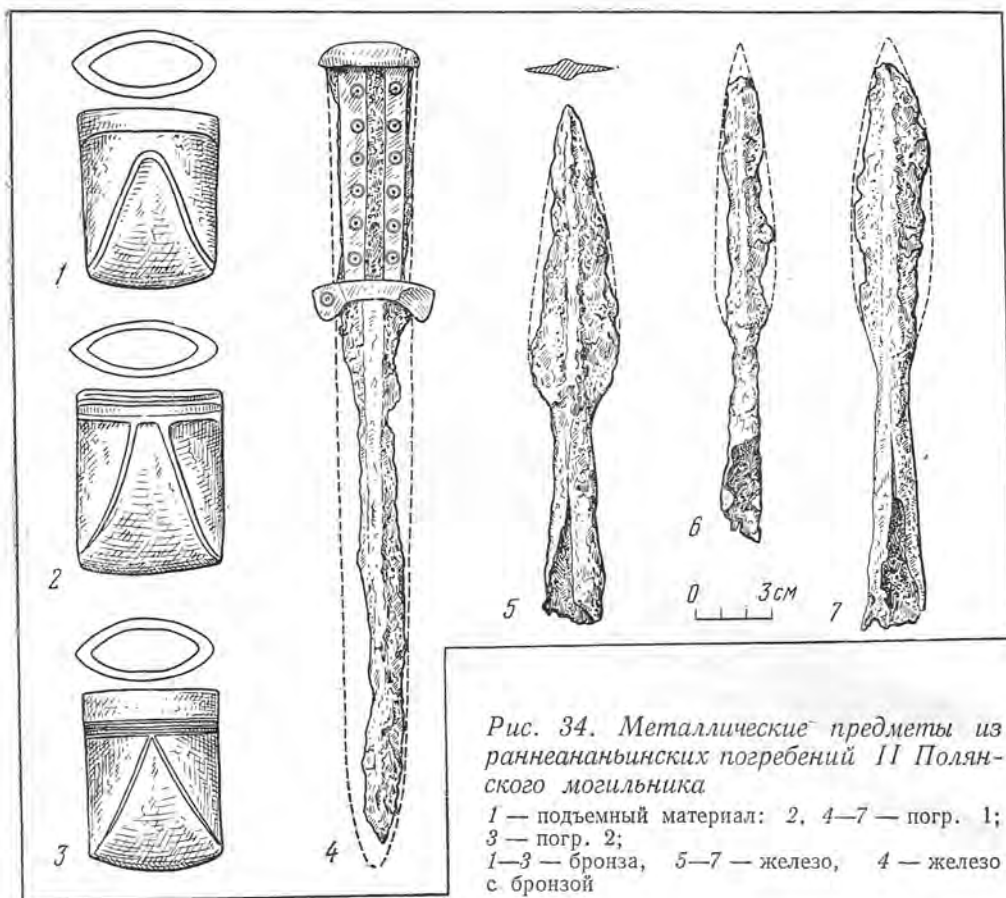
8 погребений (№ 1, 2, 6а, 6б, 10а, 13, 15 и 15а), судя по инвентарю (кельты, железные наконечники копий и пр.; рис. 34) и характерной ориентации ногами к реке, относятся к раннеананьинскому времени (VIII—VII вв. до н. э.), остальные 22 погребения — позднеприказанские. Интересно отметить, что обе группы расположены на одной и той же территории и нередко ананьинские погребения (№ 6а, 10а, 15 и 15а) введены в приказанские ямы или перекрывают (№ 2) последние. Вероятно, во II Полянском могильнике хоронило одно и то же население в течение длительного времени. Между прочим такое же явление, но с преобладанием погребений раннеананьинского времени наблюдалось и в I Новомордовском могильнике.

Из раннеананьинских погребений, сосредоточенных в южном конце могильника, 7 — одиночные и 1 парное. Большинство костяков, кроме погребения № 1, лежали на спине вытянуто ногами к реке. В погребении № 10 костяк лежал скрещенно на левом боку. Над погребениями или рядом с ними (№ 6а, б, 10) отмечались иногда следы сгоревших конструкций.

Среди погребального инвентаря имеются типичные раннеананьинские предметы — бронзовые кельты, железные наконечники копий и железный кинжал с биметаллической рукояткой (рис. 34), датированные VIII—VII вв. до н. э.

Гулькинский могильник

В 1886 г. в урочище «Валдай» на лугах левобережья Волги у с. Волостниково бывшего Спасского уезда Казанской губернии (ныне Старо-Майнский район Ульяновской области) были обнаружены бронзовые изделия, в том числе раннеананьинский кельт³⁵. Сведения о находке еще одного такого же кельта опубликовал в 1891 г. А. Ф. Лихачев³⁶. В 1950 г. А. В. Збруева в этом районе на Гулькином бугре, представлявшем собой мыс надлуговой террасы левого берега Волги и ее притока — Утки, открыла и исследовала остатки раннеананьинского могильника, названного ею Гулькинским и датированного VII—VI вв. до н. э.³⁷

Всего на могильнике, расположенном на месте более раннего поселения атабаевского и маклашеевского этапов приказанской культуры³⁸, исследовано 13 погребений, совершенных в относительно неглубоких ямах, расположенных в один или два ряда параллельно края террасы. Возле некоторых погребений (№ 7, 10, 11 и др.) сверху отмечались углистые пятна со следами прокала. Из исследованных А. В. Збруевой захоронений пять (№ 3, 5, 6, 7, 10) были одиночными; костяки в них лежали на спине вытянуто ногами к реке, головой — на юго-восток. Нередко погребенные (№ 5, 6, 7) сопровождалась плечевой костью лошади. Погребения № 1, 2, 4 были совершены в одной яме, причем сверху лежал костяк (№ 1) мужчины, в позвонке которого застрял хорошо датированный временем не позже первой половины VII в. до н. э. бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с боковым шипом. Ниже располагалось парное (женщина и подросток) захоронение (№ 2) с остатками головных уборов, а еще ниже — мужское погребение (№ 4) с интересным бронзовым кельтом раннеананьинского облика. Парным было и по-

гребенне № 8—9. Были отмечены также два случая вторичных погребений и один или два случая погребения только черепов.

В 1956 г. место могильника было затоплено. Неоднократный осмотр этого места, изредка выходявшего из-под воды (в 1967, 1969, 1973, 1975 гг.), показал полную разрушенность памятника. Среди подъемного материала отсюда удалось собрать лишь несколько медных височных колец в 1,5—2 оборота.

Г Новомордовский могильник

Одним из наиболее уникальных памятников раннеананьинской поры является Г Новомордовский могильник, расположенный на левом берегу приустьевой части Камы и представляющий собой интересный комплекс погребений и связанных с ними надгробных камней-стел с изображением оружия. Всего в районе могильника, занимающего центральное место в большой серии позднеприказанских и раннеананьинских могильников, выявленных в окрестностях бывшего с. Новое Мордово Куйбышевского района Татарской АССР, обнаружено 11 каменных стел и около 25 погребений раннеананьинского времени. Так как все эти материалы уже нашли свое отражение в публикациях³⁹, то здесь мы ограничиваемся лишь изложением некоторых общих моментов и описанием неопубликованных каменных стел.

Еще до революции из окрестностей с. Новое Мордово бывшего Спасского уезда Казанской губернии были известны отдельные находки раннеананьинских кельтов, в том числе небольшой кельт из Болгар с лобным ушком (рис. 35, В, 1)⁴⁰, кельт, выпавший в 1893 г. недалеко от Спасского затона (рис. 35, В, 2)⁴¹, и кельт из бывшего Спасского уезда (рис. 35, В, 3)⁴². С 1961 по 1972 г. в окрестностях бывшего с. Новое Мордово были обнаружены и исследованы остатки по крайней мере трех (I, VII и VIIIa) раннеананьинских могильников.

Наиболее полно изученным среди них, как отмечено выше, является Г Новомордовский могильник. К сожалению, до археологов он дошел из-за затопленности водами Куйбышевского водохранилища в сильно искаженном виде. Поэтому трудно судить о его первоначальном облике. Установлено, что могильник занимал край мыса надлуговой террасы левого берега речки Мешкала (рис. 35, А, Б). Ближе к краю террасы располагались погребения, а за ними на небольшом возвышении — каменные стелы с изображением оружия. Вокруг стел в размыве найдены отдельные вещи — кельты, украшения, сосуды и т. п. (рис. 35, Б).

Из 23 изученных погребений со следами могильных ям выделено 10 одиночных и 13 коллективных погребений (8 парных, 2 случая с тремя костяками, 2 — с четырьмя, 1 — с пятью). В двух случаях над ямами отмечены следы сильных кострищ, обугливших и костяки (№ 19 и 30). Всего отмечены остатки 45 костяков, преимущественно лежавших вытянуто на спине. Для 33 из них определено направление — 11 костяков лежали ногами к реке, 22 — головой к реке. Последнее, более характерное для позднеприказанского погребального ритуала⁴³ свидетельствует об очень раннем, практически переходном возрасте могильника. В одном случае (погребение № 13) отмечено вторичное захоронение. В шести погребениях зафиксированы положенные преимущественно в изголовье плечевые кости лошадей и коров.

Особый интерес вызывают стелы I Новомордовского могильника. Всего с памятника происходят 11 стел, изготовленных из местного светло-серого известняка, выходы которого хорошо представлены напротив могильника по правому берегу Волги. Стелы по форме и размерам примерно однотипны (рис. 36). Они имеют закругленный верх и подпрямоугольное уплощенно-приостренное основание. Лицевая их сторона плоская и в семи случаях сохранила изображения: на шести камнях (№ 1, 2, 3, 4, 6, 11) оружия, на одном (№ 5) орнаментальной полосы.

Стела № 1 (рис. 36, 1) — одна из наиболее хорошо сохранившихся, общая длина ее — 100 см, длина лицевой части — 90 см. Ширина сверху 37 см, у основания — 23—25 см, толщина — 14—15 см, у основания — 17 см. Лицевая сторона гладко отшлифована, а задняя сторона грубо обколота. Верх закруглен полуovalом, и по его лицевому краю идет выпуклый бордюр шириной 3—4 см и высотой — 2,2 см. В середине лицевой стороны сохранились барельефные изображения: слева — кинжала и справа — топоры-секиры. Ниже их — три клиновидных углубления, выбитые в вертикальный ряд.

Стела № 2 (рис. 36, 2). Лицевая сторона ее обломана. Общая длина — 100 см (вероятно, было 104 см). Ширина в сохранившейся середине — 29 см, в основании — 30 см. Толщина сверху — 24 см, в середине — 22 см, в основании — 23 см. Верх камня, очевидно, был закруглен. Лицевая сторона гладкая, так же как и бока, кроме основания, задняя — грубо обтесана. По верхнему краю лицевой стороны сохранился выпуклый бордюр шириной около 2 см. В средней части располагаются выпуклые изображения топора-секиры (справа) и части кинжала (слева). Параллельно топоричу имеются выбитые в вертикальном ряде три клиновидных углубления.

Стела № 3 (рис. 36, 4) одна из крупных и массивных в серии. Верхняя часть обломана, а низ несколько скрошился. Камень сильно окатан, особенно по лицевой стороне. Общая длина — 120 см, ширина колеблется от 32 см сверху до 36 см в основании, толщина — 20—22 см.

Верх, очевидно, был закруглен. Лицевая сторона гладкая и имеет длину до 82 см. В середине ее сохранились барельефные изображения кинжала (слева) и рукоятка топора (справа). Верхняя часть топора сбита. Здесь же имеются две небольшие выбоины, скорее всего естественного происхождения.

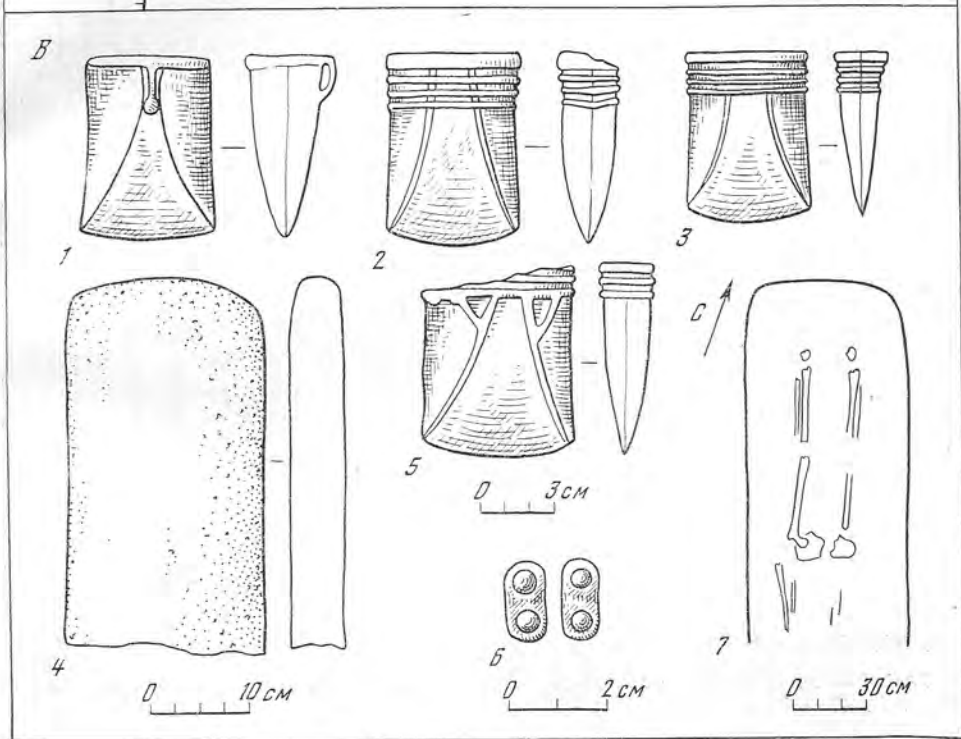
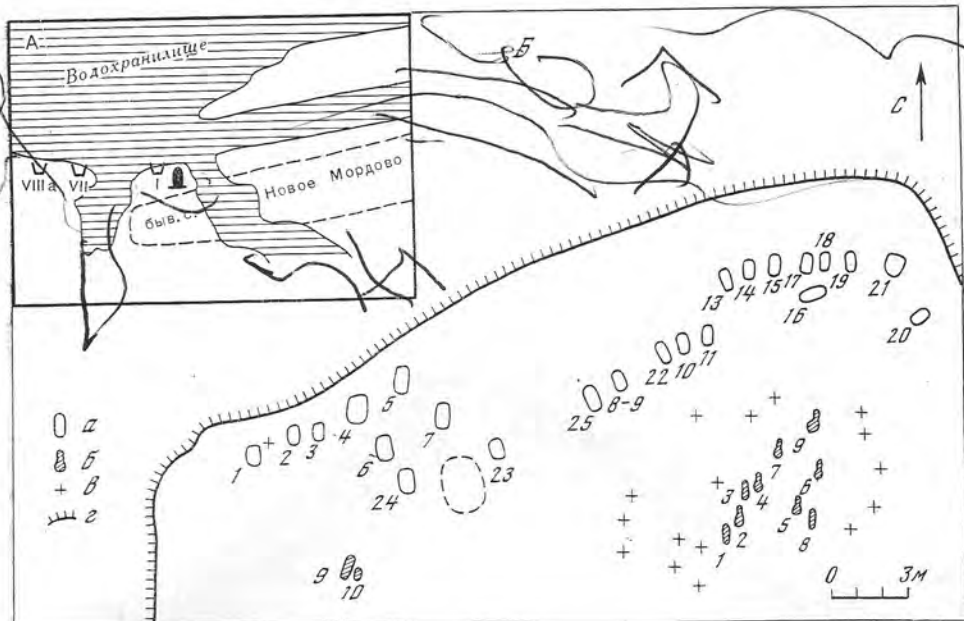
Стела № 4 (рис. 36, 6). Задняя сторона обломана, так же как и верх, но последний удалось соединить. Общая длина — 105 см, ширина сверху — 35 см, у перехода к основанию — 24 см. Толщина — 13—17 см. Лицевая сторона плоская. Верх полуovalный, и по его краю идет бордюрный выступ шириной 2,5—3 см. В середине сохранились барельефные изображения кинжала (слева) и топора (справа), причем последний ниже кинжала. Других изображений

Рис. 35. Раннеананьинские памятники у с. Новое Мордово

А — схема расположения раннеананьинских памятников у бывшего с. Новое Мордово: *1* — I Новомордовский могильник со стелами; *VII—VII* Новомордовский могильник; *VIIIa* — *VIIIa* Новомордовский могильник

Б — план расположения могил и каменных стел на I Новомордовском могильнике: *а* — могила, *б* — стела, *в* — отдельная находка, *г* — край террасы;

В — отдельные находки и план погребения раннеананьинского времени из окрестностей с. Новое Мордово (*1, 2, 3*), *VII* (*6, 7*) и *VIIIa* (*4, 5*) Новомордовских могильников

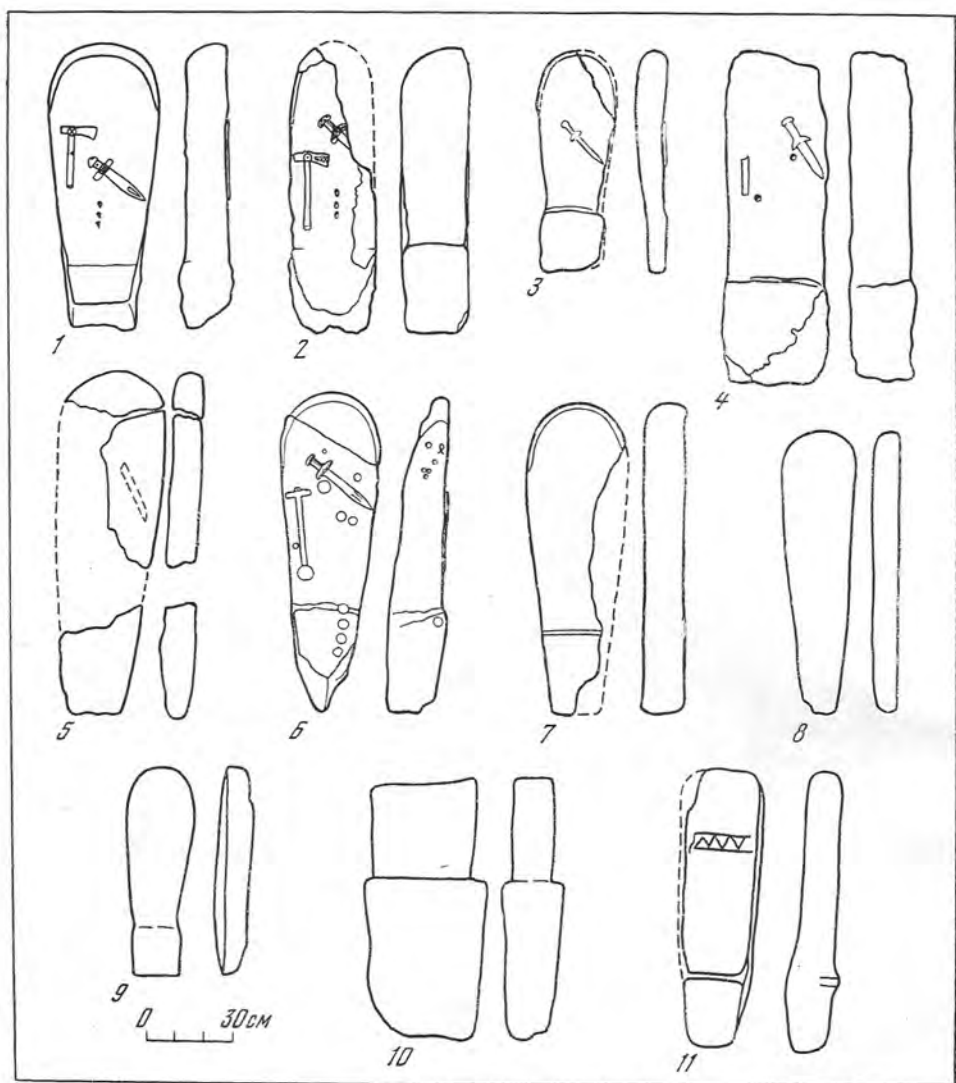

Рис. 36. Стелы I Новомордовского могильника

1 — № 1; 2 — № 2; 3 — № 6; 4 — № 3; 5 — № 11; 6 — № 4; 7 — № 7; 8 — № 10; 9 — № 8;
10 — № 9, 11 — № 5

нет, за исключением многочисленных ямок-каверн естественного происхождения. Основание плиты слегка выпуклое, к низу приостренное. В верхней части левого бока высечен знак (рис. 36, 6), близкий знаку на правом боку стелы № 1.

Стела № 5 (рис. 36, 11). Общая длина — 90 см, ширина вверху — 26 см, в середине — 22 см, при переходе к основанию — 20 см. Толщина — 12 см, основания — 18 см. Лицевая сторона сглажена, по краям обколота; верх, по-видимому, также был закруглен. Несколько выше середины высечена полоса горизонтального зигзага, окаймленная двумя параллельными линиями. Ширина полосы — 5 см. Переход к основанию выражен выпуклым валиком. Основание внизу несколько закруглено. Боковые стороны гладкие и изображений не имеют. Задняя сторона грубо обколота.

Стела № 6 (рис. 36, 3). Одна из малых плит в серии. Общая длина — 78 см, ширина вверху — 28 см, в середине — 24 см, при переходе к основанию — 20 см, основания — 24 см. Толщина в середине — 10 см, основания — 7 см. Левый бок отколот. Верх закруглен, и по краю лицевой стороны идет выпуклый бордюр. В середине с правой стороны — выпуклое изображение кинжала с округлым навершием и полукруглым перекрестием.

Стела № 7 (рис. 36, 7). Левая сторона отколота. Общая длина — 100 см, ширина вверху — 35 см, в середине — 30 см при переходе к основанию — 24 см, толщина в середине — 14 см, основания — 16 см. Лицевая сторона гладкая. Верх полуовальный, и по его краю идет выпуклый бордюр. Каких-либо изображений ни на лицевой стороне, ни по бокам не имеется. Слегка расширенное основание книзу сужается. Задняя сторона обколота.

Стела № 8 (рис. 36, 9) из коричневого песчаника. Общая длина — 64 см, ширина вверху — 20 см, основания — 13—14 см, толщина — 8—10 см. Верх округленный, основание прямоугольное. Лицевая сторона плоская без изображений, задняя — слегка скошена к краям.

Стела № 9 (рис. 36, 10). Обломок самой крупной плиты, найденной рядом со стелами № 1, 2. Сохранилось подпрямоугольное основание и примыкающая часть общей длиной в 86 см, шириной — 38—46 см и толщиной — 18—23 см. Длина основания — 50 см. На камне следов изображений нет.

Стела № 10 (рис. 36, 8) обнаружена в 1964 г. Общая длина — 92 см, ширина вверху — 25 см, основания — 13 см, толщина — 10 см. Верх закругленный, лицевая сторона плоская. Изображений нет.

Стела № 11 (рис. 36, 5) обнаружена и составлена из обломков при раскопках ранней весной 1963 г. По форме она близка № 1 и 6. Очевидно, на лицевой стороне она имела изображения оружия. Общая длина ее 112 см, ширина вверху — 35 см, ширина основания — 20 см, толщина — 10—15 см.

Западнее I Новомордовского могильника на той же надлуговой террасе выявлены остатки еще двух раннеананьинских памятников — VII и VIIa Новомордовских могильников.

VII и VIIa Новомордовские могильники

VII Новомордовский могильник располагался примерно в 600 м к западу от первого. Здесь в 1967 г. было обнаружено полуразмытое пятно могильной ямы шириной в 60 см, в котором расчищены остатки костяка, лежавшего на спине вытянуто головой на юго-юго-восток ногами к реке

(рис. 35, В, 7). В яме найдена характерная раннеананьинская бляшка — накладка с парными выпуклинами (рис. 35, В, 6). Рядом в размыве наблюдались человеческие кости.

Севернее погребений № 17 и 18 позднеприказанского VIII Новомордовского могильника⁴⁴ в октябре 1967 г. был найден бронзовый кельт раннеананьинского типа (рис. 35, В, 5), вероятно, связанный с полностью размытыми погребениями. Недалеко от этой находки лежала каменная плита с округлым завершением (38 × 20 × 5—7 см), напоминающая стелы I Новомордовского и Тетюшского могильников.

VI Семеновский могильник

Комплекс раннеананьинских могильников, к сожалению, сильно разрушенных водохранилищем, выявлен в приустьевой части Ахтая — левого притока Камы (рис. 37, А). Возможно, они были связаны с населением раннеананьинского поселения Курган, исследованного в 1964—1965 гг. П. Н. Старостиным⁴⁵. Первым в этой серии следует назвать VI Семеновский могильник, вернее комплекс вещей из этого, очевидно, полностью разрушенного могильника, обнаруженный в 1964, 1973, 1974 гг. М. Г. Косменко и Е. П. Казаковым на северо-восточном конце так называемого Семеновского острова, составлявшего до затопления мыс, образованный останцем надлуговой террасы левого берега Камы и левого берега Ахтая. В настоящее время это место находится в 2 км к северо-западу от с. Измери и в 2,2 км — от поселения Курган (рис. 37, А). В разные годы здесь собраны бронзовые кельты раннеананьинского (рис. 37, В, 1—4) и один кельт акозинско-меларского (рис. 37, В, 7) типов, наконечник копья (рис. 37, В, 8) и трехлопастной наконечник стрелы (рис. 37, В, 6), бронзовый двухлезвийный нож позднеприказанского типа (рис. 37, В, 5). На основании этих находок можно предполагать расположение здесь позднеприказанского и раннеананьинского могильников.

III Нижне-Марьянский, II Базяковский, II Березовогривский могильники

В 2 км к востоку от Семеновского острова и в 1 км к северу от поселения Курган на юго-западном краю останца надлуговой террасы, до 1957 г. занятого деревней Нижней Марьян, в 1964 г. был расчищен костяк человека, лежавший головой на северо-восток, ногами — на юго-запад к реке. В изголовье лежал сильно фрагментированный сосуд с примесью в глине толченой раковины и ямочным орнаментом, рядом — бронзовый кельт раннеананьинского

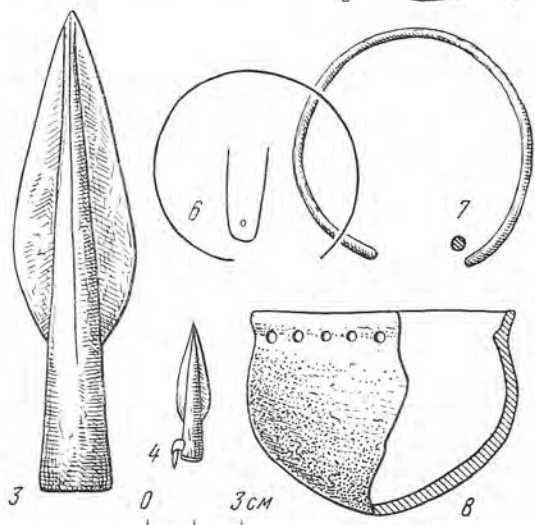
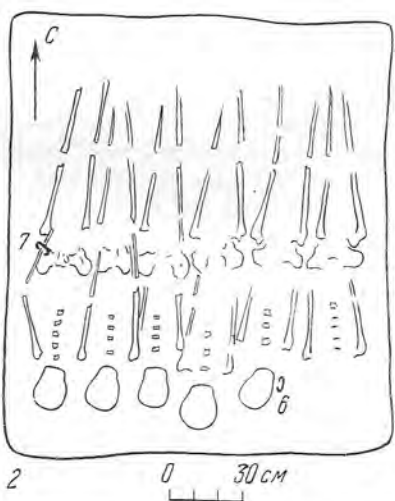
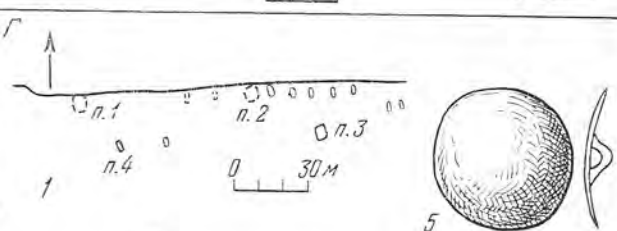
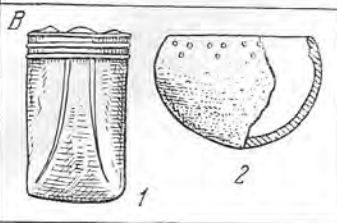
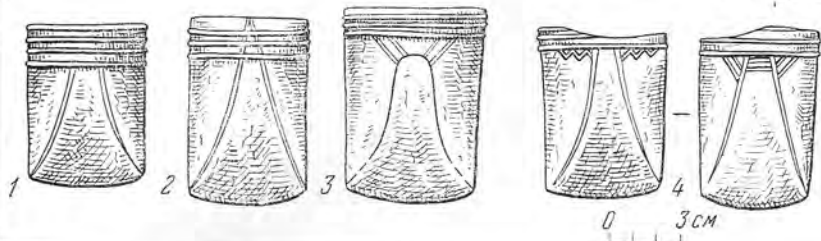
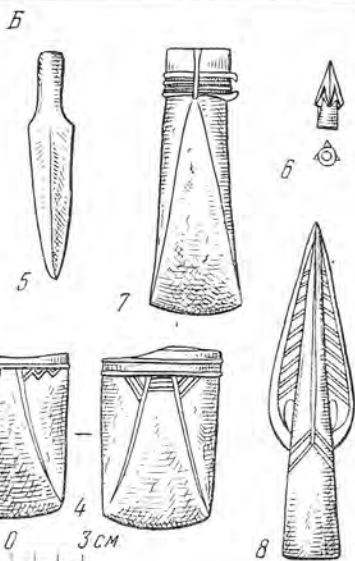
Рис. 37. Раннеананьинские памятники в приустьевой части р. Ахтай

А — общая схема расположения памятников; 1 — VI Семеновский могильник; 2 — поселение Курган; 3 — III Нижне-Марьянский могильник; 4 — II Базяковский могильник; 5 — II Березовогривский могильник;

Б — комплексы VI Семеновского могильника: 1—8 — бронза;

В — кельт (1) из III Нижне-Марьянского могильника; глиняный сосудик (2) из II Базяковского могильника;

Г — комплекс II Березовогривского могильника: 1 — общий план; 2 — погребение № 3; 3—7 — бронза; 8 — глина; 6, 7 — из погр. 3; 3, 4, 5, 8 — подъемный материал

типа (рис. 37, В, 1). В размыве берега встречались человеческие кости. Памятник был назван III Нижне-Марьянским могильником.

В 1 км к востоку-северо-востоку от него и в 1,7 км к северо-востоку от поселения Курган в том же 1964 г. на краю надлуговой террасы левых берегов рек Мешкала и Кама были зафиксированы две могильные ямы (180 × 50, 200 × 53 см), вытянутые с юга на север к реке. В одной яме, почти полностью размытой, обнаружена часть типичного раннеананьинского сосуда с орнаментом из ямок (рис. 37, В, 2). Памятник назван II Базяковским могильником.

В 4 км к северо-востоку от поселения Курган и в 2,25 км к востоку-северо-востоку от II Базяковского могильника на краю надлуговой террасы левого берега Камы, в 2 км к северо-востоку от дер. Березовая Грива Алексеевского района Татарской АССР в 1963, 1966 и 1967 гг. фиксировались остатки интересного позднеприказанского⁴⁶ и раннеананьинского могильников (рис. 37, А, Г). На протяжении 140—160 м на краю террасы наблюдались могильные ямы с одиночными, парными и коллективными захоронениями, расположенные в два ряда (рис. 37, Г, 1). Ближний к краю террасы ряд содержал позднеприказанские захоронения, где костяки были ориентированы головой к реке на север. От второго, более дальнего от края террасы, ряда сохранилась лишь одна яма (погребение 3, 190 × 160 см), в котором расчищено шесть костяков (один без черепа), лежавших на спине вытянуто головой на север и ногами к реке (рис. 37, Г, 2). С погребенными найдены бронзовое пластинчатое височное кольцо (рис. 37, Г, 6) и бронзовый дровяной браслет (рис. 37, Г, 7). Кроме того, в размыве в разных местах, но преимущественно в районе внутреннего ряда обнаружены: бронзовый наконечник копья (рис. 37, Г, 3), бедренная кость человека со впившимся в кость бронзовым втульчатым двухлопастным наконечником стрелы (рис. 37, Г, 4), бронзовая круглая бляшка (рис. 37, Г, 5) и обломок небольшого глиняного сосуда с приостренным дном (рис. 37, Г, 8).

Мурзихинский могильник

Остатки еще одного раннеананьинского могильника выявлены в районе бывшего с. Мурзиха Алексеевского района Татарской АССР. Мурзихинский могильник расположен в 1 км к северо-востоку от левобережного причала переправы Сорочьи Горы — Мурзиха через Каму на мысу надлуговой террасы левого берега Волги. Здесь в 1966 г. в размыве были найдены бронзовый кельт (рис. 38, В, 2), нож-кинжал (рис. 38, В, 4), массивная накладка (рис. 38, В, 5) и игла-булавка с загнутым концом (рис. 38, В, 3). В обрыве берега были отмечены западины ям с человеческими костями. Обследование берега и места находок в 1975 г. показало наличие здесь могильника с одиночными костями, ориентированными ногами к реке.

Возможно, остатки раннеананьинского могильника имелись и в окрестностях с. Ташкермень Лаишевского района Татарской АССР на правом берегу приустьевой части р. Мешы. Отсюда в разных коллекциях имеются 4 бронзовых кельта раннеананьинского типа (рис. 38, А, 1—4)⁴⁷, кельт аозинско-меларского типа (рис. 38, А, 6)⁴⁸, бронзовый наконечник копья с широкими прорезями (рис. 38, А, 5)⁴⁹.

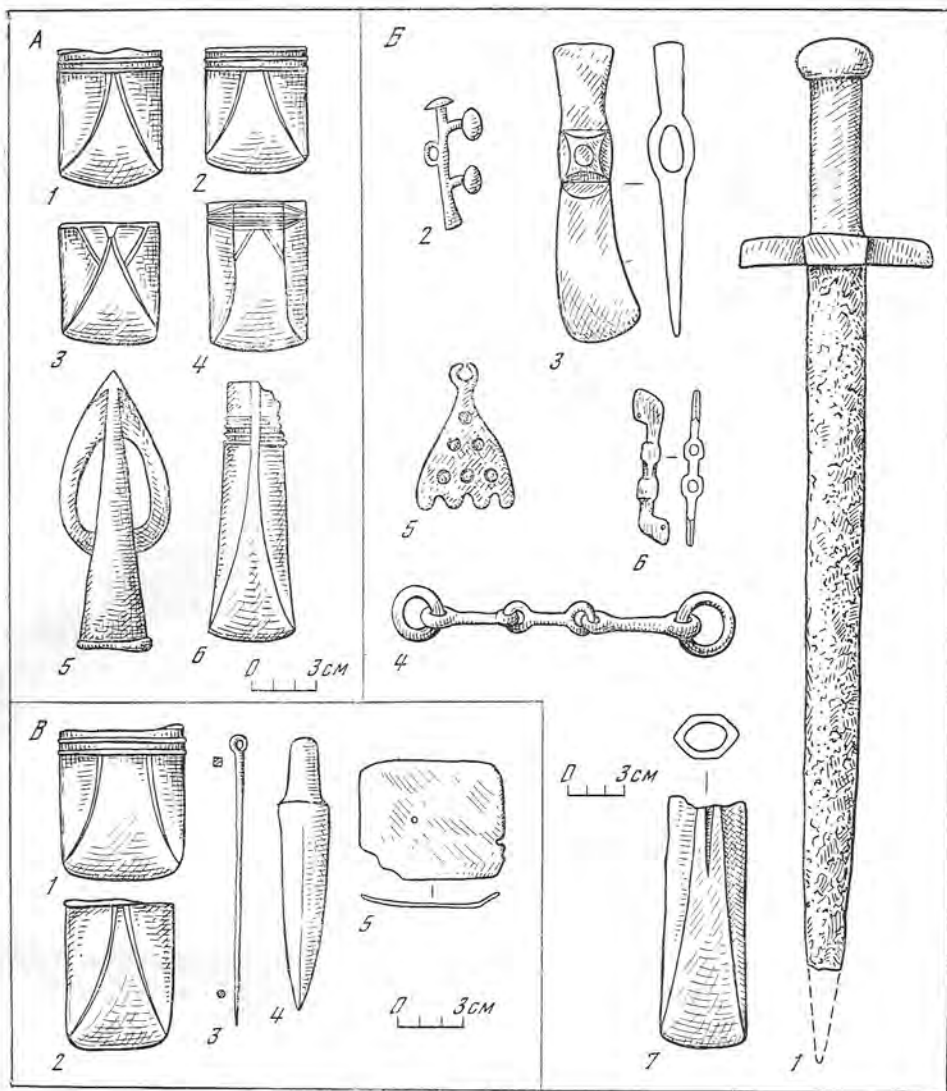

Рис. 38. Комплексы предметов раннеананьинского времени из предполагаемых могильников в окрестностях с. Ташкермень (А), Билярска (Б), Лебедино (В, 1) и Мурзихи (В, 2—5). Все предметы из бронзы, кроме Б, 1 (железный клинок и бронзовая рукоятка)

Билярские находки

Весьма интересный комплекс предметов, связанных с раннеананьинским временем и датированный не позже VIII—VII вв. до н. э., происходит из окрестностей с. Билярска Алексеевского района Татарской АССР, что в 50 км южнее Камы (рис. 5). В него мы можем включить следующие предметы: великолепный меч с железным клинком длиной около 50 см и бронзовой рукояткой с прямым перекрестием (рис. 38, Б, 1)⁵⁰; бронзовый проушной топор-секира с четырехлепестковой розеткой на щековице (рис. 38, Б, 3)⁵¹; бронзовые однокольчатые трехчастные удила (рис. 38, Б, 4)⁵²; бронзовые псаали с грибовидными выступами (рис. 38, Б, 2)⁵³; бронзовые псаали с топовидными концами (рис. 38, Б, 6)⁵⁴; медную подтреугольной формы подвеску с тремя рядами выпуклин по плоской стороне (рис. 38, Б, 5)⁵⁵ и бронзовый кельт аозинско-меларского типа (рис. 38, Б, 6). Преобладание здесь предметов, характерных для киммерийских кочевников, заставляет предполагать происхождение указанного комплекса из какого-то разрушенного киммерийско-раннеананьинского могильника VIII—VI вв. до н. э.

В бассейне Вятки ни ранних, ни поздних ананьинских могильников неизвестно. Вообще раннеананьинских могильников мы пока не знаем нигде, кроме берегов Волги и Камы (рис. 5). На Нижней Каме между устьями Вятки и Белой известно четыре могильника этого типа: Котловский⁵⁶, Ананьинский⁵⁷, Луговской⁵⁸ и Подгорно-Байларский⁵⁹. В Ананьинском могильнике, относящемся в основном к развитой поре ананьинской культуры, т. е. к VI—V вв. до н. э., лишь часть погребений (например, погребение С, Д и др.) можно отнести к VI в. до н. э. Погребений более ранних, т. е. VIII—VII вв. до н. э., здесь практически нет.

Луговской могильник

Луговской могильник, датированный автором исследований VII—VI вв. до н. э., а по нашему мнению, содержащий и более ранние погребения VIII в. до н. э. (например, № 3, 10, 41, 53, 68), в полной мере должен рассматриваться как раннеананьинский памятник. Важно отметить, что он расположен рядом с предшествующим позднеприказанским могильником — луговским курганами в насыпи некоторых из них были впущены раннеананьинские погребения⁶⁰. Все особенности погребального обряда Луговского могильника, где вскрыто 70 захоронений раннеананьинского времени, достаточно подробно описаны А. В. Збруевой⁶¹.

Для могильника и его погребального обряда присущи следующие черты⁶²: расположение могильника на краю надлуговой террасы правого берега Камы; отсутствие наземных признаков; размещение могил двумя рядами параллельно берегу и несколькими группами; наличие в древности каких-то наземных погребальных камер, сжигаемых после захоронения, о чем свидетельствует наличие следов огня на пяти костяках; размещение могил, имеющих удлиненную подчетыреугольную форму с округлыми углами, перпендикулярно к реке; залегание дна ям на двух уровнях — 0,2—0,3 и 0,5—0,8 м; абсолютное преобладание взрослых захоронений, в которых костяки обычно лежали на спине вытянуто ногами к реке, лишь в одном случае (погребение № 30)

наблюдалась обратная ориентация; преобладание одиночных захоронений при наличии вводных (№ 64) и парных — 5 случаев; наличие захоронений отдельного черепа (№ 30), как и костяков без черепов (2 мужских погребения); довольно частое помещение в могилу определенных кусков мяса (передняя, плечевая кость лошади или коровы — 7 погребений)⁶³.

Подгорно-Байларский могильник

Он был открыт в 1958 г. в 1 км к востоку от с. Подгорные Байлары Мензелинского района Татарской АССР. Памятник расположен на краю надлуговой террасы левого берега р. Ик. Очевидно, большая часть могильника уже разрушена, так как здесь, несмотря на широкие раскопки, было выявлено всего три погребения, расположенные недалеко друг от друга. В двух могилах были одиночные захоронения, в одной (№ 2) — три костяка (два взрослых и один детский). В изголовье взрослых отмечены охристые пятна. Все костяки лежали вытянуто на спине, но в могиле № 1 костяк был ориентирован головой к реке (на север), а в остальных — ногами к реке (рис. 39, В).

В бассейне Белой раннеананьинских могильников пока также не обнаружено.

Таш-Елгинский могильник

В бассейне Средней Камы раннеананьинским (VII—VI вв. до н. э.) является Т а ш - Е л г и н с к и й могильник, открытый Н. А. Мажитовым⁶⁴ и исследованный в 1967—1969 гг.⁶⁵ в Янаульском районе Башкирской АССР на правом берегу Буя — левого притока Камы (рис. 5). Всего за три года работ здесь было вскрыто 25 могил, располагающихся двумя или тремя рядами параллельно берегу. В 20 могилах вскрыты одиночные захоронения, в одной (№ 19) — парное захоронение, две ямы (№ 9 и 13) содержали погребальный инвентарь, но не выявили следов костяка, т. е. были кенотафами, и в одном случае наблюдалось захоронение лишь черепа (№ 4). Все костяки лежали на спине вытянуто ногами к реке. В ряде могил (№ 18, 20—25) отмечены углистые включения в засыпи, а в могиле № 25 (№ 12 — 1969 г.) — следы прокала. В засыпи некоторых могил (№ 4, 8, 10, 16) отмечены черепа или зубы лошади. Погребальный инвентарь в основном датирует могильник VII—VI вв. до н. э. (рис. 39, А, Б).

Скородумский могильник

Самым северным раннеананьинским могильником, входящим уже в верхнекамскую группу, является С к о р о д у м с к и й, исследованный в 1951—1953 гг. пермскими археологами под руководством О. Н. Бадера⁶⁶. Могильник располагается на краю низкой надлуговой террасы Полуденной — правого притока Камы. Здесь изучено всего 4 могилы, расположенные рядами и содержавшие по одному костяку. Судя по тлену от коронок зубов, в трех случаях погребенные лежали ногами к реке, в одном (№ 3) — головой к реке. В засыпи последней могилы отмечены углистые включения и следы прокала.

Особенности погребального обряда

Особенности погребального обряда ананьинских племён были рассмотрены рядом исследователей еще в 50-х — начале 60-х годов XX в.⁶⁷ Однако имевшийся тогда скудный материал, особенно по раннеананьинскому времени, позволил наметить лишь самые общие черты при минимальном их объяснении. К анализу погребального обряда не привлекались данные этнографии, не говоря уже о данных исторической лингвистики. В настоящее время накопился большой новый материал, особенно по раннеананьинским могильникам⁶⁸, а также вышел ряд статей, посвященных археолого-этнографической⁶⁹ и этнографо-лингвистической⁷⁰ интерпретации погребального обряда народов лесостепной и лесной полосы Евразии, в том числе и финно-угорских. Все это создало реальную основу для более углубленного анализа погребального обряда раннеананьинской общности⁷¹.

Все известные к настоящему времени раннеананьинские могильники с определенным местоположением (к числу таковых можно причислить 20 памятников, см. рис. 5) располагаются по берегам Волги и Камы⁷², причем почти всегда занимая края относительно низких надлуговых террас (кроме Тетюшского могильника)⁷³. Такое положение не случайно. В погребальных обрядах ананьинцев⁷⁴, как и их предшественников-приказанцев⁷⁵, значительную роль играли большие реки — Волга и Кама, выступающие как своеобразные реки смерти, соединявшие настоящий (верхний) и будущий (нижний) мир. Кроме расположения на низких берегах крупных рек, об этом свидетельствуют и формы могильных ям, нередко имеющих закругленные, как у лодок-долбленок, концы и иногда корытообразное дно (см. Ст. Ахмылово, Луговской и другие могильники), а также достаточно устойчивая ориентация погребенных ногами к реке: Ст. Ахмылово — 63% погребенных, Аозино — 88; Моркваши — 100%, I Ново-Мордово — 30 (70% — головой к реке), Луговской могильник — 100% и т. п.

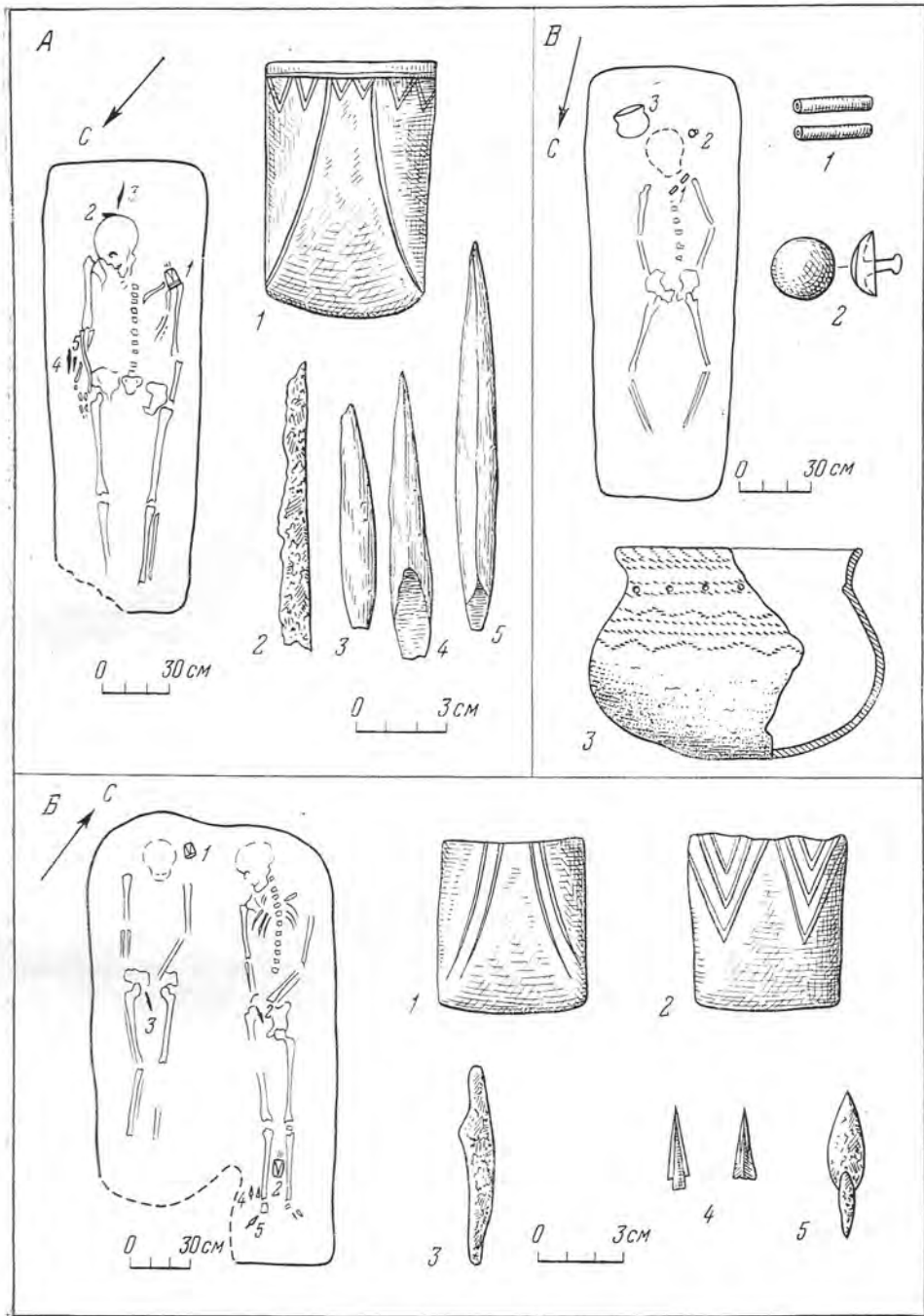
Все это не случайно. В погребальных обрядах многих северных народов, жизнь которых была теснейшим образом связана с рекой — рыболовством и охотой в припойменных долинах, представления о реке как дороге переселения душ играли важную роль. Таковы верования обских угров⁷⁶, эвенков⁷⁷, археологически — у глазковцев Восточной Сибири⁷⁸, племен эпохи бронзы Якутии⁷⁹ и т. п.

Отголоски представлений о реке смерти, о реке переселения душ сохранились и в фольклоре марийцев, удмуртов и коми. Таковы песня горных мари о Волге (Юл или Йола), где говорится об уплытии людей навечно вниз по реке⁸⁰, сказки южных удмуртов о водяных гостях, перевозивших по Каме души умерших⁸¹, баллада о хозяине Зеленого мыса у коми на Печоре⁸² и др. Интересно и то, что марийцы Волгу называют Юл (Йыл — на горно-марийском и в топонимах — Йола, Йола-сола)⁸³, что может быть сопоставимо с поня-

Рис. 39. Погребения Таш-Елгинского (А, Б) и Подгорно-Байларского (В) могильников

А — погребение 4 (1968 г.); Б — погребение 6 (1969 г.); В — погребение 3;
А, 1; Б, 1, 2, 4; В, 1, 2 — бронза; А, 2; Б, 3, 5 — железо; А, 3, 4, 5 — кость; В, 3 — глина

тиями «верование», «обычай» (йула — мар.⁸⁴, йылол — удм.⁸⁵). Возможно, что Волга, выступающая у ананьинцев — далеких предков волжских и пермских финнов — как основная река верований и обычаев, так и называлась «вера», «обычай».

В этнически подтвержденных могильниках волжских и пермских финнов традиции, связанные с рекой, выступают не особенно отчетливо. Однако все же следует отметить характерное для древних⁸⁶ и современных⁸⁷ марийцев расположение кладбищ у реки и преимущественное положение языческих погребений по направлению к реке⁸⁸. Это же отмечается и для вычегодских коми⁸⁹. А. В. Збруева сообщает о присутствии лодки или представлений о лодке в погребальном культе удмуртов и мари⁹⁰. Любопытно, что в волжско-финских и пермских языках понятие «плыть» созвучно или тождественно с понятиями «убивать», «умертвить» (но не умереть):

мари — «ияш, ийын» (плыть)⁹¹ — «ойган» (убитый горем)⁹²; или — «пуш» (лодка)⁹³ — «пушташ» (убивать, умертвить)⁹⁴, мордва-мокша — «уме» (плыть)⁹⁵ — «шавоме» (убить)⁹⁶, удм. — «уяны» (плыть)⁹⁷ — «виыны» (убивать)⁹⁸, коми — «уйны» (плыть)⁹⁹ — «виобы» (убийство)¹⁰⁰.

Последнее очень важно, так как очевидно, по представлению древних (в данном случае раннеананьинских) предков восточных финнов, так же как и обских угров¹⁰¹, окончательная смерть у человека наступала лишь после ухода из тела этой души, которая отправлялась по реке смерти и у обских угров так и называлась «уходящая вниз (по реке) душа»¹⁰². В представлениях ранних ананьинцев этот процесс, вероятно, происходил насильственным путем, для чего, может быть, совершались какие-то обряды, ускоряющие переход от жизни к смерти, и совершались какие-то действия, символизирующие процесс отплытия — убийства.

До окончательной смерти по представлениям обских угров вторая душа умершего человека превращалась в какое-то водяное насекомое (жука, жу-желицу и т. д.)¹⁰³. У восточных финнов также существовало близкое представление. В частности, аятские марийцы полагали, что человек может умирать до семи раз, переходя из одного мира в другой, и окончательно умирает, когда превращается в рыбу¹⁰⁴. В связи с этим интересно отметить, что во многих финских языках понятие «умереть» — общеперм. «kul» (мари-колаш, удм. — кулыны, морд. — куломе и т. п.) созвучно с понятием «рыба» — общеперм. «kal» (мари — кол, морд. — кал, финск. — кала и т. п.)¹⁰⁵.

Наблюдается еще одна весьма важная особенность в расположении раннеананьинских могильников. Почти все они занимают места предшествующих позднеприказанских поселений (см. Ст. Ахмыловский, Акозинский, Морквашинский, Гулькинский, Ананьинский и другие могильники) или же места позднеприказанских могильников (I Новомордовский, Тетюшский, II Полянский и др.), которые в свою очередь оформились на местах более ранних поселений. Такое явление, очевидно, не случайно. У многих первобытных народов, в том числе и древних финно-угров, отчетливо проявляется непосредственная связь кладбищ с поселениями. На волосовских поселениях (см. Володары, Владычино, Сахтыш и др.) часто погребения обнаруживаются непосредственно на поселении¹⁰⁶. Погребения известны также и на поселениях предшествующей приказанской культуры (см., например, Балымскую стоянку)¹⁰⁷. Нередко, очевидно, были и случаи, когда местом захоронения стано-

вился и сам жилой дом, чему имеется немало этнографических примеров¹⁰⁸. В одном из жилищ Володарского поселения волосовской культуры в 1971 г. было исследовано погребение женщины с ребенком¹⁰⁹. Правда, захоронение в жилище вынуждало оставшихся обитателей покидать дом, что «влекло за собой необходимость строительства нового жилища, новых больших затрат труда... Это обходилось очень дорого и, вероятно, поэтому вызвало к жизни строительство отдельного условного «жилья», куда переносили все принадлежавшие умершему вещи... ранее всего это начали делать народы, у которых жилищем стал служить не чум, а бревенчатый дом или землянка с бревенчатыми стенами, устройство которых было дорого само по себе»¹¹⁰.

Как мы видели выше, ананьинцы и их предки уже строили бревенчатые дома, и поэтому в волосовско-приказанское время такие дома строили не только для живых, но и для умерших. Первоначально на функционирующих поселениях, а потом на заброшенных поселениях. Хотя на раннеананьинских могильниках как будто не обнаружено наземных сооружений, но их археологические остатки в виде следов сгоревших наземных конструкций фиксируются почти на всех широко исследованных памятниках. Есть основание считать, что почти над каждой могилой сооружались небольшие срубы — жилища (именно срубы, а не столбовые конструкции), которые служили своеобразным наземным домом для закрытого в большинстве случаев, а иногда и оставленного непосредственно в срубе погребенного. Все это, очевидно, было связано с поверьем, что материальные остатки человека (кости, одежда и пр.) должны были остаться в жилище, а душа должна была переселиться или должна была быть переселена в иной мир.

Распространенность такого обычая у древних ананьинцев подтверждается и тем, что почти у всех из потомков, как волжских, так и пермских финнов, в прошлом наблюдались такие домовины, о чем свидетельствуют как археологические¹¹¹, так и этнографические¹¹² и лингвистические¹¹³ материалы. Очень долго этот обычай бытовал у обских угров. З. П. Соколова, по данным полевых материалов 1973—1974 гг., отмечает, что куноватские ханты поверх могилы «устанавливали надмогильное сооружение в виде домика», внутрь которого «клали вещи умершего — одежду, посуду, папиросы, оленью упряжь, посудный ящик»¹¹⁴.

Наличие таких «домов» у древних ананьинцев подтверждается и тем, что почти во всех могильниках мы не наблюдаем нарушения погребений более поздними захоронениями, что возможно, было лишь при наличии каких-то внешних признаков. Надмогильные сооружения позволяли делать неглубокими и сами могильные ямы. В преобладающем большинстве случаев их глубина не превышает 70 см (до 80% ям Ст. Ахмыловского могильника, до 90% — Аkozинского, 100% — Тетюшского и т. п.), а в ряде случаев отмечались остатки захоронений почти на уровне древней поверхности (см. Ст. Ахмылово, погр. № 29, 66, 99, 101, 123 и т. п.). На этой же глубине в Ст. Ахмыловском, Тетюшском, II Полянском и других могильниках с относительно хорошо сохранившимися более верхними напластованиями обнаружено довольно много разных предметов (на Ст. Ахмыловском и далеко за пределами так называемых «домов мертвых») — кельты, наконечники копий, бляхи, «оселки», накладки, обломки керамики и т. п. Их, очевидно, следует считать остатками той одежды, утвари, орудий и оружия, которые клали внутрь наземного «дома». Между прочим,

уфимские (восточные) мари́йцы также строили над могилой дом-сруб и помещали в нем различные бытовые предметы — лукошки, чашки, горшки и т. п.¹¹⁵

В западных (волжских) районах раннеананьинского расселения нередко практиковалось помещение под одним «домом» нескольких захоронений и превращение таких мест в своеобразные наземные «дома мертвых» (см. Ст. Ахмылово, Тетюши). Погребения в таких наземных «домах», очевидно, стало характерным для западнофинских (городецко-дьяковских) племен от Средней Волги на востоке до Прибалтики и Южной Финляндии на западе. С одной стороны, об этом свидетельствует отсутствие следов «нормальных» (с могильными ямами) захоронений у городецко-дьяковских племен¹¹⁶, а с другой — открытие в ряде мест этой территории остатков своеобразных наземных «домов мертвых» (Березняковское городище¹¹⁷, так называемые каменные могильники с оградками Южной Финляндии¹¹⁸ и Эстонии¹¹⁹ I тысячелетия до н. э. и начала н. э.).

Для раннеананьинских могильников характерно то, что большинство наземных конструкций дошло до нас в сожженном виде (см. особенно Тетюшский могильник). Сожжение надмогильных домов, очевидно, было не случайным и предпринималось не с целью очистить место. Дело в том, что, как считают этнографы, погребальные культы и обряды у людей складывались в результате основных первичных мотивов — «стремление избавиться от тела (и души. — А. Х.) умершего и стремление удержать его около себя»¹²⁰. И если результатом второго мотива было погребение умершего в жилище, включая и символизацию этого акта, то результатом первого мотива следует считать сжигание этого жилища. Этнографы приводят много фактов сжигания умершего вместе с жилищем у долган, кетов, айнов и др.¹²¹ Символическое сжигание чучела или куклы, изображающего душу покойного, а иногда вместе с ним и короба, в котором находилось это изображение, этнографически зафиксировано у мордвы, мари¹²² и обских угров¹²³.

То что производилось именно сжигание души, а не материальных остатков, свидетельствует отсутствие у ранних ананьинцев археологически зафиксированных случаев непосредственно трупосожжения. Этот обряд появляется позже — в I тысячелетии н. э., когда он становится весьма характерным для многих финно-угорских племен. Сам же обряд сжигания наземных конструкций начал практиковаться еще у предков ананьинских племен — поздних приказанцев, о чем свидетельствуют остатки сгоревших «домов» над могилами II Полянского¹²⁴, Кумысского¹²⁵ и других приказанских могильников маклашеевского этапа¹²⁶. Это, очевидно, произошло не без воздействия их южных соседей — позднесрубных и позднеандроновских племен, для которых, также как и для их потомков — савромат¹²⁷, устройство наземных конструкций и их сожжение были не редким явлением.

Сожжение наземного «дома», очевидно, было весьма сложным ритуальным обрядом, в результате чего полагали, что последняя душа умершего отрывалась от родного поселка и уплывала по реке смерти в нижний мир. Недаром в мари́йском языке слова гореть (йулаш), сжечь (йулалташ), обычай — вера (йула)¹²⁸ имеют один и тот же корень — йул или юл¹²⁹, что обозначало Волгу — основную реку смерти по представлению древних ананьинцев.

Кладбища, т. е. поселки мертвых тел и их еще не умерших душ, так же как и поселки живых, очевидно, огораживались. Остатки такой ограды изу-

чены почти по всему северо-восточному, северному и северо-западному краям территории Ст. Ахмыловского могильника (рис. 11, Б), занимавшего площадь более 10 000 кв. м. Вероятно, такие же ограды существовали и на других кладбищах. Это делалось не только и не столько с целью сохранить покой умерших, сколько живым уберечься от мертвых, ибо «даже после того, как уничтожатся все следы бывшего на том или другом месте кладбища, сравниваются с землей могильные насыпи, упадут и сгниют росшие на нем священные деревья — это продолжает оставаться страшным для живущих»¹³⁰.

С I Новомордовского, Тетюшского и Пустоморквашинского могильников происходят группы интересных каменных плит-стел, поставленных скорее всего несколько в стороне от погребений. По крайней мере ни под новомордовскими, ни под тетюшскими стелами захоронений не обнаружено, хотя несомненно их установка именно в честь умерших, погребенных на этом же кладбище. Какие же культурные традиции и какие общественно-экономические причины побудили постановку этих стел? Если в Евразии каменные стелы с изображениями или надписями, поставленные в честь умерших, известны довольно широко как в территориальном, так и в хронологическом отношении, то в Волго-Камье подобные стелы относятся лишь к двум периодам — эпохе раннего железа (стелы Ананьинского могильника) и к булгаро-татарскому времени (эпиграфические памятники)¹³¹.

Из Ананьинского могильника происходят две стелы. Первая из них, обнаруженная К. И. Новоструевым в 1868 г., представляет собой каменную плиту прямоугольной формы с закругленным верхом. На лицевой выглаженной стороне камня вырезано во весь рост изображение ананьинского воина, на голове которого была одета остроконечная шапка. На шее изображена пластинчатая гривна, по талии проходил ремень, на котором висят: справа — кинжал, слева — колчан со стрелами. В правой руке — топор-секира. А. В. Збруева склонна была датировать стелу VI—V вв. до н. э.¹³² Поэтому можно считать, что ананьинская плита с изображением воина, будучи позднее новомордовских и тетюшских, не могла служить для них прототипом, скорее последние явились образцом для нее. Вторая плита отличается от первой и от более ранних бесформенностью очертаний и сильной схематичностью прочерченного на ее поверхности изображения мужчины. При раскопках П. А. Пономарева на Ананьинском могильнике было обнаружено еще несколько плит меньших размеров, в том числе одна правильной треугольной формы, лицевая сторона которой была разделена рельефной чертой на две части, в верхней был врезан кружок¹³³.

Итак, можно считать, что обычай постановки каменных стел в Волго-Камье возникает лишь в эпоху раннего железа и не имеет корней в предшествующих местных культурах. Для того чтобы выяснить, какие традиции побудили постановку такого рода стел на ананьинских кладбищах, нам придется проделать экскурс в предшествующее и синхронное время Евразии. Древнейшие стелы с изображениями в Европе относятся к ранней поре металла. Как в Западной, так и в Восточной Европе можно выделить несколько групп стел такого рода.

Наиболее ранняя группа плит, известная под именем антропоморфных стел, относится к древнейшей культуре, т. е. ко времени, не позднее рубежа III—II тысячелетий до н. э.¹³⁴ Это простые прямоугольной формы плиты с выступающей в центре верхней части головой. По характеру оформления

выделяется два типа — схематичные стелы, передающие лишь контуру головы и туловища, и стелы с прочерченным рисунком рук, лица и иногда других деталей (груди, как, например, стелы из Тиритаки).

В первой половине II тысячелетия до н. э. в Западной Европе распространяются стелы-менгиры, изображающие богиню погребения с оружием (топором, или кинжалом) в руках. Такого типа стелы известны из Южной Франции (Авейрон, Гар, Эро и др.), среди памятников культуры Сены, Уазы и Марны, а также из Дингельштедта¹³⁵. На этих стелах наряду с врезными или нарисованными изображениями появляются и рельефные рисунки (выпуклые руки, грудь, нос), но оружие всегда врезанное. Интересно отметить закругленный рельеф головы, который довольно часто сливается с туловищем, так что образуется монолитная плита с округлым верхом, по форме приближающаяся к новомордовским и тетюшским. Интересным также является размещение изображений оружия — топор помещается у правого края, а кинжал — у левого края лицевой стороны.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в период расцвета эпохи бронзы появляются стелы с изображением оружия независимо от изображения человека. Наиболее ранние стелы подобного рода известны в Юго-Западной Франции, Северной Португалии и в Швейцарии. Особенно примечательной среди них является стела из Дефеса, где изображены кинжал и топор примерно в таком же положении, как и на новомордовских стелах¹³⁶.

Таким образом, намечается определенная схема развития надмогильных стел в Европе от простейших с изображением животных к антропоморфным схематическим, затем к антропоморфным с прорисовкой деталей, антропоморфным с оружием и, наконец, к изображению оружия.

Такую же картину можно наблюдать, рассматривая хронологически близкие стелы Сибири. Здесь наиболее ранние памятники подобного типа, датируемые Г. А. Максименковым и Э. Б. Вадецкой афанасьевско-окуневским временем (рубеж III—II тысячелетия до н. э.), также первоначально изображали антропоморфные, преимущественно женские, фигуры, так называемые «каменные бабы» без вещей¹³⁷.

В карасукское время эти стелы усложняются и в ряде случаев заменяются изображением животных, в основном бараньих голов, рассматриваемых «как наиболее полное представление образа родового божества предка-покровителя, единого в двух лицах, состоящего из двух начал — мужского (зверя, наверху) и женского (девы, внизу)»¹³⁸.

Но уже в первой половине I тысячелетия до н. э., т. е. в конце эпохи бронзы и начале эпохи раннего железа, в Забайкалье, на Алтае и в Монголии распространяются так называемые оленные камни, где изображаются животные — олени и боевое оружие — топор-секира, кинжал, лук, щит, по мнению исследователей, повторяющие «набор вещей», «принадлежавших покойнику и сопровождавших его в могилу»¹³⁹.

Новомордовские стелы с изображением только оружия и близкие к ним по форме тетюшские стелы следует поставить в один ряд со схематически близкими к ним европейскими и сибирскими плитами с изображением оружия. Как уже мне приходилось писать¹⁴⁰, они, очевидно, являются реальным отображением общественно-экономического положения раннеананьинских племен, переживавших в первой половине I тысячелетия до н. э. сложение ранней

фазы отношений военной демократии с выделяющейся группой военных вождей.

Несмотря на сооружение каких-то наземных конструкций, большинство умерших в раннеананьинское время хоронились путем помещения в вырытые в земле могильные ямы. Очевидно, от этого и более раннего времени в языках пермских и волжских финнов сохранилось отождествление понятий «хоронить, погребать» и «зарыть в землю, засыпать землей» (мар. «мудаш», му — земля, даш — суффикс ¹⁴¹; рок — земля, ыш — суффикс ¹⁴²; коми — «кындыны»; киנד — копать, рыть ¹⁴³).

Могилы на кладбищах, судя по материалам раскопок, располагались или рядами (в основном камские могильники Луговской, Котловский, Таш-Елгинский и др.), или рядами и группами (в основном волжские могильники Ст. Ахмыловский, Акозинский, Тетюшский и др.). Каждый ряд или группа обычно состояла из 15—20 погребений. Между ними нередко наблюдались свободные промежутки (см. рис. 6, 11). Такие ряды и группы, очевидно, следует рассматривать как захоронения ближайших родственников, вероятно, членов одной большой семьи. По сообщению М. Маркелова, у поволжских финнов на кладбище каждая фамилия имеет свой угол ¹⁴⁴, у обских угров в отдельном ряду хоронили только однофамильцев ¹⁴⁵. Для марийцев и их предков в основном было характерно групповое расположение могил ¹⁴⁶.

Форма, размеры и ориентация могильных ям на раннеананьинских могильниках довольно разнообразны и, кроме вышеотмеченной зависимости от наземных конструкций, зависели и от характера погребений. Последние подразделяются на одиночные и коллективные, вторичные и частичные, на кенотафы, т. е. не содержащие следы человеческого костяка могильные ямы. Это разнообразие не зависело от пола и возраста, а также имущественного положения умершего человека.

В возрастном отношении раннеананьинские могильники содержат в основном погребения лишь взрослых и подростков и практически не обнаруживают детских, кроме редких случаев захоронений матери с ребенком. Лишь на Тетюшском могильнике была выявлена северная группа погребений, включающая и детские захоронения. Отсутствие детских захоронений не случайно. У многих первобытных народов умершие дети, не приобретенные к роду или не прошедшие обряд определения души и имени или инициации, хоронились отдельно и нередко своеобразно (подвешивали на дерево, хоронили в дупле и т. п.) ¹⁴⁷. Это было связано с представлениями об особой душе детей, отличной от души взрослых, которая якобы после смерти ребенка превращалась в птичку и, влетая в женщину, создавала новую душу, нового человека. То, что такое поверие бытовало, вероятно, и у ананьинцев, свидетельствует имевшееся у их далеких потомков — горных мари — поверие о вселении душ преждевременно умерших детей в души новых людей ¹⁴⁸. Может быть, об этом же свидетельствует и близость понятий «ребенок» («аза»), «преждевременная смерть» («азал») и просто «смерть» («азырен») в марийском языке ¹⁴⁹. Очевидно, поэтому детей не хоронили на общеродовом кладбище, а главное — над ними не проводили таких сложных обрядов, как над умершими более взрослыми людьми.

Преобладающими на могильниках являются одиночные захоронения, совершенные в относительно неглубоких ямах, имевших преимущественно удлиненную форму с закругленными концами для нормальных труполо-

жений и округлую — для частичных. На дне ям, обычно в районе медно-бронзовых изделий, иногда прослеживались следы луба, коры и бересты (82 случая в Ст. Ахмыловском, погр. № 125 Тетюшского могильника), а в верхней части ямы № 114 коллективного погребения Ст. Ахмыловского могильника были обнаружены следы деревянной колоды, обложенной по дну кожей. Обвертывание умерших лубом и погребение в колодах были широко распространены у ряда лесных народов Восточной Европы. Кроме археологических¹⁵⁰ и этнографических¹⁶¹, примеров этому можно привести и интересные лингвистические материалы. Так широко распространенное слово «колода», очевидно, происходит от финского (марийского) «колотка» — гроб, вместилище для умершего¹⁵², а в горномарийском языке слово «корон» (гроб) этимологически, очевидно, связано со словом «корш» (лыко необделанное, луб)¹⁵³. От слова «кур» (лубок), вероятно, произошло путем прибавления словообразовательного суффикса «алаш» слово «куралаш» (лечь на спину и быть не в состоянии встать)¹⁵⁴.

Наблюдалось и более сложное устройство могильных ям, особенно на Ст. Ахмыловском могильнике. Так, почти в 90 ямах этого памятника (см. погр. № 469, 534, 567, 680 и др.) прослежены на дне и по бокам могильных ям, обычно имевших в таком случае более крупные размеры, следы деревянного погребального ложа, опиравшегося на вертикальные столбы или бревенчатые срубы, опущенные на дно ямы. Такие устройства несколько позднее фиксируются в памятниках Мордовии начала н. э. (Андреевский курган)¹⁵⁵, а в синхронное для ранних ананьинцев время были известны в предскифских и раннескифских памятниках Евразии¹⁵⁶.

В некоторых могилах Ст. Ахмыловского могильника (№ 341, 518, 562, 570 и др.) встречены земляные боковые камеры, в большинстве случаев содержавшие разные вещи; они предназначались, очевидно, как и позднее в некоторых азелинских могильниках¹⁵⁷, для помещения каких-то погребальных комплексов.

В абсолютном большинстве случаев в одиночных захоронениях костяки лежат на спине с вытянутыми конечностями, иногда прижатыми друг к другу ногами (Тетюшский могильник, № 123, 136 и др.). Возможно, также как и обские угры (ханты и манси)¹⁵⁸, ананьинцы руки привязывали к телу, а ноги связывали.

У некоторых хантов, так же как и у марийцев, в гроб клали моток ниток (взрослому) или длинную нитку (ребенку)¹⁵⁹.

Положение на боку с подогнутыми ногами и руками, т. е. в скорченном состоянии, крайне редко встречается в раннеананьинских могильниках (3 случая в погребении № 21 Акозинского могильника, 2 случая в погребении № 70 Ст. Ахмылова, 2 случая в Тетюшском и по 1 случаю в I Новомордовском и II Полянском могильниках). Характерно, что в большинстве случаев это погребения женщин (в коллективных могилах) или подростков. Рассматривать это как пережиток эпохи бронзы нельзя, так как приказанские племена в предананьинское время уже преимущественно хоронили своих умерших в вытянутом состоянии¹⁶⁰. Возможно, это результат воздействия более южных соседей, в частности ранних савромат, в погребальном обряде которых еще бытовала форма захоронения, преимущественно женщин и подростков в скорченном положении¹⁶¹.

В могильниках нередко случаи парных захоронений, когда в одну яму помещали двух умерших. В Акозинском могильнике встречено 6 таких погребений, в Ст. Ахмыловском — 35, в Тетюшском — 4, в I Новомордовском — 8 и т. п. Преимущественно это захоронение мужчины с женщиной, причем при женском костяке обычно нет инвентаря. Такие погребения в ранее изученных могильниках отметила и А. В. Збруева¹⁶². Несколько меньше число совместных захоронений взрослого и ребенка, как правило, женщины и младенца; но обнаружены и захоронения мужчины и ребенка (см. Тетюши, № 26, 136). Парные захоронения взрослых с детьми фиксировала и А. В. Збруева¹⁶³. Единичны одновозрастные и однополые парные погребения взрослых (см. Акозинский могильник, № 55, 86). Это захоронения имущественно равных людей, в основном мужчин.

Обычай парных захоронений появился в лесной полосе Восточной Европы еще в волосовское время (см. погребения Володарской стоянки)¹⁶⁴. Впоследствии такие захоронения бытуют почти на всем протяжении развития приказанской культуры, от раннего (IV Новомордовский могильник) до позднего (III Маклашевский, II Полянский, V Новомордовский, Кумысский и другие могильники)¹⁶⁵. Почти одновременно такой обычай возникает и в лесной полосе Сибири, где, начиная с окуневского времени вплоть до тагарской эпохи, встречаются парные захоронения. Исследователи возникновение обряда парных захоронений (мужчины и подчиненной женщины) относят ко времени перехода от матриархата к патриархату¹⁶⁶ и связывают с появившимися в это время обычаями похищения жен. Как считает М. П. Грязнов, «похищенная жена — собственность мужа. Она не пользуется защитой рода. Возникает обычай — со смертью мужчины хоронить с ним и его жену. Со временем этот дикий и расточительный обычай заменяется обычаем хоронить в могилу мужа лишь после ее естественной смерти, а затем и символическим ее захоронением (положение в могилу косы, украшений и т. п.)¹⁶⁷, ибо похищение жены заменяется куплей, выкупом, сватовством и другими формами брака.

Раннеананьинские племена, очевидно, уже далеки от эпохи перехода от матриархата к патриархату, и у них наряду с совместным погребением подневольной (похищенной) женщины с мужчиной практиковались все вышеперечисленные обычаи — введение тела жены, умершей естественной смертью, в могилу мужа (погр. 272 Ст. Ахмыловского могильника), символическое погребение женского головного убора и украшений в верхней части могилы мужа (погр. 36, 70, 139 и др. Ст. Ахмыловского, погр. № 1, 23 : 25 Морквашинского, 93 : 125, 189 : 200 Тетюшского могильника). Парные захоронения в местном крае продолжают бытовать вплоть до азелинского времени, т. е. до середины I тысячелетия н. э. (погр. 8, 35 Мари-Луговского могильника)¹⁶⁸. У марийцев этот обычай в символическом выражении сохранился вплоть до XIX в., когда жена умершего клала кольцо или серьгу, а иногда и пучок волос в гроб мужу, а невеста делала символический подарок жениху и его родственникам, причем этот подарок назывался «кумалтыш», т. е. жертвоприношение¹⁶⁹. Довольно широко обычай символического погребения жены бытовал у ранней мордвы-мокши, о чем свидетельствуют материалы Крюково-Кужновского могильника IX—XI вв.¹⁷⁰

Погребения в единичных и парных захоронениях имеют однотипную ориентацию — обычно ногами к реке, но в волжских могильниках (Акозинский,

Ст. Ахмыловский, Тетюшский) выявлены захоронения не с речной ориентацией. Так, на первых двух могильниках встречается значительная группа погребений (12% в Акозине, 40% в Ст. Ахмылове), имеющих меридиональное, преимущественно западное, направление головы, на Тетюшском могильнике около 20% погребенных было ориентировано параллельно реке головой на север. Может быть, это связано с представлениями хоронившего населения о прежней территории обитания, что этнографически было в свое время отмечено Л. Я. Штернбергом, который писал, что ряд сибирских народов «покойника кладут в соответствующем направлении, где лежала по преданию прежняя территория»¹⁷¹.

Почти на всех раннеананьинских могильниках встречаются коллективные захоронения с числом костяков от 3 до 16 (табл. II). Они размещались в ямах, естественно, несколько больших размеров, чем одиночные и парные. Погребенные в ямах располагаются в один ряд и при пяти и менее захоронений в одной яме имеют одно общее направление. В ямах с большим числом захоронений костяки лежат «валетом», т. е. часть погребений в одном направлении, часть — в противоположном.

Таблица II

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В РАНИЕАНАНЬИНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

Памятник	Число погребенных в одной могиле										Всего число погребений
	3	4	5	6	7	10	11	12	13	16	
Ст. Ахмыловский	12	5	1	5	3	—	1	—	1	—	28/146
Акозинский	—	4	2	1	1	—	—	—	—	1	9/55
Морквашинский	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/6
Тетюшский	4	—	2	1	—	1	—	1	—	—	9/50
I Новомордовский	1	2	1	—	—	—	—	—	—	—	4/16
Байдарский	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/3
II Березогривский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1/6
<i>Всего</i>	<i>20</i>	<i>11</i>	<i>6</i>	<i>8</i>	<i>4</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>54/272</i>

Коллективные погребения в отличие от одиночных содержат захоронения не только взрослых, но и детей. Часто это захоронение двух взрослых (мужчины и женщины) и ребенка или двух взрослых и детей и т. п. Обычно в коллективных погребениях центральное положение занимает погребение мужчины (см. погр. № 55, 114 и др. Ст. Ахмыловского могильника).

Обычай коллективных захоронений уходит корнями в глубокую древность. Очень широко он практиковался у неолитических племен днепро-днецкой культуры¹⁷². Известен он и для волосовских племен — на стоянке Володары в 1971 г. было обнаружено коллективное захоронение не менее чем 12 человек¹⁷³. Коллективные погребения были исследованы и на Балановском могильнике¹⁷⁴, известны они и под абашевскими курганами, но там большей частью они носят характер братских могил¹⁷⁵. Но особенно они выразительны

и часты на позднем этапе приказанской культуры¹⁷⁶, откуда преемственно этот обычай переходит и к раннеананьинским племенам. Впоследствии он бытует у местных народов Поволжья и Прикамья на востоке — до пьяноборского времени (см. погребения Уяндыкского могильника)¹⁷⁷, а на западе — до позднеродецкого (см. погребения Васильсурского городища)¹⁷⁸ и муромско-мерянского времени (см. погребения Безводнинского могильника)¹⁷⁹.

Как полагает М. П. Грязнов, обычай коллективных захоронений связан с совершением общих похорон в какие-то установленные сроки — раз в год или раз в несколько лет¹⁸⁰. Мне думается, что возникновение и развитие данного обряда следует увязывать, очевидно, с обычаем так называемых весенних захоронений, когда люди, умершие в одном поселке в зимнее время, содержались в специальном помещении в поселке, а затем весной во время паводка сплавлялись на место родового кладбища. Тем более что иногда эти родовые и племенные кладбища находились далеко от поселка. Как отмечалось выше, характерной особенностью раннеананьинских могильников является их расположение на берегу Волги или Камы недалеко от устья их притоков. Жившее на этих притоках население, например, по Ветлуге, Кокшаге, Казанке, Меше, Вятке и т. п., очевидно, не имело возможности каждый раз приезжать с покойником на родовое кладбище, иногда отстоящее от поселка на десятки и даже сотни километров. Оно должно было набирать партию умерших и затем сплавлять их на кладбище. Отголоском длительного существования этого обычая, особенно у волжских финнов, являются песни уржумских и коздемьянских (ветлужских) марийцев, где говорится о далеком кладбище, куда надо отправляться раз в год¹⁸¹.

В непосредственную связь с коллективными погребениями, открывающими собой серию так называемых двуактных захоронений, надо ставить вторичные и частичные погребения.

Почти во всех волжских раннеананьинских могильниках встречены погребения, представляющие собой вторичное захоронение человеческих костей, освобожденных от мягких тканей — 2 случая в Аозинском, 11 — в Ст. Ахмыловском, 1 — в Морквашинском, 5 — в Тетюшском, 2 — в Гулькинском и 1 — в I Новомордовском могильниках (рис. 13, 14). Первоначально, вероятно, умершие находились длительное время в наземных условиях, где происходило разложение мягких частей тела (соединительных тканей и сухожилий костяка). После этого кости собирались и перемещались в могильную яму.

Этот обряд в лесном Поволжье также первоначально фиксируется в воловской среде — коллективное погребение, вскрытое на Володарской стоянке в 1971 г., фактически состояло из вторичных захоронений, помещенных в одной яме. Поэтому предположение о том, что такой способ захоронения проникает в местную среду со стороны срубных племен, высказанное мной в одной из работ¹⁸², требует уточнения. Этот обряд известен и приказанским племенам — на II Луговской стоянке было обнаружено два вторичных захоронения, а в боковом выступе первой землянки I Луговской стоянки выявилось скопление костей 19 человек (13 взрослых и 6 детей)¹⁸³. Погребение с тремя расчлененными костяками (погребение № 13) было изучено и на Кумысском позднеприказанском могильнике¹⁸⁴. Позднее обряд вторичного погребения фиксировался у мордвы¹⁸⁵, муромы¹⁸⁶. В какой-то степени объяснение этого обряда

мы находим у Ибн-Фадлана, который видел и описал его в стране болгар в 922 г. «И если (один) человек (муж) из их среды убьет (другого) человека... нечаянно, то делают для него ящик из дерева халанга (березы), кладут его внутрь, заколачивают его над ним и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева наподобие дышел, подвешивают его между ними и говорят: «...мы подвешиваем его между небом и землей, (где) его постигнет (действие) дождя и солнца, может быть, Аллах смилостивится над ним». И он останется подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры»¹⁸⁷. Так, видимо, поступали не только с убийцами и другими преступниками, но и с людьми, умершими не своей смертью, — самоубийцами, запертыми и задранными медведем раньше хоронили отдельно, в лесу или в стороне от кладбища. В лесу ставили амбар на столбах, в нем хранили их вещи, куклу»¹⁸⁸. Люди, очевидно, полагали, что в самоубийц и прочих вселялся злой дух и он должен изгоняться с большим усердием, чем духи обычных покойников. В связи с этим любопытно, что в марийском языке слова «сакаат» (злой дух) и «сакаш» (вешать, подвесить) происходят от одного корня¹⁸⁹.

Вполне вероятно, что с обрядом вторичного захоронения связан и обряд трупосожжения, широко распространенный у финноязычных народов в I тысячелетии н. э. Как известно, в это время у древних марийцев, мордвы, муромы, коми и т. п. распространяется биритуальный обряд погребения — преимущественное трупоположение и несколько меньшее, но обязательное, трупосожжение¹⁹⁰. В то же время постепенно выходят из употребления погребения расчлененных костяков и т. п. Может быть, кости наземных захоронений предварительно сжигались, а затем уже хоронились в земляной яме.

С обрядом двуактного захоронения, т. е. со вторичными погребениями, следует увязать и так называемые частичные захоронения, т. е. погребения отдельных черепов. Как отмечал В. И. Чернецов, у приобских угров «при наземном погребении тело находится на помосте или в лабазе лишь до той поры, пока не сгниют покровы или пока не обрушится вся постройка. После этого кости либо погребаются, либо сохраняются в доме или в особо отведенном для них месте. Особенно часто *сохраняются черепа, которые являются самой важной частью скелета, так как именно в черепе обитает главная возрождающаяся душа* (подчеркнуто мной. — А. Х.)»¹⁹¹.

Почти во всех относительно широко исследованных раннеананьинских могильниках выявлены захоронения отдельных черепов: 12 случаев (8 мужских 4 женских) на Акозинском, 95 случаев (18 мужских, 77 женских) на Ст. Ахмыловском, 5 — на Морквашинском, 10 — на Тетюшском, 2 — на Гулькинском, 1 — на Таш-Елгинском могильниках. В Ананьинском могильнике 14 погребений черепов были вскрыты В. П. Алабиным и 4 — П. А. Пономаревым¹⁹².

Обычно эти захоронения производились в небольших округлых (диаметры их от 25 до 60 см) и неглубоких (25—60 см) ямах, в которые скорее всего вводился берестяной или деревянный короб. В коробе находился череп, иногда с шейными позвонками, который сопровождался или украшениями, в случае женского захоронения, или оружием и орудиями труда для мужского погребения (см. рис. 13, 14). Положение черепа в берестяной или плетеном коробе

фиксируется и интересной марийской поговоркой «карждымо вуеш ний путара» (здоровую голову лыком обвязать) ¹⁹³.

Ритуальное погребение черепов известно у многих народов ¹⁹⁴. Археологическая в Восточной Европе этот обряд начинает фиксироваться в могильниках днепро-донецкой культуры, в которых вскрыты могилы с коллективными захоронениями только черепов ¹⁹⁵. Отдельные захоронения черепов, вероятно, знали уже и волосовское население. В упомянутом выше первом погребении из Выводар и обнаружены костяки женщины и ребенка без черепов. Они, очевидно, были захоронены отдельно. Однако ни в волосовских, ни в прикаспийских, да и синхронных соседних культурах (балановской, абашевской, срубной) захоронений черепов мы пока не знаем. Возможно, они хоронились где-то в стороне от родового кладбища. Позднее этот обряд частично фиксируется в могильниках коми ¹⁹⁶, муромы ¹⁹⁷.

Для всех отмеченных видов погребений, кроме формы, размеров, направления могильных ям, можно выделить еще несколько общих особенностей. Так, в большинстве случаев погребенные сопровождаются вещами — оружием, орудиями труда, украшениями тела и костюма, резе — посудой и частями животных. Последние почти во всех могильниках состоят из определенного вида — это плечевая кость лошади (в мужских погребениях) или коровы (в женских погребениях), т. е. остаток от наиболее вкусной части туши, переднего окорока с грудинкой. Обычно, этот кусок мяса клали в изголовье иногда на 10—15 см выше погребенного, в засыпи. Последнее имеет топографическую параллель — вятские марийцы, когда слегка закидывали головой покойника, кололи какое-нибудь животное, съедали его, а кости сбрасывали в могилу ¹⁹⁸. У мордвы над мужской могилой съедали лошадь, а над женской — корову ¹⁹⁹.

В засыпи почти всех раннеананьинских могил, вне зависимости от того, были ли над могилой сгоревшие остатки наземных конструкций или нет, встречаются углистые вкрапления. Очевидно, они связаны с ритуальными кострами, которые зажигались сородичами погребенных при погребальных обрядах. С поминальными обрядами, проходившими в определенные сроки после погребения, очевидно, связаны остатки костей животных, обычно черепа или зубы лошадей и коров, обломки керамики, найденные на уровне древнего горизонта почти во всех раннеананьинских могильниках.

Почти все эти обряды производились и в том случае, если совершалось символическое погребение, т. е. захоронение вещей умершего на стороне человека, тело которого не было разыскано. На всех широко исследованных раннеананьинских могильниках зафиксированы так называемые кенотафы, т. е. могильные ямы, не содержащие следов человеческого тела.

Очевидно, ранние ананьинцы, также как и позднее ханты и манси, если не могли доставить на кладбище тело умершего на стороне человека, то устраивали на родовом кладбище фиктивные похороны... ²⁰⁰, т. е. «в лодку (или гроб) клали вещи покойного и хоронили его» ²⁰¹.

- ¹ Ряд из них (Акозинский, Ст. Ахмыловский, Тетюшский, Луговской могильники) настолько обширны (на Ст. Ахмыловском могильнике, например, вскрыто более 800 погребений), что мы просто лишены возможности их детального описания. Поэтому ниже излагаются лишь суммарные выводы по каждому исследованному памятнику, и указывается литература по каждому из них.
- ² См. его подробное описание (по материалам раскопок 1956—1958 гг.) в работе: *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 26—91.
- ³ *Чубарова Р. В.* Археологическая экспедиция Марийского НИИ 1952 г.—«Ученые записки Марийского НИИ», вып. V. Йошкар-Ола, 1953, с. 286, 287.
- ⁴ *Халиков А. Х.* Марийская археологическая экспедиция 1956 г.—«Труды Марийского НИИ», т. XI, Йошкар-Ола, 1958, с. 82—84.
- ⁵ *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.—«Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, с. 167—173. В материалах раскопок В. С. Патрушева 1971—1972 гг. из верхней части культурного слоя извлечена и приказанская керамика, характерная для атабаевского этапа.
- ⁶ *Архипов Г. А., Краснов Ю. А., Патрушев В. С.* и др. Чебоксарская экспедиция.— АО 1971 г., М., 1972.
- ⁷ *Патрушев В. С., Кузьминых С.* Марийская экспедиция.— АО, 1972 г. М., 1973, с. 184.
- ⁸ *Патрушев В. С.* Раскопки в Марийской АССР.— АО, 1973. М., 1974, с. 168.
- ⁹ Часть из них определена антропологически (*Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья.—«Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, с. 235). Большая часть определена по сопровождающему инвентарю.
- ¹⁰ Описание погребального инвентаря дается в разделе «Материальная культура» настоящей книги.
- ¹¹ Подготовлен к публикации дневник исследований этого могильника: *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Старший Ахмыловский могильник. Поэтому мы сочли возможным здесь изложить лишь основные сведения об исследовании и своеобразиях этого памятника. Характеристику отдельных погребений и другие подробности о могильнике читатель найдет в указанной публикации В. С. Патрушева и А. Х. Халикова.
- ¹² *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 104.
- ¹³ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 319.
- ¹⁴ Частичные захоронения, как правило, совершались в неглубоких ямах округлых очертаний и в указанное число не вошли.
- ¹⁵ *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 100.
- ¹⁶ Там же, с. 107.
- ¹⁷ Довольно подробно результаты раскопок В. Ф. Смолина опубликованы А. В. Збруевой (*Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 307—319). Мне также уже приходилось писать об этом интересном, но, к сожалению, почти неисследованном памятнике (*Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 108, 109). Поэтому здесь я ограничиваюсь общей характеристикой погребального обряда, а также изложения материалов раскопок 1975 г.
- ¹⁸ *Штуценберг А. А.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской части.— ИОАИЭ (Казань), 1901, XVII, вып. 4, табл. II, 8, 17, 19. Коллекция АКУ—78.
- ¹⁹ *Tallgren A. M.* L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale.— SMYA, XXXI. Helsinki, 1919, p. 51, 52, fig. 48.
- ²⁰ *Рабинович Б.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья.— СА, 1936, I, с. 86.
- ²¹ *Збруева А. В.* История населения..., с. 313.
- ²² Там же, с. 318.
- ²³ Там же, с. 318.
- ²⁴ *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 109.
- ²⁵ *Збруева А. В.* История населения..., с. 308, рис. 53.
- ²⁶ *Штуценберг А. А.* Материалы для изучения...
- ²⁷ Там же, табл. I, 5, 24; II, 20.
- ²⁸ Там же, табл. II, 13.
- ²⁹ Там же, табл. IV, 5.
- ³⁰ *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ КФАН 1949—1952 гг.—«Труды КФАН СССР» (Казань), 1954, с. 54.
- ³¹ *Казаков Е. П., Халикова Е. А.* Тетюшский могильник.— АО, 1969, М., 1970; *Халиков А. Х., Халикова Е. А.* Раскопки в Билляре Тетюшского могильника и каравансарая.— АО, 1970 г. М., 1971.
- ³² Площадь могильника очень сильно разрушена оврагами, более поздними захоронениями и современными перекопами и постройками, поэтому очень трудно говорить об истинных размерах памятника.

- ³³ Здесь и далее в большинстве случаев определение костей проведено научным сотрудником ИЯЛИКФАН СССР А. Г. Петренко.
- ³⁴ Результаты исследования памятника достаточно подробно опубликованы (Халиков Е. А. Второй Полянский могильник.—«Ученые записки ПГУ», № 148 (Пермь), 1967, с. 116 и сл.; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья..., с. 296 и сл.). Поэтому мы ограничимся лишь краткой информацией о раннеаньинских погребениях этого памятника.
- ³⁵ Штукенберг А. А. Материалы для изучения..., с. 182, табл. IV, 21.
- ³⁶ Лихачев А. Ф. Следы бронзового века в Казанской губернии.—«Труды VII археологического съезда», 1891, т. II.
- ³⁷ Збруева А. В. Гулькинский могильник.—МИА, 1954, № 42, с. 247 и сл.
- ³⁸ Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.—МИА, 1958, № 80, с. 45 и сл.; Халиков А. Х. Древняя история..., с. 217 и сл.
- ³⁹ Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века.—СА, 1963, № 3, он же. Ново-Мордовские курганы.—МИА, 1966, № 130; он же. I Ново-Мордовский могильник.—В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1976; Новомордовские стелы. Буклет ГМТР. Казань, 1974. Составитель Н. А. Кокорина.
- ⁴⁰ ГМТР, 21567.
- ⁴¹ ГМТР, 5442 : 10.
- ⁴² ГМТР, 4279.
- ⁴³ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 302.
- ⁴⁴ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 299.
- ⁴⁵ Старостин П. Н. Жилища поселения «Курган».—«Ученые записки ПГУ» (Пермь), 1967, № 148.
- ⁴⁶ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 301.
- ⁴⁷ См. кельт № 1; с. 38, А, 1 (ГМТР, 5377: 8); кельт № 2, рис. 38, А, 2 (Штукенберг А. А. Материалы для изучения..., табл. I, 28); кельт № 3; рис. 38, А, 3 (Cz, 2268); кельт 4; рис. 38, А, 4 (Cz, 4260).
- ⁴⁸ ГМТР, 5377 : 8.
- ⁴⁹ Штукенберг А. А. Материалы для изучения..., табл. III, 5.
- ⁵⁰ Tallgren A. M. Collection Zaoussailov, II. Helsinki, 1918, p. 29, fig. 41, CZ; 317.
- ⁵¹ Штукенберг А. А. Материалы для изучения..., табл.
- ⁵² Tallgren A. M. Collection Zaoussailov, II, pl. V, 3.
- ⁵³ Нессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.—СА, 1953, XVIII, рис. 28.
- ⁵⁴ Tallgren A. M. L'eroque dite d'Ananino..., p. 34, fig. 51; CZ; 3429.
- ⁵⁵ CZ, 4645.
- ⁵⁶ Нефедов Ф. Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893—1894 гг.—МАНГР, III. СПб., 1899.
- ⁵⁷ См. всю библиографию в кн.: Збруева А. В. История населения...
- ⁵⁸ Збруева А. В. Памятники эпохи...
- ⁵⁹ Могильник открыт и исследован нами в 1958 г.
- ⁶⁰ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 301.
- ⁶¹ Збруева А. В. Луговской могильник.—«Труды ИЭ», новая серия, т. II. М.—Л., 1942.
- ⁶² Збруева А. В. История населения Прикамья..., с. 18 и сл.
- ⁶³ Збруева А. В. Памятники эпохи..., с. 72 и сл.
- ⁶⁴ Мажитов Н. А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1967 г.—Архив ИА, Р—I, 3496.
- ⁶⁵ Пиеничнюк А. Х. Отчет о полевых исследованиях в 1968 г.—Архив ИА, Р—I, 3749; Пиеничнюк А. Х. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1969 г.—Архив ИА, Р—I, 3943.
- ⁶⁶ Бадер О. Н. Могильник Скородум в ранний этап ананьинской культуры.—«Ученые записки ПГУ» (Пермь), 1960, т. XII, вып. I.
- ⁶⁷ Збруева А. В. История населения Прикамья..., с. 111 и сл.; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.—МИА, 1952, № 28, с. 67 и сл.; Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 26 и сл.
- ⁶⁸ К 1960 г. исследовано было всего лишь 4 раннеананьинских могильника (Морквашинский, Луговской, Гулькинский и Аkozинский), в которых было раскопано около 2000 кв. м площади и выявлено до 170 погребений с 200 захоронениями. К 1975 г. изучено еще 5 новых раннеананьинских могильников (Старший Ахмыловский, Тетюшский, II Полянский, I Новомордовский, Таш-Елгинский) и проведено дополнительное исследование ранее известных Аkozинского и Морквашинского могильников, на которых раскопано более 15 000 м² площади, выявлено более 1000 погребений с не менее чем 1300 захоронениями. Таким образом, общий объем материала увеличился более чем в 6 раз.
- ⁶⁹ Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров.—«Труды ИЭ», 1959, т. II; Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXVII. Л., 1971; Домусульман-

- ские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975; *Materialen zur Mythologie der Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto.*— MSFOu, 113. Helsinki, 1958.
- ⁷⁰ См., например, *Грачева Г. Н.* Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (По материалам Западной Сибири) — В кн.: *Этническая история народов Азии.* М., 1972.
- ⁷¹ Начало такому анализу было положено совместным докладом и статьей В. С. Патрушева и А. Х. Халикова «Некоторые особенности погребального обряда Старшего Ахмыловского могильника».
- ⁷² Подгорно-Байларский могильник на левом берегу р. Ика (левый приток Камы) и Таш-Елганский могильник на левом берегу Буя (левый приток Камы) практически располагаются по краю надлуговой террасы Камы.
- ⁷³ Утверждение В. Ф. Генинга, что ананьинские «могильники расположены всегда на высоких берегах рек» (*Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 56), очевидно, основано на недоразумении.
- ⁷⁴ *Збруева А. В.* История населения..., с. 125.
- ⁷⁵ *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 302.
- ⁷⁶ *Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров, с. 126 и сл.
- ⁷⁷ *Василевич Г. М.* Ранние представления о мире у эвенков.— «Труды ИЭ», 1959, т. II, с. 170 и сл.
- ⁷⁸ История Сибири, т. I. Л., 1968, с. 209.
- ⁷⁹ Там же, с. 208.
- ⁸⁰ *Wichmann Y.* Volksdichtung und Volksbräuche der Tschermischen. MSFOu, LIX. Helsinki, 1931, S. 180—181.
- ⁸¹ *Munkacsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. MSFOu, 102. Helsinki, S. 62—67.
- ⁸² *Микушев, А. К.* Коми эпические песни и баллады. Л., 1969, с. 177 и сл.
- ⁸³ *Mikkola J. J.* Des name Wolga.— FUF, B. XX, H. 1—3. Helsingfors, 1929, S. 125—128; *Гордеев Ф. И.* О происхождении гидронима Волга.— В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, с. 122. Статья представляет перевод статьи И. Миккола, правда, без упоминания автора.
- ⁸⁴ *Марийско-русский словарь.* М., 1956, с. 157. Производные от слова «Юл», «юла» — «юлаш» (колдовать, заклинать), «юльгаш» (заклинание, колдовство). Во многих финно-угорских языках это слово (joulu, jül, jol usw.) также означает обрядовое явление, колдовство, рождество и т. п. (Suomen kielen etimologinen Sanakirja, I. Helsinki, 1955, s. 119, 120; далее — SKES).
- ⁸⁵ Удмуртско-русский словарь. М., 1948, с. 116.
- ⁸⁶ *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 11.
- ⁸⁷ *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1899, с. 158.
- ⁸⁸ *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв., с. 14.
- ⁸⁹ *Лашук А. П.* Формирование народности коми. М., 1972, с. 82.
- ⁹⁰ *Збруева А. В.* Луговой могильник.— «Труды ИЭ», 1947, с. 260.
- ⁹¹ *Марийско-русский словарь,* с. 140.
- ⁹² *Русско-марийский словарь.* М., 1966, с. 773.
- ⁹³ *Марийско-русский словарь,* с. 474.
- ⁹⁴ Там же, с. 475.
- ⁹⁵ *Русско-мокшанский словарь.* М., 1941, с. 206.
- ⁹⁶ Там же, с. 307.
- ⁹⁷ *Лыткин В. И., Гуляев В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 296.
- ⁹⁸ *Русско-удмуртский словарь,* с. 369.
- ⁹⁹ КЭСК, с. 296.
- ¹⁰⁰ *Коми-русский словарь.* М., 1961, с. 107.
- ¹⁰¹ *Чернецов В. И.* Представление о душе у обских угров, с. 130.
- ¹⁰² Там же, с. 126.
- ¹⁰³ Там же, с. 125.
- ¹⁰⁴ *Смирнов И. Н.* Черемисы..., с. 150.
- ¹⁰⁵ КЭСК, с. 143; SKES, I, s. 146.
- ¹⁰⁶ См. сводку об этом: *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 51—53.
- ¹⁰⁷ *Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье.— КСИМК, 1953, вып. 50.
- ¹⁰⁸ См. об этом подборку в статье Г. Н. Грачевой «Народные названия...» (с. 39—41).
- ¹⁰⁹ *Архипов Г. А., Вайнер И. С.* и др. Работы Чебоксарской экспедиции.— АО, 1971 г. М., 1972, с. 178.
- ¹¹⁰ *Грачева Г. Н.* Народные названия..., с. 41, 42.
- ¹¹¹ Остатки обгорелых срубов нередки в могильниках «перми вычегодской» (*Савельева Е. А.* Пермь Вычегодская. М., 1971). Следы сгоревших наземных конструкций прослежены над рядом погребений Крюково-Кужновского (мордва-мокша) могильника, исследованного в 1968 г. (*Воронина Р. Ф.* О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника.— КСИА, 1971, вып. 128, с. 117).
- ¹¹² У горных мари еще в XIX в. на кладбищах над могилами встречались наземные срубы, называвшиеся «шугар-виче» (дословно — могильный навес, могильный хлев) (*Смирнов И. Н.* Черемисы... с. 150—

- 151). Как у горных, так и луговых мари (*Wichmann Y. Volksdichtung und Volksbräuche...*, S. 60 usw.), в обращении к умершему, когда его клали в гроб, нередко говорили: «Не бери с собой наш дом, а иди в свою избу». Следы наземных сооружений в виде срубов или иногда навесов известны и в этнографии удмуртов. (*Маркелов М.* Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов. Религиозные верования народов СССР, т. II. М., 1931, с. 280; *Смирнов И. Н.* Вотяки.— ИОАИЭ, т. VIII, вып. 2. Казань, 1890, с. 186). Упоминание о бытовании в прошлом срубов-изб над мордовскими могилами также отмечается исследователями (*Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895, с. 172; Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 2. Саранск, 1940, с. 290.)
- 113 В коми и удмуртском языках слово «горт» одновременно означает «дом, деревня, селение, село» и «гроб» (КЭС, с. 79).
- 114 *Соколова З. П.* Новые данные о погребальном обряде северных хантов. Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975, с. 168.
- 115 *Смирнов И. Н.* Черемисы..., с. 122.
- 116 *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л., 1966, с. 117.
- 117 *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5.
- 118 *Meinander C. F.* Die Bronzezeit in Finnland.— SMIA : FFT, 54, Helsinki, 1954, S. 101 usw.
- 119 *Шмидхельм М. Х.* О племенах Северо-Восточной Европы во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 176.
- 120 *Токарев С. А.* Ранние формы религии..., с. 170.
- 121 *Грачева Г. Н.* Народные названия..., с. 40, 42.
- 122 *Hämäläinen A.* Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen.— JSFOu, XLVIII. Helsinki, 1936—1937, S. 127.
- 123 *Чернецов В. Н.* Представление о душе... с. 151.
- 124 *Халикова Е. А.* Указ. соч. с. 118, 119.
- 125 *Генинг В. Ф., Старостин П. Н.* Кумысская стоянка и могильник.— В кн.: Отчеты НКЭ, вып. I. М., 1972, с. 98, 99.
- 126 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 302.
- 127 *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 96 и сл.
- 128 *Марийско-русский словарь*, с. 157.
- 129 Там же, с. 782.
- 130 *Смирнов И. Н.* Мордва..., с. 187.
- 131 *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.
- 132 *Збруева А. В.* История населения..., с. 39.
- 133 *Пономарев П. А.* Ананьинский могильник.— ИОАИЭ, т. X, вып. 4, 1892, с. 426, 427.
- 134 *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 172 и сл.
- 135 *Чайлд Гордон.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 409; *W. Schröckel.* Westeuropäische elemente im Neolithikum und die frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Leipzig, 1957, S. 54, 55.
- 136 *Hoernes M.* Urgeschichte der Bildenen Kunst in Europa. Wien, 1925; *Dechelette L.* Manuel d'Archéologie préhistorique. Paris, 1910, т. 1—2.
- 137 *Максименков Г. А.* Окуневская культура в Южной Сибири.— МИА, 1965, № 135; *Вадецкая Э. Б.* О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине.— СА, 1965, № 4.
- 138 *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы.— СА, 1950, XII, с. 155.
- 139 *Членова Н. Л.* Об оленних камнях Монголии и Сибири.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 27.
- 140 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением оружия раннего железного века.— СА, 1963, № 3.
- 141 *Марийско-русский словарь*, с. 339.
- 142 Там же, с. 506.
- 143 КЭС, с. 146.
- 144 *Маркелов М.* Культ умерших..., с. 279.
- 145 *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров.— В кн.: «Сборник МАЭ», XXVII. Л., 1971, с. 232.
- 146 *Архипов Г. А.* Марийцы..., с. 11, 12.
- 147 *Чернецов В. Н.* Представление о душе..., с. 145.
- 148 *Wichmann Y.* Op. cit., S. 136.
- 149 *Марийско-русский словарь*, с. 40.
- 150 *Архипов Г. А.* Марийцы..., с. 13, 108; *Савельева З. А.* Пермь вычегодская..., с. 34.
- 151 *Смирнов И. Н.* Мордва..., с. 169.
- 152 *Этимологический словарь русского языка.*
- 153 *Марийско-русский словарь*, с. 224.
- 154 Там же, с. 260.
- 155 *Степанов П. Д.* Андреевский курган.— В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 48.
- 156 *Тереножкин А. И.* Скифская культура.— МИА, 1971, № 177, с. 18 и сл.
- 157 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 159 и сл.
- 158 *Чернецов В. Н.* Представления о душе..., с. 143.
- 159 *Смирнов И. Н.* Черемисы..., с. 149, 152.

- ¹⁶⁰ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 302.
- ¹⁶¹ Смирнов К. Ф. Савроматы..., с. 31.
- ¹⁶² Збруева А. В. История населения..., с. 123.
- ¹⁶³ Там же, с. 122.
- ¹⁶⁴ Цветкова И. К. Стоянка Володары.— КСИИМК, вып. XX. М., 1948, с. 4. В 1946 г. здесь вскрыто парное захоронение взрослых людей, в 1971 г.— погребение женщины с ребенком.
- ¹⁶⁵ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 248, 274, 295—301.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 346.
- ¹⁶⁷ Грязнов М. П. Реконструкция погребального обряда и социальной жизни древних племен на примере афанасьевских могильников. Доклад на пленуме ЛОИА АН СССР, 7.IV 1971 г.
- ¹⁶⁸ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 176.
- ¹⁶⁹ Марийско-русский словарь, с. 244.
- ¹⁷⁰ Воронина Р. Ф. О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника.— КСИА, 1971, вып. 128, с. 118, 119.
- ¹⁷¹ Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936, с. 324.
- ¹⁷² Телегин Д. Я. Днепро-донецка культура. Кіев, 1968, с. 176, 177.
- ¹⁷³ Архипов Г. А., Вайнер И. С. и др. Работы Чебоксарской экспедиции, с. 178.
- ¹⁷⁴ Бадер О. Н. Балановский могильник. М., 1963, с. 84, 102 и др.
- ¹⁷⁵ Герасимов М. М., Лебединская Г. В., Халиков А. Х. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.
- ¹⁷⁶ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 300 и сл.
- ¹⁷⁷ Пшеничник А. Х. Научный ответ о результатах археологических исследований за 1968 г.— Архив ИА, Р—I, 3749.
- ¹⁷⁸ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 153, 154.
- ¹⁷⁹ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник.— КСИА, вып. 140. М., 1974, с. 85.
- ¹⁸⁰ Грязнов М. П. Реконструкция погребального обряда...
- ¹⁸¹ Wichmann Y. Volksdichtung und Volksbräuche..., S. 236, 354.
- ¹⁸² Халиков А. Х. Древняя история..., с. 30.
- ¹⁸³ Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы..., с. 12, 13, 24.
- ¹⁸⁴ Генинг В. Ф., Старостин П. Н. Кумысские стоянка и могильник..., с. 101, 102.
- ¹⁸⁵ Смирнов И. Н. Мордва..., с. 170; Гольмстен В. А. Надземные погребения в Среднем Поволжье.— КСИИМК, 1940, вып. V.
- ¹⁸⁶ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник..., с. 85, 87.
- ¹⁸⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, с. 73, 74.
- ¹⁸⁸ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований..., с. 231.
- ¹⁸⁹ Марийско-русский словарь, с. 523.
- ¹⁹⁰ Архипов Г. А. Марийцы..., с. 12.
- ¹⁹¹ Чернецов В. И. Представление о душе..., с. 154.
- ¹⁹² Збруева А. В. История населения..., с. 118.
- ¹⁹³ Марийско-русский словарь, с. 80.
- ¹⁹⁴ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 270, рис. 121.
- ¹⁹⁵ Телегин Д. Я. Днепро-донецка культура..., с. 214.
- ¹⁹⁶ Лашук В. П. Формирование народности коми..., с. 83.
- ¹⁹⁷ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник..., с. 85.
- ¹⁹⁸ Смирнов И. Н. Черемисы..., с. 147.
- ¹⁹⁹ Смирнов И. Н. Мордва..., с. 174.
- ²⁰⁰ Чернецов В. И. Представление о душе..., с. 122.
- ²⁰¹ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований..., с. 231.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РАННЕАНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Большое число закрытых комплексов, выявленных в раннеананьинских могильниках, дает возможность представить оригинальную культуру раннеананьинского населения, а также проследить историю ее формирования. Наличие количественно значительного материала, например, одних только кельтов раннеананьинского времени известно более 600 экз., позволяет оперировать большими числами и тем самым в известной мере избежать субъективности в оценке изучаемых данных.

В настоящей главе мы остановимся на характеристике и в связи с этим на типологии вещевого материала, подразделенного по функциональному назначению предметов на орудия труда, оружие, конскую узду и посуду. Разбор и классификация огромного числа украшений, деталей одежды, бытовых и туалетных предметов, так же как и орнамента, должны стать темой самостоятельного исследования.

В ряде случаев трудно выделить функциональное назначение предмета, например, втульчатые топоры-кельты могли быть и орудиями труда, и оружием. Поэтому исходя из определяющего назначения предмета, топоры-кельты, будучи в большинстве случаев орудиями труда, рассматриваются в разделе «Орудия труда» и т. п. Начальная типология раннеананьинских материалов была в свое время предложена А. В. Збруевой¹ и мной² на количественно ограниченном материале. Накопление большого числа новых данных, особенно в связи с исследованием таких крупных раннеананьинских памятников, как Ст. Ахмыловский, Тетюшский и других могильников, позволило не только уточнить, но в большинстве случаев и создать новую классификацию и типологию. Параллельно с нами подобную работу проводил В. С. Патрушев, давший классификацию и типологию отдельных групп предметов из раннеананьинских памятников Марийского Поволжья (бронзовых кельтов, наконечников стрел, керамики и т. п.)³. Однако учитывая, что настоящая работа посвящена характеристике всего известного в настоящее время раннеананьинского комплекса, т. е. далеко выходит за пределы Марийского Поволжья, в абсолютном большинстве случаев пришлось создавать новую классификацию и типологию раннеананьинских предметов. В основу предлагаемой классификации положена принятая в советской археологии система классификации и определения типологических единиц, т. е. выделяются следующие убывающие по величине определения таксономы — группа, категория, тип, вид, разновидность, вариант⁴. При указании местонахождения предмета для обозначения памятников или коллекций с массовым содержанием раннеананьинских предметов приняты следующие сокращения: Ст. А — Старший Ахмыловский могильник; Ак — Акозинский могильник, Мр — Морквашинский могильник; Тт — Тетюшский могильник, Пл — II Полянский могильник, Нм — I Ново-

мордовский могильник, Ан — Ананьинский могильник, Лг — Луговской могильник, ТЕ — Таш-Елгинский могильник; ГМТР — коллекции Госмузея Татарской АССР, ГИМ — Гос. исторического музея, АК — археологического кабинета ИЯЛИ КФАН СССР, АКУ — археологического кабинета Казанского университета, CZ — коллекция В. И. Заусайлова, хранящаяся в Национальном музее Финляндии; сокращения «п» — погребение (цифра за ним обозначает номер погребения), «н» — отдельная находка (иногда с указанием раскопа и квадрата).

ОРУДИЯ ТРУДА

В эту группу входят бронзовые и железные топоры (втульчатые и проушные), тесла, ножи, наконечники мотыг, серпы, зернотерки, иглы и шилья, рыболовные крючки и пр.

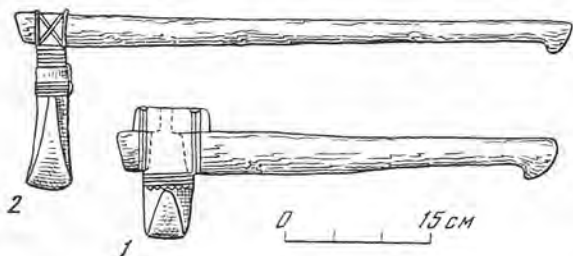

Рис. 40. Крепление топоров-кельтов ананьинского (1) и аkozинско-меларского (2) типов (по В. С. Патрушеву)

Наиболее массовую серию, как отмечалось выше, составляют *топоры*, а среди них *топоры-кельты*.

Кельты по форме подразделяются на две большие группы — *раннеананьинские* и *акозинско-меларские*⁵. По способу прикрепления рукоятки и по функциональному назначению эти орудия единой категории — они служили для выполнения рубящих ударов, т. е. могли быть и орудиями труда, и оружием, а к рукоятки-топорищу прикреплялись при помощи вертикального клина-переходника (рис. 40)⁶. В. С. Патрушев предполагает, что кельты акозинско-меларского типа употреблялись в основном в качестве боевого оружия, тогда как кельты ананьинского типа — в качестве рабочих топоров⁷. Однако практическое отсутствие совместного нахождения акозинско-меларских и ананьинских кельтов в одном комплексе и нередкое положение первых в женских захоронениях заставляют предполагать их преимущественное использование в качестве рабочих топоров. В пользу этого свидетельствует и то, что более поздние уже железные с трубчатой втулкой кельты местного края, широко представленные в раннемарийских, раннемордовских и других памятниках вплоть до X—XI вв. н. э., использовались в основном в качестве рабочих топоров⁸.

Раннеананьинские кельты

Раннеананьинские кельты, бытовавшие в VIII—VI вв. до н. э., представлены всего 402 экз. металлических изделий⁹, в том числе из закрытых комплексов — 246 экз. и части створок от 5 литейных форм. Это уплощенные и

подпрямоугольные в плане рубящие орудия высотой 48—94 мм при ширине у края втулки 38—59 мм и ширине лезвия 34—58 мм. К лезвию, имеющему слабо округленное очертание, тулово кельтов всегда немного суживается. В большинстве случаев широкая плоскость украшена рельефным рисунком.

По сечению втулки кельты подразделяются на два типа, внутри которых выделяются по орнаменту виды и разновидности (рис. 41)¹⁰. Типы обозначены римской цифрой (I, II), виды — арабской (1, 2, 3, 4), разновидности — буквами русского алфавита (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л).

I тип. Кельты с линзевидной, реже овальной в верхнем сечении втулкой — 282 экз. Выделяются 4 вида.

I — кельты, по широкой плоскости которых примерно от середины края втулки к концам лезвия опускаются приотстренные концы крутой дуги (105 экз.). По особенностям орнаментации в верхней части этот вид кельтов подразделяется на 10 разновидностей (рис. 41).

I, 1А — кельты с простой дугой по широкой плоскости (рис. 41 — I, 1А). Известно 5 экз. — Ст. А, п. 166; Мр. н. (АКУ — 78,1); с. Чубарово бывш. Казанской губ. (ныне Тетюшского района Татарской АССР) — CZ, 3245; бывш. Казанская губ. — CZ, 4280; Лг (ГИМ, 80975). В п. 166 Ст. А найден совместно с височными пластинчатыми кольцами и уплощенной бляшкой с подпрямоугольным ушком и небольшим железным ножом, т. е. в комплексе, характерном для VII в. до н. э. Нахождение аналогичных кельтов в Мр и Лг не противоречит указанной дате.

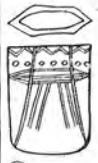

I, 1Б — кельты с небольшим выпуклым валиком по наружному краю втулки, от середины которого расходятся концы крутой дуги (рис. 41 — I, 1Б). Известно 10 экз. — Ст. А, п. 167; Мр. п. 13; НМ, п. 3; бывш. Казанская губ. (3 экз. — CZ, 2244, 3244, 4283); из окрестностей Муром (CZ, 4284); с. Бябаш Апастовского района Татарской АССР (CZ, 4282), из окрестностей Чебоксары (CZ, 3242).

В п. 13 Мр найден совместно с бронзовой бляшкой с задней подпрямоугольной петлей и железным наконечником копья с уплощенным пером¹¹, аналогичным копью из Лг, п. 57¹², датированному по раннескифскому кинжалу-акинаку¹³ первой половиной VI в. до н. э. Бронзовая бляшка, близкая бляшке из Ст. А, п. 166, может датировать кельт и VII в. до н. э. Имеющийся на некоторых кельтах в начале дуги архаичное утолщение, напоминающее боковое ушко предананьинских кельтов, может свидетельствовать о бытовании аналогичных орудий и в VIII в. до н. э. В целом следует считать, что кельты типа I, 1Б преимущественно употреблялись в VII в. до н. э.

I, 1В — кельты с 3—4 горизонтальными линиями-валиками по краю или несколько ниже края втулки и дугой, отходящей от середины последней линии (рис. 41 — I, 1В). Известно 26 экз. — Ст. А, п. 34, 36, 68—1, 108, 111, 124, 126б, 248, 270, 278, 288, 295, 356, 495, 831, 2 экз. из н. 1962 г.); Лг, п. 6, 47; 56; Тт, п. 147, 45, 200, р. I, кв. В—8; Пл. н; Семеновский. Кельты Тт, Пл, 6 экз. Ст. А имеют относительно небольшие размеры — длина 53—58 мм; остальные подлиннее — 70—92 мм.

Кельты типа I, 1В бытовали, очевидно, в VII в. до н. э., так как они встречаются в основном в комплексах этого времени — Ст. А, п. 36, 124 (с биметаллическим кинжалом VII в. до н. э.)¹⁴; п. 68 (с оригинальной улитковидной височной спиралью, покрытой золотой фольгой — VIII—VII вв. до н. э.)¹⁵.

Тип	Раз- ночи- вость	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	
II	1 (22)												
	2 (81)												
	3 (17)												

0 12cm

Рис. 41. Схема типологии раннеананьинских кельтов

цифры в кружках обозначают количество известных кельтов данных разновидности, вида и группы

п. 126 (с бронзовым наконечником копья VII в. до н. э.); п. 142 (с бляшкой, имеющей прямоугольную дужку — VII в. до н. э.); п. 248 (с четырехлепестковой бляшкой VIII—VII вв. до н. э.) и т. п.; Тт, п. 200 (с выраженным комплексом VII в. до н. э.) и т. п.

К этому же типу I, 1В относится 3 кельта, имеющие вариационные отклонения в орнаменте — кельт из Семеновского острова, острие дуги которого перерезается горизонтальными линиями (рис. 42, 1) и 2 кельта из Ст. А (пп. 36 и 126б), дуги орнамента которых состоят из двух линий (рис. 42, 2).

I, 1Г — кельты, орнаментированные по широкой плоскости дугой, отходящей от середины края втулки и дополнительно соединенной двумя «тягами» (рис. 41—I, 1Г). Известно 2 экз. — из с. Ташкермень Лаишевского района Татарской АССР (СЗ, 2268) и Тт, р. I, кв. Б/9. Размеры средние — длина 52—64 мм. Наличие кельта в Тт, который датируется не позже VII в. до н. э., говорит о его раннем возрасте. Следы реликтового выступа от лобового ушка, имеющиеся в начале дуги¹⁶, свидетельствуют о возможном бытовании кельтов I, 1Г в VIII—VII вв. до н. э.

I, 1Д — кельты, орнаментированные по краю широкой плоскости 3—5 горизонтальными линиями и соединенной с последней линией при помощи трех косых отрезков дужкой (рис. 41—I, 1Д). Размеры средние, длина 56—73 мм. Всего известно 18 экз. — 12 экз. из Ст. А (пп. 74, 83, 277, 344, 362, 374, 688б, р. 2 1969 г., 4 экз. п. м.), 3 экз. из Ак (п.п. 46 и 48), Семеновский остров, бывш. Вятская губ. (ГМТР, 5375 : 13), с. Ивановское Зеленодольского района Тат. АССР (СЗ, 3248)¹⁷.

Имеются варианты — кельт из Ак (п. 48) с проникающими в дужку косыми отрезками (рис. 42, 3), 2 экз. из Ст. А (п. 262) с двумя горизонтальными эсвидными узорами (рис. 42, 4), 1 экз. из Ст. А (п. 374) с боковыми вертикальными валиками (рис. 42, 5).

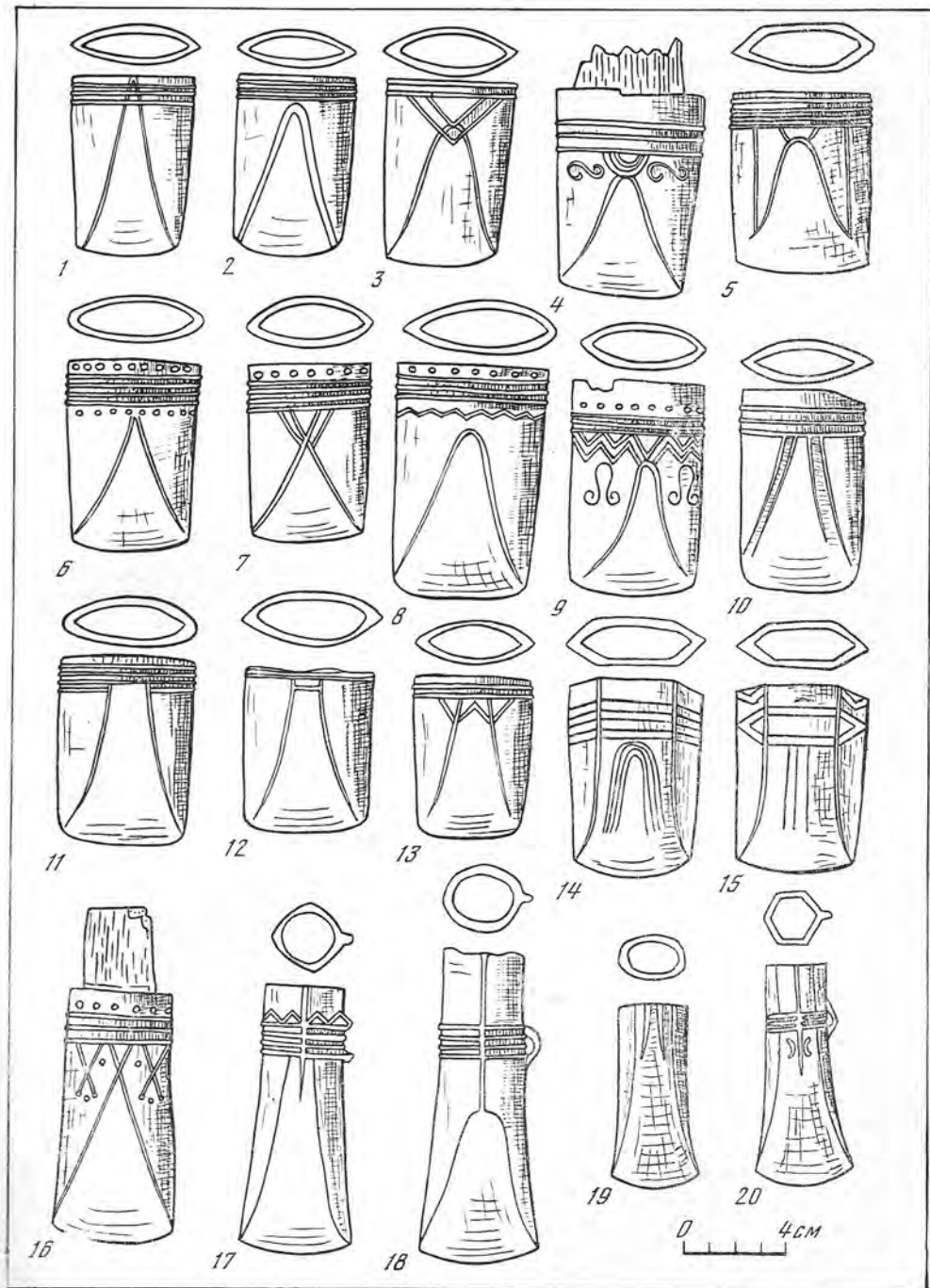
По материалам Аозинского могильника, эта разновидность кельтов была датирована VII—VI вв. до н. э.¹⁸ Материалы Ст. А эту дату подтверждают.

I, 1Е — 11 кельтов из Ст. А (п. п. 50, 119, 131, 154, 242, 275, 301, 339, 483, 670, 691) средних размеров, близких по орнаменту к типу I, 1Д, но имеющие дополнительно ряд из рельефного зигзага (рис. 41—I, 1Е). Железный наконечник копья с высокой трубчатой нервюрой, переходящей во втулку¹⁹ из п. 50, четырехлепестковая бляха позднекиммерийского типа из п. 119, костяные и кремневые наконечники стрел из п. 257 и п. 483 датируют бытование кельтов I,

Рис. 42. Вариации раннеананьинских (1—15) и аозинско-меларских (16—20) кельтов

1 — Семеновский остров (тип I, 1В); 2 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 36 (тип I, 1В); 3 — Аозинский могильник, погр. 48 (тип I, 1Д); 4 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 262 (тип I, 1Д); 5 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 374 (тип I, 1Д); 6 — Аозинский могильник, погр. 21 (тип I, 1Е); 7 — быв. Казанская губ. (тип I, 13); 8 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 26 (тип I, 1И); 9 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 354 (тип I, 1И); 10 — Ст. Ахмыловский могильник погр. 58 (тип I, 2В); 11 — с. Кузнечиха Тат. АССР (тип I, 2В); 12 — Гроханьское городище (тип I, 2Д); 13 — Таш-Елгинский могильник, погр. 10 (тип I, 2Е); 14 — Ст. Ахмыловский могильник, п. 475 (тип II, 2В); 15 — Ананьинский могильник (тип II, 2В); 16 — Ст. Ахмыловский могильник (тип I, 23); 17, 19, 20 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 296, 1969 г., 669; 18 — Малахай

1Е преимущественно VII в. до н. э. На кельте из п. 691 Ст. А намечается шестигранность втулки.

I, IЖ — 12 кельтов из Ст. А (пп. 26—2, 55—2, 64, 112, 136, 272, 422, 668, р. 2 1966 г.), Ак (2 экз. п. 21) близки по орнаменту к кельтам *I, IB*, но сверху имеют горизонтальный ряд выпуклин (рис. 41—*I, IЖ*). Вариантом являются кельты с рядами выпуклин над и под горизонтальными линиями (Ак. п. 21, рис. 42, б). Размеры средние, длина колеблется от 6 до 85 мм.

Кельты Ак. были датированы по четырехлепестковой бляшке-розетке VII в. до н. э.²⁰ Совместное нахождение в Ст. А таких кельтов с биметаллическими кинжалами (п. 26 с кинжалами VII в. до н. э.²¹), п. 55 с кинжалом рубежа VIII—VII вв. до н. э.²²), четырехлепестковыми бляшками-розетками (п. 55) и двукольчатыми удилами VIII—VII вв. до н. э.²³ (п. 136) позволяют ограничить время бытования кельтов *I, IЖ* от середины VIII до середины VII вв. до н. э.

I, IЗ — 10 кельтов из Ст. А (пп. 163, 199, 230, 365, 396, 423, н. 1965 г., п. м. 1963 г.), Ак (п. 39), бывш. Казанской губ. (CZ, 4281) по орнаменту и размерам близки к кельтам *I, IД*, отличаясь от них лишь рядом выпуклин в верхней части (рис. 41—*I, IЗ*). Вариантом является кельт из бывш. Казанской губ., у которого начало дуги, перекрещиваясь, соединяется с горизонтальной линией (рис. 42, 7).

Кельт из Ак. был датирован по гривне северокавказского типа VIII—VII вв. до н. э.²⁴ Находки в Ст. А кельтов *I, IЗ* совместно с бронзовым наконечником копья (п. 365), медными накладками с парными выпуклинами (п. 396), характерными для VII—VI вв. до н. э.²⁵, заставляют предполагать бытование описываемых кельтов в VII и начале VI в. до н. э.

I, II — 7 кельтов, относительно крупных, длиной 73—90 мм из Ст. А (п.п. 26—1, 26а, 67, 139, 220, 354, 520), близки к кельтам *I, IЕ*, отличаясь от них рядом выпуклин по верхнему краю (рис. 41—*I, II*). Вариантами являются кельты из пп. 26, 27, не имеющие соединительных с дугой косых линий (рис. 42, 8), и кельт из п. 354 с двойным зигзагом и боковыми «чочковидными» узорами (рис. 42, 9).

Совместное нахождение кельтов *I, II* с биметаллическими кинжалами (п.п. 26, 67), датированными VII в. до н. э.²⁶, определяет этим временем и их бытование.

I, IK — 10 кельтов из Ст. А (п.п. 98, 103, 163, 230—2 экз., 266, 464, 689, н. 1962 г.— 2 экз.) близки к типу *I, IЗ*, но только имеют над рядом выпуклин волнистую или зигзагообразную линию (рис. 41 — *I, IK*). Размеры кельтов крупные — длина 86—96 мм, ширина у втулки 48—55 мм.

На кельте из п. 103 с обратной стороны орнамент, аналогичный орнаменту кельтов *I, IЗ*, датированных гранью VII—VI вв. до н. э. Этой дате не противоречит и комплекс п. 163, где найдена бляшка с прямоугольной дужкой, бытовавшая преимущественно в VII в. до н. э.

Кельты второго вида (*I, 2*) близки по форме и орнаменту к кельтам первого вида. Основное отличие заключается в том, что по широкой плоскости у них идет орнамент не из цельной, а разорванной дуги, концы которой имеют вид «усов» (рис. 41—*I, 2*). В остальной орнаментации кельты *I, 2* полностью совпадают с кельтами *I, 1*, что свидетельствует об их синхронности.

I, 2А — относительно небольшие кельты (длина — 42—66 мм), украшенные

по широкой плоскости только «усами» (рис. 41—I, 2а). Известно 21 экз. таких орудий, в том числе 8 из Ст. А (пп. 32, 94, 130, 194, 349, 456, 507, 674), из Тг (п. 183, р. I, В/13), Волосова, Бакалды в окрестностях Казани (2 экз., ГМТР, 25661—25662), с. Дмитриевское Елабужского района Татарской АССР (2 экз., ГИМ 36219), с. Лопьял Уржумского района Кировской области (ГИМ, 43921), с. Биябаш Апастовского района Татарской АССР (СЗ, 4282), городища Ройский Шихан²⁷, окрестностей Цивильска (СЗ, 4262) и быв. Казанской губернии (2 экз., СЗ, 3252, 3979).

Бытование этих кельтов, так же как и близких им кельтов I, 1А, следует отнести к VIII—VII вв. до н. э., что и подтверждается нахождением аналогичного кельта в Тг, п. 183 вместе с лунницей и переходником с четырьмя отверстиями. Однако обнаружение близкого кельта в Ст. А, п. 456 с головным убором, состоящим из накладных бляшек с парными выпуклинами, позволяет предполагать сохранение кельтов I, 1А до начала VI в. до н. э.

I, 2Б — относительно короткие (длина 40—59 мм) и широкие (39—51 мм) кельты с горизонтальным, иногда широким валиком по краю втулки и «усами», отходящими от его середины (рис. 41—I, 2Б). Известно 10 экз. — Мр, п. 19; ТЕ, п.п. 6, 22; Нм, п. 24 и 4 экз. н.; с. Измери и с. Мурзиха Татарской АССР.

По аналогии с кельтами I, 1Б описываемые кельты можно было бы датировать в целом VIII—VII вв. до н. э., чему не противоречит и их преимущественное нахождение в таких ранних памятниках, как I Новомордовский могильник, но обнаружение близкого типа кельта в п. 6 ТЕ вместе с бронзовым втульчатым трехлопастным наконечником стрелы 8 типа, по К. Ф. Смирнову, заставляет предполагать их бытование и в VI в. до н. э. Близкого типа кельт известен из Западной Сибири (Кыштымский завод). В. Н. Чернецовым он отнесен ко II группе западносибирских кельтов и датирован VII—IV вв. до н. э.²⁸

I, 2В — наиболее массовый вид кельтов первого типа. По верхнему краю широкой плоскости идут 2—4 выпуклые горизонтальные линии, от середины нижней из которых опускаются к концам лезвия «усы» (рис. 42—I, 2В). Размеры кельтов средние — от малых (длина 45—49 мм) до относительно крупных (длина 73—81 мм).

Всего таких кельтов известно 87 экз., в том числе 20 экз. из Ст. А (пп. 55—1, 58, 67, 68—2, 70, 92, 111, 185, 231, 236, 239, 240, 241, 256, 272, 334, 342, 692, н. 1962 г. — 2 экз. и 1963 гг.), по 2 экз. из Ак. (п. 58, н. 1958), из Пл. (п. 1, и н.); из урочища Валдай (место расположения Гулькинского могильника) в окрестностях с. Волостниково Ульяновской области (ГМТР, 20532); из с. Ташкермени Лаишевского района Татарской АССР (ГМТР, 5376 : 8; 5377 : 8) из Младшего Волосовского могильника (п. 1—1950, н.); из Чувашской АССР (бывш. Цивильский уезд, ГМТР, 5376, 17032); 4 экз. из Нм (п.п. 6, 17, 22 — 2 экз.) из Тг (п. 221), 5 экз. из Мр (п.п. 11, 14, 21 и 2 экз. н.) 10 экз. из Лг (п.п. 7, 10, 12, 15, 23, 33, 36, 42, 45, 48), 7 экз. из бывш. Казанской губ. (СЗ, 2243, 3238, 3239, 3243, 3246, 4261; ГМТР, 21856); по 1 экз. из Ан²⁹, из с. Кузнечиха Татарской АССР (СЗ, 4285), из с. Коротня Марийской АССР, бывш. Тетюшского уезда Казанской губ. (ГМТР, 5379 : 11), из с. Каракулино Удмуртской АССР (ГИМ, 30782), с. Дмитриевское Татарской АССР (ГИМ, 36219), III Нижне-Марьянского могильника, Семеновского острова, Мурзинского могильника, Лебединского местонахождения, бывш. Спасского уез-

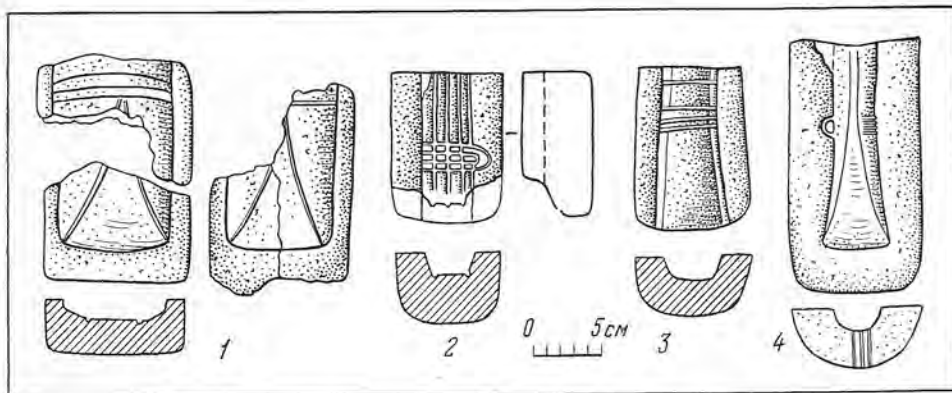

Рис. 43. Литейные формы для изготовления бронзовых кельтов

1 — I Новомордовский могильник, погр. 6; 2 — из городища Казанка I; 3 — из Ватажки (по Н. Н. Гуриной); 4 — из Кеми, Зап. Финляндия (по К. Мейнандеру); 1 — песчаник; 2, 4 — камень; 3 — глина

да Казанской губ. (CZ, 4279), с. Криуши Чувашской АССР³⁰, с. Альменево Чувашской АССР (ГМТР, 5379 : 11), с. Шумково Рыбно-Слободского района Татарской АССР, д. Марушина Уржумского района Кировской обл., с. Мамыково Октябрьского района Татарской АССР (ГМТР, 18896), городища Гремячий ключ (раскопки 1967 г.), городища «Сорочьи Горы»³¹, с. Шуран Татарской АССР³², с. Б. Кайбицы Татарской АССР (CZ, 1410), с. Тюрлема Чувашской АССР (ГМТР, 21857), с. Княжна Марийской АССР (ГМТР, 5437 : 11). За пределами ананьинской территории кельты этого типа найдены в Сибири (CZ, 2243) и северной Швеции³³. Вариантами являются кельт из п. 58 Ст. А, имеющий по паре «усов» (рис. 42, 10), кельт из с. Кузнечихи, «усы» которого прорезают нижнюю линию горизонтальных валиков (рис. 42, 11) и кельты из ТЕ, п. 14 и с. Болгары (ГМТР, 5442 : 10), усы которых пересекают две-три горизонтальные линии.

Из Нм п. 6 (рис. 43, 1), Пермской области³⁴ и с. Шурана (городище Гремячий ключ)³⁵ происходят каменные и песчаниковые литейные формы для изготовления кельтов описываемой разновидности.

По материалам Ак кельты I, 2В были датированы VII в. до н. э.³⁶ Новые данные подтверждают эту дату. В Ст. А в основном они встречены в комплексах VIII—VII вв. до н. э. — см. п. 55 с биметаллическим кинжалом VIII—VII вв. до н. э.³⁷, п. 67 также с биметаллическим кинжалом VII в. до н. э.³⁸ В Лг большинство кельтов I, 2В обнаружено в погребениях северного ряда (п.п. 10, 23, 33, 36, 42, 48), датированных VII в. до н. э. Об этом же времени свидетельствует нахождение описываемых кельтов в наиболее ранних могильниках — Тт., Нм и Младшем Волосовском, а также их близость к типу I, 1В, датированному VIII—VII вв. до н. э. Вместе с тем не исключено и спорадическое сохранение кельтов I, 2В в первой половине VI в. до н. э., о чем говорит нахождение их в погребениях южного ряда Лг, датированных А. В. Збруевой

первой половиной VI в. до н. э.³⁹ На некоторых из кельтов (см. п. 692 Ст. А) уже появляется шестигранность втулки.

I, 2Г — кельты, аналогичные типу *I, 1Г*, только с «усами», иногда двойными (рис. 42—*I, 2Г*). Размеры средние. Известно 7 экз.—Тт, п. 136, Семеновский остров, Сорочьи Горы (СЗ, 4259), с. Чирки Буинского района Татарской АССР (ГМТР, 11230, вместе с бронзовыми двукольчатыми удилами VIII—VII вв. до н. э.)⁴⁰, д. Акташево быв. Чебоксарского уезда Казанской губ. (ГМТР, 5379 : 11), 2 экз., из бывшей Казанской губ. (СЗ, 3250, 3251).

Нахождение кельтов *I, 2Г* в раннем п. 136 Тт (рис. 22, *I*) и в комплексе из с. Чирки датирует их VIII—VII вв. до н. э., т. е. так, как и сходные кельты *I, 1Г*.

I, 2Д — кельты, близкие к типу *I, 1Д*, но отличающиеся от них тем, что «усы» соединяются с горизонтальной линией при помощи дужки (рис. 41—*I, 2Д*). Размеры средние. Видимо, они развились из варианта *I, 2В* (рис. 42, *11*). Известно 5 экз., из них 3 переходного типа (рис. 42, *12*): из Цивильска (СЗ, 3247), бывш. Чебоксарского уезда (ГМТР, 17 041); Гроханьского городища; с. Русский Ошняк Татарской АССР (СЗ, 3240); НМ. Отсутствие комплексов затрудняет датировку, но близость к типу *I, 2В* и нахождение в Нм позволяют считать кельты *I, 2Д* ранними (VIII—VII вв. до н. э.).

I, 2Е — кельты, орнаментированные в верхней части 1—3 горизонтальными линиями, горизонтальным зигзагом и «усами». Это несколько больше средних размеров орудия (длина 60—83 мм). Известно 16 экз. — 4 из Ст. А (п.п. 37, 70—2, 194, 667); 3 из ТЕ (п.п. 10, 17, 24), Семеновского острова, Каракулинского могильника⁴¹, 2 из Скородумского могильника⁴², из бывш. Камышловского уезда Пермской губ.⁴³, с Аятского озера⁴⁴, из бывш. Тобольской губ.⁴⁵ и из д. Орлово Пермской области⁴⁶. Близость к этим кельтам проявляет каменная литейная форма из Западной Финляндии (Юлиторнио)⁴⁷. Вариантами следует считать кельт из дер. Большой Болтай Апастовского района Татарской АССР, имеющий по сторонам от «усов» двойной зигзаг⁴⁸, 2 кельта (ТЕ; Орлово Пермской области) с укороченным зигзагом (рис. 42, *13*). Кельты из Скородумского могильника своеобразны своими двойными «усами», на кельте из погр. № 1 горизонтальный зигзаг заключен между двумя линиями, а «усы» на одной стороне имеют характер лесенки.

На обороте кельта из Тобольской губ. нанесен рисунок, аналогичный рисунку кельтов типа *I, 1Е*, что свидетельствует о синхронности *I, 1Е* и *I, 2Е*. Первые датированы VII в. до н. э. Совместное нахождение кельта *I, 2Е* в Ст. А., п. 70 с длинным железным копьем архаичного облика, датирующегося VIII—VII вв., до н. э.⁴⁹, и датировка Скородумского могильника VII в. до н. э.⁵⁰ подтверждают предлагаемую дату. Однако наличие кельтов *I, 2Е* в ТЕ, преимущественно бытовавших в VI в. до н. э., позволяет думать об их возможном заждении и в VI в. до н. э.

I, 2Ж — относительно крупные кельты (длина их 72—85 мм), плоская сторона которых орнаментирована так же, как и кельты *I, 2В*, но выше горизонтальных линий идет ряд выпуклин (рис. 41—*I, 2Ж*). Известно 5 экз. Ст. А, п.п. 30, 69, 196, Ан. (НМФ, 1400 : 16) и бывш. Ланшевского уезда Казанской губ. (ГМТР, 5378 : 22).

Совместное нахождение кельтов *I, 2Ж* в Ст. А. (п. 69 и 196) с накладными бляхами и парными выпуклинами и другими частями головного убора VII—

VI вв. до н. э., а также в Ан., где нет вещей, датирующихся временем раньше VI в. до н. э., позволяет датировать первые рубезом VII—VI вв. до н. э., об этом свидетельствует и их более крупные размеры.

I, 23 — 3 кельта из Ст. А (п.п. 72, 618, п. м. 1962 г.) близки к кельтам I, 2E, но имеют по краю ряд выпуклин (рис. 41—I, 23). Длина их 70—86 мм. Кельт из п. 618 и пропорциями (длина — 95 мм, длина лезвия — 48 мм) и орнаментом представляет весьма своеобразный вариант (рис. 42, 16).

Кельты, являющиеся дальнейшим развитием типа I, 2E, следует датировать рубезом VII—VI вв. до н. э. или, может быть, даже первой половиной VI в. до н. э.

I, 2И — близки к типу I, 1И, но только имеют разорванные «усы». Известно 2 экз. — из Ст. А. (п.п. 145, 465—I), где найдены совместно с четырехлепестковой бляшкой VII в. до н. э. (п. 465). С

I, 2К — близок к типу I, 1К, но имеет нижний зигзаг (рис. 41 — I, 2К). Известен 1 экз. из п. 375 Ст. А. Очевидно, кельт бытовал в конце VII и начале VI в. до н. э., а может быть, и целиком в I половине VI в. до н. э.

I, 2Л — кельт из Мр, п. 7. Относительно небольшой, близок по орнаменту к I, 2Ж, но в зигзаг вписаны выпуклины (рис. 41—I, 2Л). Вероятная дата — рубез VII—VI вв. до н. э.

Кельты третьего вида встречены в весьма ограниченном числе (5 экз.) и преимущественно в Младшем Волосовском могильнике⁵¹. Это относительно небольшие орудия с овальной втулкой и выпуклыми боками, украшенными парой дуг, идущих от боковых краев втулки к концам лезвия (рис. 41 — 3АВВ). В этом отношении они напоминают прибалтийские втульчатые топоры⁵². Выделяются по общей схеме развития раннеананьинских кельтов 4 разновидности.

I, 3А — 2 небольших кельта из Мл. Волосовского могильника⁵³ с орнаментом только из боковых дуг (рис. 41 — I, 3А).

I, 3Б — кельт из Мл. Волосовского могильника (п. м.)⁵⁴, близкий к I — 3А, но только с горизонтальным валиком по краю втулки (рис. 41 — I, 3Б).

I, 3В — кельт из Мл. Волосовского могильника (п. м.)⁵⁵, близкий к I — 3А, но с тремя горизонтальными валиками по краю втулки (рис. 41 — I, 3В).

I, 3Г — кельт из Гулькинского могильника (п. 4) относительно короткий и широкий⁵⁶, близкий к I, 3В, но имеющий в изгибе дуг орнамент из концентрических кружков (рис. 41 — I, 3Г). На обороте орнамент, аналогичный I, 3В.

Кельты третьего вида, обнаруженные в наиболее ранних памятниках, следует отнести к VIII—VII вв. до н. э.

В четвертый вид I типа относятся кельты с линзевидным сечением втулки и орнаментом по широкой плоскости, определяющим элементом которого является вертикальный валик. Известно пока четыре разновидности.

I, 4А — кельт из Семеновского острова с наметенными «усами», идущими от края втулки, и вертикальным валиком, опущенным между ними (рис. 41 — I, 4А).

I, 4В — кельт из Ан (НМФ, 1400 : 8) с тремя горизонтальными валиками, «усами» и двумя вертикальными валиками (рис. 41—I,4В). Определенную близость к нему проявляют кельты из Уфимского могильника на Большой Трактовой⁵⁷ и из Северной Швеции⁵⁸. Но на последних вертикальные валики опускаются и за «усами».

I, 4Г — кельт из дер. Шипово, около Уфы, с горизонтальными и вертикальными валиками и крестообразным узором между «усами» и боковым краем (рис. 41 — I, 4Г).

I, 4Е — из ТЕ (п.п. 6, 19, 24, 25) с вертикальным валиком, по сторонам которого от края втулки опускаются вписанные треугольники, иногда заштрихованные (рис. 41 — I, 4Е). Обнаружены они в комплексах с бронзовыми наконечниками стрел — трехлопастным с короткой втулкой и суженными книзу лопастями (п. 19) и трехлопастным черешковым наконечником (п. 24). Первый наконечник относится к типу 10, по К. Ф. Смирнову, и датируется VI—V вв. до н. э.⁶⁰, второй достаточно хорошо представленный в материалах Ананьинского могильника⁶⁰, также относится к VI—V вв. до н. э. Во всяком случае в савроматских памятниках этот тип стрел раньше грани VI—V вв. до н. э. неизвестен⁶¹. На этом основании следует полагать, что кельты I, 4Е, а вместе с ними и весь вид I4 являются наиболее поздними среди ананьинских кельтов первого типа. По орнаментации вертикальными валиками эти кельты приближаются к третьей группе кельтов Западной Сибири и Приуралья⁶², датированных VII—IV вв. до н. э.

Проведенный анализ показывает, что первый тип кельтов с овальным или линзевидным сечением втулки является в основном наиболее ранним типом. Большинство разновидностей трех видов этого типа (1, 2, 3) бытовало в VIII—VII вв. до н. э., в том числе: в VIII—VII вв. до н. э. — I, 1Г; I, 1Ж, I, 2А; I, 2Д; I, 2Г. В VII в. до н. э. — I, 2А; I, 1Б; I, 1В; I, 1Е; I, 1И; I, 1К; I, 2В; I, 2И. В VII—VI вв. до н. э., — I, 1Д; I, 1З; I, 2Б; I, 2Е; I, 2Ж; I, 2З; I, 2К; I, 2Л. В VI—V вв. до н. э. — I, 4А; I, 4В; I, 4Г; I, 4Е.

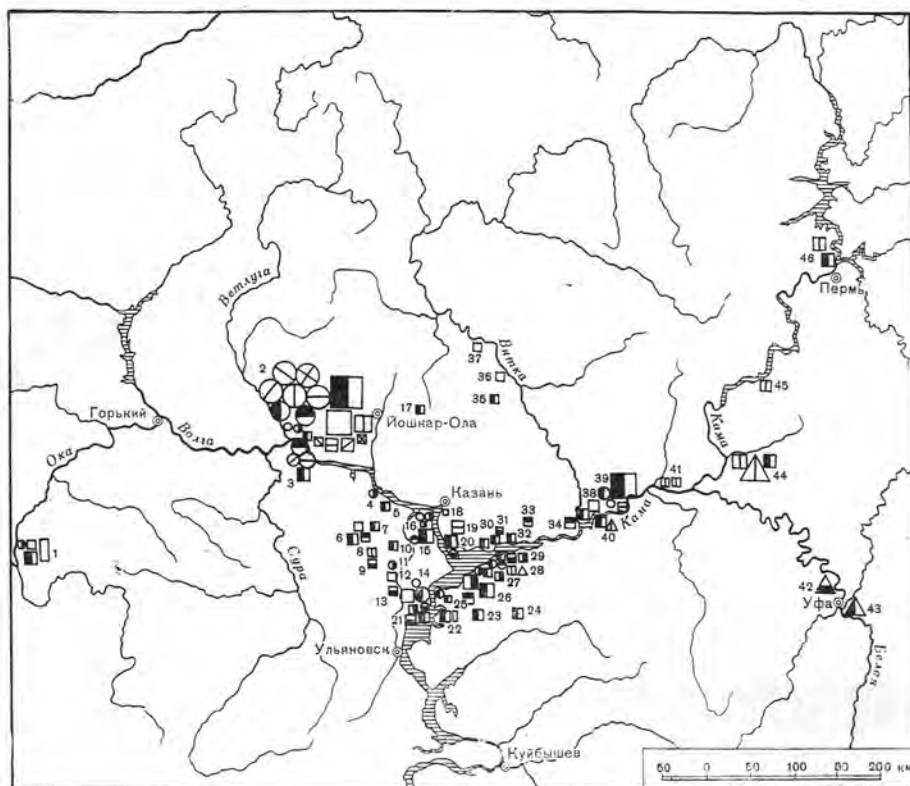
В территориальном распространении наблюдается следующая картина (рис. 44). Общеананьинскими можно считать второй вид кельтов I типа. Кельты первого вида имеют преимущественное распространение в волжских районах, кельты третьего вида — на Оке, кельты четвертого вида — ближе к бассейну Белой. Только для районов Марийского Поволжья следует считать характерными кельты I, 1Е, I, 1Ж, I, 1З; I, 1И, I, 1К, I, 2И; для устькамского района — I, 2Б, I, 2Д; для Прикамья — I, 2Е.

II тип кельтов — шестигранные в сечении тулова и втулки (рис. 41—II) — 120 экз. Это в основном относительно крупные орудия длиной от 65 до 95 мм, при ширине у втулки — 46—60 мм, у лезвия — 40—56 мм. Толщина у втулки — 14—28 мм. Ребра боковых граней выделены вертикальными валиками, концы которых в нижней части расходятся к концам лезвия. На плоской широкой стороне обычно имеется рельефный орнамент, по которому кельты подразделены на три вида с соответствующими разновидностями. Последние примерно совпадают с кельтами первого типа, свидетельствуя о преемственности.

В первый вид выделены кельты, имеющие орнамент лишь в верхней части орудия (рис. 41 — II, 1).

II, 1А — шестигранные кельты без всякого орнамента. Известно 2 экз. (рис. 41 — II, 1А) из с. Скородум и с. Першино Пермской области (коллекция Теплоуховых)⁶⁴. В силу случайности находок кельты не датированы. Предположительно можно отнести к VI в. до н. э.

II, 1Б — кельт с подовальным сечением втулки и рельефным валиком по верхнему краю (рис. 41 — II, 1Б). Известен в 1 экз. из Мр, н. (АКУ, 78 : 2). Дата не устанавливается. Возможно, VI в. до н. э.

	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
1	☐	○	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗
2	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
3	☐									
4	☐	△	☐	△	☐	△				

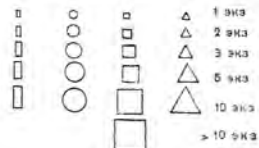

Рис. 44. Карта распространения раннеананьинских кельтов I типа

В условных обозначениях нумерация кельтов совпадает с основной типологией, т. е. под знаком 1А показаны кельты типа I, 1А и т. д. Размеры значков указывают на количество находок
 1 — Мл. Волосовский могильник; 2 — Ст. Ахмыловский могильник; 3 — Аказинский могильник; 4 — Чебоксары; 5 — Криуши; 6 — Цивильск; 7 — Альменево; 8 — Б. Болтай; 9 — Акташево; 10 — Б. Кайбицы; 11, 12 — Биябаши; 13 — Чирки; 14 — Чубарово; 15 — Ивановское; 16 — П. Моркваши; 17 — Марушино; 18 — Бакалда (Казань); 19 — Лаишев; 20 — Ташкермень; 21 — Тетюши; 22 — Гулькино-Волостниково; 23 — Кузнечиха; 24 — Мамыково; 25 — II Полянский могильник; 26 — I Новомордовский могильник; 27 — Новомордовские; 28 — VI Семеновский могильник; 29 — Мурзиха; 30 — Шуран; 31 — Сорочьи горы; 32 — Шумково; 33 — Р. Ошняк; 34 — Грохань; 35 — Марушино; 36 — Лопьял; 37 — Ройский Шихан; 38 — Котловка; 39 — Луговой могильник; 40 — Ананьинский могильник; 41 — Релка; 42 — Шипово; 43 — Уфа; 44 — Таш-Елгинский могильник; 45 — Орлово; 46 — Скородум

II, 1B — кельты, украшенные в верхней части пятью рядами горизонтальных валиков, сходящихся пучками к краям (рис. 41 — II, 1B). Известно 12 экз. — Ст. А., п.п. 308, 387, 435, 780, 5 отдельных находок; Ак, п.п. 70, 86 и н. 1971 г. В п. 435 Ст. А кельт II, 1B найден совместно с кельтом I, 1Д, датированным VII—VI вв. до н. э. В п. 86 Ак подобный кельт найден вместе с железными наконечниками копий, имеющих лавролистное перо без выпуклого ребра. Это второй тип наконечников копий Ак⁶⁵ и скифских памятников Днепровского левобережья⁶⁶. В обеих группах они появляются не ранее конца VI в. до н. э. В п. 70 Ак кельт II, 1B найден вместе с головным убором, состоящим из тонких накладок с парными и четверными выпуклинами (по А. Н. Тереножкину, восьмеркообразные бляшки), которые позже VI в. до н. э. не бытовали⁶⁷. Поэтому кельты II, 1B должны в основном относиться к VI в. до н. э. с возможным сохранением и в начале V в. до н. э., о чем свидетельствует нахождение аналогичных в п.п. 2 и 145 Зуевского могильника (ГЭ, 609—3, 293).

II, 1Г — кельты, близкие по орнаменту верхней части к кельтам II, 1B, но имеющие ниже последней линии скошенные к ребрам парные линии (рис. 41 — II, 1Г). Известно 3 экз. — из окрестностей с. Боровое Матюшино под Казанью, с. Ташкормени (CZ, 4260) и бывш. Казанской губ. (CZ, 2240). Отсутствие комплексов затрудняет дату. Возможно, синхронен типу II, 1B, т. е. относится к VI и началу V в. до н. э.

II, 1Д — кельты, верхняя часть которых украшена 2—3 горизонтальными линиями, а по средней полосе проходит еще одна линия (рис. 41 — II, 1Д). 2 экз. — из с. Сорочьи Горы (CZ, 3241) и с. Ташкормень (CZ, 4260). Дата не установлена; скорее не ранее VI в. до н. э.

II, 1Ж — кельт, верхняя часть которого украшена горизонтальными линиями, окаймленными сверху рядом выпуклин (рис. 41 — II, 1Ж). Найден в п. 780 Ст. А вместе с железными втульчатыми наконечниками стрел VI в. до н. э.⁶⁸ и крупным железным ножом. Часть каменной литевой формы для отливки кельта II, 1Ж известен из Пижемского городища⁶⁹.

II, 1З — самый малый кельт в серии II типа найден в р. 1966 г. Ст. А. На лицевой стороне — орнамент: ряд выпуклин, три ряда горизонтальных валиков, окаймленные внизу «ресничками»; выступающими дужками горизонтальные линии соединяются с другой. По орнаменту он близок к типу I, 13 (рис. 41 — I, 13 и II, 13). Последний датирован VII — началом VI в. до н. э. Шестигранность втулки кельта II, 13 заставляет предполагать несколько более позднее время его бытования — VI в. до н. э.

Во второй вид ананьинских кельтов с шестигранной втулкой мы ввели орудия, основным элементом орнамента которых на лицевой стороне являлись двойные или тройные «дуги» и «усы» (рис. 41 — II, 2).

II, 2А — кельты, имеющие по лицевой стороне узор только в виде двух-трех изогнутых в виде дуги валиков с расходящимися концами (рис. 41 — II, 2А). Известно 5 экз. — все из Ст. А (п.п. 79, 94, 206, 509, р. 2 1969). В п. 94 кельт найден вместе с парной (восьмеркообразной) бляшкой с дужкой с обратной стороны, появляющихся лишь в VI в. до н. э.⁷⁰ и широко бытовавших в ананьинских древностях в V—IV вв. до н. э.⁷¹ В п. 206 — вместе с бронзовым наконечником копья, характерным для VI в. до н. э. Общее время бытования кельтов II, 2А следует отнести к этому времени, т. е. к VI в. до н. э.

II, 2B — наиболее многочисленная группа кельтов второго вида. По лицевой стороне они украшены сверху пятью горизонтальными валиками, сходящимися к концам пучком (рис. 41 — II, 2B) или идущих горизонтально (вариант II, 2B — 8 экз., рис. 42, 14). Всего известно 69 экз., в том числе 48 экз. из Ст. А. (п.п. 79, 80, 81, 95, 96, 161—2, 191, 195, 202, 207, 208, 215, 216, 226, 227, 232, 255, 259, 261, 345, 358, 388, 390, 401, 4376, 474, 500, 530, 666, 628, 875, 886 и 16 отдельных находок), 13 экз. из Ак. (п.п. 10, 34, 38, 41, 55, 74 и отдельные находки), из бывш. Цивильского уезда Казанской губ. (ГИМ, 4262). 8 экз. относятся к варианту II, 2B — Ст. А. (п.п. 476, 828, н. 1963), из бывш. Казанской губ. (CZ, 2241⁷², 2242), 2 экз. с Гроханьского городища⁷³ и могильника «Релка»⁷⁴; имеют не «дуги», а двойные «усы».

По материалам Ак. кельты II, 2B датированы VI — началом V в. до н. э.⁷⁵ Новые материалы уточняют эту дату. В Ст. А. такие кельты встречены в комплексе с железными наконечниками копий с плоским пером (п.п. 215, 2266), датированных не раньше конца VI в. до н. э. В п. 161 кельты найдены вместе с шаровидным навершием с прорезями, которые, по описанию В. А. Ильинской, бытовали в VI в. до н. э.⁷⁶ В п.п. 80, 390, 828 вместе с кельтами найдены типичные ананьинские бронзовые наконечники копий с небольшими прорезями в нижней части крыльев, бытовавшие в основном в VI в. до н. э. Поэтому время кельтов II, 2B, как и варианта II, 2B, следует отнести к VI в. до н. э.

II, 2E — кельт из п. 31 Ст. А. (рис. 41 — II, 2E) имеет, с одной стороны, орнамент типа II, 2B, а с другой — по верхнему краю горизонтальные валики, окаймленные двумя треугольниками. Найден в комплексе с железным кинжалом, датированным рубежом VII—VI вв. до н. э., и железным наконечником копья с разомкнутой втулкой второго типа по материалам Ак (VI—V вв. до н. э.). В целом кельт может быть отнесен к VI в. до н. э.

II, 2Ж — 2 кельта (из п. 104 Ст. А., и п. 26 Лг) имеют орнамент из ряда выпуклин по краю втулки, ниже которого горизонтальные валики, сходящиеся к концам пучком, от которых к краям лезвия отходят парные «усы» (рис. 41 — II, 2Ж). В п. 104 Ст. А. кельт найден вместе с бронзовыми четырехдырчатыми пронизками от конской узды, характерными для VI в. до н. э.⁷⁷ В Лг кельт найден в п. 26 из южного ряда, отнесенного А. В. Збруевой к VI в. до н. э.⁷⁸

Кельты II, 2Ж следует в основном датировать VI в. до н. э.

II, 2К — 4 кельта (из Лг, п. 25; Ан — НМФ; 1400 : 18, 2 экз. из могильника «Релка») ⁷⁹, имеющие по лицевой стороне орнамент в виде зигзага, выпуклин, горизонтальных линий и парных усов» (рис. 41 — II, 2К). В п. 25 Лг. найден вместе с железным боевым топором-молотком ⁸⁰, характерным, по В. А. Ильинской, для VI в. до н. э. ⁸¹.

Третий вид шестигранных кельтов характеризуется тем, что отличающим элементом орнаментации их широкой плоскости являются вертикально опускающиеся выпуклые линии (рис. 41 — II, 3). Это наиболее поздний вид кельтов, практически не обнаруженный в раннеананьинских могильниках VIII—VI вв. до н. э.

II, 3B — кельты, на широкой плоскости которых орнамент из одной горизонтальной линии, от которой опускаются две, три, четыре вертикальные линии — 4 экз. (2 — из Уфимского могильника на ул. Трактовой ⁸²; 2 — из Ан, НМФ, 1400 : 7, 9). Из Касьяновского городища в Башкирии происходит обломок каменной литейной формы для отливки подобного кельта ⁸³.

II, 3B — кельты, близкие к *II, 3B*, но в верхней части имеющие горизонтальные линии в три — пять рядов (рис. 41 — *II, 3B*). Известно 8 экз., в том числе из Ан. (могила С — 2 экз.), Котловского могильника, городищ Грохань и Ройский Шихан (ГМТР, 5345 — I), с. Тюм-Тюм на Вятке (музей Пермского университета), д. Дубровка на Вятке (Малмыжский музей, 112). Вариантом является кельт из могилы с Ан, по верхней части боковых граней которого по паре угловых выемов (рис. 42, 15).

На кельте из Ройского Шихана орнамент типа *II, 2B*, что позволяет говорить о синхронности *II, 2B* и *II, 3B*. Могила С Ан. по двухперым бронзовым наконечникам стрел, в том числе и с боковым шипом, не может быть датирована позже VI в. до н. э. Возникнув в VI в. до н. э., кельты *II, 3B*, очевидно, доживают до IV в. до н. э., так как близкие типы встречены в Охлебнинском могильнике этого времени, исследованном в 1965 г. А. Х. Пшеничнюком южнее Уфы.

II, 3Д — из Лг. (п.п. 31, 33) происходят 2 кельта, украшенные по краю двойным зигзагом, ниже — горизонтальными и вертикальными линиями (рис. 41 — *II, 3Д*). Найдены они вместе с бронзовыми наконечниками копий ананьинского типа, характерными для VI в. до н. э.

II, 3E — кельт из Ак (п. 13) с орнаментом из горизонтальных валиков, зигзага и вертикальных линий, обрамленных двумя рядами выпуклин (рис. 41 — *II, 3E*). Датирован по комплексу VI в. до н. э.

II, 3Ж — кельт из Котловского могильника⁸⁴ с орнаментом из ряда выпуклин, горизонтальных и вертикальных линий (рис. 41 — *II, 3Ж*).

II, 3К — кельт из Лг (п. 44), близкий к *II, 3Ж*, но имеющий еще сверху орнаментальной зоны ряд выпуклин (рис. 41 — *II, 3К*). По комплексу кельт датируется VI в. до н. э.

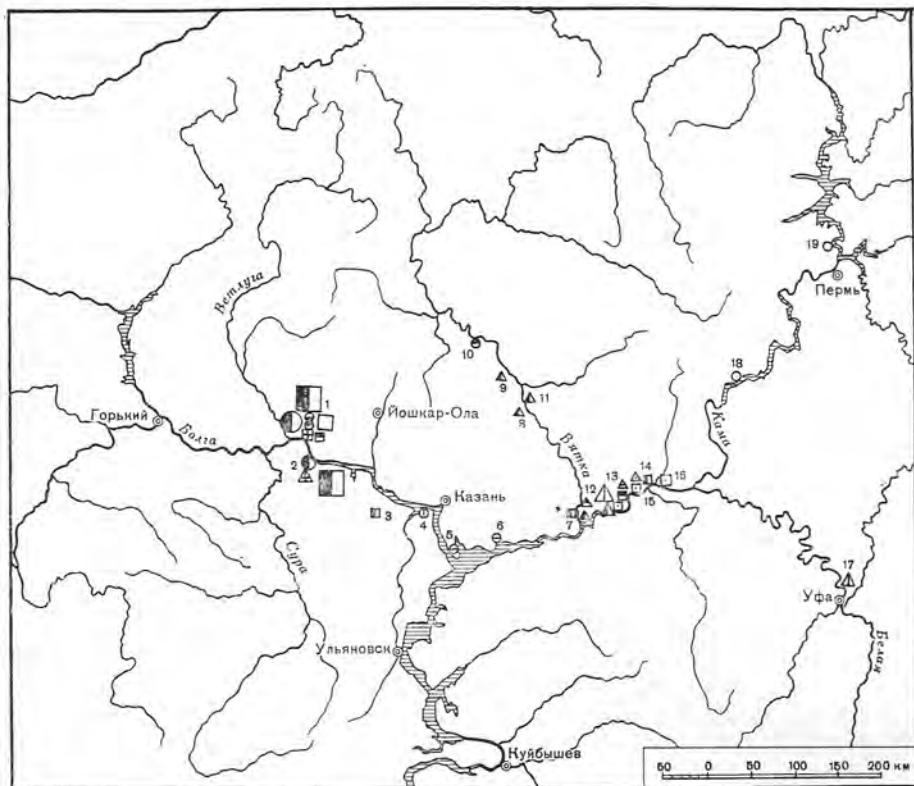
Все кельты II типа относятся ко времени не раньше VI в. до н. э., а многие переходят и в V в. до н. э. Учитывая то, что традиции орнамента их во многом преемственны с орнаментом I типа кельтов, хронологически несомненно более раннего, следует полагать, что кельты II типа являются развитием кельтов I типа. На первых шестигранность уже закладывается выпуклыми линиями по плоскости.

В распространении кельтов II типа наблюдается следующая закономерность (рис. 45). В Марийском Поволжье представлены лишь кельты *II, 1B*, *Ж, 3* и *II, 2A, B* и *Ж*; в Устькамском районе — *II, 1B* и *Д*; по Вятке и при устье Вятки — *II, 3B*; на Каме между Вяткой и Белой — *II, 2B, Ж*; *II, 3B, Д, К*; на Белой — *II, 3B*.

Учитывая позднейший характер шестигранных кельтов ананьинского типа, следует отказаться от устоявшейся точки зрения о происхождении этих кельтов от шестигранных сейминских образцов⁸⁵, оказавшихся на 500 лет древнее шестигранных ананьинских. Как уже упоминалось, ананьинские кельты скорее всего возникли на базе позднеприказанских кельтов с лобным ушком⁸⁶.

Акозинско-меларские кельты

Всего с территории распространения раннеананьинских памятников учтено 225 кельтов с цилиндрической или подцилиндрической втулкой, которые первоначально А. М. Тальгреном⁸⁷ были названы меларскими, Б. Г. Тихоновым — волосовскими⁸⁸, мной — акозинскими⁸⁹. Позднее за ними упрочи-

	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
1	☐	○	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
2	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
3	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

○	☐	△	1 зна
○	☐	△	2 зна
○	☐	△	3-6 зна
○	☐	△	6-10 зна
○	☐	△	<10 зна

Рис. 45. Карта распространения ананьинских кельтов II типа.

в условных обозначениях нумерация кельтов совпадает с основной типологией, т. е. под знаком IA показаны кельт типа II, IA и т. д. Размеры значков указывают на количество находок 1 — Ст. Ахмыловский могильник; 2 — Акозинский могильник; 3 — 6. Цивильский уезд; 4 — Моркваши; 5 — Ташкермень; 6 — Сорочьи горы; 7 — Грохань; 8 — Тюм-Тюм; 9 — Ройский Шихан; 10 — Пижемское городище; 11 — Дубровка; 12 — Котловка; 13 — Ананьинский могильник; 14 — Луговский могильник; 15, 16 — Релка; 17 — Уфа; 18 — Першино; 19 — Скородум

лось название акозинско-меларских⁹⁰. Так же как и раннеананьинские, кельты акозинско-меларские подразделены на типы (обозначены римскими цифрами, выделено 5 типов — I, II, III, IV, V) виды (обозначены арабскими цифрами, в каждом типе выделены 2 вида — 1, 2), разновидности (обозначены строчными буквами русского алфавита — а, б, в, г, д, е). В данной типологии введена в отличие от первой еще одна градация — на подвиды (обозначены

заглавными буквами русского алфавита, в каждом типе выделены три подвида — А, Б, В). Типы выделены по таким формальным признакам, как форма, характер орнамента, размеры, сечение; виды — по степени приближения петли-ушка и связанного с ним орнамента к верхнему краю втулки; подвиды — по характеру прикрепления петли-ушка; без связи с горизонтальными валиками (А), в непосредственной связи с горизонтальными валиками (Б), без петли-ушка (В); разновидности — по числу горизонтальных валиков на тулове втулки — от нуля (а) до 5—6 (е) линий (рис. 46).

В общих чертах акозинско-меларские кельты имеют вытянутое втульчатое тулово с подромбическим, шестигранным и округлым сечениями, диаметр которого всегда несколько меньше длины прямого или слегка округлого лезвия. Тулово кельтов в большинстве случаев благодаря наличию боковых граней имеет шестигранное или близкое к нему сечение.

Тип. Кельты с подромбической в сечении втулкой и длинным узким туловом, по середине широких сторон которого идет подтреугольная грань, начинающаяся у середины края втулки и завершающаяся широким лезвием (рис. 46, I). Всего в этот тип отнесено 65 кельтов, имеющих длину от 10,5 до 13,5 см, при диаметре втулки 2,8—3,5 см, ширине у лезвия — 3,5 — 4,8 см. К первому виду отнесено 60 экз. ко второму — 5.

В подвиде А первого вида выделяется 2 разновидности;

I, 1Ag — кельт из бывш. Тетюшского уезда Казанской губ. (Тетюшский район Татарской АССР; ГИМ, 45162—3) с боковым ушком, прикрепленным рядом с несходящимися к нему тремя горизонтальными валиками (рис. 46 — I, 1Ag).

I, 1Ad — кельты, аналогичные I, 1Ag, только имеющие не связанные с ушком четыре горизонтальных валика (рис. 46, I, 1Ad). Известно 14 экз., в том числе 12 — из Ст. А, п. п. 568, 572 — 2 экз., 577, 595, 605, 628, 639, 730, 733, 734, 767; 1 — из Малаха ⁹¹, 1 — из коллекции В. И. Заусайлова (CZ, 3265) ⁹² без указания места находки. А. М. Тальгрэн и К. Мейнандер отмечают находку близкого типа кельта из Западной Финляндии (Зунд) ⁹³, откуда происходит и половина каменной литейной формы (из Кеми) ⁹⁴ для отливки подобных кельтов.

В п.п. 568, 595, 605, 733, 734, Ст. А. кельты типа I, 1Ad обнаружены в комплексе с предметами VIII—VII вв. до н. э., например, в п. 568 с биметаллическим кинжалом, рукоять которого (см. рис. 64, I) имеет оформление в виде горизонтальных валиков, что характерно для орнаментации позднекарасукских ножей VIII—VII вв. до н. э. ⁹⁵ Из этого же погребения происходит железный наконечник копья (тип I, 2B) с длинной втулкой, датированной VII в. до н. э. В п.п. 595, 605, 733 в комплексе с кельтами обнаружены двухперые железные втульчатые наконечники стрел архангелского типа. Поэтому есть основание датировать кельты типа I, 1Ad и I, 1Ag, а с ними и весь подвид А VIII—VII вв. до н. э., хотя не исключено их бытование и в VI в. до н. э. (см., например, кельт из Ст. А., п. 767, найденный совместно с парной—восьмеркообразной бляшкой с плоскими щитками). Датировать эти кельты более ранним временем, т. е. X—IX вв. до н. э., как это предлагали в свое время А. М. Тальгрэн ⁹⁶ и другие авторы ⁹⁷, очевидно, нельзя, так как такие кельты неизвестны ни на одном позднеприказанском памятнике и ни в одном комплексе, который датировался бы временем раньше VIII в. до н. э. ⁹⁸

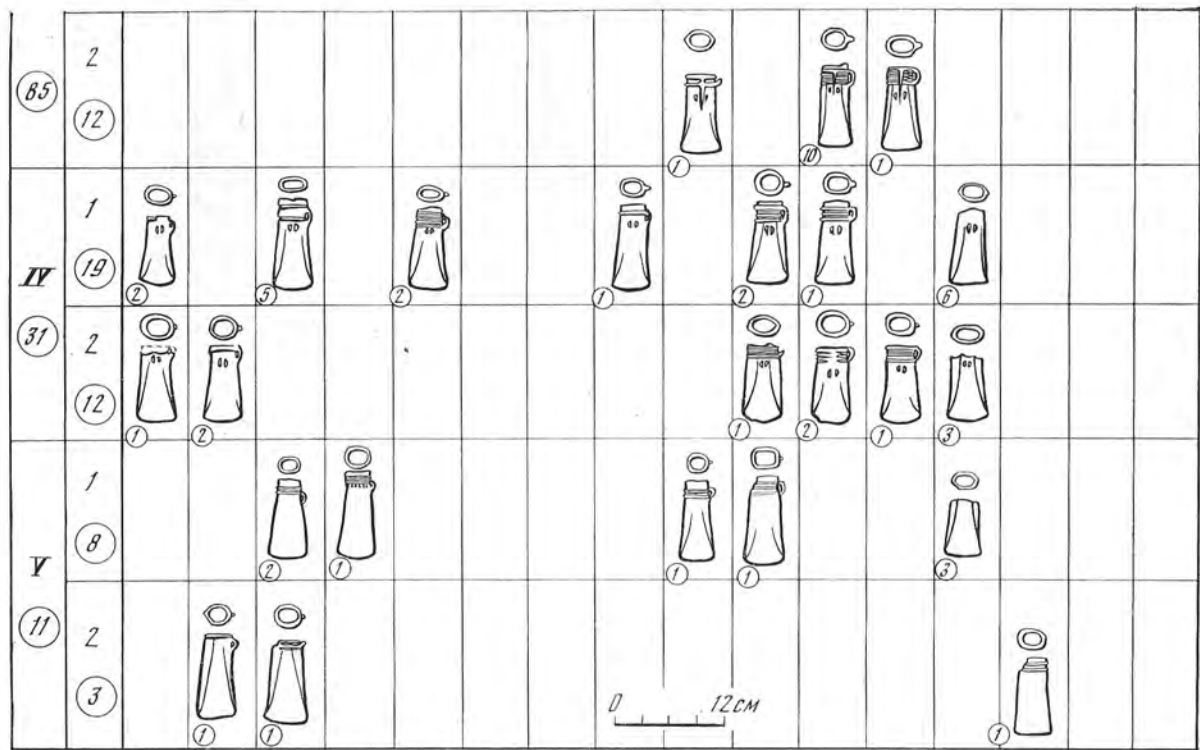

Рис. 46. Схема типологии аозинско-меларских кельтов

цифры в кружках указывают на число кельтов данного типа, вида и разновидности. Рисунки даны наиболее приближенно к оригиналу данного образца

В подвид Б первого вида типа I включено пять разновидностей длинновтульчатых кельтов с боковым ушком:

I, 1Ba — кельт из Мл. Волосовского могильника (коллекции музея, Института антропологии МГУ)⁹⁹, лишенный орнамента (рис. 46 — I, 1Ba), но по другим особенностям близкий к кельтам I, 1A и, очевидно, синхронный им.

I, 1Bб — кельт из окрестностей Мурома, может быть, даже из Мл. Волосовского могильника (МКМ, 9995), имеющий валик по краю втулки, от которого вниз опускается подтреугольная грань, перерезающая горизонтальный валик, который соединяется с верхним концом бокового ушка (рис. 46 — I, 1Bб). Оригинальность кельта заключается в наличии верхнего валика, чем он приближается к виду I, 2.

I, 1Bг — кельты с тремя валиками, идущими ниже края втулки на 2—3 см и соединяющимися краевыми с концами бокового ушка (рис. 46 — I, 1Bг). Известно 10 экз., в том числе 1 из Нм (находка 1972 г.), 2 — из Мл. Волосовского могильника¹⁰⁰, остальные из Ст. А, п.п. 60, 553, 554, 587, 720, 742, 753. Кельты из п.п. 553, 554. В. С. Патрушевым датированы VIII—VII вв. до н. э.¹⁰¹ Несколько оригинален кельт из п. 720, имеющий 2 вертикальных валика¹⁰².

I, 1Bд — кельты с четырьмя валиками, из которых нижний и верхний переходят в боковое ушко (рис. 46 — I, 1Bд). Наиболее многочисленная разновидность, известно 19 экз., в том числе 12 из Ст. А., пп. 4, 61, 63, 257, 306, 307, 432, 441, 557, 566, 567, 643, остальные из разных мест — с Измери Татарской АССР (находка 1967 г.); Ак, 1952¹⁰³; с. Бакырчи Татарской АССР (CZ, 3274)¹⁰⁴; Альминское Чувашской АССР (НМФ, 6957); с. Нырсы (CZ, 3274)¹⁰⁵ и Кувшиново (CZ, 3266)¹⁰⁶ Татарская АССР.

Кельт из Ак. был датирован мной началом I тысячелетия до н. э.¹⁰⁷. Однако, очевидно, более прав В. С. Патрушев, датировавший кельты из п. 257 и 557 VIII—VII вв. до н. э.¹⁰⁸ За такую дату говорит и совместная находка в п. 432 кельта I, 1Bд с раннеананьинским кельтом типа I, 1E, отнесенным к VII в. до н. э. (см. выше, стр. 111).

I, 1Be — кельт из Нм (находка 1972 г.) с пятью валиками по втулке (рис. 46 — I, 1Be). По могильнику, определенному VIII—VII вв. до н. э., можно датировать и кельт.

К третьему подвиду (I, 1B) относятся кельты, не имеющие бокового ушка. По мнению В. С. Патрушева, это кельты, потерявшие ушко в силу деформации¹⁰⁹. Мне думается, что отсутствие ушка — явление преднамеренное, так как абсолютное большинство кельтов (I, 1Ba) одновременно не имеют никакой орнаментации и к тому же шестигранны в сечении, что способствовало более прочному креплению их топорича со втулкой и в силу этого позволяло обходиться и без ушка-петли.

I, 1Ba — 11 экз., в том числе 4 из Ст. А (п. 533, 900, находки 1968 и 1969 гг.), остальные из разных мест: Бурмана Царевококшайского уезда (ныне Марийская АССР, CZ, 1491), Альменево Чувашской АССР (CZ, 4264, 4266), Сюрбе-ево Цивильского уезда (ныне Чувашская АССР, CZ, 4276), Карачева Чебоксарского уезда (ныне Чувашская АССР)¹¹⁰ и бывш. Чебоксарского уезда (ныне Чувашской АССР, CZ, 2239 и ГМТР, 5376).

В п. 900 Ст. А. кельт происходит из очень богатого комплекса, датирующегося набором бронзовых и железных наконечников стрел и другими предметами временем не раньше VII в. до н. э.

IVB — 2 кельта, украшенные по втулке, кроме подтреугольной грани, четырьмя горизонтальными валиками (рис. 46 — I, 1Bд). Один кельт происходит из с. Ташкирмень Лаишевского района Татарской АССР (ГМТР, 5377 : 8), другой — из Ст. А, п. 624. В последнем кельт найден со втульчатыми железными наконечниками стрел VII в. до н. э.

Таким образом, следует считать кельты типа I, 1 в целом ранними и отнести их к VIII—VII (типы I, 1A и I, 1B) и к VII (тип. I, 1B) вв. до н. э.

Кельты типа I, 2 по форме и общей композиции близки к типу I, 1, но имеют боковое ушко-петлю или орнамент, располагающиеся непосредственно около края втулки. Они характеризуются укороченными размерами (длина — не более 10,5 см, ширина лезвия — до 4,5 см) и подовальным сечением втулки (рис. 46, I, 2). Всего известно 5 экз., которые подразделяются на 3 подвида.

I, 2Ae — кельты с боковым ушком, непосредственно не связанным с орнаментом, состоящим из пяти горизонтальных валиков (рис. 46 — I, 2Ae). Известно 2 экз.: один — из Ст. А., п. 635, другой — из бывш. Свияжского уезда (Зеленодольский район Татарской АССР; CZ, 3264)¹¹¹. В п. 635 встречен с длинным ножом, характерным для VII—VI вв. до н. э.

I, 2Bд — 2 кельта с боковым ушком, непосредственно связанным с горизонтальным орнаментом, состоящим из четырех валиков, расположенных по краю втулки. Один кельт происходит из Ст. А, п. 293 (рис. 46—I, 2Bд), другой — из Мл. Волосовского могильника (МКМ, 9996). Комплексами не датирован.

I, 2Bг — оригинальный безушковый кельт из Ст. А., п. 559 с тремя горизонтальными валиками по верхнему краю и обрамленной такими же валиками подтреугольной гранью по широкой плоскости (рис. 46 — I, 2Bг). Комплексом не датирован.

Скорее всего кельты типа I, 2 несколько более поздние, чем кельты I, 1, должны быть датированы VII—VI вв. до н. э.

Следующий тип кельтов характеризуется заменой подтреугольной плоской грани вертикальным выпуклым валиком, идущим от середины края втулки примерно на 1/3 высоты тулова (рис. 46, II). Всего к этому типу относится 34 кельта. Они представлены орудиями со средней длиной тулова (9—11,5 см, но есть и с длиной до 7,5 см — тип II, 1Aв и до 13 см — тип II, 1Bд), более округлым сечением втулки. Выделяются два обычных вида — с ушком-петлей ниже края втулки и с ушком-петлей по краю втулки.

II 1Aв — относительно небольшой кельт (длина 7,5 см) из Ак. (находки 1971 г.) с двумя горизонтальными валиками в верхней части тулова и боковым ушком (рис. 46 — II, 1Aв).

II, 1Ag — кельты с тремя горизонтальными валиками, непосредственно не соединенными с боковым ушком-петлей (рис. 46 — II, 1Ag). Известно 8 экз., в том числе: 5 — из Ст. А. (п.п. 314, 667, 816, находки 1968 и 1969 гг.), 1 — из Ак. п. 66, 1 — из бывш. Чебоксарского уезда¹¹² и 1 без указания места (CZ, 4263). К. Ф. Мейнандером определен как классический меларский кельт¹¹³. В комплексах Ст. А. встречены с вещами обломок бронзовой вазы и биметаллический наконечник копья (п. 314), раннеананьинский кельт I, 2E (п. 667), короткий бронзовый наконечник копья (п. 816), характерными для VIII—VII вв. до н. э. Этим временем описываемые кельты без подразделения на разновидности датирует и В. С. Патрушев¹¹⁴.

II 1Ad — кельты с четырьмя горизонтальными валиками, непосредствен-

но не соединенными с боковым ушком (рис. 46 — II, 1Ад). Известно 3 экз., в том числе 1 из Малахая (рис. 42, 18), у которого от вертикального валика к концам лезвия отходит дуга¹¹⁵.

Остальные из Ст. А — п. 704, находки 1969 г. Кельт из п. 704 В. С. Патрушевым по комплексу датирован первой половиной VII в. до н. э.¹¹⁶

II, 1Бг — кельты с длинной втулкой, вертикальным валиком, опускающимся от края втулки лишь до горизонтальных валиков, которые тремя рядами соединяются с боковым ушком (рис. 46, II, 1Бг). Известно 3 экз., в том числе: 2 — из Ст. А (п.п. 549 и 774), 1 — из дер. Биябаш Тетюшского уезда (района Татарской АССР)¹¹⁷. В п. 774 кельт найден в комплексе с железным наконечником копья VII в. до н. э. Из Финляндии (Рованиemi) известна каменная литейная форма¹¹⁸ подобных кельтов.

II, 1Бд — кельты удлинённых пропорций с четырьмя горизонтальными валиками, крайние из которых непосредственно переходят в боковое ушко (рис. 46, II, 1Бд). Известно 8 экз., в том числе 7 из Ст. А. п.п. 267, 286, 450, 535, 657, 660, 910, 1 из Ак. (находка 1956 г.). Вариантом является кельт из Ст. А. п. 286, имеющий по верхнему краю валиков ряд из зигзага (рис. 42, 17). Кельты из п.п. 657 и 680 В. С. Патрушевым по комплексам датированы VI в. до н. э.¹¹⁹ По акозинскому образцу я склонен был датировать этот тип кельтов более ранним временем (IX—VIII вв. до н. э.)¹²⁰ Очевидно, следует омолодить общую дату — до VII—VI вв. до н. э. Из культурного слоя городища Казанка I происходит обломок белокаменной литейной формы (рис. 43, 2) для отливки подобных кельтов.

В серии безушковых кельтов (II, 1В) выделяются три разновидности.

II, 1Ва — короткие кельты без горизонтальных валиков, с одним вертикальным валиком (рис. 46 — II, 1Ва). Известно 3 экз., в том числе: 1 — из Ак. (находка 1971 г.), 1 — из окрестностей Билярска (ЦМТР, 20474), 1 — из разрушенного Танеевского могильника в устье Мешы. В последнем идет с комплексом VI в. до н. э.

II, 1Вг — безушковые кельты с тремя горизонтальными валиками (рис. 46 — II, 1Вг). 3 экз., в том числе: 2 — из Ст. А. (п.п. 631 и 652), 1 — из Юронги Марийской АССР (ГМТР, 11032). Кельт из п. 631, вариант — с рядом выпуклин над верхней линией¹²¹.

II, 1Вд — безушковый кельт из Ст. А, п. 613 с четырьмя валиками и относительно длинной втулкой (рис. 46 — II, 1Вд).

В серии кельтов второго вида описываемого типа представлено всего 4 экз. (рис. 46 — II, 2).

II, 2Аг — кельт из коллекции Заусайлова (СЗ, 2238)¹²² с тремя горизонтальными валиками, идущими под втулкой и отходящими от нижнего валика «кусами» (рис. 46 — II, 2Аг).

II, 2Бг — кельты из Ак, п. 90 и Мендиярово Свияжского уезда Казанской губ. СЗ 3261)¹²³ с тремя горизонтальными валиками, краевые из которых переходят в боковое ушко (рис. 46 — II, 2Бг). В комплексе п. 90 найден вместе с украшениями головного убора и гладкодротовой гривной с завернутыми концами, датированных VIII—VII вв. до н. э.¹²⁴

II, 2Бд — кельт из Мл. Волосовского могильника (п. 9) с четырьмя валиками (рис. 46 — II, 2Бд). Найден в комплексе (бронзовая бляха, железный нож, кремешки)¹²⁵, который может быть датирован VII в. до н. э.

В целом кельты второго типа, очевидно, бытовали в VII в. до н. э., с началом в конце VIII и заходом в начало VI в. до н. э.

Кельты третьего типа представлены 85 орудиями укороченных размеров (в среднем длина около 9 см), основным элементом орнамента которых является вертикальный валик с двумя полулунными выемами по бокам ниже горизонтальных валиков (рис. 46, III). Сечение втулки большинства кельтов овальное. Выделяются те же основные два вида с тремя подвидами и разновидностями.

III, 1A_г — кельты с тремя горизонтальными валиками, непосредственно не соединенными с ушком (рис. 46 — III, 1A_г). Известно 9 экз., в том числе: 8 — из Ак. (п.п. 4, 15, 29 и 5 экз. из находок вне погребений), 1 — из бывш. Чебоксарского уезда (ГМТР, ОА 44—6). По материалам Ак кельты этой разновидности датированы концом VII — первой половиной VI в. до н. э.¹²⁶

III, 1A_д — кельты с четырьмя горизонтальными валиками, не соединенными с ушком (рис. 46 — III, 1A_д). Известно 6 экз., все из Ст. А, п.п. 447, 648, 810, находки 1960, 1968, 1969 гг. Комплекс п. 447 содержит железный наконечник копья относительно позднего типа плоскоромбического сечения без нервюры, датированный VI—V вв. до н. э. по скифским образцам¹²⁷. В целом кельты типа III, 1A, очевидно, следует датировать VI в. до н. э.

III, 1B_б — кельт из Ст. А., п. 408 имеет горизонтальный валик, соединенный с верхним концом ушка (рис. 46, III 1B_б). Встречен в комплексе с бронзовым наконечником копья и поясной подвеской VI в. до н. э.

III, 1B_в — 3 кельта из Ст. А. (п. 585), находки 1967 г. 1969 гг. с двумя горизонтальными валиками, соединенными с боковым ушком (рис. 46 — III, 1B_в). В п. 585 встречен совместно с бронзовым наконечником стрелы с боковым шипом, датирующимся VII—VI вв. до н. э.¹²⁸

III, 1B_г — наиболее многочисленные кельты (24 экз.) с тремя горизонтальными валиками, крайние из которых соединены с боковым ушком (рис. 46 — III, 1B_г). Происходят из Ак (12 экз., в том числе: из п.п. 22, 53, 74, 90, 92, 97; 2 экз. — 100, 101, находки 1956, 1971 гг.). Ст. А. (10 экз., в том числе п.п. 130, 197, 400, 714, 782, 603, находки 1966, 1969 гг.), Кришей¹²⁹ и из Пермской области¹³⁰. Встречен преимущественно в коллекциях VI в. — см. Ак. п.п. 74, 90, 97; Ст. А., п.п. 197, 400 и др.

III, 1B_д — кельты (18 экз.) с четырьмя горизонтальными валиками, крайние из которых переходят в боковое ушко (рис. 46 — III, 1B_д). Наиболее многочисленны в Ст. А. (15 экз., в том числе п.п. 173, 367, 372, 379, 402, 421, 489, 555, 775, 860, 870, находки 1964, 1966, 1974 гг.). Встречены преимущественно в комплексах VI в., до н. э. — см. п.п. 421, 489, 555, 775, 850. Остальные 3 экз. из Ак — п.п. 83 (с навершием VI в. до н. э.), 94, 97. Следует датировать бытование VI в. до н. э.

III, 1B_е — 2 кельта с 5—6 рядами горизонтальных валиков, крайние из которых переходят в боковое ушко (рис. 46 — III, 1B_е). Имеют укороченную длину — 8,5 см. Происходят из п.п. 148 и 385 Ст. А.

В серии безушковых кельтов типа III выделяется две разновидности. Все они имеют округлое сечение втулки.

III, 1B_а — 5 кельтов без горизонтальных валиков из Ак (п.п. 44, 54, находки 1971 г.) и Ст. А. (находки 1966 и 1969 гг.). По материалам Ак. кельты датированы VI в. до н. э. (скорее ее второй половиной)¹³¹.

III, 1Bв — 3 кельта с двумя горизонтальными валиками по верхней части тулова (рис. 46 — III, 1Bв). Происходят в виде отдельных находок из Ак (1971 — 2 экз.) и Ст. А (1964 г.).

Второй вид кельтов III типа представлен только подвидом Б, т. е. кельтами, горизонтальные валики орнамента которых непосредственно переходят в боковое ушко. Выделяется три разновидности:

III, 2Bв — кельт из п. 698 Ст. А. (рис. 46 — III, 2Bв) с двумя горизонтальными валиками.

III, 2Bд — кельты с четырьмя горизонтальными валиками (рис. 46 — III, 2Bд). Известно 10 экз., из которых 9 происходят из Ст. А. (п.п. 169, 174, 176, 359, 772, находки 1966, 1967, 1974 гг., 2 экз.) 1 — из Мл. Волосовского могильника. В комплексах п.п. 174, 359 найдены с вещами VII—VI вв. до н. э. (бляшки с парными выпуклинами, бронзовые наконечники стрел и т. п.).

III, 2Bе — кельт из Ст. А., п. 386 с пятью горизонтальными валиками (рис. 46 — III 2Bе).

В целом кельты типа III следует датировать VI в. до н. э.

В IV тип выделены орудия, имеющие на верхней части широкой плоскости в виде характерного орнамента лишь 2 параллельных полулунных выема. Это кельты средних размеров (длина — 7,5 — 10 см, длина лезвия — 3,7 — 4,5 см) с овальным, реже округлым сечением втулки (рис. 46 — IV);

Всего к этому типу отнесен 31 кельт.

IV, 1Aа — 2 кельта из Ст. А. (находки 1960, 1967 гг.) с боковым ушком и без горизонтальных валиков (рис. 46 — IV, 1Aа). Напоминают позднейшие типы лужицких кельтов, датированных VI—V вв. до н. э.¹³²

IV, 1Aв — 5 кельтов (4 экз. Ак, п.п. 62, 66, находки 1958, 1971 гг. 1 из Ст. А., находка 1964 г.) с двумя горизонтальными валиками или каннелюрами (рис. 46 — IV, 1Aв). Размеры относительно крупные (длина — до 10 см). В комплексе Ак, п. 62 датирован VII в. до н. э.¹³³ В Ак, п. 66 найден совместно с аквинско-меларским кельтом типа II, 1Aг (рис. 46 — II, 1Aг), датированным VIII—VII вв. до н. э. За относительно ранний возраст (VII в. до н. э.) свидетельствуют и более вытянутые размеры кельтов.

IV, 1Aд — 2 кельта из Ст. А. (п. 534, находка 1962 г.) с четырьмя горизонтальными валиками, непосредственно не соединенными с ушком (рис. 46 — IV, 1Aд).

IV, 1Bб — кельт из Ст. А., п. 524 с одним выпуклым валиком, соединенным с верхним концом бокового ушка (рис. 46 — IV, 1Bб). Найден совместно с бронзовыми стремеvidными удилами, датируемыми по раннетагарским¹³⁴ и раннескифским¹³⁵ образцам VII — первой половиной VI в. до н. э., т. е. началом раннескифского времени. Началом VI в. до н. э., очевидно, следует датировать бронзовое навершие из этого же погребения, имеющее нарезную втулку и прорезное «яблочко» с ушком сверху¹³⁶.

IV, 1Bг — 2 кельта из Ст. А. (п.п. 402 и 406) с тремя горизонтальными валиками, верхний из которых переходит в боковое ушко (рис. 46 — IV, 1Bг). Этот тип кельта близок к следующему типу (IV, 1Bд) и, очевидно, синхронен ему.

IV, 1Bд — кельт из Ст. А. п. 861 с четырьмя горизонтальными валиками, верхний из которых соединяется с боковым ушком (рис. 46 — IV, 1Bд). Найден вместе с бронзовой гвоздевидной булавкой с тремя боковыми петлями и

плоской шляпкой, напоминающей булавки второй стадии чернолесской культуры (первая половина VII в. до н. э.)¹³⁷.

IV, 1Ba — кельты безушковые и без орнамента, кроме пары полулунных выемов. Сечение втулки приближается к линзовидному. Размеры небольшие — длина около 7,5 см (рис. 46 — *IV, 1Ba*). Известно 6 экз., в том числе Ак. п. 44; Ст. А. п.п. 400, 650, 655, находки 1968 г. (2 экз.). По материалам Ак. эти кельты датируются VI в. до н. э.¹³⁸

Во второй вид четвертого типа входят кельты с полулунными выемами в верхней части тулова и боковым ушком, прикрепленным к краю втулки. Характерны кельты с длиной тулова не более 8,5 см. Выделяются разновидности.

IV, 2Aa — кельт с деформированным верхним краем без валиков из Ст. А (находка 1968 г.).

IV, 2Ab — 2 кельта из Ст. А. (п.п. 29, 569) с одним краевым валиком (рис. 46 — *IV, 2Ab*). По комплексу п. 569 датируется VI в. до н. э.¹³⁹

IV, 2Bг — кельт из Ст. А. (находка 1969 г.) с тремя краевыми горизонтальными валиками (рис. 46 — *IV, 2Bг*).

IV, 2Bд — 2 кельта из Ст. А. (п.п. 786, 813) с четырьмя горизонтальными валиками, краевые из которых соединены с боковым ушком (рис. 46 — *IV, 2Bд*). Обнаружены в недатированных комплексах.

IV, 2Be — кельт из Ак, п. 84 с пятью горизонтальными валиками (рис. 46 — *IV, 2Be*). Найден с железным наконечником копья без выраженной нервюры, близким к первой разновидности второго типа железных наконечников Акозинского могильника, датированных VI в. до н. э.¹⁴⁰

IV, 2Ba — безушковые кельты, полулунные выемы на широкой плоскости которых приближены к краю втулки. Всего известно 3 экз. очень коротких кельтов (длина не более 6,5 см), найденных вне комплексов в Ак (находка 1971 г.) и Ст. А. (находка 1969 г. — 2 экз.).

В целом тип *IV* также относительно поздний, датирующийся в основном VI в. до н. э. Однако здесь есть и несколько кельтов более раннего времени (*1Aв, 1Bб, 1Bд*), бытовавшие в VII в. до н. э.

В последний, пятый тип отнесены кельты, лишенные ведущего элемента орнамента, за исключением горизонтальных валиков (рис. 46 — *V*). Сохраняются те же основные 2 вида — кельты с ушком или орнаментом, опущенным от края втулки (первый вид) и кельты с ушком или орнаментом, идущим непосредственно от края втулки (второй вид).

V, 1Aв — 2 кельта из Ак, 1971 и Ст. А, п. 407 с парой горизонтальных валиков, расположенных выше бокового ушка (рис. 46 — *V, 1Aв*). В Ст. А, п. 407 встречен в комплексе с коротким железным наконечником копья с выраженной нервюрой, который по аналогии с вариантом «в» I типа наконечников копий Акозинского могильника может быть датирован VII—VI вв. до н. э.¹⁴¹

V, 1Aг — уникальный кельт с круглой втулкой и округлым туловом из Ак, п. 96 с тремя тонкими прорезанными горизонтальными линиями, нижняя из которых обрамлена «бахрамой» из мелких треугольников (рис. 46 — *V, 1Aг*). Комплекс не датирован.

V, 1Bв — кельт из Ст. А. (находка 1968 г.) с двумя горизонтальными валиками, переходящими в боковое ушко-петлю (рис. 46 — *V, 1Bв*). Вне комплекса.

V, 1Bz — кельт из Ст. А, п. 712 с тремя горизонтальными валиками, краевые из которых переходят в боковое ушко. Верхнее сечение подквадратное и в этом отношении кельт напоминает позднелужицкие кельты с квадратным сечением втулки¹⁴². Найден в комплексе с длинным железным наконечником копья с выраженной нервюрой, аналогичного варианту «а» I типа наконечников копий Аозинского могильника, датированных концом VIII—VII в. до н. э.¹⁴³

V, 1Ba — безушковые и полностью неорнаментированные кельты с овальным или подшестигранным сечением втулки (рис. 46, V, 1Ba). Известно 3 экз., в том числе из Ст. А. (п. 628, находка 1969 г.) и Сорочьих Гор (Татарской АССР, CZ, 3276)¹⁴⁴. В комплексе п. 628 найден совместно с аозинско-меларским кельтом типа III, 2Bд, датированным VII—VI вв. до н. э. (см. выше).

V, 2Ab — кельт с одним валиком по краю втулки, ниже которого идет боковое ушко (рис. 46 — V, 2Ab), 1 экз. из Ст. А (находка 1964 г.) Вне комплекса.

V, 2Av — кельт из Ст. А (п. 748) с двумя параллельными желобками по краю втулки (рис. 46 — V2Av). Комплекс не датирован.

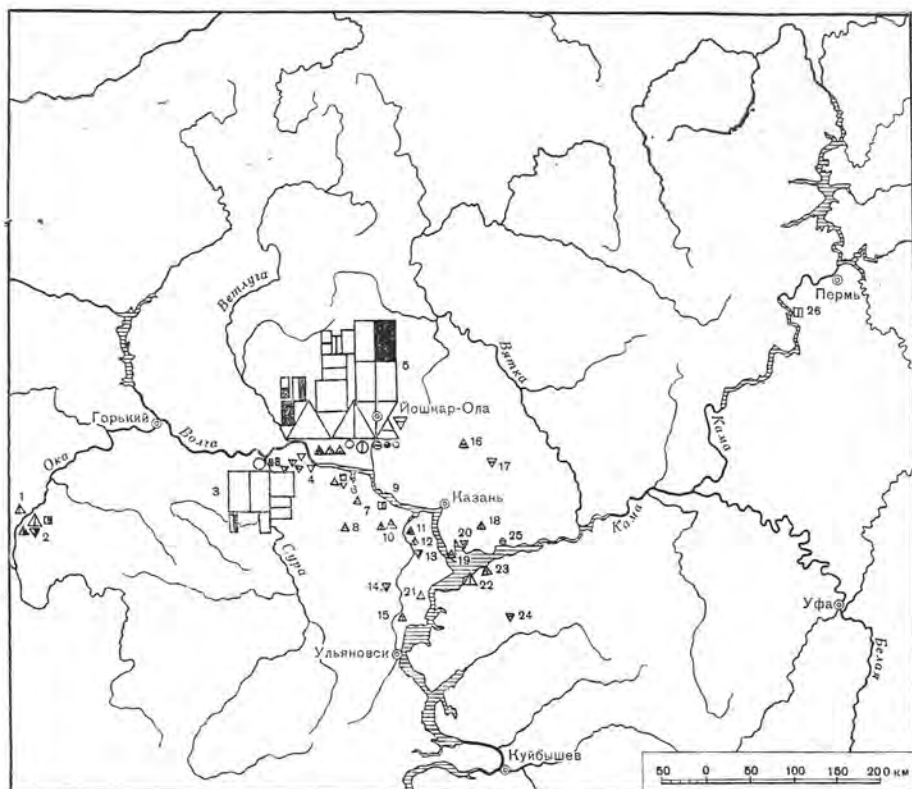
V, 2Bv — безушковый кельт из Ст. А. (п. 542) с двумя горизонтальными валиками в верхней части втулки, имеющей округлое сечение (рис. 46 — V, 2Bv). Комплекс не датирован.

В целом V тип не имеет устойчивой даты, хотя, кажется, и проявляет склонность к более раннему бытованию (VIII—VII вв. до н. э.).

В распространении аозинско-меларских кельтов в пределах Волго-Камья наблюдается определенная закономерность: они преимущественно сосредоточены в западной части этого региона, т. е. в Поволжье (рис. 47), хотя крайняя восточная точка находки приходится на Пермскую область¹⁴⁵. Все типы кельтов практически представлены в Ст. Ахмыловском могильнике (рис. 47), что следует объяснить очень широкой исследованностью памятника. В Мл. Волосовском могильнике имеются лишь кельты первых двух типов (рис. 47), характерные для раннего времени (VIII—VII вв. до н. э.). Это же свойственно и для районов слияния Камы с Волгой (рис. 47).

Рассмотрение всей группы бронзовых кельтов показывает, что в Волго-Камье, конкретнее — в районе северной половины Среднего Поволжья, происходил стык нескольких групп этих орудий, характерных для лесостепной полосы Евразии в начале эпохи раннего железа (рис. 47). С востока — от Минусинской котловины до Среднего Поволжья массово и единично до Южной Финляндии проходила полоса распространения уплощенных и подпрямоугольных в плане кельтов, в Восточной Европе наиболее выражено представленных в плане кельтов выше ананьинской группой, в Западной Сибири — кельтами с внутренней перегородкой¹⁴⁶, в Восточной Сибири — маленькими клиновидными кельтами-теслами¹⁴⁷.

От Средней Волги на запад (северо-запад) массово вплоть до Скандинавии по северной части лесостепной широты протянулась полоса распространения втульчатых (трубчатых) одноушковых кельтов с выступающей втулкой (аозинско-меларская группа). В Среднем Поволжье представлены все типы и виды этой группы. В Финляндии были распространены в основном трубчатые кельты типов I, 2 и II, 1 (типы А и А1 по классификации А. М. Тальгрена¹⁴⁸ или первый, так называемый классический меларский тип по К. Ф. Мейландеру¹⁴⁹), широко представленные и в западных раннеананьинских памятниках (90 экз.,

тип	I		II		III		IV		
вид	1	2	1	2	1	2	1	2	
ПОДВИД	A	△	▲	▽	▼	□	■	○	●
	Б	△	▲	▽	▼	□	■	○	●
	В	△	▲	▽	▼	□	■	○	●

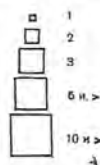

Рис. 47. Карта распространения основных типов аозинско-меларских кельтов в Волго-Камье

условные обозначения соответствуют типам кельтов. Размеры связаны с количеством находок
 1 — Муром; 2 — Мл. Волосовский могильник; 3 — Аозинский могильник; 4 — Малахай;
 5 — Ст. Ахмыловский могильник; 6 — быв. Чебоксарский уезд; 7 — Карачево; 8 — Сюрбеево;
 9 — Криуши; 10 — Альменево; 11 — быв. Свяжский уезд; 12 — Кувшиново; 13 — Мендиарово;
 14 — Биябаш; 15 — Бакырчи; 16 — Бурман; 17 — Юронга; 18 — Нырса; 19 — Ташкермень;
 20 — Танеево; 21 — быв. Тетюшский уезд; 22 — Новомордовский могильник; 23 — Измери;
 24 — Сорочьи горы; 25 — Пермская область

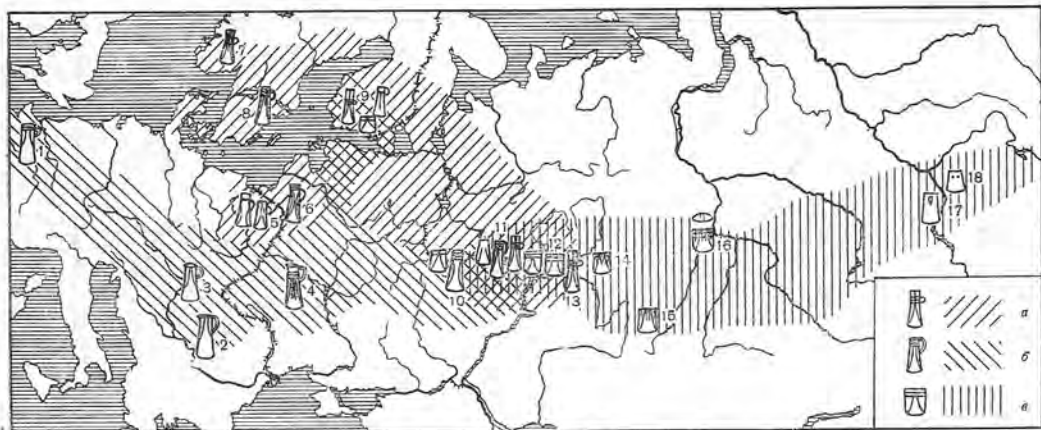

Рис. 48. Карта распространения основных типов бронзовых кельтов в лесостепной полосе Евразии

а — кельты с выступающей втулкой; *б* — кельты без втулки; *в* — плоские кельты;
 1 — бретонские; 2 — трансильванские; 3 — гальштатские; 4 — чернолесские; 5 — лужицкие;
 6 — литовские; 7 — норвежские; 8 — меларские; 9 — финляндские; 10 — волосовские; 11 —
 ахмыловско-акозинские; 12, 13 — волго-камские; 14 — среднекамские; 15 — южноуральские;
 16 — западносибирские; 17, 18 — минусинско-красноярские

см. рис. 46). Эти же кельты были распространены и в более западных районах Скандинавии — в Швеции (особенно богато в Меларской долине), Южной Норвегии и Дании (широко в Борнхольме)¹⁵⁰. В известной степени в эту же группу втульчатых кельтов следует включать и кельты лужицкой культуры, характерной особенностью которых являются боковые «дуги»¹⁵¹, между прочим, свойственные и для части кельтов Мл. Волосовского могильника. Поздние типы лужицких кельтов проявляют некоторую близость к типу IV наших кельтов.

В собственно европейской лесостепи от северной Франции (Бретони)¹⁵² на западе до Днепра (чернолесская культура)¹⁵³ на востоке были распространены трубчатые кельты со втулкой, окруженной ободком, переходящим на боковое ушко (рис. 48). На северо-востоке кельты этой группы доходят до раннеананьинских районов Среднего Поволжья, где выделяются в виды «2» каждого типа (рис. 46). Всего таких кельтов известно около 30 экз. Горизонтальные валики по верхнему краю втулки сближают их с чернолесскими кельтами, для которых такие валики характерны¹⁵⁴.

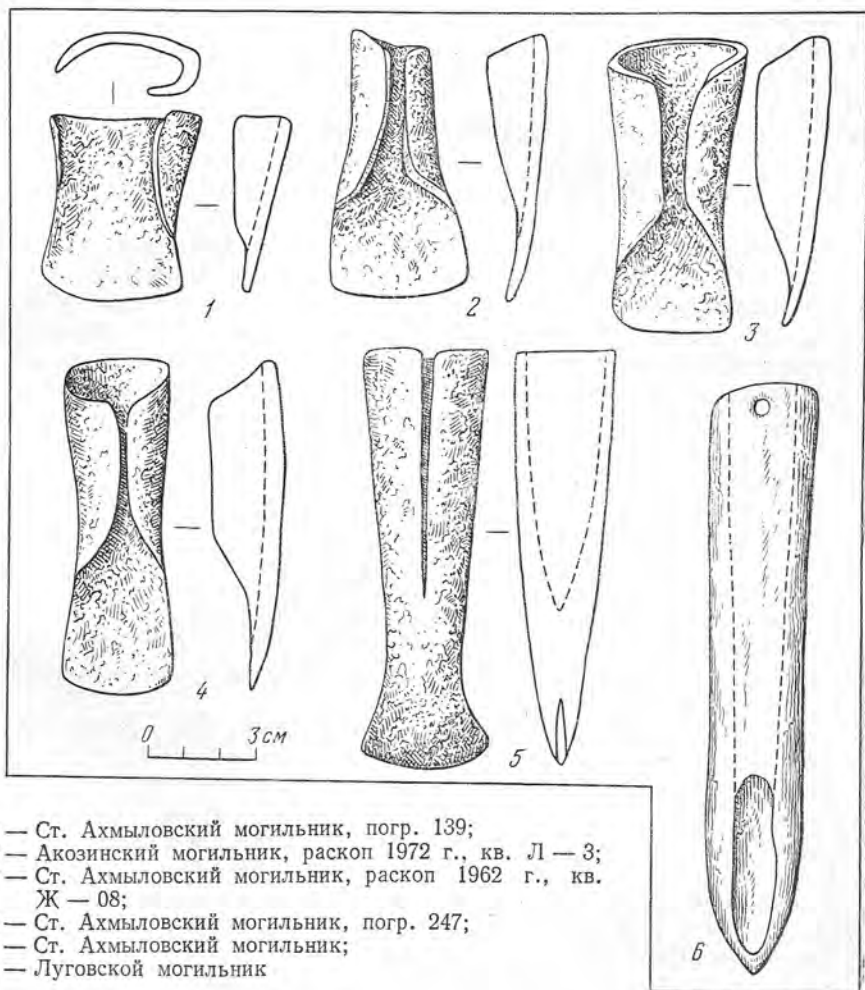
В результате стыка втульчато-трубчатых с боковым ушком и втульчатоплоских кельтов в Среднем Поволжье вырабатывается и некоторое время бытует промежуточная группа кельтов — втульчато-трубчатые, но безушковые (подвид «В» всех типов втульчато-трубчатых кельтов).

Мотыгообразные орудия

Некоторые из бронзовых кельтов, особенно ананьинского типа, как это в свое время отмечали исследователи ананьинских памятников¹⁵⁶, возможно, употреблялись и в качестве мотыг или наконечников других сельскохозяйственных орудий. Однако для этих целей более подходящими, а главное, более эффективными, очевидно, были уже железные орудия, известные в материалах раннеананьинских памятников в количестве 14 экз. (рис. 49).

Все эти орудия имеют вертикальную втулку для прикрепления к деревянной части и плоскую рабочую лопасть. По характеру оформления втулки и

- 1 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 139;
 2 — Аkozинский могильник, раскоп 1972 г., кв. Л — 3;
 3 — Ст. Ахмыловский могильник, раскоп 1962 г., кв. Ж — 08;
 4 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 247;
 5 — Ст. Ахмыловский могильник;
 6 — Луговской могильник

Рис. 49. Железные (1—5) и костяные (6) мотыгообразные предметы из раннеананьинских памятников

по степени изгиба рабочей плоскости можно выделить среди найденных экземпляров несколько типов.

Тип 1. Короткое орудие с широкой втулкой, состоящей из двух слабо загнутых краев (рис. 49, 1). Лезвие по отношению к втулке сильно скошено внутрь. Длина орудия — 5,3 см, ширина лезвия — 4,3 см. Обнаружен в Ст. А п. 139 в комплексе с коротким железным копьём с выраженной нервюрой и ананьинским кельтом типа I, II. Копье и кельт датируются в основном VII в. до н. э.

Тип 2. Несколько более длинное орудие с более завернутой, но несомкнутой втулкой и скошенным внутрь по отношению к втулке лезвием (рис. 49, 2, 3). Длина орудий — от 7,5 до 10 см, ширина лезвия — 4—4,5 см. По ширине втулки выделяются два подтипа 2а и 2б.

Тип 2а имеет относительно узкую втулку (до 2,5 см) и широкое рабочее лезвие (рис. 49, 2). Представлен он одним недатированным экземпляром из Ак (раскоп 1972 г., кв. Л—3).

Тип 2б имеет наоборот широкую втулку (4—5 см) и относительно узкое лезвие (рис. 49, 3). Представлен двумя, так же, к сожалению, недатированными экземплярами — из Ст. А., раскоп 1967 г. (кв. К—5) и раскоп II 1969 г. (кв. Ф—12).

Тип 3. Орудия с длинной, свернутой в стык втулкой и скошенным внутрь лезвием (рис. 49, 4). Длина их — 9,5—11 см, ширина лезвия — 3,5 см. Известно три недатированных экземпляра — все из Ст. А., раскоп 1962 г. (кв. Ж—08), н. 1967, раскоп II 1969 г. (кв. III—12). Орудие 1962 г. было подвергнуто металлографическому анализу в лаборатории Харьковского университета под руководством профессора Б. А. Шрамко. Анализ показал, что рабочая часть орудия изготовлена из стали с микротвердостью в 280 кг/мм², тогда как втулка из железа с микротвердостью — в 150 кг/мм². Втулка к лезвию прикреплена способом сварки.

Все три типа, судя по отношению их лезвий ко втулкам, имеющим характер, свойственный для орудий со скользящим ударом, могли употребляться как мотыги и тесла, а также, возможно, и как ральники — металлические наконечники скользящего рала. Они напоминают древнемарийские мотыжки как по размерам, так и по форме¹⁵⁵, что позволяет не сомневаться в их назначении. Об этом же свидетельствует и подавляющее их нахождение не в могилах, а в верхних слоях Ахмыловского могильника. Возможно, что большинство их было утеряно при рытье могильных ям.

Тип 4. Орудия с длинной конически расширяющейся сверху втулкой, иногда разомкнутой, и короткой подтреугольно расширенной лопастью, находящейся перпендикулярно по отношению к центральной оси втулки (рис. 49, 5). Длина их колеблется от 9 до 14,5 см, ширина лезвия 4—4,5 см. Известно 7 экз., в том числе: 6 — из Ст. А (п. п. 71, 247, 1965—91—09, 1969 — III—II, 4—14, Н—3), 1 — из Ак, п. 19. По материалам Ак этот тип орудий был датирован VI—V вв. до н. э.¹⁵⁷ В Ст. А п. 71 найден совместно с железным боевым топором VI в. (см. тип I Ба). Ближайшие аналогии известны в раннескифских древностях, в частности из Мастюгинских (см. кург 29—21; 46—29)¹⁵⁸ и Частых курганов (см. кург. 5, 7)¹⁵⁹ под Воронежом. П. Д. Либеров рассматривает этот тип железных изделий в качестве втоков на древко копий и датирует в целом рубежом VI—V вв. до н. э.¹⁶⁰ Соглашаясь с датой, трудно согласиться с интер-

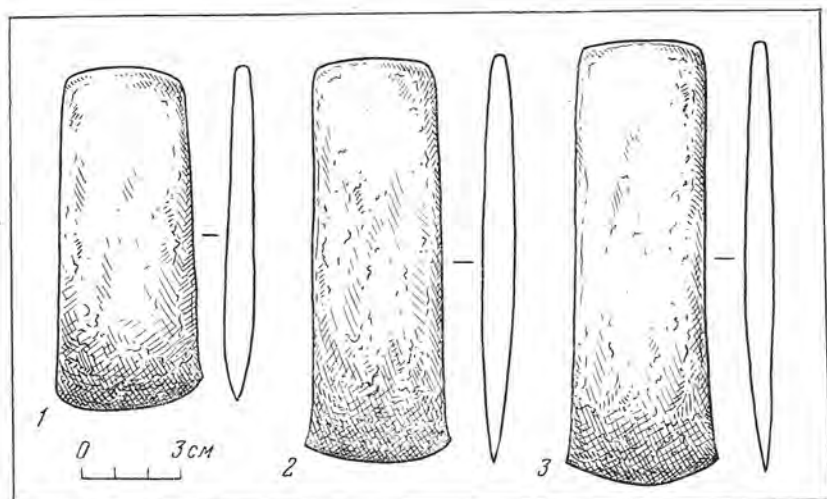

Рис. 50. Бронзовые тесла из Ст. Ахмыловского могильника.
1, 2 — погр. 68; 3 — погр. 114—3

претацией назначения. Скорее всего это орудие типа мотыги или пешни.

К этому же типу орудий, очевидно, следует причислить костяные наконечники мотыг или палок-копалок, впервые выделенные в качестве таковых А. В. Збруевой¹⁶¹ и достаточно широко представленные в раннеананьинских памятниках — в п. 10 Лг. (рис. 49, б). Васильсурском, Ройском, Сорочьегорском, Гремячеключинском, Казанкинском и других городищах.

Бронзовые тесла

В Ст. А обнаружено в двух коллективных захоронениях (№ 68 — 2 экз., № 114—3 — 1 экз.) 3 плоских бронзовых тесла (рис. 50). Все они относятся к одному типу — плоские, напоминающие клинья рубанков орудия с округлым и слегка расширенным к краям лезвием, утолщенной серединой и слегка уплощенным обушком. Различаются они лишь размерами: длина их — 10, 12, 13 см, ширина — около 4 см, толщина — 0,6—0,7 см.

Комплекс п. 68 улиткообразной позолоченной височной подвеской¹⁶², раннеананьинским кельтом типа I,2B и длинным железным наконечником копья с ободком в основании втулки датируется VIII—VII вв. до н. э. По раннеананьинским кельтам типа I,2B и I,1Ж и железному копыто типа II,1A с выраженной нервюрой комплекс п. 114—4 датируется этим же временем.

Ближайшие аналогии известны на Северном Кавказе, в частности могильнике Сержень-Юрт, где такие тесла только с несколько округлыми обушками встречены в погребениях 42, 70 и 74, комплексы которых датируются в основном VIII в. до н. э.¹⁶³ Этим подтверждается ранний возраст наших орудий. Об этом же свидетельствует их значительная близость к теслам Волго-Камья эпохи бронзы¹⁶⁴.

Топоры проушные

В материалах раннеананьинских памятников встречаются проушные топоры пяти групп: каменные, железные — рабочие, железные — боевые, бронзовые — знаки власти, бронзовые — импортные (кавказские).

Каменные топоры. Известно из определенных памятников 10 экз. (рис. 51, 1—4), подразделяющиеся на 4 типа:

1 — топоры-молоты, напоминающие по форме короткообушковые топоры балановской культуры¹⁶⁵. Известно 3 экз., в том числе: 2 — с территории I Новомордовского могильника (находки 1961 и 1967 гг.) и 1 — с поселения Курган. Это орудия средней величины (длина — 12—13 см, ширина — 5 см, диаметр обуха — 3,5 см, длина лезвия — 5 см), изготовленные из темно-серого диорита (рис. 51, 2). Отсутствие их в закрытых комплексах не позволяет их датировать в пределах раннеананьинского времени.

2 — молотковидные топоры с усеченно-коническим обухом и прямым лезвием (рис. 51, 3). Известно 2 экз., оба из Тетюшского могильника, в том числе из п. 26, перекрытого погребениями, которые по бронзовому наконечнику копья (см. Тетюшский могильник, группа 13) датируются VIII в. до н. э. Оба топора изготовлены из особенно плотного песчаника с отслаивающейся от перекала поверхностью. Орудия довольно крупные: — длина 15,5 см, толщина — 5,5 см, диаметр обуха — 4 см, длина лезвия — 3,5 см.

3 — обушковые усеченно-конические топоры-молоты (Ст. А. 1965, кв. 0/4) со сбитыми рабочими концами (рис. 51, 1) или в виде обломков (городища Гремячий ключ и Сорочьи Горы) и заготовок (Ст. А. 1967, кв. А'5). Размеры средние — 11,5—12 см, ширина — 5,5—6,5 см. В датированных комплексах неизвестны.

4 — клевцевидный топор из белого мелового доломита с боковыми шишкообразными выступами-цапфами (рис. 51, 4). Происходит с городища Казанка I (ГМТР, 14878 ; 4196). Длина его — 17 см, толщина — 4,5 см. Близкого типа топор известен в погр. № 51 могильника Зандак в Черкесии, где он встречен в комплексе (железный наконечник копья, бляшка-розетка, «оселок» и т. п.) VIII в. до н. э.¹⁶⁶

Железные рабочие топоры. Известно 7 экз. Все они (рис. 51, 5—9) имеют короткий, но массивный обух, относительно прямую спинку и расширенное к низу лезвие. По характеру обуха выделяются 2 типа: 1) округлообушковые — 1 экз. 2) плоскообушковые — 6 экз.

1 тип — включает лишь топор с округлым обухом (рис. 51, 5) происходящий из Ак, п. 99 (найден у колен погребенного). Длина его — 14 см, ширина обуха — 4 см, длина лезвия — 3 см. Комплекс п. 99 не датирован. В скифских древностях железные топоры с округлым обухом известны в памятниках IV в. до н. э.¹⁶⁷ Однако там они более массивны.

2 тип подразделяется на 3 подтипа — 2А, 2Б, 2В.

2А — плоскообушковые топоры-молоты со слегка расширенной подпрямоугольной площадкой обуха, переходящего со скосом в тулово топора (рис. 51, 7). Отверстие проуха овальное. Размеры средние: длина — 14 см, ширина — 4,5 см, длина обуха — 3 см, длина лезвия — 3 см. Известно 2 экз., оба из Ак, 1972 (кв. 0—1, М — 1). Прямых аналогий неизвестно.

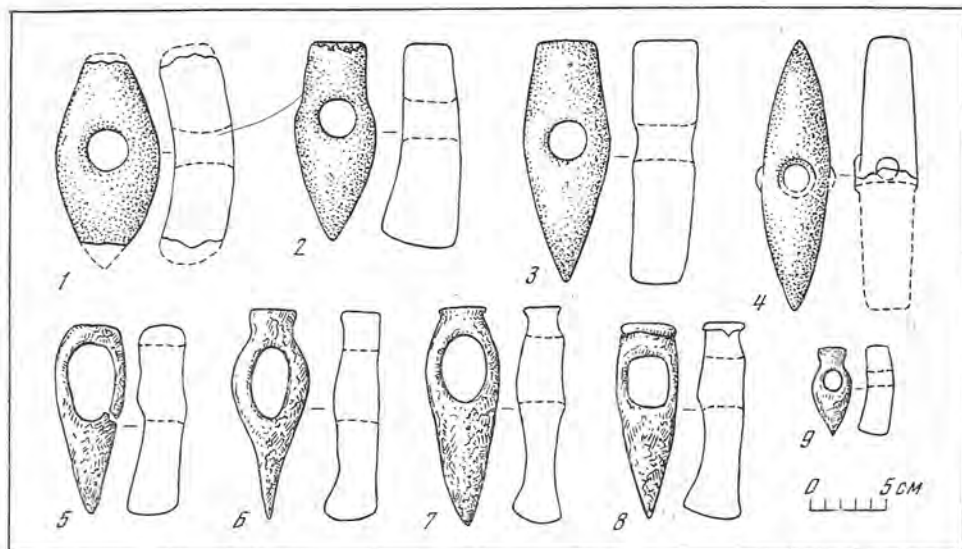

Рис. 51. Каменные (1—4) и железные (5—9) рабочие топоры

1 — Ст. Ахмыловский могильник, раскоп 1965 г., кв. 0/4; 2 — Новомордовский могильник 1967 г.; 3 — Тетюшский могильник, погр. 26; 4 — городище Казанка I; 5 — Акозинский могильник, погр. 99; 6 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 835; 7 — Акозинский могильник, раскоп 1972 г., кв. М — 1; 8 — пос. Семенцово Свяжского уезда Казанской губ.; 9 — пос. Алексеевский Лаишевского уезда Казанской губ.

2Б — плоскообушковый топор-молот с подпрямоугольной нашлапкой на обухе, прямо переходящим в тулово топора (рис. 51, 8). Отверстие проуха подпрямоугольное. Длина — 12,5 см, ширина — 4 см, длина обуха — 3,5 см, длина лезвия — 4 см. Происходит из починка Семенцово бывш. Свяжского уезда Казанской губ. (ныне Апастовский район Татарской АССР) ¹⁶⁸. Близок к железному топору VI в. до н. э. из кургана 7 Частых курганов под Воронежом ¹⁶⁹.

2В — плоскообушковые топоры-молоты с «шейкой» при переходе от обуха к расширенному тулову, имеющему проух овальной формы (рис. 51, 6). Размеры: длина — 13,5 см, ширина — 5 см, длина обуха — 3 см, длина лезвия — 3,5 см, 2 экз. из Ст. А. (п. 835 в ногах; р. 1962, Ж — 08). Последний подвергался металлографическому анализу в лаборатории Харьковского государственного университета (регист. № 9). Комплекс п. 835 не датирован. Еще один небольшой топорик (длиной в 5,5 см) известен в CZ (№ 4211), как происходящий из с. Алексеевское Лаишевского уезда (ныне рабочий поселок Алексеевское Татарской АССР) ¹⁷⁰.

Рабочий характер описанных орудий подтверждается не только формой, но и положением их в могилах в ногах погребенных в отличие от боевых топорков-секир, помещавшихся в верхней половине туловища погребенных (см. ниже, стр. 177).

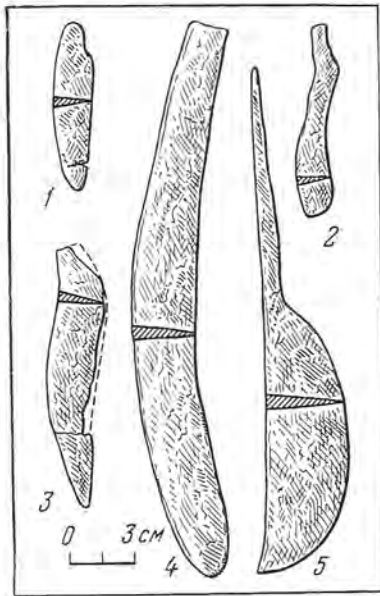

Рис. 52. Бронзовые однолезвийные ножи из раннеананьинских памятников

1—3 — Ст. Ахмыловский могильник (1 — погр. 300; 2 — уч. К/6, 1966 г.; 3 — погр. 471); 4 — Котловский могильник; 5 — д. Чирки Тетюшского района Тат. АССР

Ножи — одни из наиболее многочисленных предметов, встречающихся в раннеананьинских погребениях. В основном это железные ножи. Достаточно отметить, что из всех предметов, встреченных в Ст. Ахмыловском могильнике, наибольшую группу (321 экз.) составляют железные ножи. Ножи известны и в материалах других памятников, как могильников — Акозинский, Пусто-Морквашинский, Ананьинский, так и поселений — городища Курган, Ройский Шихан, Сорочьи Горы и др. Всего к раннеананьинскому времени, т. е. к VIII—VI вв. до н. э. можно отнести более 400 ножей. Лишь 5 экз. из них являются бронзовыми, каменных уже нет, основная масса представлена железными изделиями.

Бронзовые ножи. Среди бронзовых (рис. 52; 5 экз.) можно выделить три типа ножей: *I тип* — нож с прямой спинкой, широким лезвием и длинным приостренным к концу черенком (рис. 52, 5). Длина его — 16,5 см, ширина лезвия — 2,5 см. Происходит он из окрестностей с. Чирки на Свияге (ныне Тетюшский район Татарской АССР)¹⁷¹, откуда известны находки таких предметов раннеананьинского времени, как бронзовые двухкольчатые удила и кельт раннеананьинского типа¹⁷².

II тип — нож с прямым лезвием, выпуклой спинкой и коротким закругленным черенком (рис. 52, 1). Длина его — 5,2 см, ширина — 1,2 см. Происходит из Ст. А, п. 300 Вне комплекса.

III тип — серповидные ножи с дуговидной спинкой и изогнутым лезвием; подразделяются на два подтипа.

III, 1 — относительно небольшие ножи с коротким отогнутым в сторону спинки черенком (рис. 52, 3). Длина их — 6—8 см, ширина лезвия — 1—1,5 см, 2 экз., оба происходят из Ст. А (п. 471, кв. К — 7, 1966). Комплекс п. 471 не датирующий.

III, 2 — длинный серповидный нож с относительно толстым обухом. Длина — 16,5 см, ширина лезвия — 2 см (рис. 52, 4). Происходит из Котловского могильника¹⁷³. Напоминает абашевские ножи-серпы.

Однолезвийные бронзовые ножи описанных типов практически неизвестны в местных памятниках Волго-Камья предананьинского времени. В памятниках приказанской культуры они имеют в основном двулезвийную форму с прямоугольной рукояткой¹⁷⁴. Однако из районов Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья происходит¹⁷⁵ серия бронзовых ножей серповидной формы (тип III, 2), которые в известном смысле можно рассматривать как прообраз серпо-

видных ножей начала эпохи раннего железа в этом районе. Все три типа ножей известны в позднебронзовом веке Западной и Центральной Европы¹⁷⁶, серповидный тип известен в поздних памятниках бондарихинской культуры¹⁷⁷ и памятниках первого этапа чернолесской культуры¹⁷⁸. Учитывая то, что в абсолютной массе раннеананьинских памятников бронзовые ножи уже не встречаются, их наличие в отдельных случаях можно рассматривать как пережиточное явление.

Железные ножи в раннеананьинское время имеют однолезвийную форму, поэтому можно считать, что с этого времени традиция изготовления двулезвийных ножей, кроме кинжалов, прекращается.

Железные ножи. Железные ножи (рис. 53, 282 экз.) подразделяются на типы, подтипы и виды.

По характеру изгиба спинки и лезвия и их соотношению выделено четыре основных типа, обозначенные римскими цифрами: I — с прямой спинкой и выпуклым лезвием, II — с выпуклой спинкой и прямым лезвием, III — с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (серповидные); IV — с выпуклой спинкой и выпуклым лезвием. Каждый из этих типов подразделяется на три общих подтипа: 1 — ножи без черенка, 2 — с коротким черенком (менее $1/2$ длины лезвия); 3 — с длинным черенком (равным или более $1/2$ длины лезвия). Общими являются и виды: А — длиной до 5 см, Б — до 10 см; В — до 15 см; Г — до 20 см. Всего детальной классификации подвергнуто 282 экз. железных ножей, остальные, представленные обломками, типологии не поддаются.

Тип I — ножи с прямой спинкой и острым клинком по современной или по крайней мере, средневековой типологии принято считать ножами столового назначения¹⁷⁹. Очень длинные ножи (более 20 см) могли быть охотничьим и боевым оружием (по Б. А. Колчину — «засапожники») ¹⁸⁰. В раннеананьинских памятниках ножей I типа немного — 37 экз.

I, 1А — короткий нож из Ст. А, п. 570 (рис. 53, 1) найден совместно с железным втульчатым наконечником стрелы VII—VI вв. до н. э.

I, 1Б — 3 ножа средней длиной 7—8 см и шириной лезвия до 1,5 см со скошенными концами (рис. 53, 10). Происходят из Ст. А., п. 619, р. 1963 (Е — 36). Комплексы не датированы.

I, 1В — 6 ножей длиной 12—14 см и шириной лезвия 1,5—2,5 см со скошенными концами (рис. 53, 23). Происходят из Ст. А. (п. п. 68, 270, 525, 683, 863, 1969—Н/12). Встречены в основном в ранних комплексах — в п. 68 вместе с бронзовыми теслами, улитковидной височной спиралью и раннеананьинским кельтом типа I, 1В; в п. 270 со втульчатым копьем и ананьинским кельтом типа I, 1В, датированных не позже VII в. до н. э.

В целом тип I, 1 следует рассматривать как ранний тип ножей, так как их бытование позже VII в. до н. э. не отмечено.

I, 2А — небольшие ножи с прямой спинкой, приостренным лезвием и коротким округлым или слегка приостренным черенком, идущим со стороны спинки (рис. 53, 2). Длина не более 5 см, наибольшая ширина, приходящаяся ближе к черенку, не более 1,5 см. Известно 8 экз., все из Ст. А (п. п. 172, 315, 534, 613, 704, 729, 761, 878). В датированных комплексах такие короткие ножики встречаются с акозинско-меларскими кельтами типа II, 1Вд (п. 613), IV, 1Ад (п. 534), с бронзовой гривной с завернутыми концами (п. 534) и другими веща-

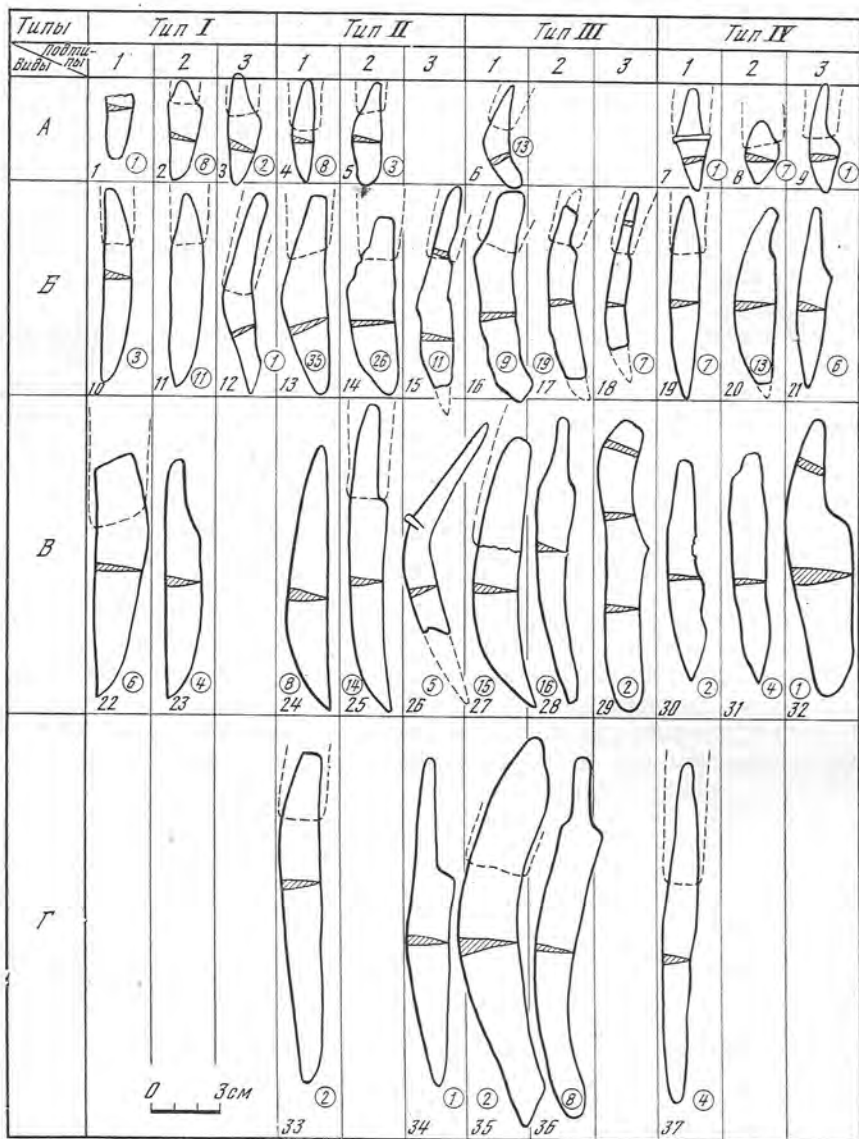

Рис. 53. Схема типологии железных однолезвийных ножей (по материалам Ст. Ахмыловского могильника)

1 — погр. 750; 2 — погр. 761; 3 — погр. 40; 4 — погр. 640; 5 — 1968 г.; 6 — погр. 685; 7 — погр. 517; 8 — погр. 126; 9 — погр. 536; 10 — 1963 г.; 11 — погр. 36; 12 — погр. 661; 13 — погр. 72; 14 — погр. 535; 15 — 1968 г.; 16 — погр. 68; 17 — погр. 34; 18 — погр. 659; 19 — погр. 613; 20 — погр. 514; 21 — 1969 г.; 22 — погр. 539; 23 — погр. 270; 24 — погр. 554; 25 — погр. 552; 26 — 383; 27 — погр. 242; 28 — погр. 396; 29 — погр. 1967 г.; 30 — погр. 2266; 31 — погр. 381; 32 — погр. 880; 33 — погр. 649; 34 — погр. 567; 35 — погр. 71; 36 — погр. 290; 37 — погр. 636

ми, относящимися в основном к VII в. до н. э. Характерно, что во многих погребениях короткие ножи встречены как вторые ножи наряду с другими, более крупными.

I, 2B — ножи средних размеров (длина — 5—9 см, ширина лезвия — до 2 см) с прямой спинкой, переходящей уступом или скошенно в относительно короткий черенок (рис. 53, 11). Известно 11 экз., в том числе: 8 — из Ст. А (п. п. 36, 397, 528, 541, 704, 764, р. 1969), 3 — из Ак¹⁸¹. В комплексах (см. п. п. 36, 528, 704 Ст. А.) встречены вместе с биметаллическими кинжалами типа I, 2Аб и раннеананьинским кельтом типа I, 1В (п. 36), датированных не позже VII в. до н. э.

I, 2B — ножи длиной 11—12 см и шириной клинка до 2,5 см, с прямой спинкой, переходящей в короткий черенок с округлым концом (рис. 53, 24). Известно 4 экз., в том числе из Ст. А (2 экз., п. п. 554, 621), Ак (п. 90) и городища Ройский Шихан¹⁸². В комплексах (Ст. А, п. 554; Ак. п. 90) встречены совместно с акозинско-меларскими кельтами типа I, 1Бг, датированных VIII—VII вв. до н. э.

В целом ножи типа I, 2 следует считать ранними, т. е. бытовавшими в VIII—VII вв. до н. э. Об этом свидетельствуют и ранние аналогии таких ножей. Подобные экземпляры известны в древнейших грунтовых погребениях Самтаврского могильника, датированных XI—X вв. до н. э.¹⁸³ По мнению Б. А. Куфтина, в Закавказье такие ножи имели широкое распространение в VIII в. до н. э.¹⁸⁴ К этому же времени относятся ножи с плоской спинкой из Красномаяцкого могильника близ Сухуми¹⁸⁵. В савроматских¹⁸⁶ и скифских¹⁸⁷ памятниках такие ножи редки и к рубежу VI—V вв. до н. э. выходят из употребления, заменяясь ножами с дуговидной спинкой.

Прямоспинные железные ножи с относительно длинными черенками немногочисленны.

I, 3A — ножи короткие, 2 экз. (Ст. А, п. 40; п. 68) длиной не более 5 см, причем на долю черенка приходится половина длины (рис. 53, 3). В Ст. А, п. 40 встречен с железным наконечником копья, имеющим выраженную нервюру. Такие копья (см. ниже, стр. 191) бытовали в VII в. до н. э.

I, 3B — нож с прямой спинкой и отходящим от него под прямым углом такой же длины черенком (1 экз.; Ст. А, п. 661; рис. 53, 12). Он напоминает раннекарасукские коленчатые бронзовые ножи¹⁸⁸, удобные для вырезания выемок в дереве и выскабливания¹⁸⁹.

Тип II — ножи с дуговидно выгнутой спинкой или обушком и прямым лезвием (рис. 53, 11). Они похожи на рабочие по дереву (столярные) и по кости ножи, так как ось их рукояти в большинстве случаев проходит выше заостренного конца лезвия, что, по мнению Б. А. Колчина, характерно для столярных ножей¹⁹⁰. Косторезные ножи, по определению того же исследователя, «выделяются малыми размерами клинка и рукояти, а также формой острия», более выпуклой к спинке¹⁹¹. К последним, очевидно, следует отнести типы II А и II Б.

II, 1A — небольшие короткие ножи с выпуклой спинкой и приостренными концами, один из которых служил черенком (рис. 53, 4). Судя по некоторым экземплярам с сохранившимися следами рукояти, клинок таких ножей выступал лишь на 2—2,5 см. Встречено 8 экз., все из Ст. А — п. п. 593, 603, 613, 618, 637, 640, 705, 822. Причем в большинстве этих погребений (см. п. п. 603, 613 и

др.) имеются и вторые, более крупные ножи. Ножи этого вида, судя по комплексам пп. 603 (с акозинско-меларским кельтом типа I, 2Бб), 613 (с акозинско-меларским кельтом типа II, 1Вд), 618 (с кельтом промежуточного ананьинско-акозинского типа I, 2з) начинают бытовать в VII в. до н. э., но продолжают сохраняться и позднее — в п. 640 этот вид встречен с парными бляшками с выступающими дисками и ушком на обратной стороне, появляющимся на рубеже VI—V вв. до н. э.¹⁹²

II, 1Б — бесчеренковые ножи с выпуклой спинкой, прямым лезвием и приостренными концами длиной от 5 до 10 см и шириной клинка до 2 см (рис. 53, 13). Всего известно 35 экз., в том числе: 30 — из Ст. А, п. п. 72, 465—2 экз., 509, 530, 576, 580, 581, 586, 595, 618, 628, 634, 652, 657, 696, 753, 760, 771, 785, 854, 858, 864, 873, 874, 875—876, 885; 3 — из находок 1968—1969 гг.; 3 — из Ак, п. 74, 2 — из находок 1971 г., из Лг (п. 7), ТЕ (п. 17).

Ножи этого вида известны широко в Восточной Европе, где в основном они появляются непосредственно в предскифское время — (см. поселение Жаботинское в Черкасской области¹⁹³, пп. 5 и 11 Куланурхвского могильника в Абхазии¹⁹⁴), второй тип ножей у савромат¹⁹⁵, т. е. на рубеже VII—VI вв., до н. э. Наиболее ранние ножи в комплексах Ст. А (см. п. п. 72, 465 и др.) встречены с ананьинскими кельтами типа I, 2з и другими предметами, датируемыми VII в. и рубежом VII—VI вв. до н. э. В лесной и лесостепной полосе Восточной Европы ножи II, 1Б сохраняются очень долго — до позднеананьинского (см. Уфимский могильник)¹⁹⁶ и позднедыковского¹⁹⁷ времени.

II, 1В — бесчеренковые ножи с приостренными концами, выпуклой спинкой, прямым лезвием средней длины 11—12 см и шириной клинка не более 2 см (рис. 53, 25). Всего известно 8 экз., в том числе: 5 — из Ст. А, (п. п. 428, 552, и находка 1969 г.) и 3 — из Ак (п. п. 83, 85, находка 1972 г.)

Ножи этого вида, очевидно, появляются в конце раннеананьинского периода, так как они встречены в основном в комплексах VI в., например, в Ст. А, п. 428 (с парными бляшками с задним ушком), 552 (с гладкодротовыми гривнами), 840 (с бисером из рубленой белой пасты), Ак, п. 85 (с простыми железными кольчатыми удилами).

II, 1Г — бесчеренковые длинные и узкие ножи с несколько отогнутым кончиком, который вставлялся в рукоять (рис. 53, 34). Длина их — 16 см, ширина 1,5—2 см. Рабочий конец клинка закруглен, поэтому эти ножи не могли служить охотничьим или боевым оружием. Известно 2 экз. — из Ст. А (п. 567) и Ак (п. 83). Встречены в комплексах с акозинско-меларскими кельтами I, 1Бд (Ст. А, п. 567), и III, 1Бд (Ак, п. 83), бытовавшими от грани VIII—VII вв. до VI в. вв. до н. э.

Ножи типа II, 2 с выпуклой спинкой и прямым лезвием имеют короткий черенок, обычно идущий прямо со стороны лезвия. Выделяется три размера.

II, 2А — 3 коротких ножа из Ст. А (пп. 767, 768, находка 1968 г.) с клинком шириной около 1,5 см. В п. 767 встречен совместно с акозинско-меларским кельтом типа I, 1Ад, бытовавшими в VIII—VII вв. до н. э., а в п. 768 с парными бляшками с задним ушком, характерными для VI—V вв. до н. э.

II, 2Б — ножи средней длины (не более 10 см) с коротким черенком, в большинстве случаев отходящим от выпуклой спинки, хотя есть и ножи с черенком, отходящим от лезвия (рис. 56, 14). Всего известно 26 экз., в том числе: 21 — из Ст. А. (п. п. 47, 519, 535, 557, 561, 572, 576, 605, 639, 681, 683, 688,

689, 698, 712, 808, 5 экз. находок разных лет), 4 — из Ак (п. п. 87, 92, находки 1971, 1972 гг.).

Ножи этого вида в степной полосе Восточной Европы появляются на грани VIII—VII вв. до н. э. (см. п. 7 Сержень-Юртовского могильника¹⁹⁸, Жаботинское поселение¹⁹⁹, памятники чернолесской культуры²⁰⁰). По комплексам Ст. А этого вида ножи в раннеананьинской среде начинают бытовать также не позже рубежа VIII—VII вв. до н. э., см. п. 605 (с аозинско-меларским кельтом, I, 1Ад).

II, 2В — ножи с клинком длиной более 10 см и коротким черенком, отходящим несколько скошенно со стороны выпуклой спинки (рис. 56, 26). Деревянные и костяные ручки таких ножей были не длинные (судя по ножу из Ст. А, п. 383, около 7 см.) Всего известно 14 экз., в том числе: 12 — из СтА (п. п. 215, 389—2 экз., 396, 408, 522, 566, 593, 641, 648, 766, 855) и 2 — из Ак (п. 94, находка 1971 г.).

Найдены в комплексах (Ст. А, п. 566 с аозинско-меларским кельтом I, 1Бд; п. 369 с ананьинским кельтом I, 2Ж, п. 408 с аозинско-меларским кельтом III, 1Бб), датированных от середины VIII до VI в. до н. э.

Ножи типа II, 3 имеют относительно длинный черенок, нередко примыкающий к клинку с дуговидной спинкой под углом.

II, 3Б — ножи средней длины (до 10 см) с длинным прямым (9 экз.) или коленчато направленным черенком (рис. 53, 15; 2 экз.). Происходят из Ст. А (п. п. 214, 272, 587, 600, 695, 850, находка 1969 г.), Тт (п. 147), Мр (п. 7) и городища Ройский Шихан (2 экз.). Находки в комплексах датируют эти ножи VII—VI вв. до н. э.

II, 3В — ножи с клинком длиной 7—9 см, с коленчатым черенком длиной 4—6 см, отходящим от спинки (рис. 53, 27). 5 экз., все из Ст. А (пп. 124, 242, 278, находки 1963 г.). Происходят из комплексов, датированных VII вв. до н. э. — п. п. 124 и 278 с ананьинскими кельтами типа I, 1В и п. 242 с ананьинским кельтом I, 1Е.

II, 3Г — нож с длинным клинком (более 10 см) и черенком, отходящим со стороны спинки и лезвия (рис. 53, 35). Происходит из Ст. А., п. 71 из комплекса с железными изделиями (мотыга типа 4, топор-чекан типа I, Ба, наконечник копья) VI в. до н. э.

Тип III объединяет в себе наиболее многочисленную группу так называемых серповидных ножей с выпуклой (дуговидной) спинкой и вогнутым лезвием, широко распространенных в I тысячелетии до н. э. в Восточной Европе и известных у савромат²⁰¹, скифов²⁰², дьяковцев²⁰³, на Кавказе²⁰⁴ и т. п.

Коротких ножей в серии этого типа немного.

III, 1А — это небольшие ножи с выпуклой, иногда довольно сильно, спинкой, вогнутым лезвием и приостренными концами, один из которых вставлялся в деревянную рукоять (рис. 53, 6). Такие ножи могли использоваться для обработки дерева и кожи. Известно 13 экз. из Ст. А п. п. 50, 55, 312, 518, 520, 573, 669, 675, 685, 688, 762, 785. Начинают бытовать в относительно ранних комплексах, например, в п. 55, хорошо датированным биметаллическим кнзжалом типа I, 2А и ананьинскими кельтами типа I, 1Ж, I, 2В VIII—VII вв. до н. э.

II, 1Б — ножи средних размеров (длиной не более 10 см) с преимущественно округлыми концами, один из которых, расположенный ближе к наибольшему выступу спинки, служил черенком (рис. 53, 16). Известно 9 экз. из Ст. А

(п. п. 68, 214, 542, 650, 666, 670, 696, 771, находка 1968 г.), наиболее ранний из которых происходит из п. 68, датированного кельтом ананьинского типа I, 2В, бронзовыми теслами, улитковидной височной подвеской VIII—VII вв. до н. э. О раннем возрасте свидетельствует находка одного ножа этого вида на Младшем Волосовском могильнике²⁰⁵.

III, 1В — ножи средних размеров с длиной клинка 12—13 см. Известно 15 экз., в том числе 11 экз., из Ст. А (п. п. 79, 126, 143, 190, 258, 396, 450, 586, 591, 883, 884); 4 экз. из Ак, пп. 72, 85, 2 экз. из 1958 г. Этот вид ножей, судя по комплексам Ст. А, пп. 126, 190, 396, 450, содержащих относительно ранние кельты и бронзовые наконечники копий, начал бытовать в VII в. до н. э.

III, 1Г — 2 крупных ножа из Ст. А (п. п. 290, 623) с шириной лезвия клинка до 3 см (рис. 53, 36). Не исключено, что они употреблялись в качестве серпов, так как имеют значительный изгиб лезвия. В п. 623 встречен совместно с бронзовым трехперым наконечником стрелы VII—VI вв. до н. э.

Серповидные ножи без черенка в целом можно считать наиболее ранним типом. Это подтверждают и другие области, где получили распространение такие ножи. В Закавказье такие ножи появляются в IX в. и широко распространяются в VIII в. В Кармир-Блуре такой нож был найден в глиняном карасе, перекрытом щитом с надписью царя Аргишти I (781—760 гг. до н. э.)²⁰⁶. Целая серия серповидных ножей происходит из комплексов IX—VIII вв. до н. э. Краснояцкого могильника в окрестностях Сухуми²⁰⁷. На Северном Кавказе они считаются также наиболее ранними²⁰⁸.

В подтип III, 2 объединены серповидные ножи с короткими рукоятками. Малых ножей в этой серии нет.

III 2Б — ножи средних размеров со средневыпуклой спинкой и вогнутым лезвием, от которого или со стороны спинки (7 экз.), или со стороны лезвия (4 экз.), а в одном случае — и с середины (Ст. А, п. 837), отходит короткий черенок (рис. 53, 17). Всего 19 экз., в том числе 12 из Ст. А, п. п. 34, 81, 94, 390, 529, 536, 548, 698, 704, 734, 823, 837. Эти ножи встречены в относительно поздних комплексах (см. п. п. 81, 94, 390 и пр. с ананьинскими кельтами II, 2А, II, 2В), датированных не ранее VI в. до н. э. Кроме того, известны 6 ножей из Ак (5 из раскопок 1956—1958 гг., п. 71) и 1 нож из Васильсурского городища²⁰⁹.

III, 2В — серповидные ножи длиной до 15 см с относительно узким (не более 2 см) клинком и коротким черенком, идущим со стороны спинки (рис. 53, 29). Известно 16 экз., в том числе: 14—из Ст. А, (п. п. 67, 143, 161, 163, 230, 272, 275, 625, 775, 798, 835, отдельные находки 1967, 1969, 1974 гг.) и 2—из Ак (1956—1958 гг.)

Ножи этого вида, судя по комплексам Ст. А, п. п. 67 (биметаллический кинжал второго типа, ананьинские кельты I, 2В). 275 (крестовидная бляшка, ананьинские кельты железные наконечники копий типа I, 1Е) появляются в VII в. до н. э. и активно бытуют в VI в. (см. Ст. А, п. 161 с шестигранным ананьинским кельтом II, 2В).

III, 2Г — крупные ножи с относительно слабо изогнутым клинком и коротким черенком, почти всегда выходящим со стороны спинки (рис. 53, 37). Известно 8 экз., в том числе: 5 из Ст. А (п. п. 275, 575, 577, 636, 734), 2 — из Ак (п. 90, р. 1956 г.²¹⁰), 1 экз. из Еловского поселения на Каме (жилище 3)²¹¹.

В Ст. А, п. 734 найден совместно с аозинско-меларским кельтом I, 1Ад (VIII—VII вв. до н. э.), в п. 275 в комплексе VII вв. до н. э. Известен и позднее (см. Ст. А, п. п., 575, 577 с железным стилетом-булавкой VI в. до н. э.). На Кавказе (см. могильник Гуадику у г. Сухуми)²¹² и Поднепровье (см. Жаботинское поселение²¹³) такие ножи становятся широко известными с VII в. до н. э.

В подтип III, 3 включены серповидные ножи с длинным черенком, длина которого равна длине клинка или больше ее половины. В этой серии малых ножей (III, 3А) пока не выявлено, если не считать обломка ножа из Ак, п. 90.

III, 3Б — ножи средних размеров с относительно коротким (5—7 см) и узким (не более 1 см) среднеизогнутым клинком, завершенным со стороны спинки длинным слегка приостренным черенком (рис. 53, 18).

Известно 7 экз. — Ст. А, п. п. 166, 659, 695, 764; Ак, п. 85, ТЕ, пп. 19, 22. Судя по комплексу Ст. А, п. 166 (раннеананьинский кельт I, 1А, желобчатый браслет или височное кольцо), такие ножи начинают бытовать не позже VII в. до н. э.

III, 3В — 2 ножа (Ст. А, п. 2266; ТЕ, п. 18) с двойным серповидным лезвием, из которых относительно короткий мог служить черенком рукояти (рис. 53, 30). В Ст. А. п. 2266 найден в относительно позднем комплексе с железным мечом-акинаком VI—V вв. до н. э.

IV тип объединяет ножи со слабо выпуклым лезвием и спинкой, приостренным и в известной мере симметричным клинком. По своей форме (односторонний симметричный клинок с расширением в средней части) они напоминают средневековые, в частности новгородские бритвы. Б. А. Колчин считает, что такие бритвы уже широко бытовали в бронзовом и железном веках, особенно в античности²¹⁴. По наличию и величине черенка выделяется 3 подтипа, которые по общей величине ножа подразделяются на виды. В подтип IV, I отнесены бесчеренковые ножи.

IV, 1А — небольшой ножик с приостренными концами, из которых один несколько более короткий, отделенный от другого медным ободком, служил черенком (рис. 53, 7). Он имеет очень острый конец короткого симметричного клинка, что свидетельствует об употреблении ножа в качестве резца или кожевального ножа. Происходит из Ст. А, п. 517, где найден с раннеананьинским кельтом, близким к типу I, 1В, бытовавшим в VII в. до н. э.

IV, 1Б — симметричные однолезвийные ножи средней длины (до 10 см) и ширины (до 1,5 см), имеющие приостренные концы, один из которых, несколько более суженный, чем другой, служил черенком (рис. 53, 19). Известно 7 экз. — все из Ст. А, п. п. 223, 613, 754, 758, 774, 819, находка 1967 г. Ножи этого вида, судя по комплексам пп. 223 (с железным наконечником копыя типа 12Б), 613 (с аозинско-меларским кельтом II, 1Вд), начинают бытовать с рубежа VII—VI вв. до н. э., если не раньше.

IV, 1В — ножи, аналогичные IV, 1Б, только с несколько более длинным клинком до 12—13 см (рис. 53, 31). Известно 2 экз. — Ст. А, п. п. 381, 622.

IV, 1Г — относительно длинные (до 18 см) и узкие (не более 2,5 см) бесчеренковые ножи с симметричным, но однолезвийным клинком (рис. 53, 38). Известно 4 экз. — из Ст. А, п. п. 48, 568, 648, находка 1969 г. В п. 648 происходит в комплексе с аозинско-меларским кельтом III, 1Ад, бытовавшим в VI в. до н. э.

Симметричные однолезвийные ножи с коротким черенком группируются в подтип IV, 2.

IV, 2A — очень короткие с длиной клинка не более 2,5 см ножи, служившие в качестве резчиков или кожевенных ножей (рис. 53, 8). Известно 7 экз., все из Ст. А., пп. 126, 245, 290, 306, 335, 425, 465. Судя по комплексам пп. 306, 465, такие ножи начинают бытовать в VIII—VII вв. до н. э. и продолжают до VI в. до н. э. (см. п. 126).

IV, 2B — относительно небольшие ножи с симметричным клинком длиной в 4—7 см и коротким черенком, в большинстве случаев отходящим со стороны спинки (рис. 53, 20). Известно 13 экз., в том числе: 7 — из Ст. А (п. п. 54, 68, 215, 474, 514, 671, 806), 5 — из Ак (п. п. 88, 94, раскопы 1956, 1958 гг.), 1 — из раскопок Копаньского городища в 1971 г. Этот тип имел широкое бытование, так как найден и в раннем (п. 68 Ст. А с улитковидной височной подвеской, бронзовыми теслами и другими VIII—VII вв. до н. э.), и позднем (Ст. А, п. п. 215, 474 с шестигранными ананьинскими кельтами VI—V вв. до н. э.) комплексах.

IV, 2B — ножи с симметричным однолезвийным клинком средней длины и коротким черенком (рис. 53, 32). Известно 4 экз. — из Ст. А (п. 880), Ак (п. 55 и 2 находки).

Близкого типа ножи известны из Сержень-Юртского могильника, например, из п. 13, датированного VII в. до н. э.²¹⁵

Ножей с симметричным односторонним лезвием и относительно длинным черенком немного — 8 экз.

IV, 3A — нож, из Ст. А., п. 425 (рис. 56, 9) происходит из недатированного комплекса.

IV, 2B — нож с относительно небольшим односторонним клинком и длинным черенком, идущим со стороны спинки (рис. 53, 21). Известно 6 экз., в том числе 4 — из Ст. А (п. п. 50, 58, 677, находка 1969 г.) и 2 — из Ак. Эти ножи, встреченные в Ст. А в датированных комплексах вместе с раннеананьинскими кельтами I, 1E (п. 50) и I, 2B (п. 58), начинают широко встречаться в комплексах, датирующихся VII в. до н. э.

IV, 3B — нож из Ст. А., п. 649 и широким симметричным однолезвийным, толстообушковым клинком и средней длины черенком, отходящим под тупым углом со стороны спинки (рис. 53, 33).

В целом IV тип ножей, начинающих бытовать относительно рано, по крайней мере не позже VIII—VII вв. до н. э., следует считать своеобразным переходным типом от двулезвийных бронзовых ножей поздних этапов приказанской культуры²¹⁶, к железным однолезвийным раннеананьинским ножам. Показательно отсутствие этого типа ножей в других районах Восточной Европы — их нет ни у дьяковцев²¹⁷, ни у савромат²¹⁸, ни у скифов²¹⁹.

Среди железных ножей имеется несколько оригинальных форм. Это небольшой нож с коротким симметричным односторонним лезвием и длинным, отходящим под небольшим углом от клинка черенком (рис. 54, 1). Ст. А, п. 433. Такой нож мог быть резцом и ножом для раскряя кожи. Нож с коротким дуговидным изогнутым лезвием и прямоугольным черенком (рис. 54, 2; Ст. А, 1966 г.) мог выполнять функцию резца. Форму средневековых кожевенных ножей²²⁰ имеют 3 ножа из Ст. А (п. п. 165, 215, 539). У них дуговидно изогнутая спинка с вздернутым концом также дуговидного лезвия и короткий черенок (рис.

54, 3). Как показал металлографический анализ, ножи изготовлялись из качественного материала. Например, нож из Ст. А, п. 71 «был изготовлен из высокоуглеродистой стали, содержащей 0,7% углерода, а соотношение перлита и феррита равно 85/15».

Иглы и шилья

В раннеананьинских могильниках и поселениях известны находки бронзовых и железных игл и шильев, служивших для шитья одежды из тканей, кожи и меха. Среди этих орудий абсолютно преобладают шилья — на почти 100 сохранившихся шил приходится всего лишь 4 иглы. Число первых можно увеличить за счет многочисленных костяных шил и проколов, известных на ананьинских, в том числе и ранних, поселениях²²¹. Не свидетельствует ли это о том, что в раннеананьинское время более широко употреблялась меховая и кожаная одежда, чем тканая? Между прочим такая традиция сохраняется у местных финноязычных племен вплоть до конца I тысячелетия н. э.²²²

Иглы — 4 экз. Все они откованы из бронзовой проволоки, один конец которой заострялся, а другой загибался и приковывался к стержню, образуя круглое или продолговатое ушко (рис. 55, 1—3). Наиболее длинная игла (11 см) происходит из материалов Ананьинского могильника (рис. 55, 1)²²³, средней длины (7 см) — из поселения Курган (рис. 55, 3) и малые (5,3 см) — из Лг, п. 10 и Ст. А, п. 729 (женское, игла найдена в изголовье). Бронзовые иглы в Волго-Камье появляются еще у ранних приказанских племен (на балымско-карташинском этапе)²²⁴. В начале эпохи раннего железа такие иглы, преимущественно бронзовые, были широко распространены в степной зоне²²⁵. Показательно их отсутствие или чрезвычайная редкость в лесной полосе, например у дьяковских племен²²⁶.

Шилья — были более универсальным инструментом. В материале раннеананьинских памятников известно более 100 металлических шил, в том числе 7 медно-бронзовых и более 90 железных.

Медные шилья (7 экз.) представлены тремя типами:

1 — небольшие иглоподобные шилья из круглого стержня (рис. 55, 4). Известно 2 экз., в том числе одно найдено вместе с железным шилом в Ст. А, п. 523, а другое — в Лг, п. 10 вместе с бронзовой иглой.

2 — также небольшие шилья с наибольшим расширением ближе к основанию, имеющему четырехгранное сечение с клиновидным завершением, а в рабочей части — круглое сечение (рис. 55, 5). Всего известно 4 экз., в том числе из Ст. А, п. п. 482, 600; Ак, п. 46/2; поселения Курган.

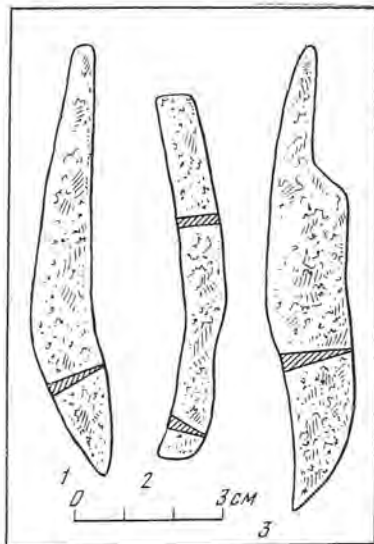

Рис. 54. Железные ножи уникальных форм раннеананьинского времени из Ст. Ахмыловского могильника

1 — погр. 433; 2 — находка 1966 г.; 3 — погр. 165

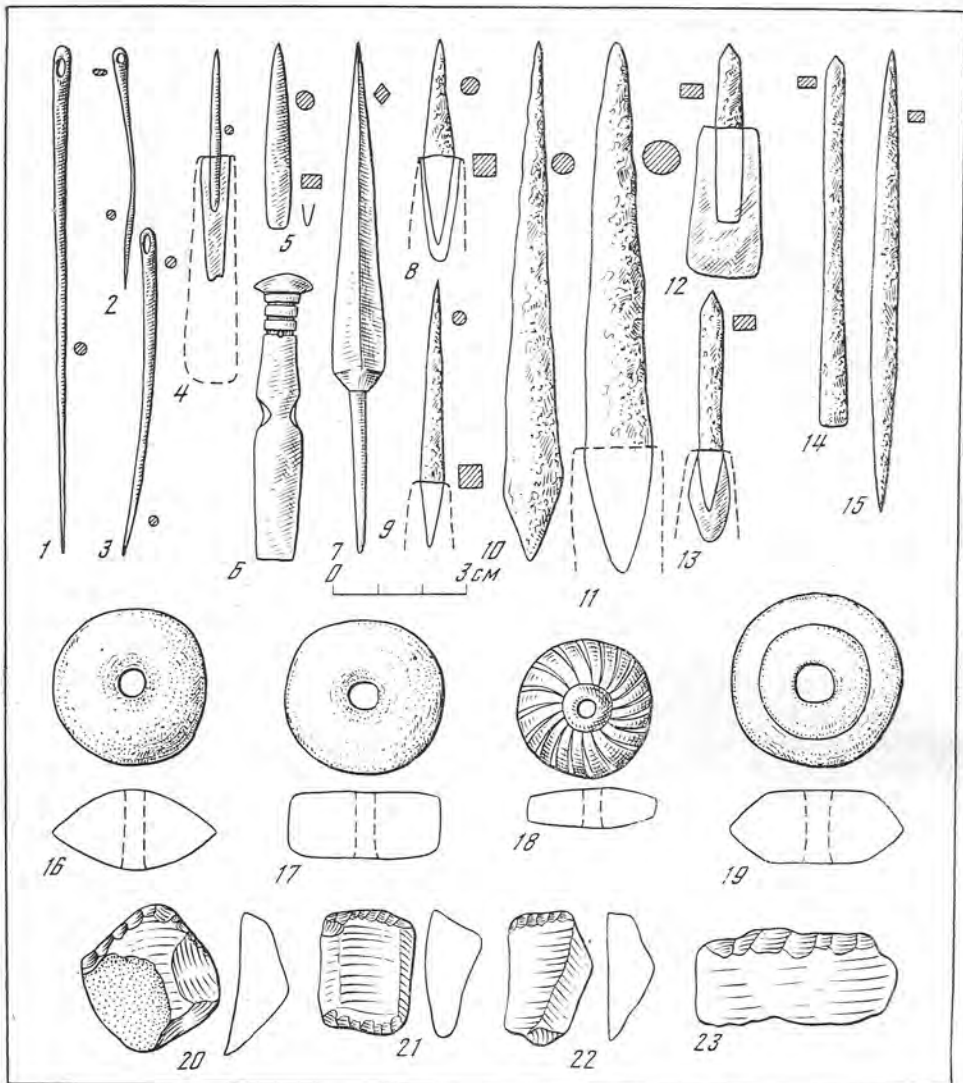

Рис. 55. Мелкие орудия труда из раннеананьинских типов

1—3 — иглы; 4—15 — шилья; 16—19 — пряслица; 20—22 — скребки; 23 — кремь от огнива
 1, 15 — Ананьинский могильник; 2, 4, 8—14, 16—23 — Ст. Ахмыловский могильник: погр.
 729, 523, 482, 114—2, 151, 428, 883, 741, 819, 362, 760, 822, 1966 г., 216, 256, 501, 188, 496; 3 —
 поселение Курган; 7 — Карасево
 1—7, 18 — бронза; 8—15 — железо; 16, 17, 19 — глина; 20—23 — кремь

Оба эти типа появляются в приказанской среде не позднее третьей четверти II тысячелетия до н. э. (на балымско-карташихинском этапе)²²⁷.

3 — из с. Карасево Козловского района Чувашской АССР вместе с аконинско-меларским кельтом типа IV 2Ba происходит четырехгранное шило с относительно коротким черешком, круглым в сечении (рис. 55, 7)²²⁸.

Железные шилья по сечению рабочей части подразделяются на 2 типа, внутри которых по величине выделяется 3 подтипа. Для всех них характерно два общих момента — все они имеют приостренные концы, из которых конец, насаживающийся на рукоять, более короткий, более массивный и почти всегда имеет четырехгранное сечение; почти все шилья насаживались на деревянную, реже на костяную, в одном случае на металлическую рукоять (рис. 55, 6).

I тип — шилья, рабочий конец которых имеет игольчатое завершение, округлое в сечении (рис. 55, 8—11). Всего выделено 22 экз., которые по величине стержня подразделяются на три подтипа.

IA — короткие шилья с длиной стержня не более 5 см (рис. 55, 8). Всего известно около 70 экз., в том числе 62 экз. из Ст. А (п. п. 114—2, 125, 131, 165, 170, 171, 180, 194, 198, 224, 252, 285, 290, 294, 320, 323, 336, 396, 397, 398, 357, 361, 377, 394, 494, 497, 429, 518, 534, 541, 580, 591, 621, 632, 663, 669, 683, 693, 696, 760, 761, 785, 840, 841, 859, 879, 884 и 14 экз. из разрушенных погребений), Ак (п. 37) Лг (п. 24), Нм (п. 4), Тт (пп. 130, 189), городище Ройский Шихан (1 экз.).

IB — шилья с длиной стержня до 10 см (рис. 55, 9). Известно 17 экз., в том числе: 11 — из Ст. А (п. п. 151, 184, 200, 203, 204, 301, 357, 531, 622, 653, 671), 2 — из Тт (пп. 45, 128), по одному — из Мл. Волосовского могильника (п. 1950 г.) и из городища Ройский Шихан.

IB — шилья с длинным и толстым стержнем в 10—15 см (рис. 58, 10, 11). Известно 5 экз., в том числе: 4 — Ст. А. (п. п. 332, 449, 428, 883) и 1 — из городища Ройский Шихан. Некоторые экземпляры настолько массивны (рис. 55, 11), что могли служить сверлами.

II тип — шилья, у которых рабочий конец скошен под тупым углом, а ниже идет стержень, прямоугольный в сечении (рис. 58, 13—15). Известно 11 экз., подразделяющиеся по длине стержня на 2 подтипа. Эти орудия скорее всего употреблялись для резьбы по дереву и кости, наподобие более поздних средневековых циркульных резцов²²⁹.

IIA — орудия с длиной стержня не более 5 см. Известно 6 экз., в том числе 4 — Ст. А (п. п. 523, 693, 741, 822—823), по одному — из Мл. Волосовского могильника (п. 9) и Тт (п. 28).

IIB — орудия с длиной стержня от 5 до 10 см. Известно 5 экз., в том числе: 4 — из Ст. А (п. п. 362, 445, 454, 455) и 1 — из Лг, п. 24.

Этот тип продолжает традиции так называемых чеканов, выявленных на ранних этапах приказанской культуры (материалы Балымской стоянки)²³⁰.

Основной тип шильев с круглым сечением рабочего конца и четырехгранным — насада имел широкое распространение в Восточной Европе. Такие железные шилья известны на дьяковских городищах²³¹, у скифов Подонья²³² и Поднепровья²³³, савромат²³⁴. В Сибири и Зауралье железные шилья появляются лишь во второй половине I тысячелетия до н. э., а бронзовые, бытовавшие до этого, имели почти всегда кольцевое или шляпковидное расширение со стороны рукоятки²³⁵.

Напрясла

От одного из наиболее необходимых для прядения инструментов — веретена сохранились в раннеананьинских памятниках глиняные (24 экз.), каменные (3 экз.) и бронзовые (2 экз.) *напрясла* или *пряслица*. В могильниках они найдены почти исключительно в женских погребениях. Все они имеют в плане характерную для маховиков округлую форму, но различаются по сечению (рис. 55, 16—19). На этой основе пряслица подразделяются на 4 типа.

Тип I — с линзевидным сечением, иногда приближающимся к шаровидному или эллипсоидному (рис. 55, 16). Всего известно 15 экз., в том числе: 7 — из Ст. А (п. п. 557, 600, 609, 622, 663, 760, кв. Б — 3, р. 1969 г.) по 2 — из Ак (п. п. 1 и 85) и городища Ройский Шихан, но 1 экз. из Копаньского, Васильсурского Ельниковского городищ. Все они имеют средние размеры (диаметры — 4—5 см, толщина — 1—1,8 см), изготовлены из глины.

Тип II — пряслица, имеющие в сечении прямоугольную или подпрямоугольную форму и приближающиеся в этом отношении к дисковидным — 6 экз., 2 из которых глиняные (Ст. А, п. п. 838, 822 — рис. 55, 17), 2 — каменные (поселение Курган), 2 — бронзовые (Ст. А, п. 425, р. 1966 г. кв. X — 7). Диаметр их — 4—5 см, толщина — 0,8—1,5 см (рис. 55, 18).

Тип III — пряслица глиняные, имеющие в сечении биконическую форму (рис. 55, 19), средних размеров (диаметр — 4—5,5 см, толщина — 1,3—1,8 см). Известно 6 экз., в том числе: 5 — из Ст. А (п. п. 216, 602, 745, р. 1966 г., р. 1967 г.) и 1 — из Ак (п. 21а).

Тип IV — пряслица из стенок лепных сосудов — 3 экз.: 2 — из поселения Курган и 1 — из Ак. (п. 85).

Описанные типы пряслиц в основном были характерны для лесостепной и лесной зон. Показательно, что все 4 типа известны в памятниках дяковской культуры²³⁶. Биконическая форма пряслиц, очевидно, была наиболее совершенной, так как она с начала эпохи раннего железа становится известной во многих археологических образованиях — у савромат²³⁷, скифов²³⁸ и сохраняется очень активно в средневековье²³⁹. В то же время раннеананьинские памятники не знают пряслиц с трапециевидным усеченно-коническим, блоковидным и грушевидным сечением, характерных для степеней Восточной Европы²⁴⁰, а также для Кавказа²⁴¹.

Скребки

Орудиями обработки кожи служили в начале эпохи раннего железа уже ножи, но все же на ранних порах сохранялись еще и кремневые *скребки*. Об этом свидетельствуют найденные экземпляры в погребениях почти всех широко исследованных раннеананьинских могильников и некоторых поселений. Это относительно небольшие кремни, обнаруженные преимущественно в женских погребениях, иногда по несколько экземпляров — Ст. А, п. 188 (4 экз.), п. 501 (2 экз.). По характеру расположения лезвия, почти всегда оформленного ретушью, выделяется четыре типа скребков:

I тип — концевые, подтреугольной, подчетыреугольной (рис. 55, 22) или округлой формы с коротким лезвием. Всего известно 24 экз., в том числе

из Ст. А. (пп. 188—3 экз.), Ак (7 экз.), Мр (п. 5), городищ Ройский Шихан (11 экз.) и Васильсурское (2 экз.).

2 тип — дублированный скребок с двойным концевым лезвием (рис. 55, 21; Ст. А, п. 501).

3 тип — скребки с боковым лезвием (Ст. А, п. 63 и 501).

4 тип — скребки с боковыми лезвиями по сторонам прямого угла (рис. 58, 20; Ст. А, п. 256, Тт, п. 134).

Огнива

Вообще следует заметить, что кремль (осколки, обломки, часто со следами ретуши) встречается очень часто в погребениях, например в могилах Ст. А их более 300. Но большинство из них имеет бесформенный характер (рис. 58, 23), кремни служили в качестве кремней древних *огнив*. Остатки *огнив* довольно многочисленны — они состоят из кремня, окиси железа или обломка железного предмета (иногда этот обломок ножа) и желтого пятна-тлена от трута. Нередко встречаются следы деревянной коробки (10 × 14, 10 × 16, 12 × 6, 12 × 8, 10 × 13 см). Весьма любопытно, что в большинстве случаев эти комплексы располагаются или в изголовье (см. Ст. А, п. п. 119, 125, 135, 139, 188, 220, 222, 223 и т. п.), или в ногах (см. Ст. А, п. п. 121, 124, 138, 140, 141 и т. п.) погребенных. Причем это положение не зависело от пола и имущественного состояния умершего. В Ст. Ахмыловском могильнике наблюдалось более 280 комплексов *огнива*, в I Новомордовском — 3 (п. п. 3, 7, 22), в Тетюшском — 3 (п. п. 25, 28, 38), в Мл. Волосовском — 1 (п. 9).

Помещение в могилу *огнива*, очевидно, было не случайным явлением. Так, в могилы саков²¹², савроматов²¹³ и других кочевников также *огнива*, т. е. приборы для добывания огня, клались для «освещения» и «обогревания» могилы. А может быть, они были нужны, чтобы отправиться в страну мрака, где по предположению многих финно-угорских народов располагался загробный мир (см. предыдущую главу).

Лопаточки-тупики

В п. 7 I Новомордовского могильника была найдена костяная лопаточка с подтрапещиевидной рабочей частью со скошенным краем и короткой рукояткой с отверстием (рис. 56, 2). Такие лопаточки, по мнению А. М. Тальгрена²⁴⁴ служившие в качестве тупиков для обработки кожи, известны и из других раннеананьинских памятников. По форме рукоятки они подразделяются на 2 типа.

1 тип — лопаточки с широкой рабочей плоскостью и плоской рукояткой с отверстием (рис. 56, 1—2). Известно 4 экз. — Нм, п. 7, Сорочьегорское городище — (2 экз.)²⁴⁵ и городище Копани (материалы раскопок В. С. Патрушева 1972 г.).

2 тип — орудия с относительно узкой лопаточкой подтреугольной или подтрапещиевидной формы и с трубчатой рукояткой (рис. 56, 3). Известно 5 экз., в том числе: 1 — из Сорочьегорского городища²⁴⁶ и по 2 — из городищ Казанка I²⁴⁷ и Одоевское на Ветлуге²⁴⁸.

Следует отметить, что в соседних синхронных культурах (дьяковской, у скифов и савроматов и т. п.) такого типа орудия неизвестны.

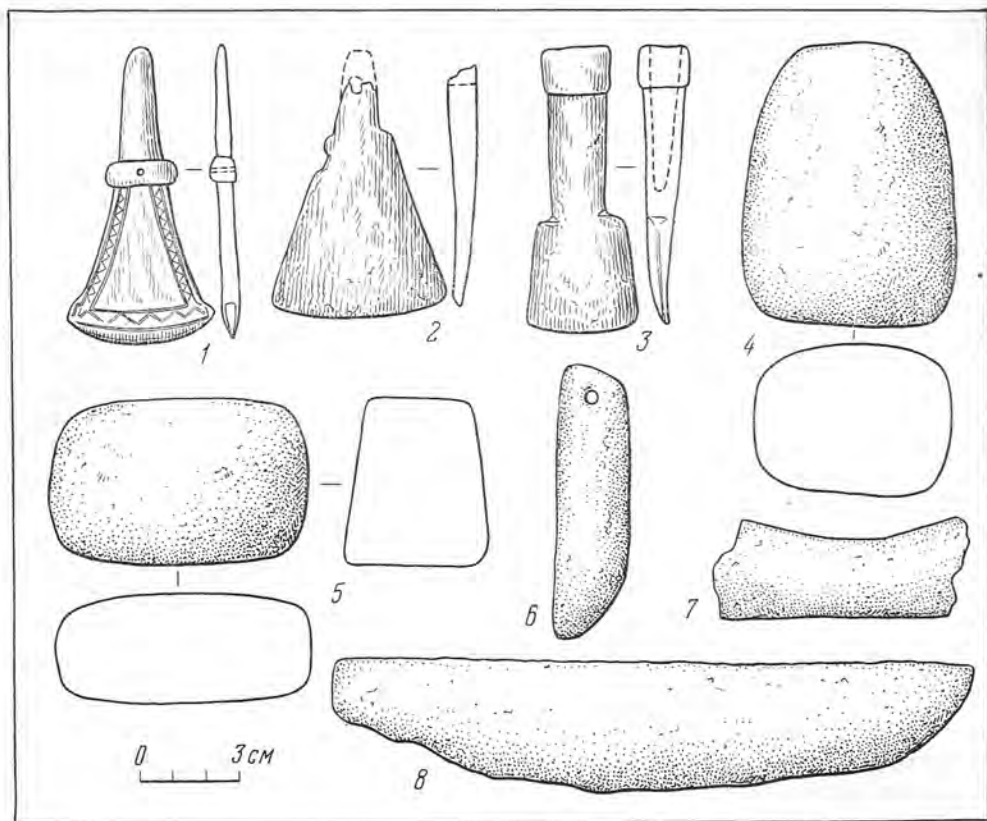

Рис. 56. Костяные тупики (1—3), каменные терочки (3—8) из раннеананьинских памятников

1 — городище Сорочьи горы; 2 — I Новомордовский могильник, погр. 7; 3 — городище Казанка I; 4—8 — Ст. Ахмыловский могильник, погр. 468, 475, 126, 276, 482

Терочные камни

В погребениях ряда раннеананьинских могильников обнаружены *терочные* камни иногда вместе с растиральными плитами. Последние имеют или овальную (10,7 × 17 × 4 см, Ст. А; п. п. 468, 471, 475, 482 — рис. 56, 8), или округлую (10,2 × 9,6 × 3,2 см; Ст. А, п. п. 126, 230) форму. Растиральные камни по форме подразделяются на три типа:

I тип — полукруглые плоские камни с неширокой прямоугольной растиральной площадкой (рис. 56, 5). Встречены в Ст. А (п. п. 126, 230, 475, 609, 670, 689, 766). Ак. (п. 83), Нм (р. 6). В Ст. А. п. п. 126, 230, 475 вместе с терочниками найдены и растиральные плиты овальной (п. 475, 17 × 10,7 см) или округлой (п. 126, 230, 9 × 10, 11 × 9 см) формы.

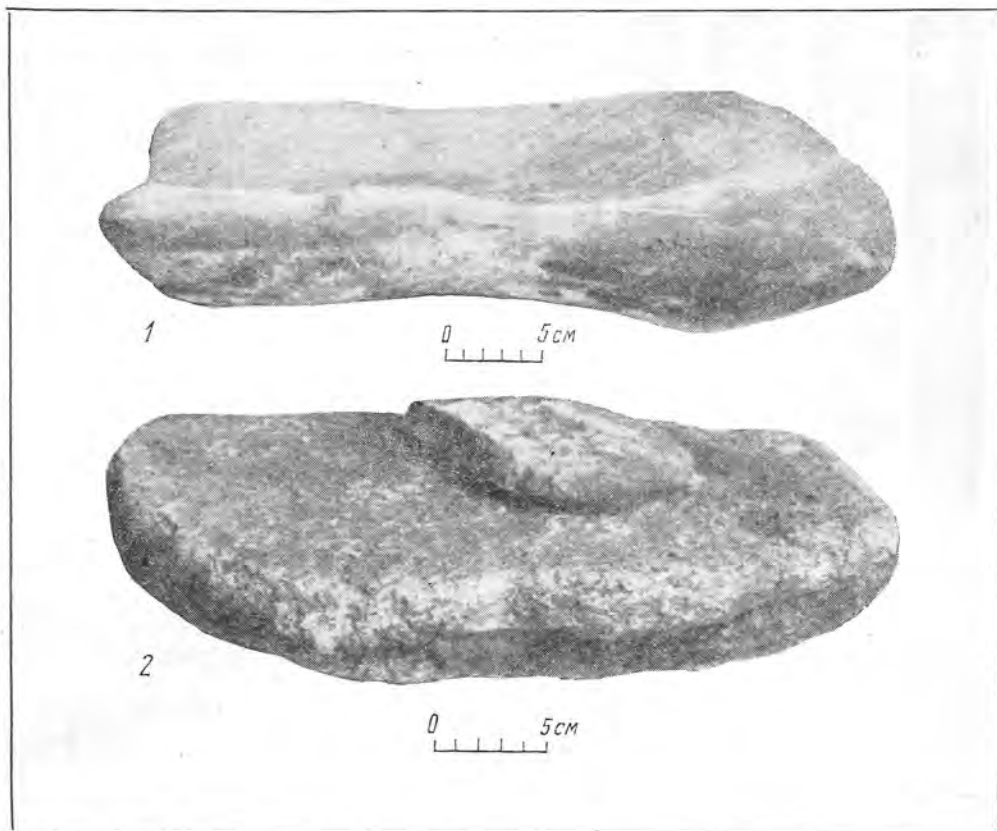

Рис. 57. Зернотерочные плиты из раннеананьинских поселений
1 — городище Гремячий ключ; 2 — поселение Курган

2 тип — усеченно-конические высокие камни ($8,5 \times 5 \times 3,5$ см) с округлой растиральной частью (рис. 59, 4, 8). Встречены в Ст. А (п. п. 161, 435, 435—2, 468, 471, 482, 518, 554), Ак (п. 71, 81, 90) иногда вместе с растиральными плитами овальной формы (рис. 56, 8; Ст. А, п. п. 468, 471, 482).

3 тип — небольшой терочник ($7 \times 5 \times 3$ см) усеченно-биконической формы из Ст. А, п. 471.

На Гремячеключинском, Сорочьегорском городищах, в поселении Курган найдены большие каменные зернотерочные плиты (рис. 57) вытянуто-подчертыреугольной формы ($36\text{--}45 \times 18\text{--}20 \times 7\text{--}9$ см) с лоткообразным углублением по продольной середине. Аналогичные плиты появляются еще в приказанских поселениях. В частности, очень близкие формы обнаружены на Мало-Кокузинской, Атабаевской и других стоянках приказанской культуры, начиная с атабаевского этапа²⁴⁹. Такие зернотерочные плиты в Волго-Камье затем существуют вплоть до начала эпохи раннего средневековья, когда они заменяются жерновами.

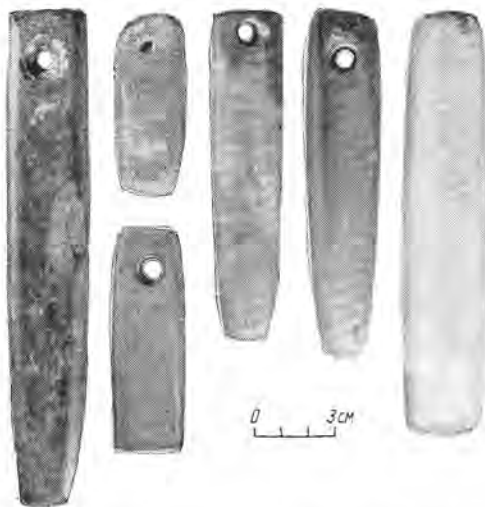

Рис. 58. «Оселки» из Ст. Ахмыловского могильника

Значительный интерес представляют точильные камни и так называемые «оселки». В Ст. А, п. п. 126, 2266, 276, 358, 433 встречены точильные камни в виде или плоской сланцевой пластины (рис. 56, 6) или бруска (рис. 56, 7) с довольно значительными следами сработанности от точки на этих камнях, очевидно, железных клинков прежде всего ножей.

Наряду с этим во многих раннеананьинских могильниках — см. Ст. Ахмыловский (65 экз.), Акозинский (7 экз.), Тетюшский (2 экз.), I Новомордовский (4 экз.), Ананьинский (4 экз.), Пусто-Морквашинский (1 экз.) — обнаружены так называемые оселковидные подвески в виде прямоугольных или округлых в сечении каменных стержней

длиной 10—20 см почти всегда с отверстием на одном конце (рис. 58). Характерно полное отсутствие этих предметов в поселениях. Их нет в позднеприказанских могильниках²⁵⁰, так же как и в позднеананьинских (например, в Зуевском)²⁵¹ и в могильниках послеананьинского времени, например в пьяноборских²⁵². Еще ряд интересных особенностей характерен для этих предметов. Они изготовлены из разнообразных пород камня, как твердых — кварцит, сланец, мрамор, так и очень мягких — песчаники разных видов, известняк, доломит и даже мел. Большинство их в силу мягкости материала никак не могло употребляться в качестве оселков-точил. Да и ни один из них не имеет следов заточки.

Поэтому мы считаем, что прав М. П. Грязнов, отрицавший назначение этих предметов как оселков-точил. Но нельзя согласиться и с его предположением о ритуально-культовом назначении оселков²⁵³. Мне думается, что они выполняли более утилитарные функции — были своеобразными подвесными «запорами» пояса. В ряде случаев такие «запоры» были металлическими. Показательно, что употребление оселков прекращается тогда, когда входят в костюм пояса с крючками-застежками (см. материалы Зуевского и большей частью Ананьинского могильников).

ОРУЖИЕ

Оружие довольно обильно представлено в раннеананьинских памятниках, особенно могильниках, что свидетельствует о напряженной эпохе начальных веков периода раннего железа не только в степной, но и лесостепной полосе Восточной Европы. Выделяются категории оружия: мечи и кинжалы; боевые топоры и секиры; наконечники копий; луки и стрелы; защитные приспособления.

Мечи и кинжалы представлены 80 экз., найденными или в раннеананьинских комплексах (67 экз.), или же имеющие характерные для раннеананьинского времени признаки. Классификация этих предметов вызывает определенные затруднения, так как не существует единой системы типологии мечей и кинжалов ранней поры эпохи железа. Так, еще В. Гинтерс в основу классификации скифо-савроматских мечей положил характер и форму навершия, справедливо отметив, что древнейшие типы скифских мечей имеют брусковидное навершие²⁵⁴. Эта типология была воспринята А. И. Мелюковой²⁵⁵ для скифских мечей и кинжалов и К. Ф. Смирновым²⁵⁶ для савроматских, положивших в основу выделения наиболее крупных групп характер и форму навершия, а в основу выделения подразделений (типов) этих групп — форму перекрестия. Н. Л. Членова при проведении ею детальной типологии сибирских (тагарских) кинжалов, наоборот, считает ведущим признаком форму перекрестия²⁵⁷. Мне думается, что еще более главным, определяющим являются форма и характер основной части оружия, т. е. лезвия или клинка. В наших материалах на этой основе выделяются три категории мечей и кинжалов: I — двулезвийные мечи и кинжалы (55 экз.), II — однолезвийные мечи и кинжалы (18 экз.), III — шпаговидные кинжалы или стилеты (7 экз.).

Внутри категорий, обозначенных римскими цифрами, выделяются типы. Чтобы не нарушать принятую для восточноевропейского оружия типологию, в качестве определяющего признака принята форма навершия, хотя я считаю, что типология Н. Л. Членовой по форме и характеру перекрестия является более правильной. Нумерация типов дается арабскими цифрами. Внутри типов по форме перекрестия выделяются виды, обозначенные заглавными буквами русского алфавита, внутри видов по характеру оформления рукоятки — разновидности, обозначенные строчными буквами русского алфавита.

Двулезвийные мечи и кинжалы. В этой категории выделяются четыре основных типа: 1 — кинжалы и мечи с грибовидным или округлым навершием; 2 — кинжалы и мечи с брусковидным или валикообразным навершием; 3 — кинжалы и мечи с раздвоенным (антеновидным) навершием; 4 — кинжалы и мечи без навершия.

Первый тип в свою очередь подразделяется по характеру оформления перекрестия на ряд подтипов или видов.

I, 1А — кинжалы и мечи с приостренно-опущенным по концам перекрестием (рис. 59, 1, 2). Известно лишь 2 изображения на стелах № 3 и 6 I Новомордовского могильника. Одно изображение кинжала длиной 25 см, другое — 22,5 см. Перекрестия гладкие, без характерного выступа по середине, что, по мнению Н. Л. Членовой, является признаком относительной древности, так же как и опущенно-приостренные концы, напоминающие архаичные карасукско-тагарские «шпицы»²⁵⁸.

Первоначально я пытался сопоставить эти изображения с бронзовым кинжалом из Котловского могильника (рис. 60, 1)²⁵⁹. Однако у последнего перекрестие имеет форму крыльев и в этом отношении приближается к относительно поздним кинжалам с бабочковидным перекрестием. Описываемый же вид кинжалов имеет более архаичный облик.

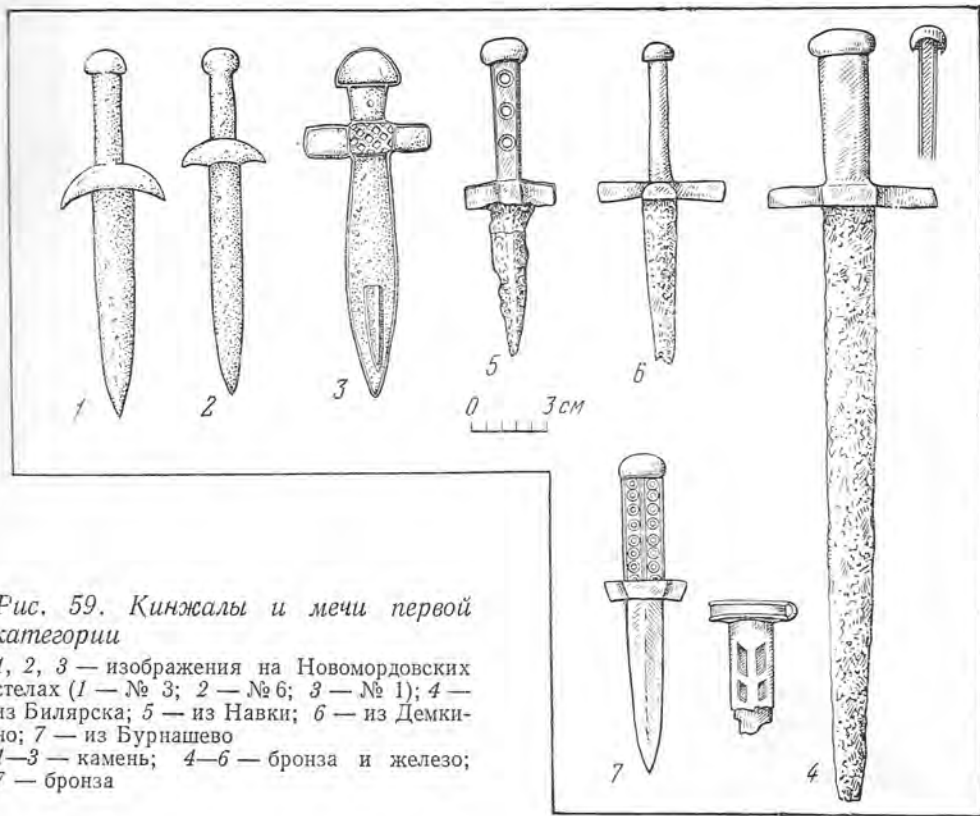

Рис. 59. Кинжалы и мечи первой категории

1, 2, 3 — изображения на Новомордовских стелах (1 — № 3; 2 — № 6; 3 — № 1); 4 — из Билярска; 5 — из Навки; 6 — из Демкино; 7 — из Бурнашево
1—3 — камень; 4—6 — бронза и железо; 7 — бронза

1, 1Б — кинжалы и мечи с грибовидным навершием и прямым перекрестием, в середине которого располагается трапециевидный выступ (рис. 59, 3—7).

Наиболее ярким представителем этого вида является короткий меч из Билярска с бронзовой рукояткой, надетой на железный клинок (рис. 59, 4) ²⁶⁰. Рукоятка имеет округлое грибовидное навершие и прямое перекрестие с расширенным трапециевидным выступом в середине. Клинок плоский, узкоромбический в сечении с параллельными краями лезвий. Общая длина меча около 55 см при длине клинка 43 см. Примерно такие же размеры, очевидно, имели обломок меча из Демкино у Вольска на Волге ²⁶¹ с длиной рукоятки около 12 см (рис. 59, 6) и обломок верхней части меча с бронзовой рукояткой длиной также около 12 см (рис. 59, 5) из с. Навки бывш. Ломовского уезда Пензенской губернии ²⁶². Однако последний имеет на рукоятке три сквозных круглых отверстия, что сближает его с кинжалами типа I, 2А.

К последнему кинжалу в известной мере близок бронзовый кинжал из окрестностей дер. Татарское Бурнашево в устье Свяги, найденный вместе с бронзовой обкладкой ножен (рис. 59, 7). Кинжал имеет короткий двухлезвийный клинок (длина — 14,5 см) с прямым коротким перекрестием с трапецие-

видным выступом от массивной рукоятки, завершенной полушарным навершием (длина рукоятки — 8,5 см). Плоская поверхность рукоятки обрамлена тремя вертикальными полосками, между которыми в два вертикальных ряда располагаются по 7,5 кружка. Клинок кинжала в упор был введен в бронзовую обкладку ножен, состоящего из крестообразного приемника, край перекрестия которого завершен полукруглым выступом (рис. 59, 7). На поверхности приемника имеется четыре прорези. Весь набор кинжала в достаточной степени оригинален и прямых аналогий не имеет. Остатки поселения, где обнаружен описанный предмет, содержали приказанскую и раннеананьинскую керамику, а также другие раннеананьинские предметы — бронзовый наконечник дротика, медную гривну.

К типу I, 1Б, очевидно, следует отнести и изображенный на первой стеле I Ново-мордовского могильника кинжал длиной 24 см (рис. 59, 3). Вероятно, он также был введен в ножны, вертикальный выступ от которого обозначен в нижней части клинка. Весьма любопытно, что вместе с ним на этой же стеле изображена боевая секира²⁶³, ближайшей аналогией которой является бронзовая секира из Билярска²⁶⁴ (см. ниже, стр. 181). Учитывая это обстоятельство, мы можем синхронизировать найденные у Билярска меч и секиру и полагать вполне возможным их происхождение из одного комплекса. Билярская и ново-мордовская секиры на щечниках имеют характерную четырехлучевую звездочку, аналогичную изображениям известных кобанских бляшек, бытовавших в VIII—VII вв. до н. э.²⁶⁵ Очень сходно оформление этих секир с оформлением боевой секиры VIII—VII вв. до н. э. из п. 50 могильника у хутора Кубанский²⁶⁶ и из могильника на территории мебельной фабрики Кисловодска²⁶⁷. Опираясь на эти аналогии, следует отнести период существования кинжалов и мечей с грибовидным навершием и прямым перекрестием к VIII—VII вв. до н. э. Эта дата подтверждается при сопоставлении наших находок с подобными мечами из других районов Евразии.

Близкая копия такого меча известна в случайных находках из Среднего Поднепровья²⁶⁸. Его размеры (общая длина — 58 см и длина клинка — 45,4 см) вполне сопоставимы с размерами билярского меча. А. И. Тереножкин, датируя среднеднепровский меч временем не позже VIII в. до н. э., полагает возможным искать его исходные формы в позднекарасукских и раннетагарских (майэмирских) древностях Сибири²⁶⁹. Действительно, довольно близкие аналогии описываемым мечам имеются в случайных находках Минусинской котловины²⁷⁰ и Алтая²⁷¹. Однако мне думается, что более права Н. Л. Членова, полагающая, что кинжалы и мечи восточноевропейской группы восходят не к сибирским прототипам, «а к каким-то кинжалам типа кобанских и от них — к кинжалам Ближнего Востока»²⁷². Действительно ближайшие аналогии нашим кинжалам и мечам имеются прежде всего на Северном Кавказе.

Е. И. Крупнов приводит целый список находок кинжалов с железным клинком и бронзовой рукояткой, завершенной шляпковидным округлым навершием, выделяя их «в сугубо местный — кабардино-пятигорский» тип²⁷³. Всего на Северном Кавказе известно до 10 подобных находок — из грунтового погребения Каменноостского могильника²⁷⁴; из сел Кескем, Хабаз, Баксан, каменного ящика Березовского могильника, могильника на территории мебельной фабрики Кисловодска, в виде случайной находки на территории Каменноостского могильника²⁷⁵; из п. 83 Николаевского могильника у с.

Красногвардейское из раскопок Н. В. Анфимова²⁷⁶, а также из Сержень-Юртского могильника (см. п. 26, 44, 70). Почти во всех определенных случаях северокавказские находки датируются VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Широкое распространение мечей-кинжалов типа I, 1Б на обширной территории Евразии от Алтая на востоке и до Центральной Европы²⁷⁷ на западе заставляет отказаться от поисков исходных центров производства этого оружия. Едва ли его можно называть кабардино-пятигорским типом, так же как нельзя назвать его майэмирским. Правда, А. И. Тереножкин считает, что «центр их распространения находился в Северном Причерноморье»²⁷⁸, т. е. в зоне обитания киммерийских племен, что, возможно, и верно для кинжалов VIII—VII вв. до н. э.

К несколько более позднему времени, по крайней мере ко времени не ранее VII в. до н. э., очевидно, относятся кинжалы и короткие мечи с грибовидным навершием и почковидным (тип I, 1В, рис. 60, 2) или крыловидным (рис. 60, 1) перекрестием. Первый, целиком железный, происходит из п. 250 Ст. А: общая его длина — 38 см, длина двулезвийного клинка, плоскоромбического в сечении, — 25 см. В погребении найден вместе с железным наконечником копья типа I, 3Ба, датированного VII—VI вв. до н. э. (см. ниже, стр. 192). В Сибири кинжалы с сердцевидным и почковидным перекрестием появляются не раньше середины VI в. до н. э.²⁷⁹ VI в. до н. э. датируются и наиболее ранние савроматские²⁸⁰ и скифские кинжалы и короткие мечи, имеющие почковидное перекрестие. За относительно поздний возраст этого кинжала говорит и изготовление его из одного куска железа.

К VI в. до н. э., очевидно, следует отнести бронзовый кинжал из Котловского могильника (рис. 60, 1) с грибовидным навершием, имеющим четверть-круглые прорезы, прямым держак, также с прорезями и перекрестием в виде слегка опущенных крыльев. Общая длина кинжала — 27 см, длина суживающегося к концу клинка — 14,5 см. Этот кинжал найден в могиле № 1 Котловского могильника вместе с ананьинским шестигранным кельтом²⁸¹ типа II, 3Ж, дата которого не может быть раньше VI в. до н. э. В Средней Азии²⁸² и Северном Причерноморье²⁸³ близкого типа бронзовые кинжалы с грибовидным навершием также датируются VI в. до н. э.

Кинжалы и мечи типа I, 1Е имеют грибовидное или округлое навершие, переходящее в плоский или круглый в сечении держак, который скошенными плечиками переходит в вытянутый двулезвийный клинок (рис. 60, 3—6). Два кинжала из Ст. А (пп. 31 и 273) близки между собой как по форме, так и по размерам: их длина — 35,5—36 см (рис. 60, 3, 4). На клинке кинжала из п. 273 сохранились следы деревянных ножен. В п. 31 кинжал найден в комплексе с железным наконечником копья и бронзовым ананьинским кельтом, шестигранным в сечении, типа II, 2Е, датированных VI в. до н. э. Кинжал из п. II Полянского могильника (рис. 60, 5) всем комплексом могильника датируется VIII — началом VII в. до н. э.²⁸⁴ В целом кинжалы типа I, 1Е свидетельствуют о спорадическом сохранении в Среднем Поволжье кинжалов с грибовидными навершиями до VII—VI вв. до н. э.

Несколько отличную форму от этого типа имеет железный кинжал-меч, найденный в 1971 г. около распаханных курганов у с. Каргалеяка Шемьшейского района Пензенской области²⁸⁵. Он имеет общую длину 47,5 см, грибовидное навершие, почти прямой держак, переходящий в сильно скошенные

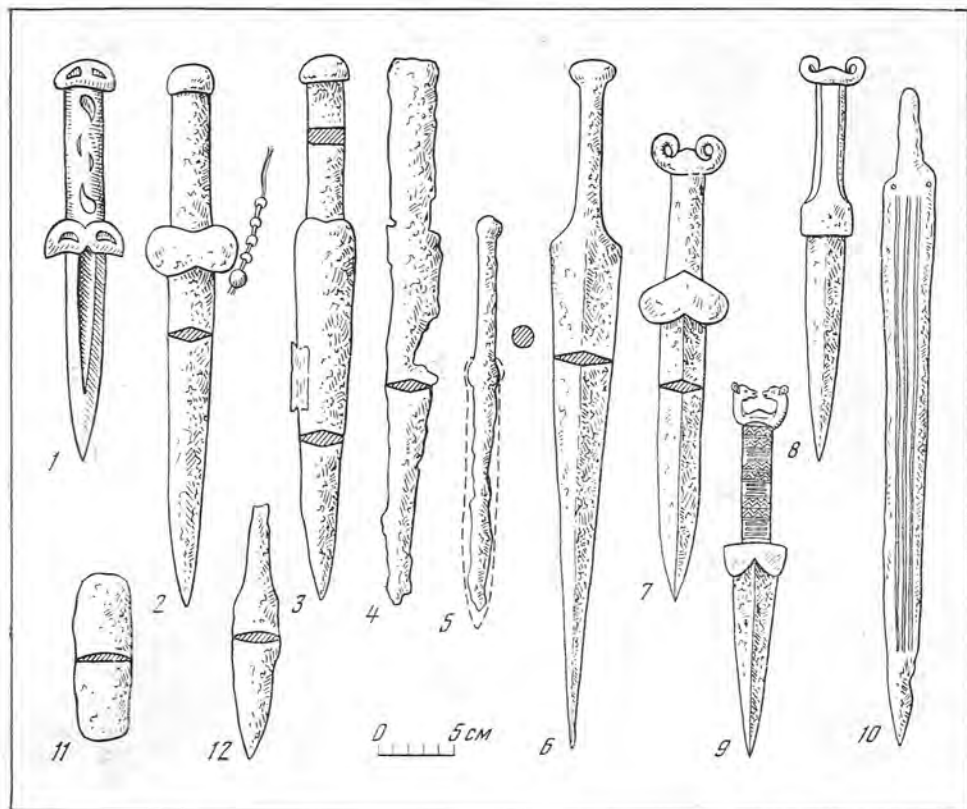

Рис. 60. Кинжалы и мечи первой категории

1 — Котловский могильник; 2 — 4 — Ст. Ахмытовский могильник; 2 — погр. 250; 3 — погр. 273; 4 — погр. 31; 5 — II Полянский, погр. 3; 6 — с. Каргалейка; 7, 8 — Ананьинский могильник; 7 — НМФ, 1400: 481; 8 — НМФ, 1400: 478; 9, 11, 12 — Акозинский могильник; 9 — погр. 98; 11 — раскоп 1958 г.; 12 — погр. 31; 10 — городище Ройский Шихан
1 — бронза; 2 — 8, 10—12 — железо; 9 — железо и бронза

плечики верхней части двулезвийного клинка, уплощенно-ромбического в сечении (рис. 60, 6). По форме он напоминает бронзовые кинжалы, широко распространенные в Закавказье и Передней Азии в 1500—800 гг. до н. э.²⁸⁶ Железные же кинжалы, близкие к нашему, найдены в Кармир-Блуре вместе со стрелами раннескифского типа²⁸⁷, в комплексах VII—VI вв. до н. э. могильника Брили в Западной Грузии²⁸⁸, в погребении 5 Куланурхвского могильника в Абхазии вместе с раннескифскими наконечниками стрел VII—VI вв. до н. э.²⁸⁹ В степных районах Евразии такие кинжалы неизвестны, поэтому его появление в Среднем Поволжье следует рассматривать как результат связей с Закавказьем.

1, 2А — кинжалы и мечи с брусковидным или валикообразным навершием открывают преимущественно биметаллические кинжалы, имеющие прямое пе-

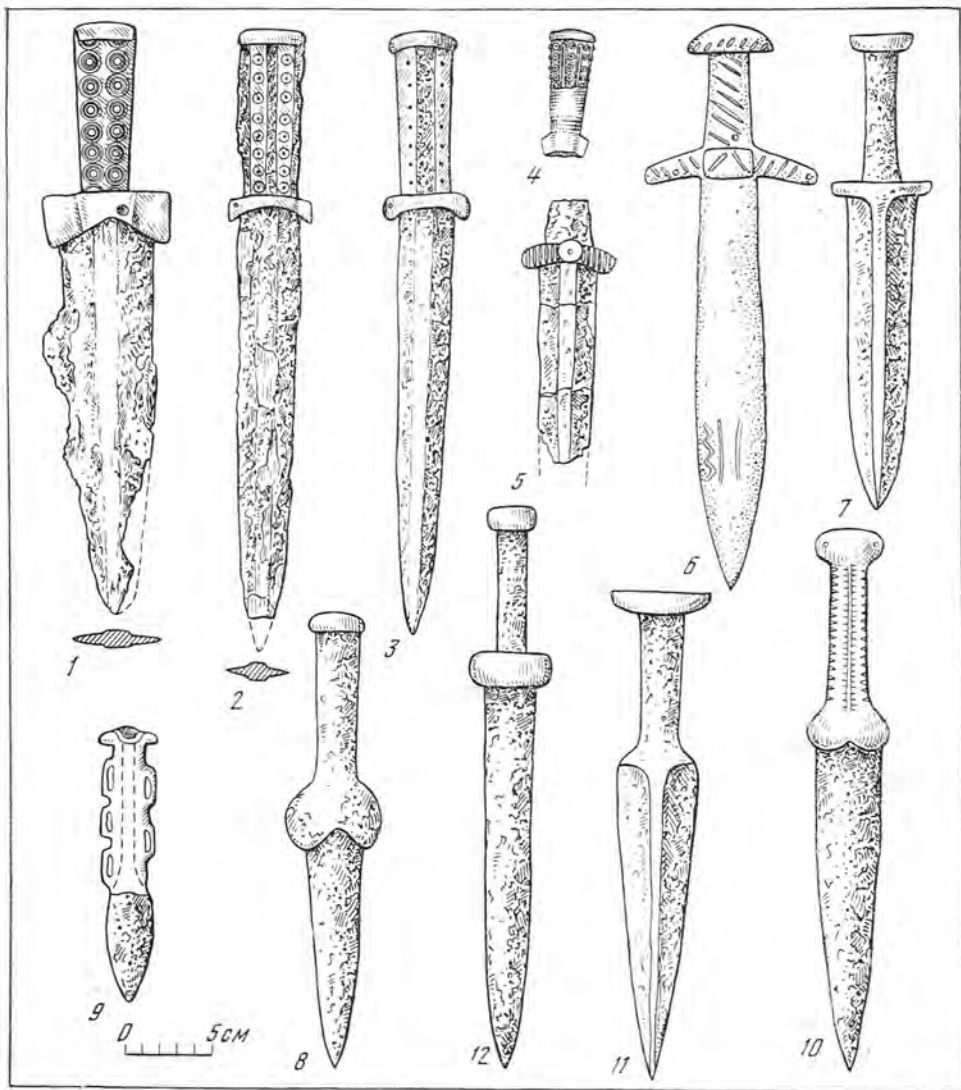

Рис. 61. Мечи и кинжалы из раннеананьевских памятников

1-3, 5, 7, 10-12 — Ст. Ахмыловский могильник: 1 — погр. 55; 2 — погр. 26; 3 — погр. 76; 5 — погр. 226а; 7 — погр. 383; 10 — погр. 704; 11 — погр. 711; 4 — Ананьевский могильник; 6 — изображение на стеле № 4 I Новомордовского могильника; 8 — Танеевский могильник; 9 — Аозинский могильник, погр. 86
1-5, 9, 10 — железо и бронза; 6 — камень; 7, 8, 11, 12 — железо

рекрестие с опущенными концами и выпуклое ребро по продольной оси двухлезвийного клинка (рис. 61, 1—6). Характерно наличие на перекрестии этого оружия, даже на изображениях подобных на стелах Ново-Мордовского могильника (рис. 61, 6), сквозных отверстий, служивших для подвязывания кинжала ремешком к запястью воина²⁹⁰. Это свидетельствует о держании мечей и кинжалов типа I, 2А так называемым итальянским способом²⁹¹, когда воин охватывал ручку тремя пальцами — средним, безымянным и мизинцем, а большим и указательными пальцами упирался на крылья перекрестия (рис. 62, 1). Вероятно, приспособленным для этого делали и перекрестие, уплощенное по концам и с подтрапцевидным выступом по середине (рис. 61, 1). Оформлением рукоятки (держака) выделяются три разновидности.

Кинжалы, входящие в первую разновидность, обнаружены в п. 55 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 61, 1) и в Анаьинском могильнике (рис. 61, 4). Целиком бронзовые рукоятки этих кинжалов покрыты по вертикали выпуклым циркульным орнаментом.

На Анаьинской дюне найдена бронзовая рукоятка кинжала, лезвие которого, судя по остаткам железа в основании рукоятки, было железное (рис. 61, 5). Рукоятка двусоставная. В нижнюю часть с коротким перекрестием, имеющим опущенные края, введена верхняя часть, завершенная узким уплощенным навершием. Вся поверхность этой части рукоятки орнаментирована вертикальными парными линиями и мелкими кружками. Общая длина рукоятки 7 см.

Кинжал из Ст. Ахмыловского могильника (п. 55) массивен и состоит из широкого железного двулезвийного клинка, по середине продольной оси которого проходит выпуклое ребро, и бронзовой рукоятки, завершенной плоским почти прямоугольным навершием. Перекрестие рукоятки имеет опущенные края, прямой верх и трапцевидное расширение. Плоскость рукоятки с обеих сторон орнаментирована двумя вертикальными рядами из 6 целых и 2 половинок кружков со сквозным центром. Общая длина кинжала — 33,5 см, длина рукоятки без перекрестия — 9,5 см, ширина перекрестия — 1,5—3 см, длина клинка — 22,5 см. Кинжал по сопутствующим находкам (бронзовый наконечник копья типа II, анаьинские кельты типа I, 2В) может быть датирован второй половиной VIII в. или рубежом VIII—VII вв. до н. э.

Близкого типа кинжалы известны из районов Северного Кавказа — Березовка под Кисловодском²⁹², Змейский могильник²⁹³, с. Благодатное, хутор Кубанский и ст. Абадзехская²⁹⁴. Почти аналогичная ахмыловскому кинжалу находка происходит из кургана у с. Яхавхега близ г. Печь в Венгрии²⁹⁵, где она найдена вместе с удилами и псалями²⁹⁶, датированными А. А. Исесеном первой половиной VII в. до н. э.²⁹⁷

То, что кинжалы описанного подтипа развиваются на основе биметаллических коротких мечей с прямоугольным перекрестием, прекрасно свидетельствуют находки переходных форм описанных выше кинжалов из с. Навки бывш. Пензенской губ. (рис. 59, 5) и цельнобронзового кинжала из Бурнашева Татарской АССР (рис. 59, 7).

У обоих кинжалов перекрестие прямое, а навершие-грибовидное. Но по узкой рукоятке в один ряд по вертикали идут концентрические круги. По форме они еще близки к первому типу кинжалов-мечей, а по оформлению рукоятки — к кинжалам первой группы второго типа.

Вторая разновидность кинжалов типа I, 2А отличается от кинжалов первой более сложной биметаллической рукояткой, состоящей из бронзовой основы, в которую через перекрестие введен железный черенок. Шляпка навершия более уплощена, а перекрестие узкое. На бронзовых полосках рукоятей некоторых кинжалов заметны следы вертикальных рядов концентрических окружностей (рис. 59, 2, 3). Средняя длина кинжалов — 32—35 см, длина рукоятки без перекрестия — 8,9 см, длина клинка — 22,5—24 см. Эта группа кинжалов на Средней Волге представлена 4 кинжалами из Ст. Ахмыловского (пп. 26, 36, 67, 124), 1 — из II Полянского (п. 1) могильников. Все они по сопутствующим им комплексам в основном датируются VII в. до н. э.²⁹⁸

Три близких по форме и способу изготовления рукоятки кинжала известны на Северном Кавказе — из курганного погребения Каменноостского могильника²⁹⁹, из Кисловодска³⁰⁰, и каменного ящика, вскрытого Н. М. Егоровым в 1946 г. на Березовском могильнике³⁰¹.

К третьей разновидности, имевшей орнаментированные и несколько более опущенные перекрестия, относятся два изображения кинжалов на стелах № 2 и 4 Ново-Мордовского могильника (рис. 61, 6) и обломок кинжала (рис. 61, 5) из п. 226а Ст. Ахмыловского могильника. По материалам первого могильника они датируются VII в. до н. э.³⁰². Несколько оттянутые книзу концы перекрестия свидетельствуют об известной архаике этих кинжалов³⁰³.

Тип I, 2Б включает в себя немногочисленные кинжалы с прямым брусковидным или скошенным вверх по краям навершием и прямым коротким брусковидным навершием (рис. 61, 7, 12). Один такой кинжал длиной 33 см происходит из Ананьинского могильника (коллекции НМФ, 1400 : 476; рис. 61, 12), другой из п. 383 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 61, 7). Последний, имея общую длину 28 см, снабжен двулезвийным клинком шириной 4 см, по продольной оси которого проходит выпуклое ребро (нервиур). Кинжал цельножелезный, происходит из комплекса (бронзовые удила со стремечковидными концами, двухлопастный втульчатый наконечник стрелы с боковым шипом, бляшка с четырехлепестковой розеткой), который датирует его VII в. до н. э. Изображение близкого типа меча с прямым навершием и прямым перекрестием имеется на бронзовой статуэтке из Луристана, датированной 900—700 гг. до н. э.³⁰⁴

Эти кинжалы и мечи показывают, что в Среднем Поволжье и Прикамье, так же как и в других районах Восточной Европы³⁰⁵, в предскифское время шел в основном процесс развития кинжалов и мечей с прямым перекрестием. Но он был прерван на рубеже VII—VI вв. до н. э. скифским внедрением, принесшим идею мечей и кинжалов с сердцевидным перекрестием. Способ держания мечей и кинжалов с таким перекрестием отличается от описанного выше и приобретает, как отмечают Й. Хаскинс и Н. Л. Членова, «классический» характер³⁰⁶, когда рукоятка зажимается в кулаке, причем большой палец находится или у перекрестия (рис. 62, 2), или у навершия (рис. 62, 3), что зависело от того, какой удар наносился — нижний или верхний. Однако на первых порах существовали и переходные формы, что мы уже видели при рассмотрении кинжалов и мечей типа I, 1.

К числу таких переходных форм можно отнести биметаллический кинжал из п. № 704 Ст. Ахмыловского могильника, имеющий бронзовую рукоятку с полуовальным навершием с отверстиями на концах, прямой держак, орнаментированный бахромкой с треугольными «ресничками», и «сердцевидное» пере-

крестие. Рукоятка, имевшая общую длину 12 см, была одета на железный дву-
лезвийный клинок с ромбическим сечением длиной 19 см (рис. 61, 10). Кинжал
обнаружен в комплексе с бронзовым акозинско-меларским кельтом типа II,
Ад и бронзовым втульчатым двухперым наконечником стрелы, датирующихся
VII в. до н. э. (может быть, и первой половиной). К описанному кинжалу, воз-
можно, близок цельножелезный кинжал из Танеево (устье Мешы, Татарская
АССР) с коротким двулезвийным клинком подтреугольной формы, сердцевид-
ным перекрестием и уплощенным валиковым навершием (рис. 61, 8). Длина
кинжала — 26 см. К сожалению, кинжал происходит из разрушенного могиль-
ника и не поддается датировке, хотя найденные вместе с кинжалом бронзовый

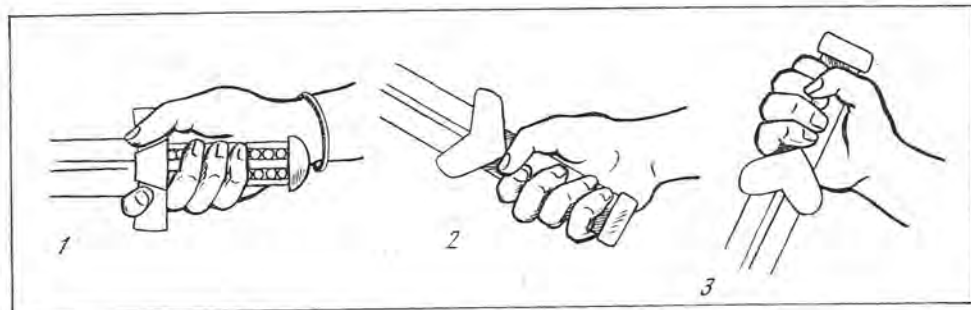

Рис. 62. Способы держания рукоятей мечей и кинжалов с разными формами перекрестий (по Й. Хаскинсу и Н. Л. Членовой)

1 — с прямым перекрестием; 2, 3 — с сердцевидным перекрестием

акозинско-меларский кельт и булавка с овальным кольцом относятся в основ-
ном к VI в. до н. э.

Наиболее многочисленную группу кинжалов и мечей типа I, 2 составляют
мечи и близкие им кинжалы с брусковидным навершием и сердцевидным пере-
крестием (тип. I, 2Г, рис. 63, 12 экз.). Среди них есть и архаичные образцы —
это мечи из Лопатино (рис. 63, 1), п. 57 Луговского могильника (рис. 63, 2)
и Еноктаево (рис. 63, 3). Так, у лопатинского меча по лицевой стороне держака
расположены четыре овальных и полуовальных углубления, напоминающие
отверстия на рукоятке кинжала из с. Навки (рис. 59, 5). У мечей из Луговско-
го могильника и Еноктаево по краям держака проходят выпуклые полосы, на-
поминающие полосы рукоятей мечей типа I, 2А (рис. 61, 2, 3) и боковые валики
рукоятей ранних акинаков Скифии и Кавказа³⁰⁷. Немногочисленные акинаки
с прямым брусковидным навершием, плоским неорнаментированным держаком
и сердцевидным перекрестием, найденные в степях Сарматии, К. Ф. Смирнов
в основном датирует VI в. до н. э.³⁰⁸

К раннескифскому времени, т. е. к VI в. до н. э., относятся и архаичные
скифские мечи и кинжалы (акинаки) в Причерноморье³⁰⁹. Этим же временем
датируются и наши мечи, и кинжалы. Рассмотрим их.

Меч из Лопатино Шемьшейского района Пензенской области (рис. 63, 1)
имеет общую длину около 40 см. Рукоять его бронзовая, клинок — желе-
зный. Об архаичности меча, кроме биметалличности и округлых углублений

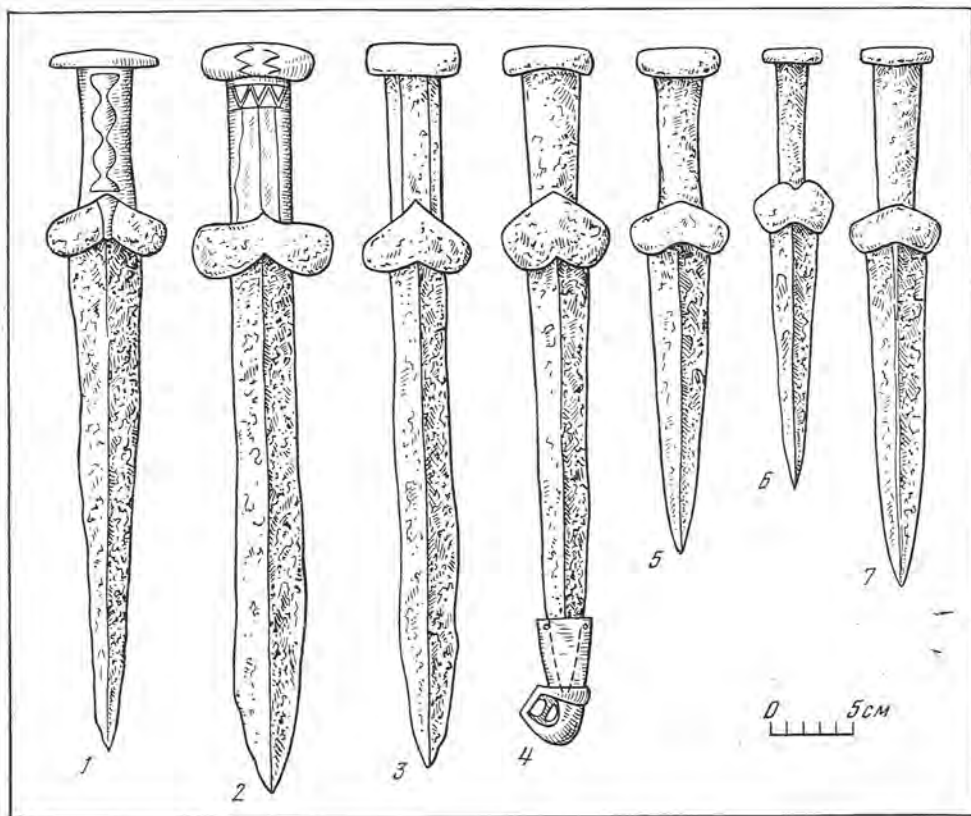

Рис. 63. Мечи и кинжалы с сердцевидным перекрестием раннеананьинского времени

1 — Лопатино Пензенской обл.; 2 — Луговской могильник, погр. 57; 3 — Еноктаевка Башкирской АССР; 4, 5 — Ст. Ахмыловский могильник; 4 — погр. 336; 5 — погр. 543; 6 — Быково Татарской АССР; 7 — Каргалеяка Пензенской обл.

1, 3, 5—7 — железо; 2 — железо и золото; 4 — железо и бронза

по центральной оси держака, свидетельствует и узкий выступ-валик по центру сердцевидного перекрестия. К сожалению, меч найден вне комплекса.

Меч из Луговского могильника (п. № 57, рис. 63, 2) с золотой инкрустацией по верхней части рукоятки, имеющий общую длину до 42 см, достаточно подробно описан А. В. Збруевой, датировавшей его первой половиной VI в. до н. э.³¹⁰, с чем согласился и К. Ф. Смирнов³¹¹.

Меч из Еноктаево Калтасинского района Башкирской АССР (хранится в местной школе) по всем особенностям близок к луговскому, но не имеет инкрустации и немного короче (длина его 41 см, рис. 63, 3). К сожалению, условия находки и сопутствующий материал неизвестны, поэтому меч лишь типологически может быть датирован VI в. до н. э.

К описанному близок, особенно параллельными краями рукоятки и лезвия, относительно короткий (общая длина 33,5 см) меч из комплекса находок 1965 г., обнаруженный в квадрате К/13 раскопа Ст. Ахмыловского могильника вместе с железным наконечником копьа с выраженным нервюром, датированным VI в. до н. э. Об архаичности меча свидетельствует его клинок с параллельными краями лезвий, обычный для раннескифских мечей и кинжалов VI в. до н. э.³¹² Наиболее близкие аналоги к нашему имеет меч из Нестеровского могильника на Северном Кавказе³¹³.

Меч из п. 336 Ст. Ахмыловского могильника, несколько более короткий (длина его — 37 см), чем предыдущие, имеет те же характерные признаки, как прямое навершие, сердцевидное перекрестие, но его держак и клинок сужаются книзу (рис. 63, 4). Сохранился бронзовый наконечник от ножен, конец которого завершается боковым кольцом в форме орлиного когтя. Аналогичные обкладки нижних частей кинжальных ножен известны из Дигории³¹⁴. Меч найден в комплексе с железным боевым топором-чеканом типа I, Ва, характерным для VI в. до н. э.

Кинжалы отличаются от мечей своими укороченными размерами, а именно общей длиной, не превышающей 30 см (рис. 63, 5—7). Всего известно 6 экз., в том числе кинжал из п. 543 Ст. А. (рис. 63, 5), из окрестностей дер. Быковка Буинского района Татарской АССР (рис. 63, 6)³¹⁵, из Ст. А (под материал 1969 г.), из с. Большие Кайбицы Апастовского района Татарской АССР³¹⁶, из Ананьинского могильника³¹⁷ и из курганов у с. Каргалеяка Шемышейского района Пензенской области (рис. 63, 7)³¹⁸. Все они близки друг к другу брусковидным навершием, прямым или слегка суженным книзу держакom, плоским сердцевидным (бабочковидным) перекрестием и коротким приостренным клинком. Некоторые из них имеют и архаичные черты. Так, держак кинжала из Кайбиц снабжен по краям параллельными валиками, а по продольной оси клинка кинжала из Каргалеяки проходит слабо выраженный валик (рис. 63, 7). Эти особенности характерны, по мнению К. Ф. Смирнова, для раннескифских и раннесавроматских коротких железных акинаков, бытовавших в VI в. до н. э.³¹⁹

2 кинжала, имеющие плоское прямое навершие, относятся к типу I, 2Е, т. е. кинжалам без перекрестий. Один из них уникален — это небольшой кинжал из п. 86 Аозинского могильника с относительно длинной бронзовой рукояткой с непарными выступами по бокам, коротким уплощенным навершием и коротким двулезвийным клинком, на тонкий черенок которого и была надета описанная рукоятка (рис. 61, 9). Длина кинжала — 15,5 см, длина клинка — 6 см. Он найден в комплексе с двумя железными наконечниками копий типа II, 2АБ, бронзовым шестигранным ананьинским кельтом типа II, 1В и бронзовой бляшкой с четырехлепестковой розеткой, датированных в основном VI в. до н. э.

Кинжал из п. 711 Ст. А (рис. 61, 11) имеет длинное массивное навершие, суженный книзу держак, переходящий через скошенные плечики к подтреугольному клинку, имеющему продольное округлое ребро. Общая длина кинжала — около 27 см (конец обломан). Найден вместе с железным наконечником копьа с длинной втулкой типа I 1Ба, характерного для VIII—VII вв. до н. э. Своей формой он приближается к кавказским и переднеазиатским бронзовым и железным кинжалам, бытовавшим на грани эпохи бронзы и раннего железа.

К третьему типу первой категории относятся немногочисленные в раннеананьинское время мечи и кинжалы с раздвоенным (антенновидным) навершием (тип. 13). Согласно принятой типологии, к первому подтипу в этой серии (тип. I, 3Б) следует отнести кинжал из Ананьинского могильника (НМФ, 1400 : 478) с антенновидным навершием, прямым держакком с валиками по краям и подпрямоугольным перекрестием (рис. 60, 8). Длина его — 27 см. Валики по краям держака и подпрямоугольное перекрестие придают кинжалу архаичный облик, тогда как антенновидное (волютообразное, по В. А. Ильинской) навершие, ставшее обычным у степного скифо-савроматского оружия в V в. до н. э.³²⁰, свидетельствует уже об относительно позднем возрасте оружия. Скорее всего, его следует отнести к концу VI — началу V в. до н. э.

Оригинален биметаллический кинжал из п. № 98 Акозинского могильника, найденный в комплексе VI в. до н. э. (простые кольчатые удила с трехпетельчатыми железными псалиями, дрововая гривна с расплющенными концами). Это относительно небольшой кинжал (длина его — 25,5 см, длина клинка — 14,5 см) с бронзовой рукояткой, имеющей фигурное навершие в виде двух обращенных друг к другу собачьих голов, прямым держакком, орнаментированным чередующимися горизонтальными линиями и зигзагом, и почковидным перекрестием, отделяющим держак от вытянутого подтреугольного клинка, плоскоромбического в сечении (рис. 60, 9).

Кинжалы, навершия рукояток которых оформлены прототипами животных (лошадей, баранов и пр.), появляются еще в бронзе Луристана³²¹ и затем распространяются в раннескифское время от Южной Сибири³²² до Испании³²³.

В описываемом подтипе наиболее многочисленны (5 экз.) акинаки классической формы, т. е. с навершием в виде «антенны» или повернутых друг к другу волют, прямым держакком, приплюснутым сердцевидным перекрестием и треугольно приостренным двулезвийным клинком, уплощенно-ромбическим в сечении (рис. 60, 7). Обломок верхней части такого меча происходит из п. 2266 Ст. А., где он найден вместе с железным наконечником копья типа II, 3Б и железным крючком от колчана, датированных VI—V вв. до н. э.³²⁴ «акинака» известны из Ананьинского могильника (НМФ, 1400 : 480, 481, 482), в том числе обломок верхней части с бронзовыми навершием и перекрестием из могилы XXIII Ананьинского могильника³²⁴ из раскопок Алабина.

Последний тип двулезвийных мечей и кинжалов раннеананьинского времени составляют экземпляры без навершия и перекрестия (рис. 60, 10, 11, 12). Среди них особенно выделяется железный клинок двулезвийного меча, найденный в 1956 г. на раннеананьинском городище Ройский Шихан на Вятке³²⁵. Длина меча вместе со стержнем рукоятки — 44,5 см, ширина лезвия — 3,3 см, черенка рукоятки — 1,8 см. Вдоль лезвия проходит с обеих сторон по три выпуклых валика (рис. 60, 10). Меч, очевидно, имел съемную рукоятку, надевавшуюся на черенок и прикреплявшуюся к клинку при помощи штифтиков, продевавшихся через отверстия на плечиках клинка.

— Мечи такого типа неизвестны в степной зоне Евразии. Однако они достаточно ярко представлены в период поздней бронзы и начале эпохи раннего железа в Центральной и Западной Европе, где получают развитие от клас-

сических кинжалов и мечей эгейско-микенского мира³²⁶. Железные клинки, близкие к Ройско-шиханскому в Европе³²⁷, в том числе и в Прибалтике, появляются в VII—VI вв. до н. э.³²⁸

Небольшой клинок кинжала с суживающимся кверху в виде черенка концом известен из п. 31 Акозинского могильника (рис. 60, 12). Он обоюдоострый, плоскоромбический в сечении. Общая его длина — 17,5 см. Обнаружен в комплексе, датированном VII—VI вв. до н. э.³²⁹

Однолезвийные мечи и кинжалы. Во II категорию входят однолезвийные кинжалы, представляющие довольно своеобразный вид оружия. О массовости их употребления преимущественно средневожскими племенами свидетельствует довольно значительная серия, обнаруженная в Ст. Ахмыловском и Акозинском могильниках — 17 экз. Все имеющиеся однолезвийные кинжалы — железные. По форме они близки к ножам, о чем свидетельствует и сходность их типологии, но отличаются от ножей значительной величиной (длина клинка всегда больше 15 см), наличием достаточно выраженного черенка, на который одевалась деревянная, костяная, редко металлическая (бронзовая) рукоятка, и обязательно пристроенным концом лезвия (рис. 64).

I тип — кинжалы с клинком, имеющим прямую спинку и выпуклое лезвие. Известно 3 экз., каждый из которых достаточно уникален. Особенно интересен массивный кинжал из п. 568 Ст. А., найденный совместно с железным наконечником копья типа I, 2 Б и акозинско-меларским кельтом типа I, 1 Ад, датированных VII в. до н. э. Кинжал общей длиной 28,5 см, имеет относительно короткую (длина — 10,5 см) бронзовую рукоять с округлым навершием, прямым держаклом, с чередующейся гофрировкой и прямым перекрестием, широкий (до 4 см) клинок с прямой спинкой и выпуклым лезвием (рис. 64, 1). Рукоять кинжала своим округло-грибовидным навершием и гофрировкой напоминает рукоять позднекарасукских ножей VIII—VII вв. до н. э.³³⁰

Кинжал из п. 549 Ст. А. (рис. 64, 5) имеет несколько иной характер. Его длина — 24 см, ширина — 2,3 см. Он имеет острый клинок, прямую спинку и скошенный от спинки черенок. Скорее всего это охотничье или боевое оружие наподобие савроматских и скифских ножей-кинжалов, бытовавших с VI—V вв. до н. э.³³¹ Встречен в комплексе с акозинско-меларским кельтом типа II, 1Бг, датированным VII в. до н. э.

Кинжал из п. 74 Акозинского могильника своим почти абсолютно прямым очертанием и четырехгранным черенком (рис. 64, 4) наиболее близок к скифо-савроматским охотничьим ножам-кинжалам VI—V вв. до н. э. Близок, очевидно, он и по времени, так как найден в комплексе с ананьинским шестигранным типа II, 2В и акозинско-меларским типа III, 1Бг кельтами, датированными VI в. до н. э. Длина кинжала — 23,4 см, ширина клинка — 2 см. Клинок очень прямой с закругленным концом.

Кинжалы с прямой спинкой и дуговидным лезвием, только изготовленные из бронзы, известны в памятниках Закавказья (Урарту) XIII—IX вв. до н. э.³³², IV—V периодов бронзы Центральной Европы³³³. Известные параллели можно усмотреть и среди кремневых ножей сейминско-турбинского времени³³⁴.

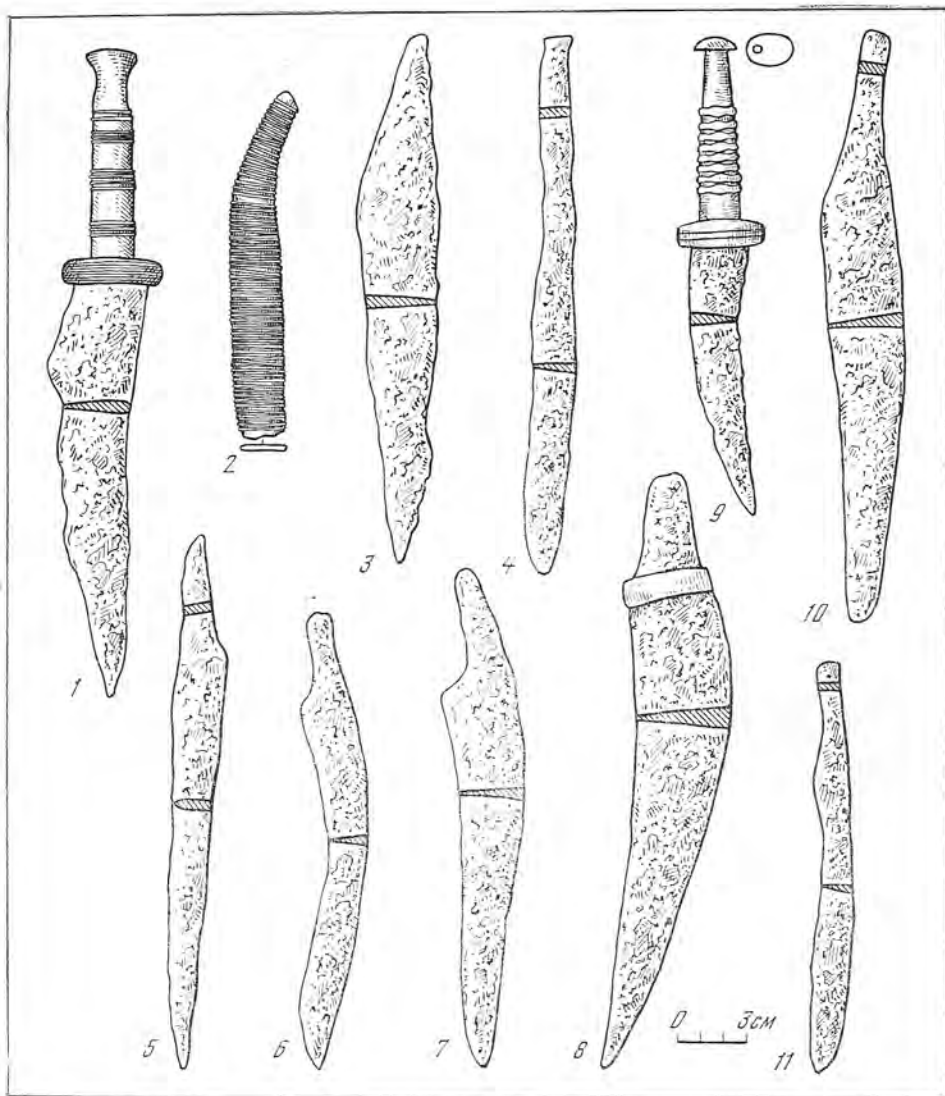

Рис. 64. Кинжалы с односторонним лезвием раннеананьинского времени
 1—3, 5—8, 10 — Ст. Ахмыловский могильник: 1 — погр. 568, 2 — погр. 741, 3 — погр. 93;
 5 — погр. 549; 6 — погр. 585; 7 — погр. 638; 8 — погр. 603; 10 — погр. 733; 4, 11 — Аозин-
 ский могильник: 4 — погр. 74; 11 — погр. 83; 9 — Б. Тояба
 1, 9 — бронза (рукоять) и железо (клинок); 2 — железо с серебром; остальные — железо

II тип — из Ст. А, п. 93 происходит крупный клинок со слегка выпуклым лезвием и высокой спинкой, имеющей тупой угол изгиба, расположенный ближе к концу, который вставлялся в рукоять (рис. 64, 3). Длина клинка — 23 см, максимальная ширина — 3,7 см. Имея очень острый рабочий конец, клинок мог служить боевым и охотничьим оружием. Встречен в комплексе с длинным наконечником копья типа, I, 1Ба, датированным VII в. до н. э., и золотой бусиной.

III тип — однолезвийные кинжалы с серповидным клинком (рис. 64, 6, 7, 8, 9). Это наиболее многочисленная группа однолезвийных кинжалов (9 экз.; с. Б. Тояба, Ст. А. пп. 585, 603, 658, 734, 737, 743, 780, 889). Они характеризуются почти прямо поставленным черенком, иногда (см. кинжал из п. 603 Ст. А.) отделенным от клинка костяной прокладкой (рис. 64, 8). Клинок имеет дуговидно выгнутую спинку и вогнутое (в различной степени) лезвие, завершенное почти всегда довольно острым концом.

В этой серии наибольший интерес вызывает биметаллический кинжал из Большой Тоябы Чувашской АССР (рис. 64, 9), находящийся в коллекции В. И. Заусайлова (НМФ, 5384 : 3287) вместе с биметаллической секирой (НМФ, 5384 : 3288). Общая длина кинжала — 20,8 см, длина железного кинжала — 11,5 см. Бронзовая рукоятка, насаженная на железный черенок, имеет шляпковидное навершие, расширяющийся книзу держак, покрытый в средней части горизонтальной гофрировкой, и горизонтальное перекрестие. Клинок серповидно (слабо) изогнут. Форма рукоятки напоминает рукоятку кинжала из п. 568 Ст. А (рис. 64, 1) и I типа двулезвийных кинжалов (см. рис. 59). Это обстоятельство, так же как и биметаллический характер кинжала, свидетельствует об относительно раннем (не позже VII в. до н. э.) его возрасте.

Остальные кинжалы имеют длину от 20 до 26,5 см. По всем особенностям — острый клинок с наибольшей шириной (до 4 см) в районе рукоятки, толстый обух, относительно слабый изгиб клинка — это боевые или охотничьи (засапожные) кинжалы, т. е. оружие. Судя по комплексу п. 737 Ст. А., где найден ранний кельт аконинско-меларского типа I, 1Ад, такие кинжалы появляются не позже грани VIII—VII вв. до н. э. и бытуют весь VII в. (см. п. 585) до VI в. до н. э. (пп. 525, 780).

Скифо-сакский мир на ранних этапах своего развития³³⁵ не знает таких кинжалов. В Северном Причерноморье однолезвийные мечи и кинжалы появляются лишь во второй половине I тысячелетия до н. э., причем исследователи³³⁶ считают, что это происходит не без воздействия греческих однолезвийных мечей типа «махайрос». Однако довольно широкое и более раннее бытование однолезвийных кинжалов в непосредственной близости от скифо-сарматского мира в южных районах Волго-Камья заставляет предполагать и северное (западноананьинское) воздействие на появление однолезвийных кинжалов в степных районах. Вполне возможно, что в лесной полосе Восточной Европы произошло слияние культурных традиций степных кочевников и лесных охотников и земледельцев. Об этом свидетельствуют два весьма оригинальных железных меча из Тайвалкоски (северная Лапландия — Финляндия), обнаруженные в 1961 г. и зарисованные мной в Национальном музее Финляндии (рис. 65). Один из них (рис. 65, 1), длиной около 50 см, имеет рукоятку с навершием из двух волут и «парой орлиных глаз»,

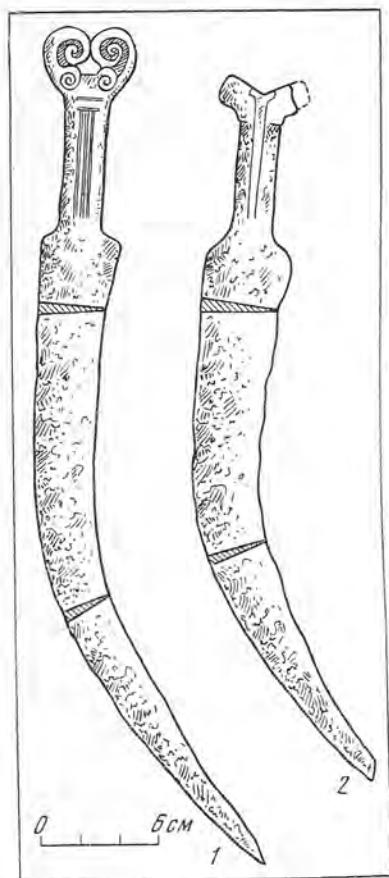

Рис. 65. Железные однолезвийные «мечи» из Тайвалкоски (Северная Лапландия, Финляндия)

характерную для скифских мечей V в. до н. э.³³⁷ У второго меча (рис. 62, 2), длиной более 40 см, навершие рукоятки имеет серповидную форму, что характерно для южноуральских мечей поздних савроматов V—IV вв. до н. э.³³⁸, но широко известны на Северном Кавказе и раньше³³⁹.

Последний (IV) тип однолезвийных кинжалов представлен двумя подтипами (IVA и IVB).

Тип IVA — кинжал с коротким подпрямоугольным черенком и длинным клинком, имеющим выпуклую спинку и выпуклое лезвие (рис. 64, 10). Общая длина кинжала — 25 см. Происходит из п. 733 Ст. А, где найден совместно с железным наконечником копья и бронзовым аозинско-меларским кельтом типа I, 1 Ад, датированных VIII—VII вв. до н. э.

Тип IVB — 3 относительно небольших однолезвийных кинжала, 2 из которых узкие (1,5—2 см) и недлинные (17,5—18 см), а 1 более массивный (длина — 20,5 см, ширина — 4 см). Все они имеют прямоспинный клинок со скошенным к относительно прямому лезвию острием (рис. 64, 11). Узкие экземпляры происходят из Аозинского могильника — п. 83 и 90, где они найдены в комплексе с меларско-аозинскими кельтами типа III, 1Бг, датированными VI в., до н. э.

Относительно массивный кинжал происходит из п. 552, Ст. А, где он найден в комплексе с железными втульчатыми наконечниками стрел, характерными для VII—VI вв. до н. э.

В целом однолезвийные кинжалы для раннеананьинского времени представляют достаточно оригинальную группу оружия, не характерную для степного кочевнического, ни доскифского, ни скифо-савроматского мира.

Булавковидные кинжалы-стилеты. В третью категорию входят булавковидные кинжалы-стилеты, обнаруженные в 5 экз. в комплексах Ст. А (пп. 500, 576, 621, 704, 892), в 1 экз. в комплексе п. 98 Аозинского могильника. Некоторые исследователи склонны их рассматривать в качестве булавок. Однако все 6 экз. наших находок найдены в погребениях мужчин-воинов, причем в том же положении (у пояса слева или вместе с другим оружием в изголовье), что и другие типы кинжалов. В то же время все эти предметы изготовлены из железа и имеют такие основные признаки кинжалов, как на-

вершие, перекрестие и приостренный конец (рис. 66). Все они круглые в сечении и очень острые, иногда уплощенно-приостренные (рис. 66, 2) на конце. По характеру оформления рукоятки выделяются три типа:

I тип — простые гладкие стержни, равномерно суживающиеся к острию и имеющие небольшое навершие в виде грибовидной шляпки (рис. 66, 1, 3). Один экземпляр из п. 704, Ст. А (рис. 66, 1) имеет общую длину 27 см (острие обломано, возможная длина 32,5 см), при максимальном диаметре стержня 1,2 см. Верхняя часть стержня в длину на 10 см утолщена равномерно, что, очевидно, связано с расположением здесь рукоятки. Стилет происходит из богатого комплекса, датированного бронзовыми наконечниками стрел, акозинско-меларским кельтом типа II, 1 Ад, биметаллическим двулезвийным кинжалом (рис. 61, 10) VII в. до н. э.

Другой экземпляр из п. 98 Акозинского могильника имеет общую длину 24 см при диаметре стержня до 0,6 см. Он снабжен уплощенно-шаровидным навершием (рис. 66, 3). Обнаружен в комплексе с биметаллическим кинжалом с протомой собачек в навершии (рис. 60, 2), простыми кольчатými удилами и другими предметами, в основном датированными VI в. до н. э.

Стержни со шляповидными головками, обычно относимые по назначению к булавкам, известны в памятниках Гальштатта А и В, датировемых X—IX вв. до н. э.³¹⁰ Но там они бронзовые.

Ко *II типу*, представляющему развитие первого, следует отнести стержни, имеющие оформленную навершием и перекрестием рукоятку (рис. 66, 2, 6). Таких в раннеананьинских памятниках пока известно 2 экз.

Один, наиболее хорошо сохранившийся, происходит из п. 500 Ст. А. Общая его длина — 32 см. Навершие его бронзовое и имеет вид полушаровидной шляпки. Ниже навершия на 8 см находится перекрестие в виде бронзового кольца с четырьмя выступами-глазками. Основной стержень длиной 22 см завершается коротким сплюснутым лезвием (рис. 66, 2). Ниже перекрестия стилет был, очевидно, прикреплен к портупейному ремешку, украшенному медными бусинами. Предмет обнаружен в комплексе с бронзовым ананьинским шестигранным кельтом типа II, 2В, датированным VI в. до н. э.

Второй стилет из п. 576 Ст. А., к сожалению, представлен лишь обломком верхней части, поэтому его общая длина неизвестна. Диаметр стержня — до 0,9 см. Навершие его медное в виде конической шляпки. Перекрестие было оформлено тремя медными штифтиками, вбитыми в железный стержень (рис. 66, 6). Расстояние между перекрестием и навершием 6 см. Стилет найден в недатированном комплексе.

Аналогий описанному типу предметов мне неизвестно, наличие на них выраженных наверший и перекрестий свидетельствует об их употреблении в качестве боевого оружия, т. е. кинжалов-стилетов.

III тип — имеет еще более выраженную рукоятку, обмотанную по железному стержню спирально навитой медной проволокой и отделенную от боевой части медным или бронзовым кольцом (рис. 66, 4, 5). Известно 2 экз. — оба из Ст. А.

Один из них, происходящей из п. 621, имеет общую длину 23,5 см, длина рукоятки — 9,5 см, диаметр — до 0,5 см (рис. 66, 5). Комплекс погребения не датирован. Второй из п. 892 имеет несколько большую длину (около 25 см), длина рукоятки — 9,5 см, диаметр — до 0,6 см.

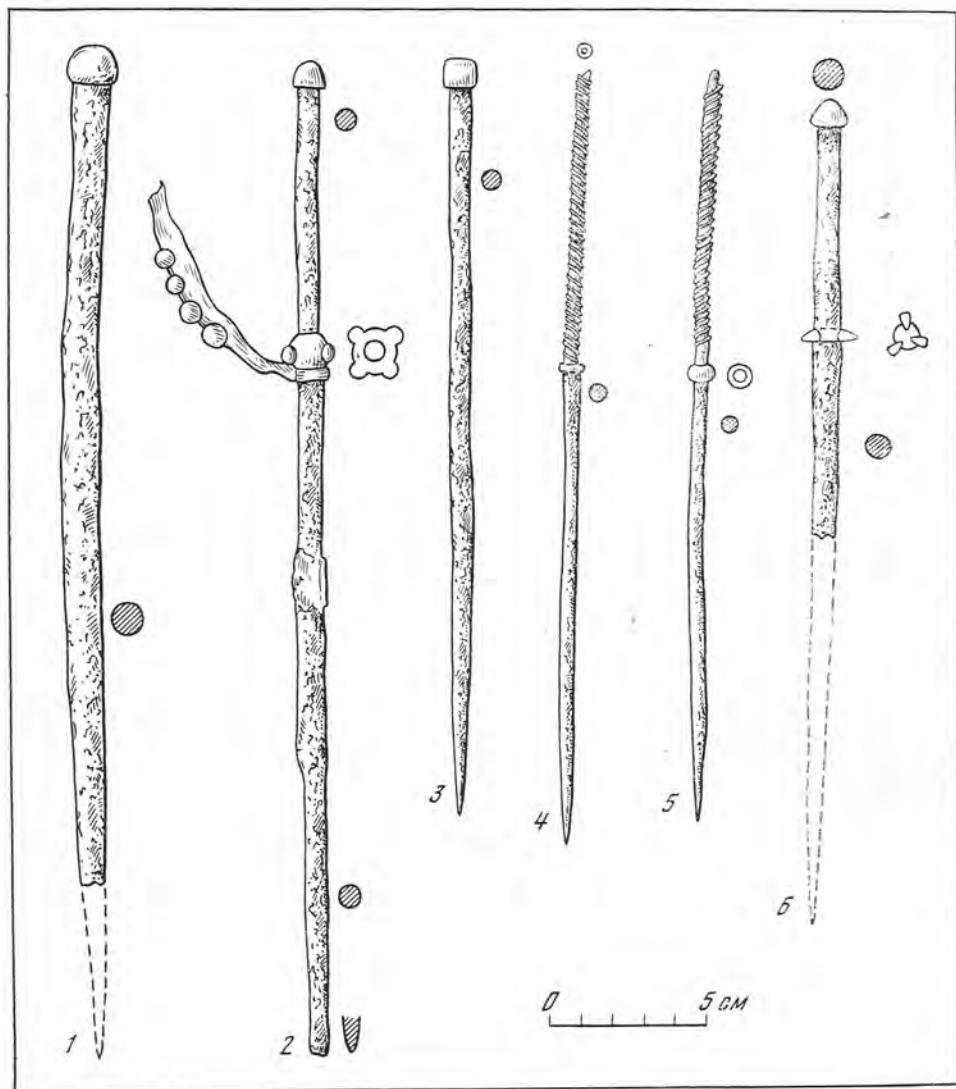

Рис. 66. Железные кинжалы-стилеты из раннеананьинских памятников
 1, 2, 4, 5, 6 — Ст. Ахмыловский могильник: 1 — погр. 704; 2 — погр. 500, 4 — погр. 892,
 5 — погр. 621, 6 — погр. 576; 3 — Акозинский могильник, погр. 98;
 1, 3 — железо; 2, 4—6 — железо и бронза

Аналогию обоим «стилетам» можно указать в материалах лужицкой культуры IV—V периодов эпохи бронзы, т. е. 1000—650 гг. до н. э.³⁴¹

Боевые железные топоры

Боевые железные топоры в отличие от рабочих имеют более вытянутое очертание, почти всегда двойной ударный конец и облегченную массу (рис. 67). Из-за дублированности действия у боевых топоров проух располагается ближе к середине тулова³⁴². По форме лезвия выделяется несколько типов железных боевых топоров: 1 — топоры-чеканы, 2 — топоры-клевцы, 3 — топоры-секиры. Внутри типы подразделяются на подтипы и виды, обозначенные соответственно заглавными и строчными буквами русского алфавита.

Тип IA — топоры-чеканы с выпуклой спинкой.

IAa — топор из п. 743 Ст. А. (лежал у правого плеча погребенного) с ударным чеканом, имеющим округлую площадку с «нашлепкой» (рис. 67, 1). Проух круглый. Длина топора — 18,5 см, лезвия — 4,5 см, обуха-чекана — 3 см, диаметр проуха — 2,3 см. Найден в комплексе VI в. до н. э. (круглодротовая гривна с приостренными концами и широкий нож). Аналогичные топоры-секиры в скифских древностях (первая группа секир-молотков) датируются, начиная с VI в. до н. э.³⁴³, так же как и в раннескифских древностях Венгрии³⁴⁴.

IAб — топоры, близкие по форме и размерам типу I, Aa, но только имеющие шляпковидные площадки чекана и ромбические очертания проуха (рис. 67, 2). Известно 2 экз., оба из Ст. А., п. 421 вместе с аозинско-меларским кельтом типа III, 1Бд, железным наконечником копья со слабо выраженной нервюрой и другими вещами, характерными для рубежа VII—VI вв. до н. э. Близкого типа топор из кургана № 3 у с. Оксютинцы в скифских древностях датируется VI в. до н. э.³⁴⁵

Тип IB — топоры-чеканы с плоской спинкой и четырехгранным молотковидным обухом.

IBa — топор-чекан с примерно равными по длине лезвийной и обушковой частью. Общая длина — 18,5 см, лезвийной части — 9,5 см, обушковой части — 7 см, диаметр округлого проуха — 1 см. Происходит из Ст. А, п. 71 вместе с коротким железным наконечником копья с выраженной нервюрой и коротким, но широким ножом типа II, 3Г, т. е. комплексом VI в. до н. э. Близкий топор известен из п. 24 Ананьинского могильника³⁴⁶. Аналогичный топор-чекан найден в Сержень-Юртском могильнике (пп. 76, комплекс VII—VI вв. до н. э). В скифских древностях можно указать на сходный топор из кургана у с. Ленкивцы, датированный VI в. до н. э.³⁴⁷

I, Bб — топор-чекан с плоской спинкой, но укороченным обухом. Происходит из Лг., п. 25³⁴⁸, где он найден вместе с бронзовыми наконечниками копья и шестигранным ананьинским кельтом VI в. до н. э.³⁴⁹ Длина топора — 16 см, лезвийной части — 8,5 см.

Тип IB — топоры-чеканы с симметрично расширенным от центральной оси топора лезвием секиры. Выделяются два подвида.

IBa — топор с округлой площадкой чекана, имеющей «нашлепку» (рис. 67, 4). Общая длина — 20 см, лезвия — 4 см, диаметр обушка — 3 см,

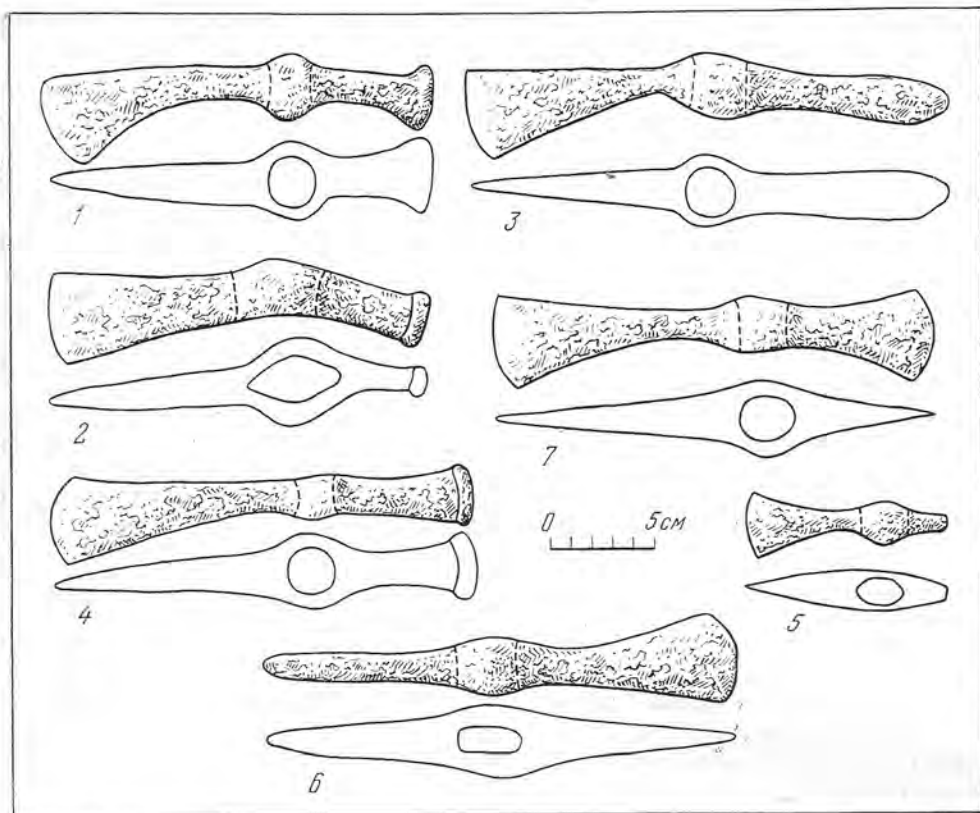

Рис. 67. Железные топоры-секиры

1—4, 6, 7 — Ст. Ахмыловский могильник: 1 — погр. 743; 2 — 1967 г., кв. Г'—3; 3 — погр. 543; 4 — погр. 336; 6 — погр. 909; 7 — погр. 183; 5 — Патрикеево Тат. АССР

диаметр округлого проуха — 2,5 см. Происходит из Ст. А., п. 336, где найден у правого плеча погребенного в комплексе с железным кинжалом-акинаком с брусковидным навершием, и сердцевидным перекрестием, характерным, по К. Ф. Смирнову, для VI в. до н. э.³⁵⁰.

IVб — секиры-чеканы с молотковидным квадратным в сечении чеканом и овальным проухом (рис. 67, 5). Известно 3 экз.: 2 — из Ак (п. 3; 1971, р. I, кв. V—9), 1 — из с. Патрикеево Зеленодольского района Татарской АССР (CZ, 927). Размеры разные: длина — 10, 15, 21 см.

Близкого типа секиры-чеканы известны на Северном Кавказе, в частности в материалах Лугового могильника, датированных VI в. до н. э.³⁵¹

Tun IIIA — топоры-чеканы с изогнутой спинкой и относительно массивным бойком клевица, имеющим такую же длину, как и лезвийная часть. Проух топора округлый. Длина — 23 см, длина лезвийной части — 9,5 см, длина клевицовой части — 9 см, длина лезвия — 4,5 см, диаметр проуха — 2,3 см. Извест-

но 2 экз.: оба из Ст. А., п. 543; р. 1962, кв. В—2. В п. 543 (рис. 67, 3) найден в комплексе с железным кинжалом, имеющим брусковидное навершие и датирующимся VI в. до н. э.

Тип IIБ — топоры-клевцы с симметрично расширенным лезвием секиры и приостренным клевцом (рис. 67, 6). Длина — 22,5 см, длина клевцовой части — 9,5 см, лезвийной части — 10 см, лезвия — 4,5 см, овального проуха — 3 × 1,3 см. Известно 2 экз., один из Ст. А, п. 909, другой из Ак, 1971, р. 1, кв. Ю—7.

Относительно раннее время бытования описанных орудий подтверждается и значительным их отличием от более поздних железных и бронзовых секир, распространенных в V—IV вв. н. э. в ананьинских³⁵² и скифских³⁵³ древностях. Для последних характерно обязательное наличие втулки на проухе и сильная асимметричность лезвийной и клевцовой частей, что абсолютно несвойственно для раннеананьинских. Позднеананьинских клевцов в рассматриваемых нами материалах неизвестно.

Тип III — двухлезвийные топоры-секиры. Выделяются 2 подтипа.

IIIА — топоры с асимметричными лезвийными частями и округлым проухом (рис. 67, 7). Известно 3 экз. Общая длина — 18,3; 19,5; 21 см; длина лезвия с длинной лезвийной частью — 4,5—5 см; длина лезвия с короткой лезвийной частью — 4—4,5 см; 2 экз. из Ст. А, п. 183, 808; 1 экз. из Ак, р. I—1971, кв. Я-8. В п. 183 найден вместе с кинжалом-акинаком с брусковидным перекрестием, датированным VI в. до н. э.

IIIБ — топор с симметричными лезвийными частями и подромбической формы проухом. Найден 1 экз. в Ст. А. Длина — 19,5 см, длина лезвия — 4,2—5 см.

Аналогию типу III имеют в Тлийском могильнике, где они также датируются VI в. до н. э.³⁵⁴

Топоры — знаки власти

Из окрестностей с. Биллярска³⁵⁵ в коллекции АКУ происходит бронзовый топор-секира (рис. 68, 1) с изображением на щечнике солярной эмблемы — четырехлепестковой розетки. Длина топора — 16 см, слегка опущенного лезвия — 4 см, овального проуха — 2,5 × 1,5 см. Наиболее близкие аналогии этому топору имеются на Северном Кавказе и Предкавказье, например, в п. 50 могильника у хутора Кубанский³⁵⁶, в могильнике на территории мебельной фабрики близ Кисловодска³⁵⁷, в комплексах, датированных киммерийским временем, т. е. второй половиной VIII—VII в. до н. э. В скифское время такие предметы продолжают бытовать, приобретая все более и более устойчивое значение³⁵⁸.

Еще один оригинальный биметаллический топор-жезл происходит из с. Большая Тояба³⁵⁹, откуда известен и своеобразный биметаллический однолезвийный кинжал (рис. 64, 9). Топор имеет длину около 17 см и состоит как бы из двух частей — клововидного клинка, изготовленного из железа, и бронзовой проушной части, переходящей в железный обух со шляпковидной площадкой. Бронзовая часть орнаментирована геометрическим орнаментом (рис. 68, 5). Топор уникален, аналогии мне неизвестны.

Топоры как символы власти изображены и на стелах I Новомордовского могильника (36, 1, 2, 4; 53, 2—4)³⁶⁰. На стеле № 2 изображена секира, на лез-

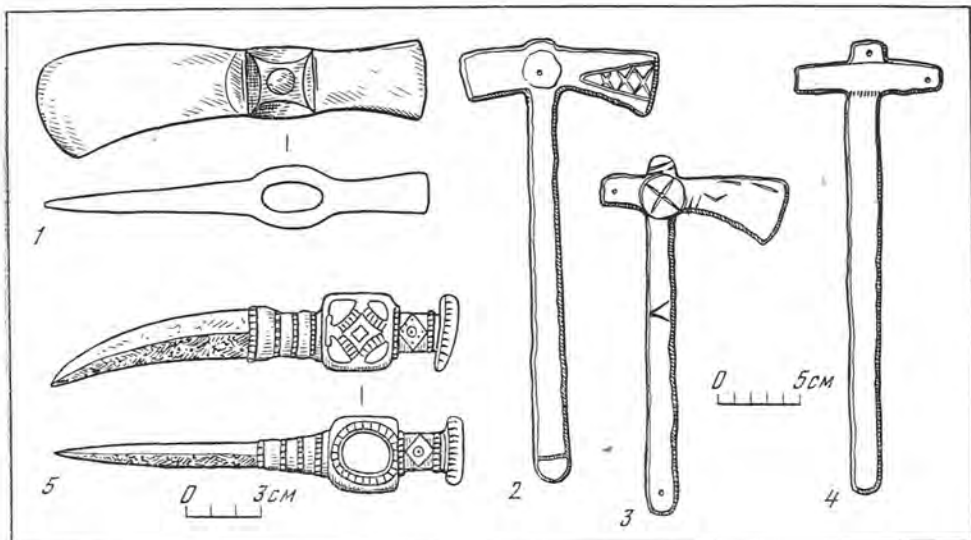

Рис. 68. Топоры — знаки власти

1 — бронзовый топор из Билярска; 2—4 — изображения топоров на каменных стелах I Новомордовского могильника (2 — стела № 2; 3 — стела № 1; 3 — стела № 4); 5 — биметаллический топор из сел. Б. Тояба

1 — бронза; 2—4 — камень; 5 — железо и бронза

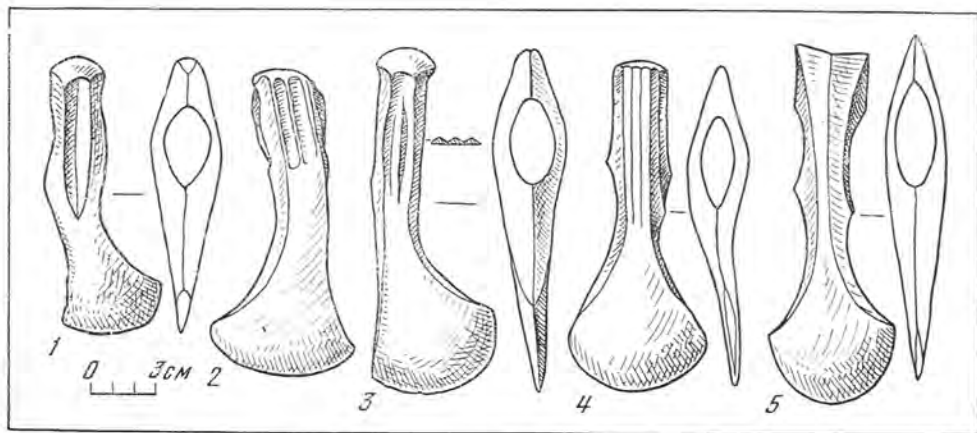

Рис. 69. Бронзовые кавказские топоры из Волго-Камья

1, 4 — с поселения Малахай; 2 — из бывш. Пермской губернии; 3 — из с. Чувашские Огары Марийской АССР; 5 — из с. Грязнуха Ульяновской области

вийной части которого очерчивается оскаленная пасть (рис. 68, 2). Длина топора — 12 см, лезвия — 4 см, топорища — 27 см. По форме и размерам топор напоминает топоры-секиры типа IБа. Изображенная на стеле № 1 секира с коротким (в 22 см) топорищем по форме (рис. 68, 3) очень близка, если не сказать — аналогична, топору-секире из Билярска. Длина изображения топора на стеле — 11,5 см. На стеле № 4 изображен топор с симметрично расположенными цилиндрическими концами (рис. 68, 4). Общая длина топора — 9 см, топорища — 27,5 см. Он напоминает изображения топоров — знаков власти VII—VI вв. до н. э. на рельефе Переспольского дворца³⁶¹ и на скифских каменных стелах³⁶².

Кавказские топоры

Особый интерес вызывают находки в Волго-Камье пяти бронзовых боевых топоров, характерных для кобано-колхидских памятников Кавказа начала эпохи раннего железа. Два из них происходят из района Малахайского поселения (рис. 69, 1, 4)³⁶³, третий — (рис. 69, 5) хранится в Ульяновском музее (№ 6342, предположительно из окрестностей с. Грязнуха), четвертый (рис. 69, 2) происходит из Пермской области и пятый (рис. 69, 3) найден в начале XX в. у с. Чувашские Отары Марийской АССР на Волге³⁶⁴.

Первый топор (рис. 69, 1) имеет изгиб при переходе от проушковой части к широкому опущенному лезвию. Обух суженный с небольшим молоточковидным выступом. По бокам располагаются три выпуклые линии, соединяющиеся ближе к лезвийной части. Длина топора — 14 см, лезвия — 5 см. К описанному близок топор из Чувашских Отар (рис. 69, 3), имеющий более правильные очертания и более крупные размеры: длина топора — 17,5 см, лезвия — 7 см. Подобные топоры имели широкое распространение в кобано-колхидских памятниках³⁶⁵. Судя по находке аналогичного топора в Новочеркасском кладе³⁶⁶, они доживают до VIII—II вв. до н. э. По классификации В. С. Уваровой³⁶⁷, они относятся к типу Б, по классификации О. М. Джапаридзе³⁶⁸ — к типу II.

Близок к этому типу и топор из Пермской области (рис. 69, 2). Отличается он более прямым остовом и расположением желобков-выпуклин ближе к округлому обуху. Его размеры: длина — 18 см, длина лезвия — 8,5 см. Подобного облика топоры известны из Гудаутского района Абхазии³⁶⁹.

Классическим колхидским топором III типа по типологии О. М. Джапаридзе является хорошо сохранившийся топор из Ульяновского музея (рис. 69, 5). Он имеет сечковидное лезвие и приостренно-скошенный обух. Длина его — 21,5 см, лезвие — 7,5 см. Подобные топоры были широко распространены в районах Западного Кавказа на рубеже II—I тысячелетий до н. э.³⁷⁰ Судя по находке аналогичного топора в Сурмушах³⁷¹ вместе с двухпетельчатыми бронзовыми удилами, они доживают до VIII в. до н. э.

Вариантом этого же типа топора следует считать второй топор из Малахая с широким сечковидным лезвием и приостренным обухом (рис. 69, 4). По щекам топора нанесены шесть горизонтальных параллельных бороздок. Длина его — 20 см, лезвия — 8 см.

В материалах Тлийского могильника в Южной Осетии оба типа топора «встречаются в комплексах до конца VII в. до н. э.»³⁷²

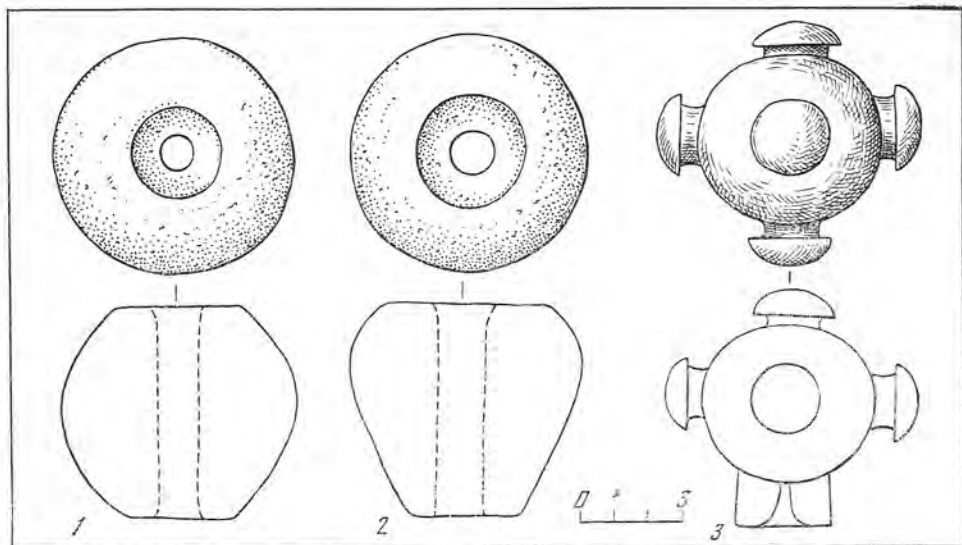

Рис. 70. Каменные (1—2) и бронзовые (3) булавы раннеананьинского времени
1 — Новомордовский могильник, погр. 23; 2 — Мл. Волосовский могильник, погр. 3; 3 — из кургана под г. Бирском

Булавы

Большинство исследователей³⁷³ рассматривает их в качестве «символа власти». В раннеананьинских материалах они известны в 3 экз.: 2 — каменные, 1 — бронзовая (рис. 70), подразделяющиеся по форме на 3 типа.

1 тип — простая шаровидная булава, изготовленная из зеленоватого прочного яшмовидного сланца уральского происхождения (рис. 70, 1). Найдена в п. 23 Нм, имеет шаровидную форму (диаметр — 6,7 см) со срезанными верхней (диаметр — 3,5 см) и нижней (диаметр — 2,5 см) площадками. Обнаружена совместно с медными накладками с парными выпуклинами, характерными для VIII—VI вв. до н. э.

Шаровидные каменные булавы особенно широко бытовали в эпоху бронзы в памятниках балановской³⁷⁴, фатьяновской³⁷⁵, катакомбной³⁷⁶, северокавказской³⁷⁷ культур. Как показывают материалы I Новомордовского могильника, в Волго-Камье и Николаевского могильника³⁷⁸ в северо-западном Предкавказье эти формы булав доживают и до начала эпохи раннего железа (VIII—первая половина VII в. до н. э.).

2 тип — грушевидной формы булава (максимальный диаметр — 6,6 см) со значительно расширенной верхней (диаметр — 4 см) и относительно небольшой нижней (диаметр — 3 см) площадками (рис. 70, 2). Происходит из п. 3 Мл. Волосовского могильника³⁷⁹, где найден с остатками щита с бронзовым умбоном VIII—VII вв. до н. э. (см. ниже, стр. 218) и акозинско-меларским кельтом типа III, 2Бд, датирующихся временем не ранее VII в. до н. э. Близкого типа грушевидные булавы, известные в памятниках балановской, фатьянов-

ской, катакомбной и предкобанской культур Кавказа³⁸⁰, доживают и до начала эпохи раннего железа.

3 тип — бронзовая булава с основой шаровидной формы (диаметр — 5 см), с которой с пяти сторон слиты выступы со шляпковидными завершениями, а с шестой — короткая разомкнутая втулка (рис. 70, 3). Найдена в 1874 г. при разрытии кургана под Бирском на Белой вместе с бронзовым наконечником копья типа II, 2Б б и вислобушковым топором³⁸¹. Комплекс по копьё не может быть датирован ранее VIII—VII вв. до н. э. Булавы с шишечкообразными выступами, преимущественно бронзовые, появляются на Кавказе в третьей четверти II тысячелетия до н. э. (см. материалы Стырфазского кромлеха № 5 и ранних групп погребений Тлийского могильника XIV—XIII вв. до н. э.)³⁸² Известны они и в памятниках начала эпохи раннего железа, в том числе и из предскифских памятников Венгрии³⁸³. Скифо-сакский мир, так же как и население лесной и лесостепной полосы Евразии, кроме Волго-Камья, таких булав, тем более металлических, не знает. Следует полагать, что в Волго-Камье они имеют местное (от балановских племен) развитие, усилившееся за счет кавказского воздействия.

Наконечники копий

Наконечники копий представляют один из наиболее многочисленных предметов вооружения. Всего к настоящему времени известно 194 наконечника раннеананьинского времени, в том числе 1 каменный (рис. 72, 5), 84 бронзовых (рис. 71), 107 железных (рис. 73) и 2 биметаллических (рис. 74). По обилию наконечников копий раннеананьинские воины стояли в одном ряду с воинами лесостепной Скифии³⁸⁴ и Кавказа³⁸⁵, где копья и дротики составляли массовый вид вооружения. В то же время население Сибири (ни лесостепной³⁸⁶, ни степной зон³⁸⁷), так же как Средней Азии³⁸⁸, и даже Южного Урала и Нижней Волги (савроматы)³⁸⁹, копий практически не употребляло. В этом отношении раннеананьинское население входило в круг европейского населения, у которого копье было широко известно вплоть до берегов Атлантики³⁹⁰.

Бронзовые наконечники копий. При типологии раннеананьинских копий мы исходили из изложенных выше (см., стр. 107) принципов классификации. По материалу все копья подразделены на 4 категории: каменные, бронзовые, биметаллические (бронзово-железные) и железные. Все наконечники, кроме каменного, имеют округлую в сечении втулку, поэтому основная типология металлических копий проведена по форме пера. Так, для *бронзовых* наконечников, у которых всегда лопасти пера отделены высокой nervurой продолжения втулки, а само перо всегда длиннее нижней части втулки, в основу выделения типов положено наличие или отсутствие, а также форма прорезей в нижней части лопастей пера. На этом основании выделяются следующие типы: I — гладкоперые, II — с круглыми прорезями, III — с полуovalными прорезями. Каждый тип подразделяется по форме пера на подтипы: I — с лавролистным пером, 2 — с листовидным пером, 3 — с остролистным (иволистным) пером. Внутри подтипов выделяются по характеру соединения втулки с острием копья виды: А — втулка не соединена с острием, Б — втулка соединена с острием. Внутри видов — разновидности по сечению втулки в верхней части: а) — с круглым сечением, б) — с ромбическим сечением (рис. 71).

Подтип	1. Наконечники с лавролистным пером				2. Наконечники с листовидным пером				3. Наконечники с остролостным пером			
	А		Б		А		Б		А		Б	
Вид	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
Разновидность	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
I Гладкоперые (19)												
II С полу- овальной прорезью (53)												

Рис. 71. Схема типологии бронзовых наконечников копий раннеананьинского времени

в кружках обозначено количество экземпляров

I 1Aa — наконечники копий средней длиной 16 см с лавролистным пером и округлой в сечении втулкой, непосредственно не соединенной с острием, 2 экз.: один (рис. 71, I, 1Aa) — из п. 8 Тт., другой — из п. 221 Тт (рис. 32, 6). В последнем наконечник встречен в комплексе с ананьинским кельтом типа I, 2B, имеющим реликт лобного ушка (рис. 32, 3), что характерно в основном для ранних кельтов VIII—VII вв. до н. э.

I 1Ab — наконечник копья длиной 15,5 см, близкий к типу I, 1Aa, но имеющий три ребристых выступа по каждой стороне верхней части втулки. 1 экз. происходит из п. 19 Тт (рис. 27, 5, 71, I, 1Ab).

I, 1Ba — наконечник копья из п. 133 Ст. А (рис. 71, I, 1Ba) длиной 13,5 см с округлой в сечении втулкой и лавролистным пером, нижняя часть которого с небольшим выступом опускается по втулке. Найден в недатированном комплексе. Но близкого типа наконечники известны в позднесрубное время³⁰¹, что говорит об относительной их древности.

Среди наконечников с листовидным пером (тип. I, 2B) имеются лишь наконечники, втулка которых непосредственно соединена с острием (рис. 71—I, 2B).

I, 2Ba — наконечники с листовидным пером, наибольшая ширина которых приходится на нижнюю часть, и с овальной в сечении втулкой (рис. 71 и I, 2Ba). Всего известно 12 экз. со средней длиной 11—15 см и шириной пера до 4 см. 4 экз. происходят из Ст. А (пп. 450, 780; две находки 1969 г.), 2 экз. — из Ан (НМФ, 1400 : 24, 26), по 1 экз. — из Ак (п. 58), Пм (п. 7), II Березогривского могильника, Усть-Ая (Башкирская АССР), Перемиловской пустыни близ Муром, с. Барышево Татарской АССР (НМФ, 5385 : 3363). В датиро-

ванных комплексах находились вместе с ананьинскими кельтами типа I, 2B (Ак, п. 58), II, 1Ж (Ст. А, р. 780), акозинско-меларскими кельтами типа II, 1Бд (Ст. А, п. 450), датированных в основном VII в. до н. э. За это же время их бытования свидетельствует наличие такого типа бронзовых наконечников в предскифских памятниках Украинского Чернолесия³⁹² и Прикубанья³⁹³. В памятниках скифской поры, т. е. VI—V вв. до н. э., эти наконечники неизвестны.

I, 2Бб — наконечник из с. Атрясы Татарской АССР, аналогичный типу I, 2Ба, но имеющий ребро по верхней части втулки, что придает ей ромбическое сечение (рис. 71 — I, 2Бб). Длина его — 15 см.

Среди наконечников с узким остролистым (иволистным) пером, у которого ширина приходится ниже середины длины, известны лишь наконечники вида Б.

I, 3Ба — наконечник длиной 17 см. из Тт, п. 200 (рис. 71 — I, 3Ба) с округлой в сечении втулкой и узким пером, ширина лопастей которого не превышает 1 см. Происходит в комплексе с ананьинским кельтом типа I, 1В, характерным для VII вв. до н. э.

I, 3Бб — длинный наконечник (16 см с обломанным концом), аналогичный I, 3Ба, но имеющий еще более узкое перо и ребро по верхней части втулки, придающее ей ромбическое сечение (рис. 71 — I, 3Бб). Происходит из Скородумского могильника, датированного О. Н. Бадером VIII—VII вв. до н. э.³⁹⁴

Все наконечники I типа имеют в нижней части втулки по одному или паре сквозных отверстий, с помощью которых они, очевидно, прикреплялись (прививались) к древку. Этот тип наконечников в целом следует признать общеевропейским типом, распространенным от Волго-Камья на северо-востоке до Франции на западе.

Наконечники *II типа* настолько единичны (2 экз.), что мы решили не вводить их в типологическую схему. Это цельнолитые наконечники с листовидным пером, расширяющимся в нижней части и здесь же имеющие два небольших круглых отверстия-прорези (рис. 16А, 10). Один наконечник происходит из комплекса п. 55 Ст. А, датированного крупным биметаллическим кинжалом, ананьинскими кельтами типа I, 1Ж, I, 2В VIII—VII вв. до н. э. Второй наконечник найден в Котловском могильнике³⁹⁵. Близкого типа бронзовые наконечники известны из Центральной Европы (Италия; округ Дессау ГДР), где они датируются в основном VIII в. до н. э.³⁹⁶

III тип — наиболее многочисленные и характерные только для ананьинской культуры бронзовые цельнолитые наконечники с полуовальными прорезями в нижней части лопастей пера. Последние служили для прочного закрепления наконечника на древке при помощи кожаного ремешка, продевавшегося в прорези и затем завязывавшегося на древке. Выделяется два подтипа: III, 1 — с лавролистным пером, III, 2 — с листовидным пером.

III, 1Аа — наконечник копья с короткой округлой в сечении втулкой, не доходящей до острия пера (рис. 71 — II, 1Аа). Перо гладкое, с двумя крупными полуовальными прорезями в нижней части лопастей. Длина — 13,3 см. Происходит из дер. Радкино Бирского уезда Уфимской губернии, откуда в 1913 г. был привезен И. О. Холмбергом в Национальный музей Финляндии (НМФ, 6429 : 2). Относительно широкие прорези как будто свидетельствуют о большей древности наконечника, но отсутствие вокруг прорезей выпуклой дуги говорит о принадлежности наконечника началу эпохи раннего железа.

III, 1Ba — небольшой наконечник, возможно, от дротика, с коротким лавролистным пером, имеющим по наружным краям выступы (своеобразные ребра жесткости), и округлой в сечении втулкой, обмотанной в 4 ряда кожаным шнурком (рис. 71 — II, 1Ba). Найден он в п. 240 Ст. А вместе с бронзовым ананьинским кельтом типа I, 2B, датированным VII в. до н. э.

III, 2Ab — наконечники копий с подромбической в верхней части втулкой, не достигающей до острия пера, имеющего листовидную форму с ребрами жесткости по краям и наибольшим расширением в нижней части. Всего известно 16 экз. длиной от 12 до 18 см. 15 из них имеет орнамент по втулке в виде выпуклой линии, расходящейся в нижней части двумя парными линиями, а по перу — в виде скошенных линий, отходящих от втулки к «ребрам жесткости» (рис. 71 — II, 2Ab). 7 таких наконечников происходят из Ан (НМФ, 1400 : 22, 23, 25, 27, 28, 29; 5381 : 5); 5 — из Ст. А (пп. 348, 825—2 экз., 828, находка 1966 г.), по I — из Лг. (п. 36), с озера Карасье Свердловской области³⁹⁷ и «Городок» на Верхней Каме³⁹⁸. Эти наконечники, имевшие преимущественное распространение в прикамских районах ананьинской культуры, проявляют широкий хронологический диапазон бытования. Об этом свидетельствует то, что они встречены как с ананьинскими кельтами, характерными для VII в. до н. э. (тип I, 2B, п. 36, Лг), так и с шестигранными кельтами, бытовавшими в VI—V вв. до н. э. (тип II, 2B, п. 828 Ст. А). Об этом же относительно позднем времени функционирования наконечников типа III, 2Ab свидетельствует их массовость в Ананьинском могильнике, преимущественно датированном V—IV вв. до н. э.³⁹⁹

Вариантом III, 2Ab следует считать наконечник из п. 883 Ст. А (рис. 72, 2), по всем особенностям формы сходный с описанными наконечниками, но не имеющий орнамента.

III, 2Ba — наконечники с округлой в сечении втулкой, достигающей до конца острия, с ребрами жесткости по внешним краям лопастей пера, имеющих полуовальные прорезы в нижней части. Основная часть наконечников (11 экз., в том числе 2 небольших, возможно, от дротиков, рис. 72, 1) не имеет орнамента. 3 экз. из Ст. А (п. п. 334, 683, находка 1960 г.), 2 экз. из Апастово (НМФ, 5384 : 3351, 3356), Курбаши (НМФ, 5384 : 1458, 1477), Эбалаково (НМФ, 5384 : 1458), Карамышево (НМФ, 5384 : 3350), Болгояры (НМФ, 5384 : 3354), 1 экз. из Котловского могильника⁴⁰⁰. В п. 334 Ст. А такой наконечник встречен с ананьинским кельтом типа I, 2B, датированным VII в. до н. э.

Вариантом следует считать 4 наконечника, близкие по форме основному типу, но имеющие орнамент в виде скошенных линий, по внутренней части лопастей пера (рис. 71, II, 2Ba). Все эти наконечники происходят из закрытых комплексов, в том числе из п. 136 Ст. А вместе с бронзовыми двуколычатыми удилами VIII—VII вв. до н. э., из пп. 26, 31, 33 Лг, где они найдены с ранними ананьинскими кельтами типа I, 2B и кремневыми наконечниками стрел.

III, 2Bb — классические ананьинские бронзовые наконечники с подромбической в сечении верхней частью втулки, по осевой линии которой идет выпуклое ребро, в абсолютном большинстве случаев завершаемое одной или парой скошенных линий. Основной тип характеризуется наличием орнамента по внутренней части лопастей пера (рис. 71, III, 2Bb). Длина наконечников колеблется от 10 до 18 см. К основному типу отнесено 26 экз. в том числе: 15 — из Ст. А (п. п. 134, 190, 206, 210, 254, 258, 288, 360, 390, 408, 478, 681, 816, 824, на-

Об изготовлении прорезных наконечников ананьинскими племенами, кроме их сосредоточения только на ананьинской территории, свидетельствуют и находки литейных форм как, например, обнаруженная в 1975 г. В. С. Патрушевым на Ардинском городище в Марийской АССР двустворчатая форма для отливки наконечника копья типа III, 2Бб (рис. 72, 3).

III, 3Ба — единственный наконечник этого типа происходит из п. 24 Таш-Елгинского могильника из позднего комплекса с ананьинским кельтом, типа I, 4Е и бронзовым черешковым наконечником стрелы, датированных VI—V вв. до н. э. Наконечник копья длиной чуть более 14 см имеет узкое перо с наибольшим расширением до 3 см в нижней части лопастей (рис. 71 — II, 3Ба).

К типу III, 2Б близки два бронзовых наконечника (из п. 60 Ак и п. 58 Лг) с круглым сечением втулки. На втулке пробиты отверстия для прикрепления наконечника к древку, и это не случайно, так как прорезей по нижнему краю лопастей наконечники не имеют, хотя они и намечены (рис. 72, 6). Нижний край втулки опоясан ободком из двух параллельных желобков, между которыми идет зигзагообразный узор. По аналогии с наконечником из Луговского могильника наконечник копья из п. 60 Ак был датирован VI в. до н. э.⁴⁰² Этой дате не противоречит и найденная вместе с копьем многовитковая височная спираль.

Каменные наконечники копий. Каменные наконечники копий в раннеананьинское время выходят из употребления. Отмеченные А. В. Збруевой так называемые каменные наконечники копий⁴⁰³ на самом деле являются наконечниками стрел длиной не более 10 см и шириной не более 2,5 см. Обилие металлических наконечников практически привело к полному изъятию каменных из употребления. Об этом свидетельствует тот факт, что ни в одном закрытом раннеананьинском комплексе не найдено каменного наконечника копья, если не считать крупного кварцитового наконечника с обломанным концом из Тетюшского могильника (рис. 72, 5), обнаруженного в раскопе I на древнем уровне.

Железные наконечники копий. Представлены 107 экз., из которых абсолютное большинство обнаружено в закрытых раннеананьинских комплексах, что наряду с их массовостью дает возможность провести их детальную классификацию⁴⁰⁴. Все железные наконечники копий кованые, втульчатые, двухперые с цилиндрической втулкой, имеющей обычно разрез в нижней части и отверстие для прибивания наконечника к древку (рис. 73). По наличию, степени выраженности или отсутствию продолжения втулки по центральной оси пера выделяются три основных типа:

I — наконечники с продолжением втулки по центральной оси пера до острия (рис. 73, I).

II — наконечники с имитацией продолжения втулки (выпуклое ребро) по центральной оси пера (рис. 73, II).

III — наконечники без продолжения втулки (рис. 73, III).

В свою очередь каждый тип соответственно подразделяется по соотношению длины пера и втулки на подтипы: 1 — с длинной втулкой и коротким пером, 2 — с равными по длине втулкой и пером, 3 — с длинным пером и короткой втулкой.

Внутри каждого подтипа выделяются по форме пера 3 вида, обозначенные

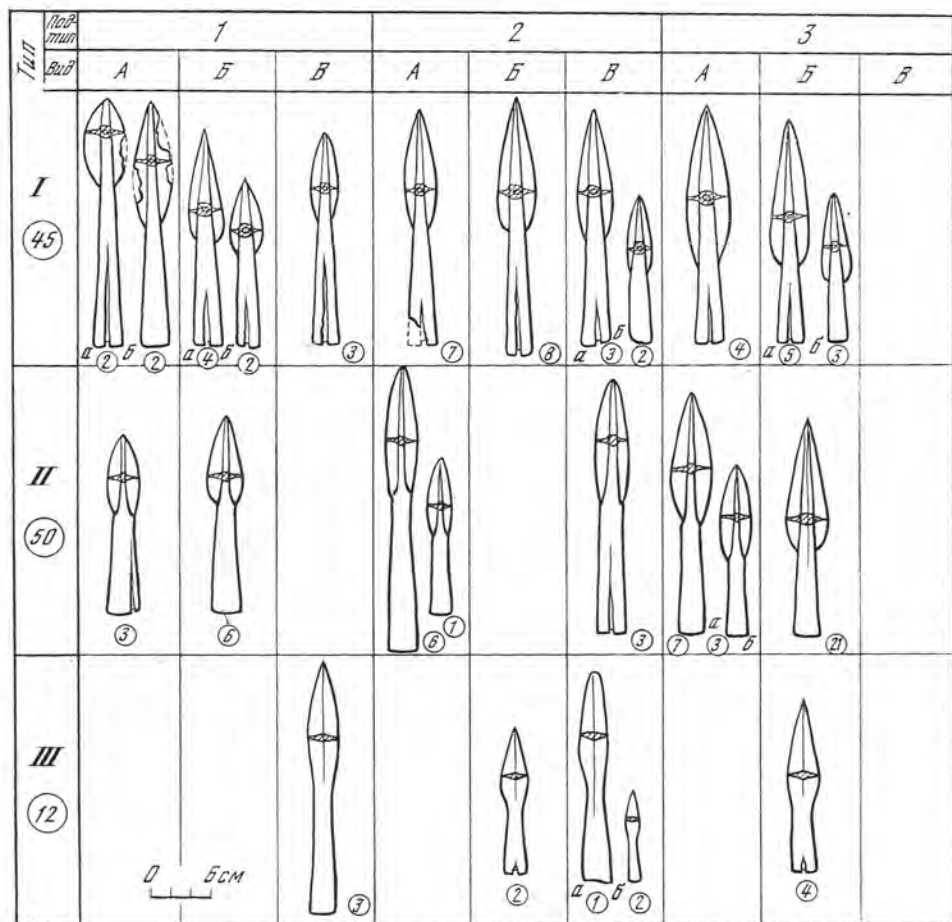

Рис. 73. Схема типологии раннеананьинских железных наконечников копий. В кружках обозначено количество экземпляров

заглавными буквами русского алфавита: А — с лавролистным пером, с наибольшим расширением в средней части пера, Б — с листовидным пером с наибольшим расширением в нижней трети длины пера, В — с узким (иволистным) пером.

По размерам выделяются крупные наконечники (длиной более 15 см), служившие наконечниками копий, и малые (длиной менее 15 см), которые могли использоваться в качестве наконечников метательных копий, т. е. дротиков. Однако классических дротиков с длинной втулкой и коротким пером практически нет.

Тип I — с продолжением втулки до острия пера (рис. 73, I). К этому типу отнесено 45 наконечников.

I, 1A — наконечники с лавролистным пером и длинной, обычно несомкнутой в нижней части втулкой, продолжающейся выпуклым ребром почти до острия пера (рис. 73, I, 1A). По длине пера выделяются две разновидности:

I, 1Aa — с очень коротким (около 1/3 общей длины) почти овальным пером и очень длинной втулкой (рис. 73,— I, 1Aa). Известно 2 экз. — один длинный наконечник (общая длина 25 см, длина пера 8,4 см) из п. 7 Нм (рис. 73 — I, 1Aa) и небольшой наконечник (общая длина 13 см, длина пера — 5 см), возможно, от дротика, из п. 407 Ст. А. В комплексе п. 407 Ст. А наконечник найден совместно с акозинско-меларским кельтом типа V, 1Av (рис. 46). Близкого типа наконечники известны в материалах гальштатских памятников стади Д, где они датируются VII—VI вв. до н. э.⁴⁰⁵ На Северном Кавказе⁴⁰⁶ и в Закавказье⁴⁰⁷ бронзовые и железные наконечники с очень длинной втулкой и коротким пером считаются ранним типом и датируются VIII—VII вв. до н. э. Дата подтверждается находкой такого наконечника в одном из наиболее архаичных раннеананьинских памятников — I Новомордовском могильнике.

I, 1Ab — с относительно длинным лавролистным пером и длинной втулкой (общая длина — 25—30 см, длина пера немного короче длины втулки, что приближает их к типу I, 2A). Оба наконечника происходят из Ст. А, в том числе: один (рис. 73—I, 2Ab) — из п. 122, другой — из п. 220. Комплекс п. 220 датируется ананьинским кельтом типа I, II VII в. до н. э. Такого типа наконечник с относительно длинным пером известен из каменного ящика, исследованном в 1946 г. в Березовском могильнике⁴⁰⁸, где он найден с биметаллическим кинжалом VIII—VII вв. до н. э. (четвертый вариант по А. И. Тереножкину)⁴⁰⁹.

I, 1B — представлен наконечниками с листовидным относительно коротким (меньше длины втулки) пером с наибольшим расширением в нижней части. По размерам выделяется два варианта.

I, 1Ba — крупные наконечники общей длиной от 20 до 28 см при длине пера от 9 до 12 см с округло-скошенным к втулке основанием пера (рис. 73 — I, 1Ba). Известно 4 экз. все из Ст. А, пп. 93, 284 (рис. 73 — I, 1Ba), 295, 711. В комплексах такие наконечники найдены вместе с ананьинским кельтом типа I, 1B (п. 295) и железным кинжалом с брусковидным навершием и без перекрестия (тип I, 2E, рис. 61, 11), датированных в основном VII в. до н. э.

I, 1Bb — небольшие наконечники общей длиной 16—19 см с несколько вогнуто скошенным по втулке основанием пера (рис. 73—I, 1Bb). Известно 2 экз. оба из Ст. А — пп. 186 (рис. 73—I, 1Bb) и 688. В последнем найден совместно с ананьинским кельтом типа I, 1D и характерной для VIII—VII вв. до н. э. «киммерийской» лунницей с пятью кружками.

I, 1B — длинные наконечники копий с узким листовидным (иволистным), относительно коротким пером и продолжением длинной втулки до острия пера (рис. 73—I, 1B). Известно 3 экз., в том числе: 2 — из Ст. А. (п.п. 145, 278, рис. 73—I, 1B) и 1 — из Ак, р. 1958 г. (кв. E—8). Последний на основании близости к железному наконечнику из Бештау⁴¹⁰ был датирован VIII—VII вв. до н. э.⁴¹¹ Наконечники из Ст. А — в п. 145 с ананьинским кельтом типа I, 13, в п. 278 с ананьинским кельтом типа I, 1B — уточняют время их бытования VII в. до н. э. Длина их колеблется от 19,5 до 28 см при длине пера — от 9 до 13 см.

В целом, наконечники первого подтипа I типа бытовали не позже VII в. до н. э.

Во второй подтип I типа включены железные наконечники с выпуклым продолжением втулки до острия по продольной середине пера, длина которого обычно равна длине втулки. Всего таких наконечников 21. Среди них выделяется 3 вида.

I, 2A — средней величины наконечники копий (общая длина — 18—24 см) с расширенной внизу втулкой и лавролистной формой пера с расширением в средней части (рис. 73—I, 2A). Известно 7 экз., в том числе: 5 — из Ак (п. п. 15, 22, 24, 31, находка 1958 г.) и 2 — из Ст. А (п. п. 524 — рис. 73 — I, 2A, 528). Любопытно, что эти наконечники в комплексах найдены только с аозинско-меларскими кельтами типа III, 1Ag (Ак, п. 15), III, 1Bг (Ак, п. 22), III, 1Bб (Ст. А, п. 528), IV, 1Bб (Ст. А, п. 524; здесь же бронзовые удила со стремечковидными концами), датированными в основном концом VII — первой половиной VI в. до н. э.

I, 2B — наконечники средней длины (21—27 см) с расширенной книзу разомкнутой втулкой, равной по длине листовидному перу, имеющему наибольшее расширение в нижней части (рис. 73—I, 2B). Известно 8 экз. — все из Ст. А, п. п. 124, 223, 272—2 (рис. 73—I, 2B), 284, 568, находки 1965 г. (2 экз.) и 1966 г. В датированных комплексах встречены вместе с биметаллическим двулезвийным кинжалом типа I, 2A (п. 124), биметаллическим однолезвийным кинжалом I типа (п. 568), ананьинскими кельтами типа I, 1Ж (п. 272), I, 1B (п. 124), I, 2B (п. 272) и аозинско-меларским кельтом типа I, 1Ad (п. 568). Все эти комплексы не моложе VII в. до н. э. Близкие и по форме, и по времени (VIII—VII вв. до н. э.) два наконечника копья, но с мелкими круглыми прорезьями в нижней части пера известны из кургана у с. Бутенки на Ворскле⁴¹², а также в памятниках раннего этапа Гальштатта⁴¹³.

I, 2B — наконечники с узким листовидным пером, которые по величине подразделяются на два варианта.

I, 2Ba — относительно крупные наконечники длиной от 22,5 до 31 см с толстой (до 3 см в диаметре) втулкой и узким пером, расширенным в средней части. Известен в 3 экз. — все из Ст. А, п. п. 333 (рис. 73 — I, 2a), 381, 421. Комплекс п. 421 аозинско-меларским, кельтом типа III, 1B д и железным боевым топором (рис. 67, 2) типа 1Ab датируется концом VII—VI в. до н. э.

I, 2Bб — малые наконечники, возможно, от дротиков длиной не более 15 см с массивной расширенной книзу втулкой и узким пером. Известно 2 экз. — все из Ст. А, п. п. 247 (рис. 73, I, 2Bб), находка 1967 г. В обоих случаях они найдены со втокообразными железными мотыгами типа 4 (рис. 45, 5), датированными VI в. до н. э.

К третьему подтипу отнесены наконечники с продолжением втулки до острия пера, длина которого больше длины втулки. Выделяется 2 вида.

I, 3A — наконечники с относительно широким лавролистным пером и расширенной книзу втулкой с прорезью. Всего известно 7 экз., в том числе: 4 — из Ст. А (п. п. 383 — рис. 73 — I, 3A, 489, 555, 750), 2 — из Ак (п. 81, находка 1971 г.) и 1 — из Нм (находка 1964 г.). Общая их длина в среднем от 20 до 27 см. В комплексах обнаружены вместе с железным кинжалом с брусковидным навершием и перекрестием типа I, 2B (п. 383), бронзовыми псалями со стремечковидными концами (п. 383), аозинско-меларскими кельтами типа III, 1Bд (п. п. 489, 555) и бронзовыми двух- и трехперыми наконечниками стрел (п. п. 383, 750), в основном датированными VII — началом VI в. до н. э.

Близкий по форме и размерам железный наконечник копья известен из Носачевского кургана VIII—VII вв. до н. э. на Черкасщине⁴¹⁴. По мнению Г. Т. Ковпаненко, такие наконечники в лесостепном Поднепровье доживают до середины VI в. до н. э.⁴¹⁵

I, 3Б — наконечники с листовидным пером, имеющим наибольшее расширение в нижней части пера, более длинного, чем втулка. По размерам выделяются два варианта.

I, 3Ба — наконечники копий длиной от 20 до 26 см с расширенной книзу и разомкнутой втулкой. Известно 5 экз. — все из Ст. А (п. п. 250, 270, 272, 306 — рис. 73 — I, 3Ба, находка 1962 г.). В комплексах эти наконечники найдены совместно с ананьинскими кельтами типа I, 1В (п. 270), I, 2В (п. 272), I, 1Ж (п. 272), акозинско-меларским кельтом типа I, 1Бд (п. 306), железным наконечником копья типа I, 2Б (п. 272) и железным мечом с округлым навершием и почковидным перекрестием (п. 250), относящихся в основном к VII в. до н. э.

I, 3Бб — малые наконечники длиной менее 15 см, вероятно, от дротиков с расширенным в нижней части листовидным пером. Известно 3 экз. из Ст. А (п. п. 131, 139 — рис. 73 — I, 3Бб, находка 1969 г.), в комплексах найденные совместно с ананьинскими кельтами типа I, 1Е (п. 131) и I, 1И (п. 139), датированными VII в. до н. э.

В целом I тип железных наконечников копий и дротиков следует признать наиболее ранним типом, бытовавшим в VIII—VII вв. до н. э. Следует отметить большую близость их по форме, а в ряде случаев и по размерам к I типу бронзовых цельнолитых наконечников копий без прорезей в нижней части лопастей пера. Хронологически и бронзовые, и железные бытовали вместе, но бронзовые уходящие корнями во II тысячелетие до н. э.,⁴¹⁶ несомненно, послужили основой для начала изготовления железных. Хронологически ранний возраст железных наконечников, отсутствие или редкость подобных в других районах (степи Восточной Европы, Кавказ и др.) заставляет полагать местное развитие I типа железных наконечников копий.

II тип железных наконечников в качестве характерной особенности имеют продолжение втулки в виде цельного, непустотелого ребра по продольной оси пера. Всего к этому типу отнесено 50 наконечников, которые по соотношению длины пера и втулки подразделяются на подтипы, по форме пера — на виды, по размерам — на разновидности или варианты.

II, 1а — относительно некрупные наконечники (длиной 18—19,5 см) с длинной втулкой и лавролистным пером, расширенным в средней части и имеющим уплощенно-ромбическое сечение с выступами ребер. Известно 3 экз. — все из Ст. А (п. п. 114—4, рис. 73, II, 1А), 766, находка 1973 г. В п. 114 найден вместе с бронзовым тесловидным топором (рис. 50), ананьинскими кельтами типа I, 1Ж и I, 2Б, датированными VIII—VII вв. до н. э. Однако в п. 766 копье типа II, 1А найдено совместно с железными втульчатыми наконечниками стрел с листовидным пером (тип. I, В3а), доживающими до VI в. до н. э. В. А. Ильинская и Г. Т. Ковпаненко считают такие наконечники наиболее ранними в памятниках скифского времени и выводят их от местных бронзовых наконечников чернолесской культуры⁴¹⁷.

II, 1Б — средних размеров (длина 16—23 см) наконечники копий с длинной расширенной книзу втулкой и листовидным, почти подтреугольным пером,

по продольной оси которого проходит выпуклое ребро. Известно 6 экз., в том числе: 3 — из Ст. А., п. 889 (рис. 73 — II, 1Б), 900, находка 1968 г., по 1 — из Ак (находка 1971 г.), Лг (п. 48)⁴¹⁸ и Ан (НМФ, 7261 : 55). В п. 900 Ст. А вместе с копьем найден оригинальный железный вток сосковидной формы (рис. 74, 3). В п. 48 Лг найден вместе с ананьинским кельтом типа I, 2В в п. 889 Ст. А — с III типом (однолезвийным) кинжала, в п. 900 Ст. А — с большим набором бронзовых и железных наконечников стрел, железными удилами и трехпетельчатыми псалнями и пр., бытовавшими в основном в VI в. до н. э. В скифских памятниках такого типа наконечники, но с более крутым переходом от пера ко втулке, начинают широко встречаться в комплексах первой половины V в. до н. э.⁴¹⁹, поэтому наши наконечники, предшествующие скифским, следует рассматривать как местное развитие.

Ко второму подтипу (II, 2) относятся наконечники с равной длины пером и втулкой, со слабо выпуклым ребром по продольной оси пера, в наибольшей степени близкие к скифским наконечникам. Однако последние в большинстве случаев имеют кольцевой ободок по краю втулки, что не наблюдалось ни на одном наконечнике из раннеананьинских памятников. Среди них выделяется 2 вида.

II, 2А — наконечники с лавролистным пером с двумя разновидностями (вариантами).

II, 2Аа — крупные наконечники длиной от 20 до 30 см. Известно 6 экз., в том числе: 4 — из Ст. А, п. 806, находки 1962 (рис. 73 — II, 2Аа), 1965, 1968 гг.; по 1 — из Ак (п. 86) и Лг (п. 57). В п. 806 Ст. А найден вместе с акозинско-меларским кельтом типа III, 1Б г, в п. 57 Лг вместе с железным акинаком с золотой инкрустацией⁴²⁰, датированных VI в. до н. э. (первой половиной?). Близкий тип наконечника известен в материалах поздних памятников кобанской культуры на Северном Кавказе, в частности Лугового могильника, в комплексах VI—V вв. до н. э.⁴²¹ Однако северокавказские наконечники, так же как и скифские, имеют не характерный для раннеананьинских наконечников ободок по краю втулки.

У скифов этот тип наконечника с пером лавролистной формы и относительно длинной втулкой, имеющей продолжение по продольной оси пера в виде ребра, особенно широкое распространение получает в VI в. до н. э.⁴²² А. И. Мелюкова выделяет в своей классификации такие наконечники в I тип I отдела⁴²³.

II, 2Аб — относительно небольшой наконечник (длина его — 16 см), из п. 86 Ак, близок к крупным наконечникам не только по форме, но и по времени, так как найден вместе с одним из наконечников II, 2Аа.

II, 2В — крупные (длина — 22—26 см) узколистные наконечники копий с равной длиной пера и втулки известны в 3 экз. в том числе: 2 — из Ак, п.п. 92 и 94, 1 — из Тт, п. 221 (рис. 32, 7; 73 — II, 2В). В п.п. 92 и 94 Ак описываемые наконечники найдены совместно с акозинско-меларскими кельтами типа III, 1Б г и III, 1Бд, датированными VI в. до н. э., а в п. 221 Тт вместе с ананьинским кельтом типа I, 2В, бытовавшим в VII в. до н. э. Эти наконечники можно сблизить с северокавказскими, известными из Николаевского прото-моетского могильника VIII—VII вв. до н. э.⁴²⁴, но бытовавших и в VI в. до н. э.⁴²⁵

В 3 подтип включены железные наконечники, имеющие перо длиннее втулки. Такие наконечники в основном характерны для памятников эпохи

раннего железа Кавказа и Северного Причерноморья. Раннеананьинские наконечники имеют более длинную втулку, чем кавказские и скифские.

II, 3A — наконечники с лавролистным пером, подразделяющиеся по величине на две разновидности (варианта):

II, 3Aa — крупные наконечники длиной от 20 до 26 см. Известно 7 экз., в том числе: 4 — из Ст. А, п. п. 215, 560, 704, 848 и 3 — из Ак, п. 84, находки 1971, 1972 гг. (рис. — 73, II, 3a).

В п. 704 Ст. А найден с бронзовыми наконечниками стрел и аозинско-меларским кельтом типа II, 1Бг, относящимся к VII — началу VI в. до н. э.; в п. 84 Ак. — вместе с аозинско-меларским кельтом типа IV 2Бе, характерным для VI в. до н. э., а в п. 215 Ст. А вместе с ананьинским шестигранным кельтом типа II, 2В, датированным VI — началом V в. до н. э. Этим же временем, т. е. от конца VII до начала V в. до н. э., очевидно, и следует ограничить время бытования описываемых наконечников.

II, 3Ab — малые наконечники длиной от 17 до 18,5 см, по форме аналогичные основному варианту (рис. 73—II, 3Ab). 3 экз. — Ст. А, п. 704, находки 1966 г.

Описываемый тип наконечников копий широко представлен в памятниках Западного Кавказа (см. Куланурхвский ⁴²⁶, Гуадихинский ⁴²⁷ и Красномаяцкий ⁴²⁸ могильники в Абхазии) и Закавказья, в том числе и в позднеурартских памятниках, где они очень четко датируются концом VII — началом VI в. до н. э. ⁴²⁹

II, 3B — один из наиболее многочисленных и характерных для раннеананьинских памятников типов железных наконечников копий. Это относительно крупные (длина — от 20 до 38 см) наконечники с листовидным пером, умеренно расширенным в нижней части, более короткой, чем перо, втулкой, продолжающейся по продольной оси пера в виде высокого граненого ребра. В этом отношении они близки к наконечникам I, 3B и, очевидно, представляют их развитие. Своими правильными очертаниями они напоминают классические сеймино-турбинские наконечники, выполненные из бронзы. Отсутствие переходных форм и слишком большой хронологический разрыв (более чем в 500 лет) заставляют отказаться от соблазнительной мысли об их преемственности.

Всего известен 21 экз., в том числе: 9 — из Ст. А. п. п. 74, 2266 (рис. 73, II, 3B), 228, 554, 560, 712, 849, 850, 924; 6 — из Ак, п. п. 11, 38, 52, 54, 55, находка 1958 г.; 4 — из Ан (НМФ, 1400, 485, 486, 487, 488); по 1 — из Нм, п. 22 и городища Ройский Шихан.

По материалам Аозинского могильника эти наконечники были отнесены к переходному от I ко II типу и датированы VI—V вв. до н. э. ⁴³⁰ Новые данные подтвердили это положение. Большинство наконечников из хорошо датированных комплексов Ст. А также датируются этим временем: п. 74 (по длинному железному ножу-кинжалу, кельтам ананьинского типа II, 2В и аозинско-меларского типа III, 1Бг); 2266 (по железному акинаку типа рис. 60, 7), 228 (по ананьинскому кельту типа II, 2В) и т. п. Вместе с тем были получены материалы о начале бытования таких наконечников копий в VII в, а может быть, и второй половине VIII в. до н. э.; см. Ст. А, п. 554 (с аозинско-меларским кельтом типа I, 1Бг), п. 712 (с аозинско-меларским кельтом типа V, 1Бг), п. 22 Нм (с раннеананьинскими кельтами типа I, 2В) и т. п.

Близкий тип наконечников копий известен на Северном Кавказе, например в могиле 1921 г. Каменноостского могильника в Кабарде⁴³¹, датированного по железному кинжалу началом VI в. до н. э.⁴³² В скифской культуре железные наконечники копий с трехгранным ребром широко распространение имеют в первой половине V в. до н. э.⁴³³ Все это свидетельствует об оригинальности раннеананьинских наконечников типа II, 3Б, датированных более ранним временем, чем скифские и северокавказские.

III тип объединяет железные наконечники копий с плоским, подромбическим в сечении пером и цилиндрической, слегка расширенной книзу втулкой, почти не имеющей прорези и завершающейся на грани перехода к перу. В отличие от первых двух типов наконечники третьего типа не отличаются большим разнообразием форм, что, вероятно, связано с их стандартизацией. Так, в первом подтипе выделяется лишь один вид.

III, 1В — это крупные наконечники (длина их 26—28,5 см) с более длинной втулкой и относительно коротким, плоскоромбическим в сечении пером узкой листовидной формы. Известно 3 экз. — все из Ст. А, пп. 447, 742 (рис. 73 — III, 1В), находка 1974 г. В комплексах отмеченных погребений наконечники встречены с аозинско-меларскими кельтами и раннего (п. 742, тип I, 2Бг, VIII—VII вв. до н. э.), и позднего (п. 447, тип III, 1Ад, VI в. до н. э.) типов, поэтому не исключено и начало раннего их бытования — в VII в. может быть, на грани VIII—VII вв. до н. э. В Скифии такие наконечники появляются лишь в конце VI в. до н. э. и особенно широкое распространение имеют в V в. до н. э.⁴³⁴

На Северном Кавказе железные наконечники с длинной втулкой и узким плоскоромбическим в сечении пером, судя по материалам Зандакского могильника (см. п. 51, коллекции Северо-Осетинского музея, ОС, 4259 : 115), появляются довольно рано — не позже VIII в. до н. э.

Во втором подтипе, объединяющем наконечники с равной длиной плоского пера и цилиндрической втулки, выделяется два вида II, 2Б и III, 2В.

III, 2Б — два коротких наконечника длиной не более 15 см с подтреугольно-листовидным пером с максимальным расширением в нижней части. Оба из Ст. А., п. 660 (рис. 73 — III, 2Б), и находка 1969 г. В комплексе п. 660 найден совместно с аозинско-меларским кельтом типа II, 1Бд, датированным VII—VI вв. до н. э.

В скифских землях близкого типа наконечники, но только крупных размеров и с почти обязательным ободком по низу втулки имели широкое бытование с рубежа VI—V вв. до IV—III вв. до н. э.⁴³⁵

III, 2В — наконечники с узким и плоским листовидным пером, длина которого равна длине втулки. По размерам выделяется две разновидности.

III, 2Ва — средних размеров (длина — 22 см) наконечник с уплощенно-ромбическим в сечении пером (рис. 73, III, 2а), найденный в п. 92 Ак совместно с железным копьем типа II, 2В и аозинско-меларским кельтом типа III, 1Бг, датированным VI в. до н. э.

III, 2Вб — два небольших (длина — 9—15 см) наконечника, скорее всего от дротиков с плоским пером и подцилиндрической втулкой. Один происходит из Ак, п. 98 (рис. 73—III, 2Вб) вместе с железными удилами VI в. до н. э., другой — из Ст. А., п. 401 вместе с ананьинским кельтом типа II, 2В, датированным рубежом VI—V вв. до н. э.

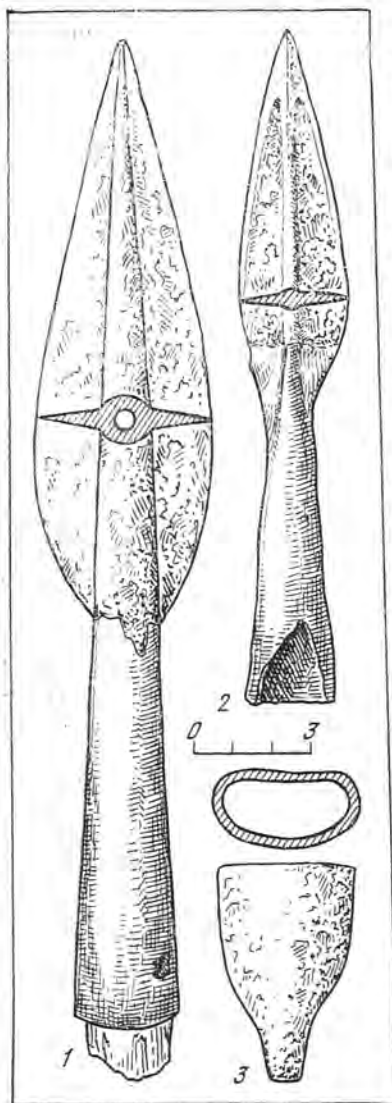

Рис. 74. Биметаллические наконечники копий (1, 2) и железный вток (3) от древка копья

1, 3 — Ст. Ахмыловский могильник:
1 — погр. 314,
3 — погр. 900;
2 — Малые Мими

В скифо-савроматском мире такие наконечники, но более крупные и массивные, стали непременным оружием всадника с рубежа V—IV вв. до н. э.⁴³⁶

Третий подтип — наконечники с пером, более длинным, чем втулка, — представлен лишь одним видом — III, 3Б. Это короткие (19—28 см), но крепкие наконечники, имеющие подтреугольно-листовидное перо с расширением в нижней части. Известно 4 экз., в том числе 3 из Ст. А., пп. 613 (рис. 73—III, 3Б, вместе с аозинско-меларским кельтом типа II, 1Вд, VII—VI вв. до н. э.), 733 (вместе с аозинско-меларским кельтом типа I, 1Ад VIII—VII вв. до н. э.), 774 (вместе с аозинско-меларским кельтом типа II, 1Вг VII в. до н. э.). Еще одно копье происходит из Ак (находка 1958 г.). В целом этот подтип наконечников копий также нельзя считать поздним. Начало его бытования в раннеананьинской среде отмечается значительно раньше, чем в Скифии, где такие по форме, но более крупные по размерам и с более узким, так называемым ланцетовидным, пером наконечники, предназначенные для боя с противником, защищенным пластинчатым или чешуйчатым металлическим панцирем, становятся известными лишь с V в. до н. э.⁴³⁷

Биметаллические наконечники копий. Представлено всего лишь 2 экз. (рис. 74, 1, 2). У обоих железное перо и бронзовая втулка. Один из них, довольно крупный (длина его — 26 см, длина пера — 16 см) с листовидным пером (рис. 74, 1), может быть отнесен к типу I, 3Б по классификации железных наконечников. Может быть, он им предшествует, так как в п. 314 Ст. А он сопровождается комплексом (аозинско-меларский кельт типа II, 1Аг, обломки кавказского металлического сосуда) VIII—VII вв. до н. э. По форме он близок к типу I, 2Ба бронзовых наконечников копий, характерных для VII в. до н. э.

Второй наконечник, происходящий из случайных находок в окрестности с. Малые Мими (Верхнеуслонский район Татарской АССР) и хранящийся в коллекции В. И. Засайлова (НМФ, 5384 : 1314), относится к типу

II,3Б классификации железных наконечников копий. Размеры его небольшие (длина — 18 см) (рис. 74, 2). Оформлением верхней части он напоминает разновидности «а» бронзовых наконечников копий.

Биметаллические наконечники копий, очевидно, бытовали лишь при переходе от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Кроме Среднего Поволжья, такие наконечники известны в Предкавказье (Николаевский могильник)⁴³⁸ и Закавказье (памятники урартского времени Армении)⁴³⁹, где они датируются VIII—VII вв. до н. э.

Луки и стрелы

Раннеананьинские воины и охотники, очевидно, были искусными стрелками из лука. Об этом говорят довольно многочисленные (более 420 экз.) находки наконечников стрел, сделанных из различного материала — кремня, кости, дерева, бронзы и железа. Об этом же свидетельствуют слова очевидцев о потомках ананьинцев, в частности автора первой четверти XVI в. Герберштейна, который писал о людях, живших «на обширном пространстве от Вятки и Вологды до реки Камы», что «все они, как мужчины, так и женщины, весьма быстры на бегу, весьма искусны в метании стрел, потому что никогда не выпускают из рук лука; у них есть даже обычай не давать пищу сыновьям, пока они не попадут стрелой в назначенную цель»⁴⁴⁰.

Луки. Хотя остатки луков пока не найдены, однако известны два интересных их изображения, отлитые из бронзы в виде небольших подвесок. Одна из них, происходящая из Буйского городища (рис. 75, 1)⁴⁴¹, представляет модель характерного для I тысячелетия до н. э.⁴⁴² короткого сложного лука скифского типа сигмаобразной формы. Очень близкую ей аналогию имеет савроматская бляшка в виде лука со стрелой, найденная в кургане IV в. до н. э. у с. Благословенского под Оренбургом⁴⁴³.

Вторая подвеска, происходящая из с. Омарский Починок Мамадышского района Татарской АССР⁴⁴⁴, представляет собой изображение такого же короткого скифского лука, но помещенного в горит и высовывающегося из него лишь одним концом, оформленным в виде крючка с орлиной головкой (рис. 75, 2). Сам горит имеет подпрямоугольную форму со скошенным нижним концом и петель в верхней части короткой стороны. Поверхность горита, очевидно, была украшена полуовальными накладками. Оформление концов луков изображением птичьих голов характерно уже для раннего скифского периода, примером чему может служить такая деталь из кургана № 319 у Гуляй-Города⁴⁴⁵.

Лук скифского типа, развитие которого началось в степях Евразии еще в эпоху бронзы⁴⁴⁶ и продолжалось до времени Киевской Руси и Волжской Булгарии⁴⁴⁷, сохранялся почти до конца XIX в. у ряда народов Среднего Поволжья и Прикамья, в частности у марийцев. Как сообщает Г. А. Крюкова, «старинный марийский лук («ян-ях») изготовлялся из березы или вяза и обычно оплетался берестой. Тетивой служила бечевка, сплетенная из суровых ниток или лосиные сухожилия»⁴⁴⁸. Такие луки были невелики. Почти единственные археологически зафиксированные остатки скифского лука, изготовленные из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры, и

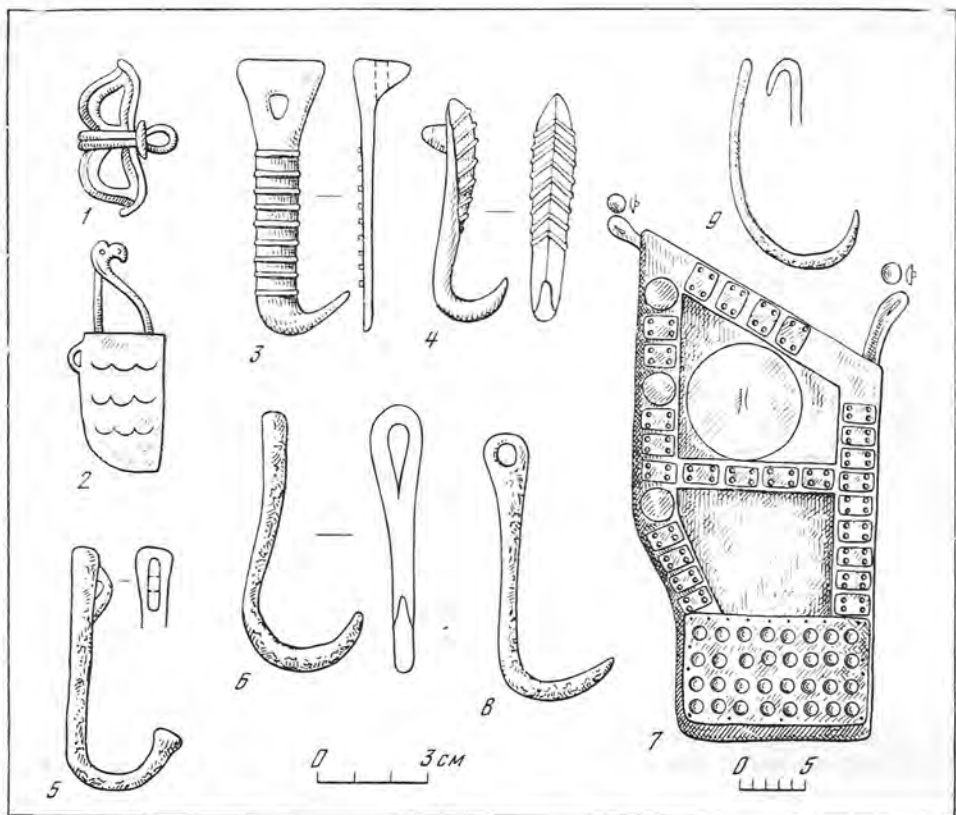

Рис. 75. Изображения ананьинского лука (1), горита с луком (2), колчаные крючки (3—6, 8, 9) и реконструкция раннеананьинского горита (7)

1 — Буйское городище; 2 — с. Омары Мамадышского района Тат. АССР; 3, 4, 6, 7, 8 — Ст. Ахмыловский могильник: 3 — погр. 670; 4 — 1969 г.; 6 — 226 б; 7 — погр. 301; 8 — 1969 г.; 5, 9 — Акозинский могильник: 5 — 1956 г.; 9 — 1972 г.; 1—4—бронза; 5, 6, 8, 9 — железо; 7 — кожа и бронза

найденного в погребении IV в. до н. э. около Керчи, имели длину 64,5 см⁴⁴⁹ К. Ф. Смирнов по соотношению длины древка стрелы и самого лука на оренбургской бляшке считает, что савроматские луки при длине древков стрел в 60 см были в длину не менее 80 см⁴⁵⁰.

Гориты. Луки, очевидно, хранились в специальном футляре — горите, изображенном на Омарской бляшке, и судя по относительным размерам в длину бывшем чуть больше половины длины лука (рис. 75, 2), т. е. около 40—50 см при ширине 15—20 см. Такие размеры имеют очертания кожаного горита, обложенного медными накладками, остатки которого были найдены в п. 301 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 75, 7). Основание горита, окантованное пря-

моугольной бляхой-накладкой (16 × 9,5 см), было уже, чем верхняя часть. Эта накладка, имевшая по краям прорези для пришивания на кожу, была покрыта характерной для раннеананьинского времени (VII—VI вв. до н. э.) орнаментацией из четырех рядов полушаровидных выпуклин. Края горита были окантованы более мелкими подчетыреугольными накладками с такими же выпуклинами (по 4 на каждой накладке). По одному краю таких накладок было 9, лежавших общей полосой в 18 см (вся длина этого края, учитывая ширину нижней бляхи и зазор между верхней поперечной и краевой полосами, была не менее 30 см). Противоположный край был также окантован полосой с медными накладками — прямоугольными с чередующимися круглыми (через 4,3 и 2) — и имел изогнутую в нижней части форму. Общая длина края — около 45 см. На расстоянии 20 см от низа края горита, идущие здесь уже параллельно, соединялись полоской, украшенной шестью прямоугольными накладками и имевшей общую длину около 20 см, что и составляет, очевидно, ширину горита. Выше располагалась крупная плоская бляха (диаметр 10 см) с петлей на обратной стороне. Горит к поясу, или к портупей, а может быть, и к перевязи через плечо прикреплялся при помощи двух медных бляшек, найденных здесь же. Горит предназначался лишь для лука. Показательно, что в п. 301 никаких следов стрел не найдено. Такой формы (с суженным низом и расширенным верхом) и примерно таких размеров (длина — до 40 см, ширина внизу — около 20 см, сверху — до 30 см) гориты известны в памятниках скифского времени Северной Украины ⁴⁵¹.

Колчаны. Стрелы, очевидно, носились в кожаном или берестяном колчане, прикреплявшемся к поясу при помощи колчаных крючков. В п.п. 383, 605 Ст. Ахмыловского могильника вместе с бронзовыми и железными наконечниками стрел прослежены пятна от кожаного тлена колчанов. К сожалению, размеры и форму их установить невозможно, так как они ничем не украшались. Это, между прочим, характерно и для поздних марийских, даже таких парадных колчанов, как свадебные, которые изготовлялись из кожи или даже лыка ⁴⁵². В марийском языке «колчан» называется «ноло шувыш», т. е. «кожаный мешок для косяных стрел» ⁴⁵³. В такие колчаны обычно входило немного стрел — от 4 до 15. Таково обычно и число стрел, выявленных в отдельных погребениях раннеананьинских могильников.

В ряде погребений Ст. Ахмыловского, Аозинского, Ананьинского и других раннеананьинских могильников нередко вместе с наконечниками стрел найдены металлические крючки (рис. 75, 3—6, 8, 9), при помощи которых колчаны прикреплялись к ремню пояса или портупей воина и охотника. Ношение колчанов при помощи таких крючков в начале эпохи раннего железа было больше свойственно для племен Сибири и Урала ⁴⁵⁴. Скифы и население Кавказа их практически не употребляли.

В наших материалах известно три типа колчаных крючков:

I тип — бронзовый крючок с широкой подтреугольной верхней частью, имеющей вертикальное отверстие; плоской, украшенной горизонтальными валиками пластиной, от низа которой загибается крючок (Ст. А, п. 670, рис. 75, 3). Общая длина крючка 75 мм. Найден в комплексе с раннеананьинским кельтом типа I, 1E, датированным преимущественно VII в. до н. э. Прямых аналогий этому типу крючка я не знаю. Орнаментация его горизонтальными валиками,

напоминающая орнаментацию рукоятей некоторых карасукских ножей⁴⁵⁵, свидетельствует о его архаичности. По мнению К. Ф. Смирнова, такие крючки были характерны для ананьинцев, ибо у савроматов они встречаются в зоне контактов с ананьинцами⁴⁵⁶.

II тип — крючки с округлым или полуовальным расширением в верхней части. По форме и характеру расположения отверстия для крепления в этой части выделяется несколько видов.

II, 1 — с петлей, расположенной поперек оси крючка (рис. 75, 6). Это железный крючок длиной 7 см, напоминающий рыболовный, но без характерной для последнего бородкой на конце крючка. Происходит из Ст. А, п. 2266, где найден с железным акинаком с антенновидным навершием и железным наконечником копия, датированных концом VI — началом V в. до н. э. Сходного типа железные крючки известны в памятниках дьяковской культуры⁴⁵⁷.

II, 2 — с круглым отверстием на расширенном конце, расположенном вдоль оси крючка (рис. 75, 8). Это также железный крючок длиной 7,5 см, найденный в раскопе 1969 г. Ст. А. Аналогии ему мне неизвестны.

II, 3 — с горизонтальным ушком сзади расширенной части, лицевая сторона которой имеет двускатную форму, орнаментированную скошенными валиками (рис. 75, 4). Крючок бронзовый, длиной 6 см. Происходит из Ст. А, раскоп 2 1969 г. По форме и орнаментации к нему близки тагарские бронзовые крючки с петлей с обратной стороны⁴⁵⁸ и савроматские железные крючки⁴⁵⁹.

II, 4 — с вертикальным ушком спереди расширенной верхней части (рис. 75, 5). Это железный крючок длиной 6,5 см, найден в 1952 г. Р. В. Чубаровой на Акозинском могильнике вместе с 13 железными и 1 бронзовым наконечниками стрел, датированных VI в. до н. э.⁴⁶⁰ Близкие аналогии имеются среди савроматских⁴⁶¹ и тагарских⁴⁶² крючков.

Тип III — простые железные и бронзовые крючки с загнутыми концами (рис. 75, 9). Найдены по одному экземпляру в Ак (раскоп 1972 г.), Ст. А (п. 785) и Ан⁴⁶³. Аналогичные крючки встречаются в савроматских древностях⁴⁶⁴.

Наконечники стрел. Еще А. В. Збруева подметила характерную для набора ананьинских наконечников стрел особенность — преобладание в ранних памятниках (Луговской могильник) костяных и каменных, а в поздних (Ананьинский и Зуевский) — металлических, которые, по ее мнению, появились не раньше грани VI—V вв. до н. э.⁴⁶⁵ Новые материалы, в целом подтверждая такую последовательность, показали, что металлические наконечники бытовали с самого начала ананьинской культуры, т. е. с VIII в. до н. э. Однако в раннеананьинское время не только на поселениях, но и в могильниках довольно много кремневых и особенно костяных стрел. Были, очевидно, и деревянные, 2 из которых обнаружены в Ст. А, п. 750. По крайней мере деревянные и особенно костяные наконечники доживают у финноязычных народов Волго-Камья до XVIII—XIX вв. Например, у марийцев костяные наконечники стрел не только преобладали над железными⁴⁶⁶, но даже имели свое собственное название — «ноло»⁴⁶⁷.

Каменные наконечники стрел. Представлено 69 экз., найденных в раннеананьинских могильниках (Ст. Ахмыловский — 31 экз., Акозинский — 2 экз., Тетюшский — 6 экз., Луговской — 5 экз., Ананьинский — 11 экз., Котлов-

ский — 3 экз.) и поселениях (городища Васильсурское, Ройский Шихан и др.). Они в основном изготовлены высокой техникой преимущественно из кремня (рис. 76, 1, 2, 4, 5, 6, 8—16), реже — из светло-серого кварцита (рис. 76, 3, 7).

Все каменные наконечники стрел, естественно, черешковые. Но по степени выраженности черешка их можно подразделить на две большие группы: I — с выраженным черешком, II — без выраженного черешка. В первый отдел входят наконечники с приостренным черешком (рис. 76, 1—12); во второй — с уплощенным (усеченным) черешком (рис. 76, 13—16).

По форме основной части наконечника выделяется 7 типов, обозначенных русскими цифрами.

Тип I, 1 — наконечники стрел листовидной формы с относительно узким уплощенно-ромбическим в сечении пером, наибольшее расширение которого приходится на нижнюю половину (рис. 76, 12). Известен в 13 экз., в том числе: 7 — наконечников из Ст. А (п.п. 429, 509, 514, раскопы 1963 г. — 2 экз., 1969, 1974 гг.), 3 — из городища Ройский Шихан (раскопки 1956 г.)⁴⁶⁸, 2 — из Тт (п.п. 42, 120), 1 — из Лг, п. 56. Средние размеры наконечников: длина — 25—65 мм, ширина — 8—17 мм. Большинство датированных комплексов — Лг, 56; Ст. А, 429, 514; Тт, 42, 120 — относятся к VII в. до н. э. В п. 509 Ст. А, датированном ананьинским шестигранным кельтом типа II, 2A VI в. до н. э., наконечник стрелы уже использовался в качестве кремня для огнива.

Листовидные наконечники стрел, широкое распространение в крае получившие еще в раннем неолите⁴⁶⁹, сохранились до эпохи раннего железа. Значительной серией они представлены и в памятниках предшествующей приказанской культуры⁴⁷⁰.

Тип I, 2 — ланцетовидные или узколистовидные наконечники, линзевидные или уплощенно-ромбические в сечении, с наибольшим расширением ближе к середине (рис. 76, 9, 11). Известно 13 экз., в том числе: 8 — из Ан (коллекции НМФ, 5381), 3 — из Ст. А (п.п. 276, 429, 615), по 1 — из Лг (п. 53) и городища Ройский Шихан. В отличие от листовидных у них более вытянутые очертания: длина — 85—100 мм, ширина — 12—20 мм.

Наиболее характерными такие наконечники стрел были для памятников волосовской культуры первой половины II тысячелетия до н. э.⁴⁷¹, что даже побудило А. Я. Брюсова назвать подобные «узкими, длинными наконечниками волосовского типа»⁴⁷². Очевидно, от этого времени они и дожили до начала эпохи раннего железа.

К волосовскому⁴⁷³, если не более раннему неолитическому⁴⁷⁴, времени восходит и прототип ланцетовидной стрелы с треугольным выступом-черешком (рис. 76, 10), обнаруженный вместе с обычным листовидным наконечником в п. 276 Ст. А.

Тип I, 3 — наконечники ромбической формы с острыми концами и наибольшим расширением ближе к середине (рис. 76, 1, 2). Всего известно из закрытых комплексов 8 экз. таких наконечников, в том числе: 4 — из Тт, п. 200 (рис. 29, 2), 3 — из Ст. А, п. 483, 662, раскоп 1966 г., 1 — из Ак, п. 3 (рис. 76, 1). Все они, кроме кварцитового наконечника из Ст. А, п. 483, кремневые. Средняя их длина — 37—67 мм, ширина — 14—27 мм. Судя по комплексам, такие наконечники в раннеананьинское время бытовали в VII (п. 200 Тт с бронзовым наконечником копья и раннеананьинским кельтом типа I, 1B) — V (п. 3 Ак)⁴⁷⁵ вв. до н. э. Характерны они были и для приказанской культуры⁴⁷⁶

тогда как начало бытования таких форм в Среднем Поволжье уходит в неолитическое время ⁴⁷⁷.

Тип 1,4 — листовидно-черешковые наконечники с намеченным боковым шипом (рис. 76, 4). В комплексах раннеананьинского времени встречено всего лишь 3 экз., в том числе: 2 — из Ст. А, пп. 319, 509 (вместе с бронзовыми двукольчатыми удилами VIII — VII вв. до н. э.), 1 — из поселения Курган. Размеры их небольшие: длина — 41—58 мм, ширина — 13—16 мм. Близкого типа листовидные с намеченным боковым шипом кремневые наконечники стрел в Среднем Поволжье появляются еще в неолитическое время в среде балахнинских племен III тысячелетия до н. э. ⁴⁷⁸

Тип 1,5 — подромбически-черешковые наконечники стрел с вытянуто-треугольным пером, переходящим скошенной выемкой в короткий подтреугольной формы черешок (рис. 76, 5, 6). Известно 6 экз., в том числе: 5 — из Ст. А (п. 603, 684, раскопы 1963 г. — 2 экз. и 1966 г.), 1 — из поселения Курган. Размеры их средние: длина — 30—64 мм, ширина — 10—15 мм. В п. 603 Ст. А, такой наконечник (рис. 76, 5) найден совместно с аозинско-меларским кельтом типа I, 1Ад, датированным VIII—VII вв. до н. э. Такие наконечники стрел очень архаичны. В Волго-Камье они появляются еще в раннем неолите ⁴⁷⁹ и бытуют до начала эпохи раннего железа.

Тип 1,6 — двушипно-черешковые наконечники стрел так называемого классического сейминского типа. Известно 3 экз. — все из Ст. А, пп. 206 (рис. 76, 7), 614 (рис. 76, 8), раскоп 1966 г. Это небольшие наконечники с плоскоромбическим сечением. Длина их — 31—45 мм, ширина — 13—16 мм. В п. 206 встречен вместе с бронзовым наконечником копья и ананьинским кельтом типа II, 2А, датированным VI в. до н. э. В п. 614 наконечник с обломанным черешком лежал в костях, может быть, им и был убит погребенный.

Подобные наконечники стрел, особенно широко представленные в памятниках абашевской, чирковско-сейминской и балановской (на атли-касинском этапе) культур, наиболее характерными были для третьей четверти II тысячелетия до н. э. ⁴⁸⁰ Известны они и в памятниках приказанской культуры ⁴⁸¹.

II отдел представлен двумя типами наконечников стрел.

Тип II,1 — подтреугольные наконечники со слабо выемчатым основанием, близкие к типу турбинских наконечников стрел с усеченным основанием (рис. 76, 14, 15). Известно 3 экз., в том числе по одному наконечнику из Ак, п. 62 (с богатым набором VII в. до н. э.), Гулькинского могильника, п. 5 и Ст. А (раскоп 1969 г.). Размеры небольшие: длина — 40—42 мм, ширина — 14—20 мм. Анало-

Рис. 76. Каменные (А) и костяные (Б) наконечники стрел раннеананьинского времени

А — каменные наконечники стрел. 1, 14 — Аозинский могильник: 1 — погр. 3; 14 — погр. 62; 2 — Тетюшский могильник, погр. 200; 3—10, 12, 13, 15 — Ст. Ахмыловский могильник: 3 — погр. 483; 4 — погр. 509; 5 — погр. 603; 6 — погр. 684; 7 — погр. 206; 8 — погр. 614; 9, 10 — погр. 276; 12 — погр. 429; 13 — погр. 693; 15 — раскоп I 1969 г.; 11 — Ананьинский могильник; 16 — II Васюковское поселение
3, 7 — кварцит; остальные — кремнь
Б — костяные наконечники стрел. 17, 23 — Ст. Ахмыловский могильник: 17 — погр. 750; 23 — погр. 276; 18, 27 — могильник Таш-Елга: 18 — погр. 17; 27 — погр. 6; 19, 20, 26 — Васильсурское городище; 21, 22, 25, 29 — городище Ройский Шихан; 24 — поселение Курган; 28 — Луговской могильник, погр. 28.

тогда как начало бытования таких форм в Среднем Поволжье уходит в неолитическое время ⁴⁷⁷.

Тип I,4 — листовидно-черешковые наконечники с намеченным боковым шипом (рис. 76, 4). В комплексах раннеананьинского времени встречено всего лишь 3 экз., в том числе: 2 — из Ст. А, пп. 319, 509 (вместе с бронзовыми двукольчатыми удилами VIII — VII вв. до н. э), 1 — из поселения Курган. Размеры их небольшие: длина — 41—58 мм, ширина — 13—16 мм. Близкого типа листовидные с намеченным боковым шипом кремневые наконечники стрел в Среднем Поволжье появляются еще в неолитическое время в среде балахнинских племен III тысячелетия до н. э. ⁴⁷⁸

Тип I,5 — подромбически-черешковые наконечники стрел с вытянуто-треугольным пером, переходящим скошенной выемкой в короткий подтреугольной формы черешок (рис. 76, 5, 6). Известно 6 экз., в том числе: 5 — из Ст. А (п. 603, 684, раскопы 1963 г. — 2 экз. и 1966 г.), 1 — из поселения Курган. Размеры их средние: длина — 30—64 мм, ширина — 10—15 мм. В п. 603 Ст. А, такой наконечник (рис. 76, 5) найден совместно с аозинско-меларским кельтом типа I, 1Ад, датированным VIII—VII вв. до н. э. Такие наконечники стрел очень архаичны. В Волго-Камье они появляются еще в раннем неолите ⁴⁷⁹ и бытуют до начала эпохи раннего железа.

Тип I,6 — двушипно-черешковые наконечники стрел так называемого классического сейминского типа. Известно 3 экз. — все из Ст. А, пп. 206 (рис. 76, 7), 614 (рис. 76, 8), раскоп 1966 г. Это небольшие наконечники с плоскоромбическим сечением. Длина их — 31—45 мм, ширина — 13—16 мм. В п. 206 встречен вместе с бронзовым наконечником копья и ананьинским кельтом типа II, 2А, датированным VI в. до н. э. В п. 614 наконечник с обломанным черешком лежал в костях, может быть, им и был убит погребенный.

Подобные наконечники стрел, особенно широко представленные в памятниках абашевской, чирковско-сейминской и балановской (на атли-касинском этапе) культур, наиболее характерными были для третьей четверти II тысячелетия до н. э. ⁴⁸⁰ Известны они и в памятниках приказанской культуры ⁴⁸¹.

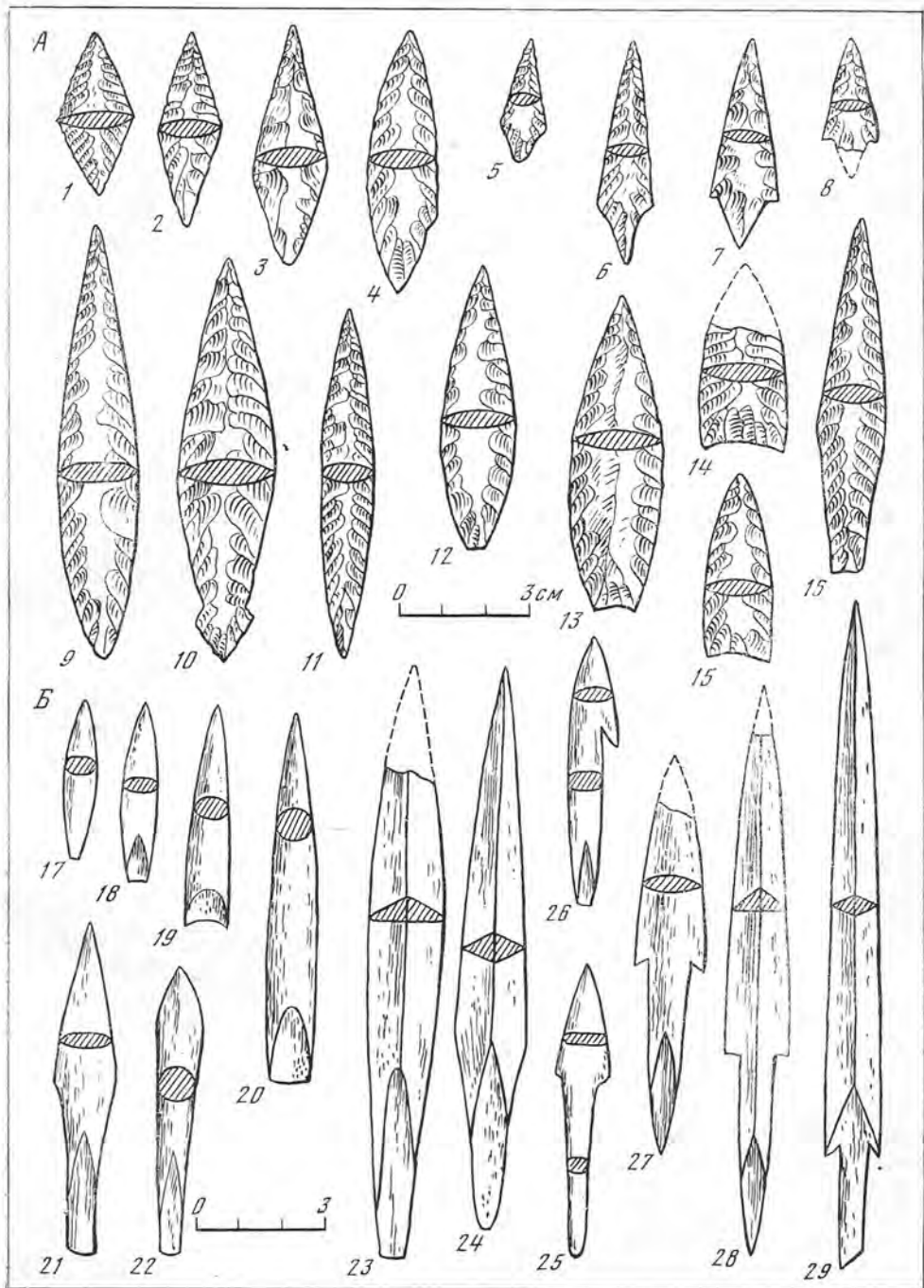
II отдел представлен двумя типами наконечников стрел.

Тип II,1 — подтреугольные наконечники со слабо выемчатым основанием, близкие к типу турбинских наконечников стрел с усеченным основанием (рис. 76, 14, 15). Известно 3 экз., в том числе по одному наконечнику из Ак, п. 62 (с богатым набором VII в. до н. э.), Гулькинского могильника, п. 5 и Ст. А (раскоп 1969 г.). Размеры небольшие: длина — 40—42 мм, ширина — 14—20 мм. Анало-

Рис. 76. Каменные (А) и костяные (Б) наконечники стрел раннеананьинского времени

А — каменные наконечники стрел. 1, 14 — Аозинский могильник: 1 — погр. 3; 14 — погр. 62; 2 — Тетюшский могильник, погр. 200; 3—10, 12, 13, 15 — Ст. Ахмыловский могильник: 3 — погр. 483; 4 — погр. 509; 5 — погр. 603; 6 — погр. 684; 7 — погр. 206; 8 — погр. 614; 9, 10 — погр. 276; 12 — погр. 429; 13 — погр. 693; 15 — раскоп I 1969 г.; 11 — Ананьинский могильник; 16 — II Васюковское поселение

3, 7 — кварцит; остальные — кремень
Б — костяные наконечники стрел. 17, 23 — Ст. Ахмыловский могильник: 17 — погр. 750; 23 — погр. 276; 18, 27 — могильник Таш-Елга: 18 — погр. 17; 27 — погр. 6; 19, 20, 26 — Васильсурское городище; 21, 22, 25, 29 — городище Ройский Шихан; 24 — поселение Курган; 28 — Луговой могильник, погр. 28.

гичные наконечники, впервые в Волго-Камье появившиеся около середины II тысячелетия до н. э. в Сеймянском, Турбинском могильниках и памятниках типа Покровских курганов⁴⁸², затем сохраняются до атабаевского этапа приказанской культуры⁴⁸³, т. е. до рубежа II—I тысячелетий до н. э.

Тип II,2 — вытянуто-треугольные наконечники стрел, сужающиеся к плоскому основанию (рис. 76, 13, 16). Условно мы их в свое время называли листовидно-усеченными наконечниками. Это наиболее многочисленный тип кремневых наконечников стрел раннеананьинского времени. Всего нами их учтено около 20 экз., в том числе 6 из Ст. А, пп. 514, 693 (рис. 76, 13), раскопы 1966, 1967, 1968, 1969 гг.; по 3 — из Ананьинского (коллекции НМФ, 5381), Луговского и Котловского могильников, 1 — из Тетюшского могильника и 3 или 4 таких наконечника найдены в раннеананьинском II Васюковском поселении на Верхней Каме⁴⁸⁴. Этот тип в полной мере может быть назван приказанским, ибо он, появившись на ранних этапах приказанской культуры, доживает до ее конца и вместе с ее носителями переходит в древнейший этап развития ананьинской культуры⁴⁸⁵.

Просмотренные материалы позволяют утверждать, что хотя раннеананьинское население в VIII—VII вв. до н. э. еще широко употребляло каменные наконечники стрел, но оно не создало ни одного нового типа, а практически использовало наконечники не только предшествующих типов, а, очевидно, и предшествующего изготовления. В то же время не наблюдается ни одного типа каменных наконечников, которые не были бы известны в местной среде. Все это является дополнительным свидетельством развития культуры ананьинского населения на местной основе, представленной приказанской культурой, о чем нам уже приходилось писать⁴⁸⁶.

Костяные наконечники стрел. Как уже отмечалось выше, очевидно, они были в широком употреблении у ранних ананьинцев, так же как и у их потомков. Об этом свидетельствует значительная серия находок костяных наконечников, происходящих как из раннеананьинских могильников (24 экз.), так и из поселений (25 экз.).

Все имеющиеся наконечники (49 экз., рис. 76Б, 17—29) относятся к отделу черешковых⁴⁸⁷. Ни одного наконечника с внутренней втулкой в раннеананьинских памятниках пока не обнаружено.

Среди черешковых наконечников выделяются две большие группы, объединенные в подотделы: IA — без выраженного черешка, 44 экз., IB — с выраженным черешком, 5 экз.

Внутри подотделов наконечники по общей форме пера, характеру сечения, наличию других специфических особенностей группируются в типы:

Тип I, A1 — листовидные с линзовидным или уплощенно-шестигранным сечением (рис. 76Б, 17, 18). Известно 6 экз., в том числе 2 деревянных; 4 из них (два костяных и два деревянных) происходят из Ст. А, п. 750 вместе с бронзовыми наконечниками стрел типа I, Bба, датированных VI в. до н. э. Один наконечник из Лг, п. 69, расположенным под погребением VI—V вв. до н. э.; другой — из ТЕ, п. 4 (17). Размеры наконечников небольшие: длина — 35—40 мм, ширина — 8—10 мм, толщина — 3—4 мм.

В дьяковских памятниках известен как тип I19⁴⁸⁸. Как считает К. А. Смир-

нов, это древнейший тип местных стрел, ведущих свое развитие от стрел шпирского типа ⁴⁸⁹.

Тип I, A2 — конический с округлым сечением и срезом в основании (рис. 76Б, 20). Известен в 1 экз. из Васильсурского городища. Длина его — 85 мм, толщина — до 10 мм. Известны в памятниках дьяковской культуры (тип II, 11), где они отнесены к начальному этапу (VI—III вв. до н. э.) ⁴⁹⁰.

Тип I, A3 — конический с округлым сечением и полулунным выемом в основании (рис. 76Б, 19). Известен 1 экз. из Васильсурского городища. Длина его 50 мм, толщина — до 10 мм. Может быть сопоставлен с дьяковскими наконечниками стрел типа II, 1,2 ⁴⁹¹. Однако последние от нашего отличаются более вытянутым черешком.

Тип I, A4 — вытянуто-ромбические с округлым сечением тулова и пирамидальным завершением головки (рис. 76Б, 22). Известно 2 экз. с городища Ройский Шихан. Длина их — 45—65 мм. Это стрелы с тупыми концами, употреблявшиеся в Прикамье для охоты на пушных зверей вплоть до средневековья ⁴⁹². В дьяковских памятниках не известны.

Тип I, A5 — вытянуто-листовидный с трехгранным сечением наконечник (рис. 76, 23). Наиболее многочисленный и наиболее совершенный тип костяных наконечников, о чем свидетельствует их относительно большое количество (21 экз., в том числе: Ст. А, п. 276 — 3 экз.; Лг., п.п. 22, 23 — 3 экз., 36, 39, 41, 68; Ак, п. 13; ТЕ, п. 4—17; городище Ройский Шихан — 8 экз.), совершенство отделки и длительность бытования. Наконечники этого типа начинают изготавливаться на маклашеевском этапе приказанской культуры ⁴⁹³, широко представлены в дьяковских памятниках (тип II, 1) ⁴⁹⁴, а в Прикамье доживают до средневековья ⁴⁹⁵. Размеры их довольно большие: длина — от 90 до 145 мм, ширина — от 10 до 22 мм.

Тип I, A6 — вытянуто-подромбический наконечник с ромбическим сечением пера, переходящий под углом в относительно короткий уплощенный черешок (рис. 76, 24). Известно 11 экз., в том числе: 4 — из Ст. А, п. 276; 5 — из городища Ройский Шихан; по 1 — из Васильсурского городища и поселения Курган. Размеры их также крупные: длина — 100—170 мм, ширина — 10—24 см. Известные в дьяковских памятниках такие наконечники (тип II, 4) ⁴⁹⁶ имеют более плавный переход от пера к черешку.

Тип I, A7 — ромбические наконечники с уплощенным сечением (рис. 76, 21). Известно 3 экз. — все с городища Ройский Шихан. Размеры средние: длина — 50—75 мм, ширина — 8—15 мм. Для дьяковских памятников нехарактерны.

В подотделе IB наконечников стрел с выраженным черешком выделяется 4 типа:

Тип I, B1 — одношипный (рис. 76, 26). Известен в 1 экз. с Васильсурского городища. Длина его — 60 мм, ширина пера — до 11 мм, черешка — до 7 мм. Такие стрелы, известные еще в материалах Оленеостровского могильника переходной от мезолита к неолиту поры ⁴⁹⁷, широко представлены в памятниках дьяковской культуры (тип II, 14) ⁴⁹⁸. Следует считать его наконечником, характерным для западных районов Восточной Европы.

Тип I, B2 — подтреугольный с длинным тонким черешком и относительно плавным переходом от черешка к перу, имеющему уплощенное сечение (рис. 76, 25). Известен 1 экз. с городища Ройский Шихан. Длина его — 65 мм. Близок к так называемым ланцетовидным дьяковским наконечникам (тип II, 21) ⁴⁹⁹.

Тип I, Б3 — подтреугольный с уступом при переходе от черешка к перу, имеющему треугольное или уплощенно-ромбическое сечение (рис. 76, 28). Известен 1 экз. из Лг, п. 41. Длина его — 126 мм, ширина — 14 мм. Происходит из ранней группы погребений вместе с костяными наконечниками типа I, А5. В дьяковских памятниках К. А. Смирнов выделяет этот тип как ромбический с уступом (тип II, 3)⁵⁰⁰.

Тип I, Б4 — вытянуто-подтреугольный наконечник с уплощенно-ромбическим сечением и выраженными боковыми шипами (рис. 76, 27, 29). Известен из городища Ройский Шихан (рис. 76, 29; длина — 150 мм, ширина — 13 мм) и могильника Таш-Елга, где найден в п. 6 (1967 г.) вместе с бронзовым наконечником стрелы VII в. до н. э. Последний наконечник (рис. 76, 27) меньших размеров: длина — 90 мм, ширина — 16 мм. Близкого типа наконечники, но больше с трехгранным сечением были широко распространены в эпоху раннего железа в лесостепной части Евразии⁵⁰¹.

Несмотря на кажущееся многообразие типов костяных наконечников стрел, в раннеананьинских памятниках их значительно меньше, чем в дьяковских. Здесь нет втульчатых наконечников, так же как и характерных для дьяковских памятников наконечников с черешком в виде лопаточки. Все это, очевидно, следует, кроме различий, связанных с культурными особенностями, объяснить и тем, что в раннеананьинских памятниках значительно число металлических (бронзовых и железных) наконечников стрел.

Бронзовые наконечники стрел. Это довольно многочисленная группа наконечников, представленная в раннеананьинских памятниках 171 экз. Почти все они находят аналогии в скифо-савроматских бронзовых наконечниках стрел, типология которых достаточно полно разработана советскими археологами. Так, наконечники стрел скифского времени и культуры исследованы А. И. Мелюковой⁵⁰², савроматские — К. Ф. Смирновым⁵⁰³, предскифские — В. А. Ильинской⁵⁰⁴, а южносибирские тагарского и предшествующего времени — Н. Л. Членовой⁵⁰⁵. К сожалению, несмотря на это, или, может быть, из-за этого единой типологии бронзовых стрел предскифского и скифо-савроматского времени нет. Особенно это ощущается в названиях типов и в принципах их выделения (см. типологию А. И. Мелюковой, К. Ф. Смирнова и Н. Л. Членовой). Учитывая то, что районы Волго-Камья, особенно Среднего Поволжья, территориально наиболее близки были к скифо-савроматскому миру, следует полагать и типологическую близость бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в раннеананьинских памятниках, предскифским и скифо-савроматским. Поэтому в основу типологической классификации раннеананьинских положена схема типологии наконечников стрел предскифского и скифо-савроматского мира.

Все найденные в раннеананьинских памятниках бронзовые наконечники стрел литые. Однако до сих пор на ананьинской территории не найдено ни форм для отливки таких стрел, ни бракованных экземпляров. Очевидно, абсолютное большинство бронзовых наконечников не изготовлялось на месте, а поступало со стороны.

Все стрелы по форме насада подразделяются на две большие группы: I — втульчатые, II — черешковые. Внутри групп по характеру поперечного сечения головки (пера) стрелы выделяются отделы: А — двухлопастные, Б — трех-

лопастные, В — трехгранные, Г — четырехгранные. Отделы в свою очередь по вертикальной форме головки и частично насада подразделяются на типы, обозначенные арабскими цифрами, а типы — на варианты, фиксированные строчными буквами русского алфавита.

I группа — втульчатые наконечники стрел. Их наибольшее число — 160 экз.

Среди наконечников стрел отдела А (двухлопастные) выделяется 34 экз., подразделенные на следующие типы:

Тип I, A1 — наконечник с овальной головкой и длинной втулкой, не достигающей до острия (рис. 77, 1). Встречен 1 экз. из Нм (сборы 1968 г.). Такие наконечники еще П. Рау отнес к доскифскому времени и датировал VII в. до н. э.⁵⁰⁶ Большинство современных исследователей датирует этот тип VIII—VII вв. до н. э.⁵⁰⁷

Тип I, A2 — наконечники с лавролистной головкой. Они подразделяются на 2 варианта: а — без бокового шипа, б — с боковым шипом.

I, A2a — наконечники с лавролистной головкой и выступающей втулкой, нервюра которой продолжается до острия пера. Длина таких наконечников от 32 до 49 мм. Известно 9 таких наконечников, в том числе: 5 экз. — из Ст. А, п.п. 357 (рис. 77, 2), 359 — 1, 704 (2 экз., рис. 77, 3), находка 1966 г.; 2 — из Тт (рис. 21, В, 2, 3), по 1 — из ПМ, п. 29 (рис. 19, бв) и городища Ройский Шихан (рис. 77, 4). К. Ф. Смирнов, выделяя их в I тип двухлопастных стрел, считает характерными для всей территории Евразии⁵⁰⁸. Н. Л. Членова считает, что «первое проникновение втульчатых двулопастных наконечников в наши степи относится к середине II тысячелетия до н. э. и они доживают до скифского времени»⁵⁰⁹. За это говорит их большая близость ко втульчатым наконечникам копий с лавролистым пером. Об относительно ранней дате их бытования свидетельствуют и сопровождающие комплексы в основном предскифского типа — ожерелье из трапецевидных подвесок чернолесского облика из п. 357 Ст.А, аозинско-меларский кельт типа III, 2Бд из п. 359 Ст.А, очень богатый набор с биметаллическим кинжалом, аозинско-меларским кельтом типа II, 1Ад из п. 704 Ст.А и др. Большинство этих комплексов относится к VII в. до н. э.

I, A2б — наконечники, аналогичные I, A2a, но только имеющие боковой шип, Г-образно загнутый вниз. Известно 4 экз.: из Ст.А, п. 359 (рис. 77, 11 — вместе с наконечником I, A2б), Ан (НМФ, 5381), Ак (р. 1971 г.) и II Березогривского могильника (рис. 77, 10), где он найден впившимся в бедренную кость взрослого человека. Очевидно, также относится к предскифскому времени (VII в. до н. э.), что отмечает и К. Ф. Смирнов⁵¹⁰.

I, A3 — наконечники стрел с относительно узкой и ланцетовидной головкой (тип 3, по К. Ф. Смирнову). В верхней части головки имеют стреловидное уплощение. Выделяется две разновидности: а — без шипа, б — с боковым шипом.

I, A3a — узкий наконечник с обломанной конически расширяющейся втулкой (рис. 77, 5). Происходит из раскопа 1965 г. Ст.А. Длина его — 35 мм. Близок к типу I, A1 и в значительной степени синхронен ему, так как бытовал в основном также в предскифское время.

I, A3б — относительно крупный наконечник с листовидным пером (типа I, A3a), но с боковым шипом в нижней части втулки (рис. 77, 12). Длина его — 48 мм. Происходит из дер. Кизенсувар (Янцевавар?) бывш. Казанского уезда Казанской губ. (НМФ, 5384 : 3360), возможно, в комплексе с трехгранным на-

конечником (рис. 77, 27), датированным VI в. до н. э. (см. ниже, тип I, B1). В савроматских материалах такого типа наконечники с боковым шипом известны с VII в. до н. э.⁵¹¹

Tun I, A4 — наконечник с трапецевидной головкой и выступающей втулкой (рис. 77, 7). Происходит из поселения Курган. Длина его — 35 мм. В нижней части втулки имеет поперечную насечку. Аналогичные наконечники, считающиеся архаичным типом, довольно широко представлены в предскифское время в памятниках Северного Причерноморья и Северного Кавказа⁵¹². Известны они в очень ограниченном числе и в степях Поволжья⁵¹³.

Tun I, A5 — наконечники с ромбовидной головкой, которые, как пишет К. Ф. Смирнов⁵¹⁴, и подтверждает В. А. Ильинская⁵¹⁵, «были основными видами наконечников для всего VII в. и отчасти VI в. до н. э.». Представлены они двумя разновидностями — с симметричной (I, A5') и асимметричной (I, A5'') головками, которые в свою очередь по наличию или отсутствию бокового шипа подразделяются на варианты «а» и «б».

I, A5'a — наконечники с симметрично-ромбовидной головкой. Известно 2 экз. один из раскопа 1965 г. Ст. А (рис. 77, 8), другой из п. 126 Тт (рис. 77, 6). Длина их — 29—38 мм. Возможно, их бытование в VIII в. до н. э.⁵¹⁶, так как таких наконечников нет уже в группе стрел жаботинского типа VII в. до н. э.⁵¹⁷

I, A5'b — крупный наконечник с симметрично-ромбовидной головкой, боковым шипом и двуступенчатой втулкой, верхняя часть которой имеет восьмигранное сечение (рис. 77, 17). Длина его 50 мм. Происходит из п. 383 Ст. А вместе с другим бронзовым наконечником с симметрично-ромбовидной головкой и боковым шипом (рис. 77, 14) жаботинского типа, достаточно точно датированного второй половиной VII в. и рубежом VII—VI вв. до н. э.⁵¹⁸ Богатый комплекс п. 383 Ст. А датируется этим же временем, т. е. второй половиной VII в. до н. э., железным архаичным кинжалом — акинаком с прямыми перекрестием и навершием, двумя бронзовыми удилами со стремечковидными концами и т. п.

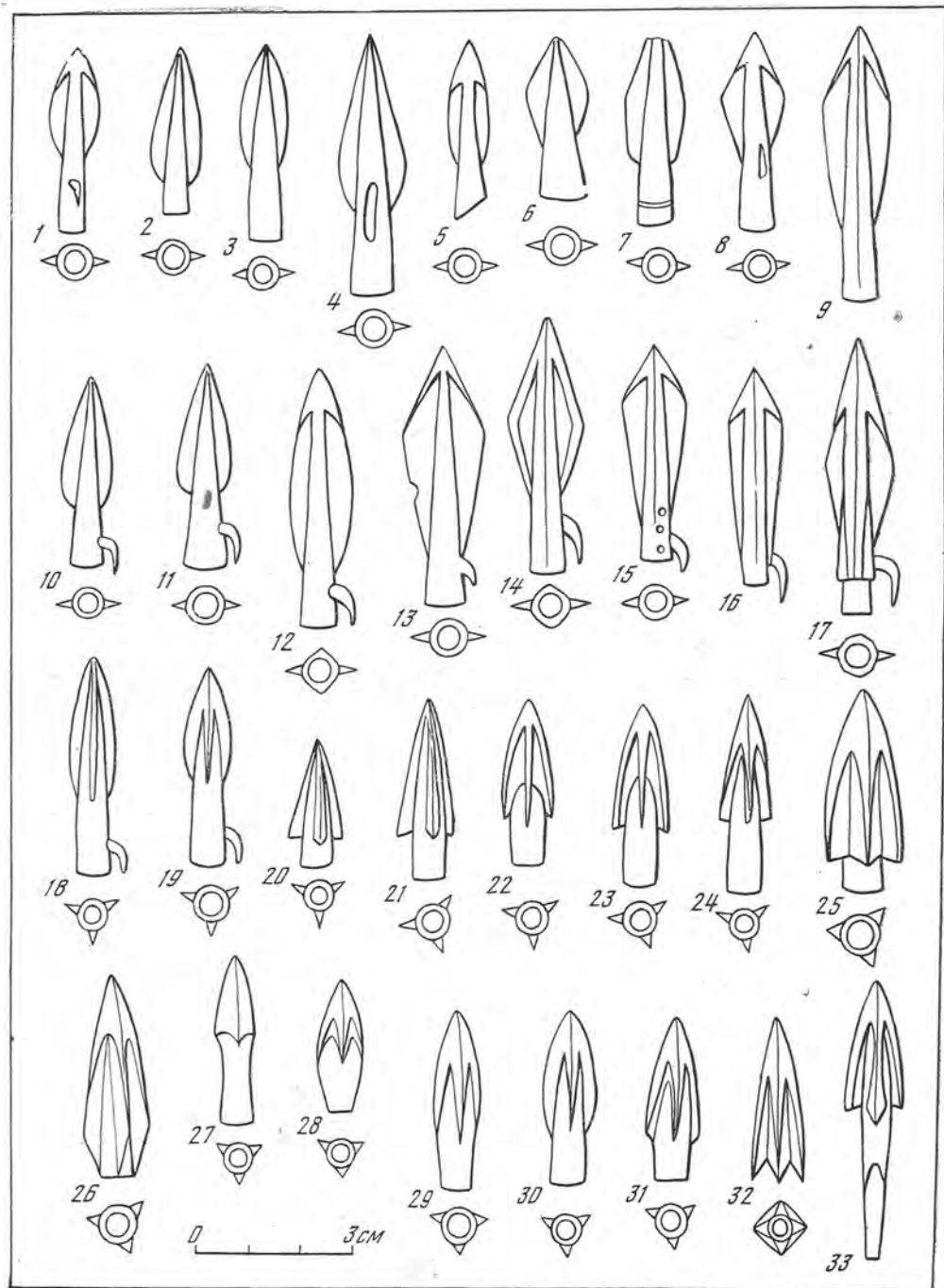
I, A5'a — бронзовые наконечники стрел с асимметрично ромбовидной головкой, у которой имеются короткое подтреугольное острие и вытянутая нижняя часть (рис. 77, 9). Известно 12 экз. — все из Ан (НМФ, 1400 — 7 экз., 5381 — 2 экз., 7201 — 3 экз.). Средняя их длина — 50—53 мм. Близкого облика стрелы К. Ф. Смирновым⁵¹⁹ и В. А. Ильинской⁵²⁰ относятся к VII в. до н. э.

I, A5'b — бронзовые наконечники стрел с асимметрично ромбовидной головкой, боковым шипом и короткой, иногда почти скрытой втулкой. Известно 3 экз.: из п. 856 Ст. А (рис. 77, 15), Мари-Луговского поселения (рис. 77, 16) и п. I Гулькинского могильника (рис. 77, 13), где он был найден в позвонке погребенного⁵²¹. Этот тип наконечников стрел по материалам могильника Ендже в Бол-

Рис. 77. Бронзовые наконечники стрел

1 — I Новомордовский могильник; 2, 3, 5, 8, 11, 14—22, 30—32 — Ст. Ахмыловский могильник; 2 — погр. 357; 3, 19, 31 — погр. 704; 5, 8 — 1965 г.; 14, 16, 17 — погр. 383; 15 — погр. 856; 18, 22 — погр. 585; 20 — 1967 г.; 21 — погр. 359; 30, 32 — погр. 705; 6 — Тетюшский могильник, погр. 126; 7 — поселение Курган; 9, 29 — Ананьинский могильник; 10 — II Березогривский могильник; 12, 27 — Кизенсувар; 13 — Гулькинский могильник, погр. 1; 23, 25, 26, 33 — Таш-Елгинский могильник; 23 — погр. 13; 25, 26 — погр. 19; 33 — погр. 24; 24 — Аокзинский могильник

гарии рассматривается как архаичный, не выходящий за пределы первой половины VII в. до н. э.⁵²²

Среди наконечников раздела IB (трехперые), известных в раннеананьинских памятниках в 112 экз., выделяется 3 типа:

Тип I, B1 — наконечники стрел с лавролистной в плане головкой и выступающей втулкой. По мнению специалистов (П. Рау, А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, Н. Л. Членова и др.), этот тип является наиболее характерным среди бронзовых трехлопастных стрел, проникновение которых в степи произошло с Ближнего Востока, но не раньше VII в. до н. э.⁵²³ Показательно их полное отсутствие в предскифских комплексах новочеркасского и жаботинского типа⁵²⁴.

Среди стрел, найденных на раннеананьинской территории, можно выделить два варианта.

I, B1a — относительно некрупные (длина их — 32—33 мм) трехлопастные с листовидной в плане головкой наконечники без бокового шипа. Известно 10 экз., в том числе: 8 — из Ан (НМФ, 1400 — 6 экз., 1 экз., 5381 — 1 экз., 7261 — 1 экз.) и 2 — из Ст. А, п. 750 (рис. 77, 30) вместе с большим набором других типов бронзовых (рис. 77, 31, 32), костяных и деревянных (рис. 76, Б, 17) наконечников стрел и железным наконечником копья типа I, 3А, бытовавших на рубеже VII—VI вв. до н. э.

I, B1b — наконечники стрел, аналогичные I, B1a, но имеющие боковой шип. Известно 11 экз. средней длины 36—42 мм, в том числе: 8 — из Ан (НМФ, 1400 — 5 экз.; 5381 — 3 экз.), 2 — из Ст. А, п. 585 и 704 (рис. 77, 18) и 1 — из Кизенсувара (НМФ, 5384 : 3335).

В комплексе Ст. А, п. 704 происходит вместе с двулопастными наконечниками стрел типа I, A2a и другими предметами, не выходящими за пределы конца VII в., до н. э. В п. 585 Ст. А найден вместе с бронзовым акозинско-меларским кельтом типа III, 1Бв и серповидным ножом-кинжалом, характерными для рубежа VII—VI вв. до н. э.

Известные в савроматских комплексах трехлопастные наконечники стрел типов 2—5 в раннеананьинских материалах пока не представлены. Наиболее многочисленную серию среди группы трехлопастных стрел здесь составляют стрелы типа 6.

Тип I, B6a — наконечники стрел со сводчатой трехлопастной головкой и выступающей втулкой. Все они без бокового шипа, роль которого, очевидно, исполняли острые концы лопастей. Длина наконечников — 32—34 мм. Известно 83 экз., в том числе: 65 — из Ан (НМФ, 1400 — 61 экз.; 5381 — 3 экз.; 7201 — 1 экз.), 16 — из Ст. А п. 578 (7 экз., рис. 77, 22), п. 750 (9 экз.), 2 — из ТЕ, п. 13 (рис. 77, 23). Широкое бытование таких стрел относится к VI—V вв. до н. э.⁵²⁵ Находка подобных в п. 704 Ст. А вместе с наконечниками типа I, B1a отводит начало бытования первых к рубежу VII—VI вв. до н. э.

Тип I, B9 — трехлопастные наконечники стрел с треугольной в плане головкой и выступающей втулкой. Все они без бокового шипа. По форме нижней части пера можно выделить 3 варианта:

I, B9a — наконечники с пером, имеющим прямой срез лопасти (рис. 77, 20, 24). Известно 4 экз.: 3 — из Ст. А, п. п. 623, 704 и раскопа 1967 г. (рис. 77, 20), 1 — из Ак, 1958 г. (рис. 77, 24). Комплекс п. 704 датируется не позже конца VI в. до н. э.

1, Б9б — наконечник из Ст.А. п. 704 с пером, имеющим скошенный вниз срез (рис. 77, 31).

1, Б9в — 3 наконечника из Ст.А. п. 359 (2 экз.) и раскоп 1967 г., приближающиеся по форме к типу I, Бба, но имеющие более прямой край лопасти со скошенным вверх нижним срезом (рис. 77, 21). Комплекс п. 359 обнаружен вместе с бронзовыми наконечниками типа I, А2а и аозинско-меларским кельтом типа III, 2Бд, датированными VII—VI вв. до н. э.

Трехгранные наконечники стрел, объединенные в отдел В, немногочисленны в раннеананьинских памятниках — известно всего лишь 4 экз., относящиеся к двум типам:

1, В1 — с непрофилированной головкой и сильно выступающей втулкой (рис. 77, 27) так называемого варианта А, по К. Ф. Смирнову⁵²⁶, характерные для конца VII—VI в. до н. э. Известен 1 экз. из Кизенсувара (НМФ — 5384 : 3334).

1, В5 — наконечники стрел с массивной сводчатой трехгранной головкой, четко отделенной от втулки и, по мнению К. Ф. Смирнова, очень характерной для савроматов⁵²⁷. Известно 3 вида наконечников, скорее всего относящихся к типу I, В5 (А, по классификации К. Ф. Смирнова) с узкими подтреугольными ложками, отделяющими лопасти от втулки.

Один небольшой наконечник (рис. 77, 28) происходит из Семеновского острова. К VI—V вв., очевидно, относятся массивные наконечники с короткой втулкой из п. 6 ТЕ (рис. 77, 25, 26), к которым близки 12 наконечников Ан (НМФ, 1400 — 7 экз., 5381 — 2 экз., 7201 — 2 экз., 7261 — 1 экз.).

Четырехгранные втульчатые наконечники стрел (тип I, Г) встречаются в 2 экз. I типа (I, Г1) в Ст.А. п. 750 (рис. 77, 32). Это наконечники с опущенными острыми концами и скрытой втулкой. Найдены они в комплексе с трехлопастными стрелами типа I, Б1а и I, Бба, датированными концом VII—VI в. до н. э.

Бронзовые черешковые наконечники стрел практически не были в употреблении у ранних ананьинцев. Они известны в основном лишь на прикамских памятниках, что, очевидно, не случайно, ибо подобные стрелы, преимущественно имеют южносибирское (тагарское) происхождение. Все они относятся к одному типу — наконечники с трехлопастной сводчатой головкой и длинным уплощенным черешком (рис. 77, 33). 1 экз. происходит из ТЕ (п. 11, 1969 г.) 10 — из Ан (НМФ, 1400 — 8 экз., 5381 — 2 экз.). Такие наконечники, по Н. Л. Членовой (тип А/II), характерны для VI в. до н. э.⁵²⁸

Железные наконечники стрел. Железные наконечники стрел в известной степени повторяют бронзовые, т. е. подразделяются на две большие группы — втульчатые и черешковые. В отличие от скифов и савроматов, которые «очень редко использовали железо для изготовления стрел»⁵²⁹, ананьинцы, особенно на ранних этапах своего развития, широко употребляли железные наконечники стрел. Отсутствие или редкость их у южных соседей, так же как и значительное совпадение форм местных наконечников копий и стрел, заставляет предполагать преимущественно местное изготовление последних. Следует заметить, что они отличаются по форме и от кавказских, где преимущественно в начале эпохи раннего железа были распространены плоские двушипные черешковые, реже втульчатые, наконечники стрел — «площики»⁵³⁰, и от дьяковских, для

которых почти неизвестны втульчатые формы⁵³¹, не говоря уже о сибирских⁵³² и среднеазиатских⁵³³, где почти до конца I тысячелетия до н. э. железные наконечники стрел неизвестны.

Значительная масса железных наконечников стрел раннеананьинского времени, полученная преимущественно из закрытых комплексов, включает в себя 133 экз., в том числе 73 втульчатых и 60 черешковых.

Втульчатые наконечники стрел (I группа) изготовлялись под воздействием традиций, с одной стороны, бронзовых наконечников стрел, а с другой — железных наконечников копий. От первых они восприняли форму плоского пера — лавролистное (тип А), листовидное (тип Б), ромбическое (тип В) и треугольное (тип Г), а от вторых — форму сочетания втулки с пером с втулкой, продолжающейся по продольной оси пера (1 вид); с втулкой, переходящей в продольное ребро пера (2 вид); с втулкой, завершающейся в основании плоского пера (3 вид). Так выделяются основные 4 типа, подразделенные на виды и варианты (рис. 78).

Тип IA — наконечники стрел с лавролистным пером.

I, A1 — наконечники стрел, втулка которых продолжается на перо (рис. 78, A1), — 18 экз. По длине втулки и длине продолжения ее на перо можно выделить ряд вариантов.

I, A1a — наконечник стрелы с длинной втулкой, продолжающейся «нервюрой» до острия пера (рис. 78, A1a). Длина его — 82 мм. Происходит из Ст.А, п. 900, датированного богатым набором погребального инвентаря (железные удила с псалями, акозинско-меларский кельт типа I, 1Ва, железный наконечник копья типа II, 1Б, набор железных наконечников стрел) VI в. до н. э.

I, A1б — наконечник стрелы с втулкой средней длины, не доходящей до острия пера (рис. 78, A1б). Длина его — 65 мм. Происходит из Ст.А, п. 555 вместе с акозинско-меларским кельтом типа III, 1Бд и железным наконечником копья типа I, 3А, датированных первой половиной VI в. до н. э.

I, A1в — наконечник стрелы с втулкой средней длины, продолжение (нервюра) которой проходит лишь на нижнюю половину плоского пера (рис. 78, A1в). Известно 15 экз., в том числе из Ак (кв. Ж-6 раскопа 1952 г., 13 экз.), Ст.А (п.п. 555 и 780). Средняя их длина — 66—78 мм. Наконечники из Ак⁵³⁴ и п.п. 555 (см. тип I, A1б), 780 (совместно с ананьинским кельтом типа II, 1Ж и одноплезвийным кинжалом) Ст. А датируются VI в. до н. э.

I, A1г — небольшой наконечник из п. 780 Ст. А (рис. 78, A, 1г) с короткой втулкой, продолжение которой доходит до середины пера. Длина его — 31 мм. Дата по комплексу VI в. до н. э.

I, A12 — наконечники, втулка которых у основания пера переходит в узкое ребро, продолжающееся до острия пера. В этом отношении они напоминают железные наконечники копий типа II. Описываемый вид представлен лишь одним вариантом — 3 наконечниками с втулкой средней длины с суженным лавролистным пером (рис. 78—A2). 1 экз. происходит из Ак, п. 92 (с акозинско-меларским кельтом типа III, 1Бг), 2 — из п. 900 Ст.А, датированных также VI в. до н. э.

I, A3 — наконечники, втулки которых доходят лишь до основания плоского пера. По длине пера и втулки можно выделить несколько вариантов.

I, A3a — с относительно длинной втулкой и средней длины лавролистным

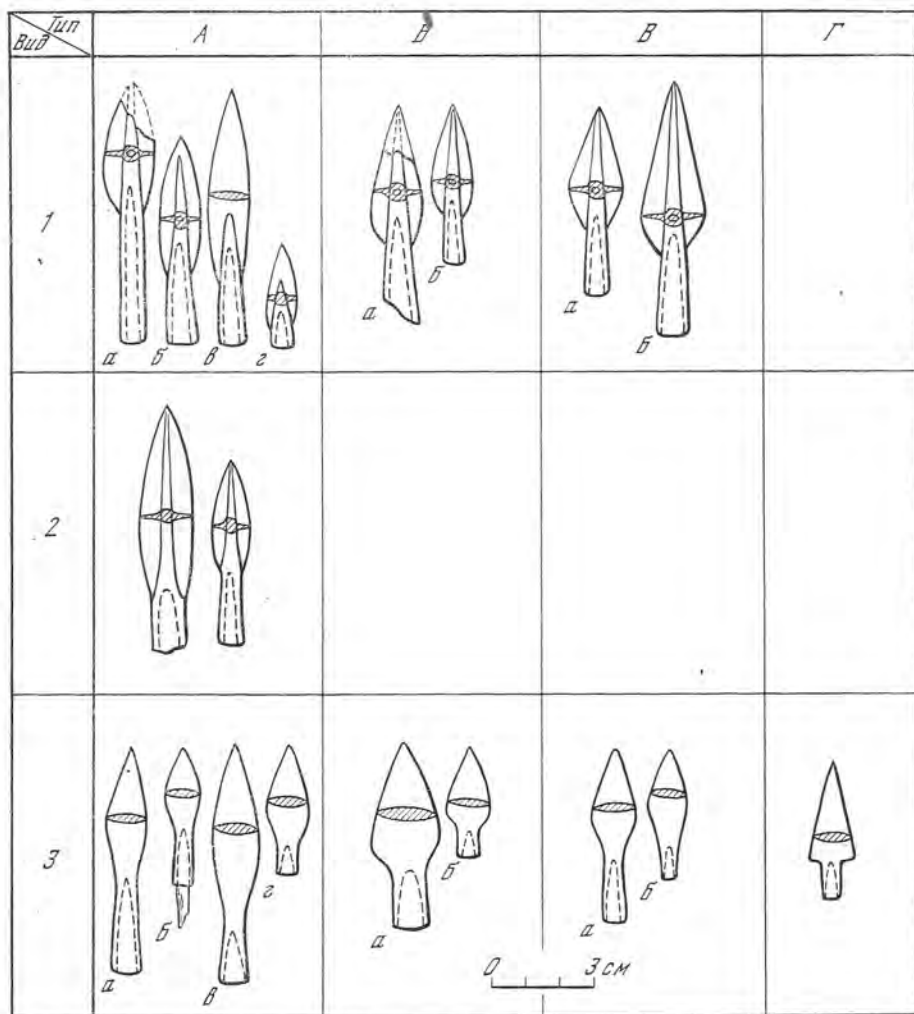

Рис. 78. Схема типологии втульчатых железных наконечников стрел из раннеананьинских памятников

пером (рис. 78 — А3а). Известно 6 экз., в том числе 4 — из Ст. А, пп. 567 (с акозинско-меларским кельтом типа I, 1Бд), 624 (с акозинско-меларским кельтом типа I, 1Вд), 900 (2 экз. с комплексом VI в. до н. э.) и 2 — из п. 92 Ак. Начало бытования этих видов наконечников, судя по пп. 567 и 624 Ст.А, уходит в VII в. до н. э.

I, А3б — наконечник стрелы с длинной втулкой и коротким пером, приближающимся к подромбической форме (рис. 78 — А3б). Длина его — 42 мм. Происходит из п. 567 Ст.А. Вероятно, относится к VII в. до н. э.

I, А3в — наконечники стрел с короткой втулкой и относительно длинным листовидным пером. Известно 5 экз. — все из Ст.А — п.п. 552 (рис. 78 — А3в, вместе с однолезвийным железным кинжалом), 570, 609 (2 экз.), 649.

I, А3г — наконечники стрел с короткой втулкой и коротким пером. Известно 4 экз. — все из Ст. А, п.п. 567 (с аюзинско-меларским кельтом типа I, IБд), 569 (2 экз., рис. 78 — А3г, с аюзинско-меларским кельтом типа IV, 2Аб) и 574. Датируются VII—VI вв. до н. э.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что тип I, А железных втульчатых наконечников стрел в основном бытовал в VI в. до н. э., хотя некоторые разновидности возникали уже в VII в. до н. э.

Тип IБ включает в себя железные втульчатые наконечники стрел с листовидным пером, имеющим наибольшее расширение в нижней части. Выделяется всего лишь 2 вида.

I, Б1 — наконечники с втулкой, продолжающейся «нервюрой» до острия пера. Известно 4 экз. — все из Ст.А, п.п. 110 (2 экз., рис. 78, Б1а, вместе с железными удилами VI в. до н. э.), 350 (рис. 78, Б1б) и 387 (с богатым комплексом VII в. до н. э.). Длина наконечников колеблется от 48 до 67 мм.

I, Б3 — наконечники с втулкой, продолжающейся только до основания плоского пера. Выделяется два варианта.

I, Б3а — относительно крупные наконечники с втулкой средней длины и расширенным пером. Известно 23 экз., в том числе 20 — из Ан (НМФ, 1400 — 18 экз.; 5381 — 2 экз.), 1 — из Ак (р. 1972 г.) и 22 — из Ст.А, п. 624 (рис. 78, Б3а; вместе с аюзинско-меларским кельтом типа I, IБд) и п. 567. Основное бытование этих наконечников падает на VI в. до н. э., а начало в VII в. до н. э.

I, Б3б — небольшой наконечник с короткой втулкой из п. 900 Ст.А (рис. 78 — Б3б) с комплексом VI в. до н. э.

Тип IВ представлен немногочисленными железными втульчатыми наконечниками стрел с пером подромбической формы. Выделяется 2 вида.

I, В1 — наконечники с втулкой, продолжающейся почти до острия пера. Выделяются 2 варианта.

I, В1а — с симметричным подромбическим пером. 1 экз. из п. 555 Ст.А (рис. 78—В1а) с комплексом VI в. до н. э.

I, В1б — асимметричным подромбическим пером. 1 экз. из того же п. 555 Ст.А (рис. 78 — В1б).

I, В3 — со втулкой, завершающейся в основании подромбического плоского пера. Выделяются 2 варианта.

I, В3а — с симметричным подромбическим пером. 3 экз. из Ст.А, пп. 753 (с парной бляшкой VI—V вв. до н. э.) и 766 (рис. 78 — В3а).

I, В3б — с асимметричным подромбическим пером, в нижней части которого скрыта втулка (рис. 78 — В3б). 3 экз. происходят из Ст.А, п. 567 (2 экз.) и п. 769 вместе с парной бляшкой VI—V вв. до н. э.

Тип I, Г представлен всего лишь одним наконечником из п. 830 Ст.А (рис. 78 — I, Г3, вне комплекса), который можно отнести к виду В с короткой втулкой, доходящей лишь до основания плоского пера, имеющего вытянуто-треугольную форму.

II. *Черешковые наконечники*. Они также разнообразны по форме, но традиционно, скорее, связаны с каменными и костяными наконечниками. По общей форме и форме насада можно выделить несколько типов.

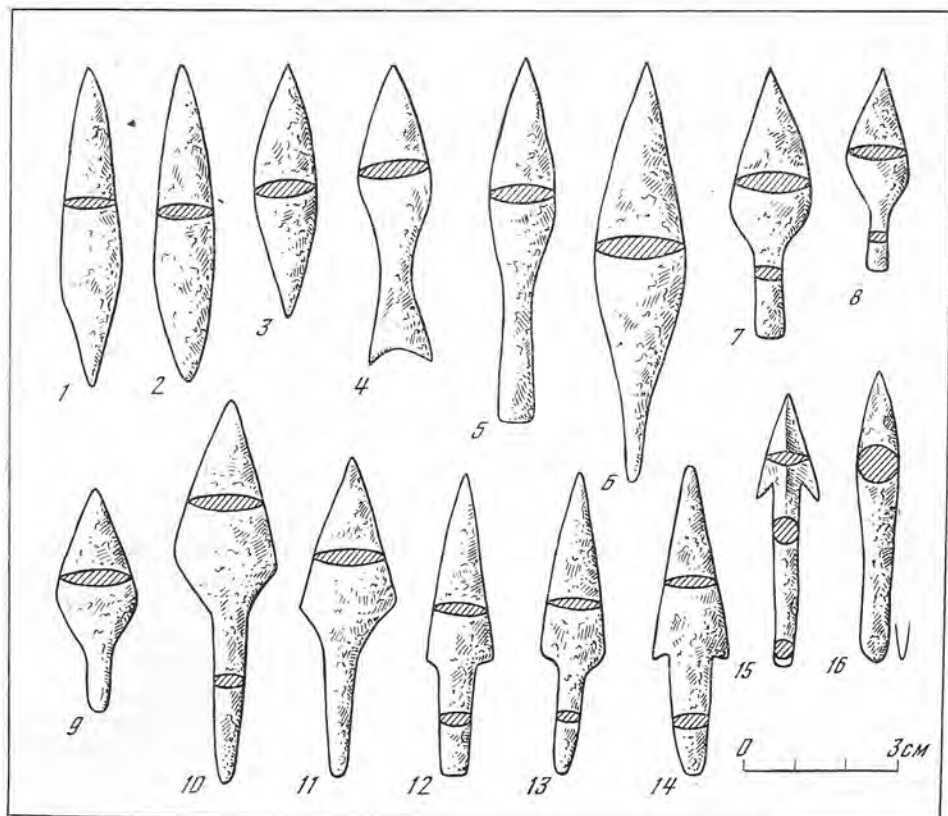

Рис. 79. Железные черешковые наконечники стрел из раннеананьинских памятников

1—8, 10—14, 16 — Ст. Ахмыловский могильник: 1, 2 — погр. 605; 3 — погр. 615; 4, 11 — погр. 595; 5, 7 — погр. 889; 6 — раскоп II 1969 г.; 8 — погр. 554; 10 — 1969 г.; 12, 13 — погр. 505; 14 — кв. В/16 раскопа 1969 г.; 16 — погр. 609; 9 — Аозинский могильник, погр. 87; 15 — Младший Волосовский могильник

Тип II,1 — листовидные наконечники стрел, черешком у которых служил один из острых концов пластинчатого пера, имеющего вытянутую лавролистную форму (рис. 79, 1, 2, 3). Выделяются наконечники с симметричным (II, 1А) и асимметричным (II, 1Б) пером. Первый вид представлен 3 экз. из Ст.А, пп. 615 (рис. 79, 3), 640 (вместе с парной бляшкой VI в. до н. э.) и 741. Второй вид известен в 4 экз. из Ст.А, пп. 569 (в комплексе с аозинско-меларским кельтом типа IV, 2А 6 VI в. до н. э.), 605 (2 экз., рис. 79, 1, 2 в комплексе с аозинско-меларским кельтом типа I, 1Ад, характерным для VIII—VII вв. до н. э.), 802.

В целом тип II,1 черешковых железных наконечников стрел, не имеющих прямых аналогий в других археологических образованиях начала эпохи раннего железа, но явно продолжающих традиции листовидных (тип I, 1) кремне-

вых наконечников стрел, доживающих в раннеананьинских памятниках до VII в. до н. э., следует рассматривать как один из ранних типов железных наконечников стрел. Они свидетельствуют о начале самостоятельного изготовления железных наконечников стрел поволжскими ананьинскими племенами.

Собственно черешковые железные наконечники стрел открываются серией лавролистных наконечников с выраженным черешком. Последние или вытянуто-прямоугольные, даже с небольшим расширением к концу (тип II, 2а), или вытянуто-суженные к концу (тип II, 2б). Первый вариант наиболее многочисленный — он представлен 17 экз., в том числе 16 экз. из Ст.А, п. п. 569 (2 экз.), 570, 572, 575 (2 экз.), 578, 613, 625, 629, 780 (2 экз.), 868, 889 (рис. 79, 5) и 1 из Ак. п. 83. Такие наконечники стрел, очевидно, начинают бытовать довольно рано — VIII—VII вв. до н. э., о чем свидетельствуют их находки вместе с ранними формами аозинско-меларских кельтов типа I, 1Ад (Ст. А, п. 572). Но такими наконечниками пользовались и позднее, вплоть до конца VI — начала V в. до н. э. — см. п. 889 Ст.А с железным наконечником копья типа II, 1Б.

Тип II, 2б представлен одним довольно крупным наконечником стрелы с приотстренно-сужающимся черешком (рис. 79, 6). Его длина — 85 мм. Происходит он из кв. И/2 раск. II 1969 г. Ст.А.

Тип II, 3 включает в себя короткие наконечники стрел с прямоугольным черешком и листовидным пером, расширенным в нижней части (рис. 79, 7, 8). Их 5 экз. — все из Ст.А, п. п. 554 (2 экз., рис. 79, 8), 889 (2 экз., рис. 79, 7) и раскоп 1969 г. Погребение 554 аозинско-меларским кельтом типа I, 1Бг датируется VIII—VII вв. до н. э., а погребение 889 — VI — началом V в. до н. э. Этим же временем следует ограничить бытование указанных стрел.

Тип II, 4 объединяет черешковые наконечники стрел, у которых плоское перо имеет ромбовидную форму — симметричную (II, 4а) или асимметричную (II, 4б). Первый вариант (II, 4а) представлен 3 экз.: 2 — из Ст.А, п.п. 575 и 754 и 1 — из Ак, п. 87 (рис. 79, 9). В последнем случае встречен с железными удилами VI в. до н. э. Второй вариант (II, 4б) характеризуется 4 экз. — все из Ст.А, п.п. 575, 578, 780 и раскоп 1969 г. (рис. 79, 10).

Тип II, 5 представлен черешковыми наконечниками, имеющими плоское перо подтреугольных очертаний. По форме основания пера выделяется три варианта.

II, 5а — перо переходит в черешок плавным спуском (рис. 79, 11). Всего таких наконечников 14 экз., в том числе 12 экз. из Ст.А, п.п. 595 и 613. В последних встречены с ранними аозинско-меларскими кельтами типа I, 1Ад.

II, 5б — основание пера плоское, и оно переходит в черешок уступом под прямым углом (рис. 79, 12, 13). Известно таких наконечников 6 экз., в том числе: 5 — из Ст.А, п.п. 603, 605 (2 экз., рис. 79, 12, 13), 614, 704; 1 — из городища Ройский Шихан. В Ст. А. п.п. 605 и 704 встречены с ранними аозинско-меларскими кельтами.

II, 5в — основание пера вогнуто к перу, и края перехода к черешку приобретают форму боковых шипов. Известен 1 экз. из Ст.А, раскоп 1969 г. (рис. 79, 14).

Тип II, 6 — оригинальный и единственный экземпляр наконечника стрелы с листовидным пером и черешком, имеющим на конце выем, напоминающий «рыбий хвост» (рис. 79, 4). Происходит из Ст.А, п. 595, где найден с наиболее ранним типом (I, 1Ад) аозинско-меларского кельта, датированного VIII в.

до н. э. Подобные стрелы у савромат⁵³⁵ и у дьяковцев⁵³⁶ датируются не раньше IV в. до н. э.

Тип II, 7 — двушипный наконечник стрелы с уплощенно-ромбическим сечением пера и округлым сечением длинного черешка (рис. 79, 15), происходящий из Волосовского могильника (коллекции ГИМ, 50024), очевидно, является прообразом раннедьяковских железных наконечников стрел с линзовидным сечением пера⁵³⁷.

Тип II, 8 — шиловидные наконечники с округлым сечением пера и уплощенным — черешка (рис. 79, 16). Известно 2 экз. из Ст.А, п.п. 301, 609. Аналогий не имеет.

Таким образом, проведенный анализ состава и характера наконечников стрел, встреченных в раннеананьинских памятниках, показывает большое их разнообразие и наличие, особенно среди каменных, костяных и железных наконечников стрел специфичных образцов, характерных для раннеананьинской культуры.

Как считала А. В. Збруева, «кроме лука и стрел, оружием дальнего боя в ананьинском обществе служили пращи»⁵³⁸. Кроме отмеченных ею находок в Зуевском могильнике пращевых камней, следует еще указать на новые находки, в том числе на два правильно-округлых каменных шара диаметром 44—45 мм из п. 200 Тетюшского могильника (рис. 29, б, 7), датированного всем комплексом находок временем не позже VII в. до н. э.

Щиты

Защитное оружие не было характерно для ананьинцев, так же как и для их предков, и для их потомков. Так, ни марийцы⁵³⁹, ни мордва⁵⁴⁰, ни другие местные народы края практически не употребляли щитов и доспехов. Отдельные защитные предметы — шлемы, кольчуги — начинают появляться в Волго-Камье лишь в эпоху переселения народов, да и то лишь в районах контактов местного населения с пришлыми племенами, например у азелинцев⁵⁴¹.

В раннеананьинских памятниках известно несколько случаев находок остатков деревянных щитов с металлическими накладками. Наиболее интересной в этом отношении представляется находка в п. 704 Ст.А, где ближе к нижнему левому углу могильной ямы под правой бедренной костью погребенного прослежен был тлен от деревянного щита, обшитого кожей и имевшего прямоугольную форму (48—50 × 38—40 см). Нижний край щита был окован железной полоской, а в центре, но ближе к верхнему краю находилась плоская бронзовая накладка с двумя заклепками с задней части, лицевая сторона которой изображает свернувшуюся клубком змею (рис. 80, 1). Украшение ранних щитов накладными изображениями, по мнению Е. В. Черненко, начинается в VI—V вв. до н. э.⁵⁴² П. 704 Ст.А по комплексу (биметаллический кинжал, аозинско-меларский кельт II, 1Ад, бронзовые наконечники стрел типа I, Б9а) датировано VII в. до н. э. Остатки другого щита в виде пятна древесного тлена под четырехугольной формы (50 × 60 см) были прослежены в яме п. 513 Ст.А. В центре пятна находилась ступенчато возвышающаяся к середине бронзовая бляха (умбон) диаметром до 13 см (рис. 80, 2). Щиты с бляхами-умбонами в центре широкое распространение получают в Передней Азии в конце эпохи бронзы⁵⁴³. Возможно, остатками щитов с бляхами-умбонами посередине являются

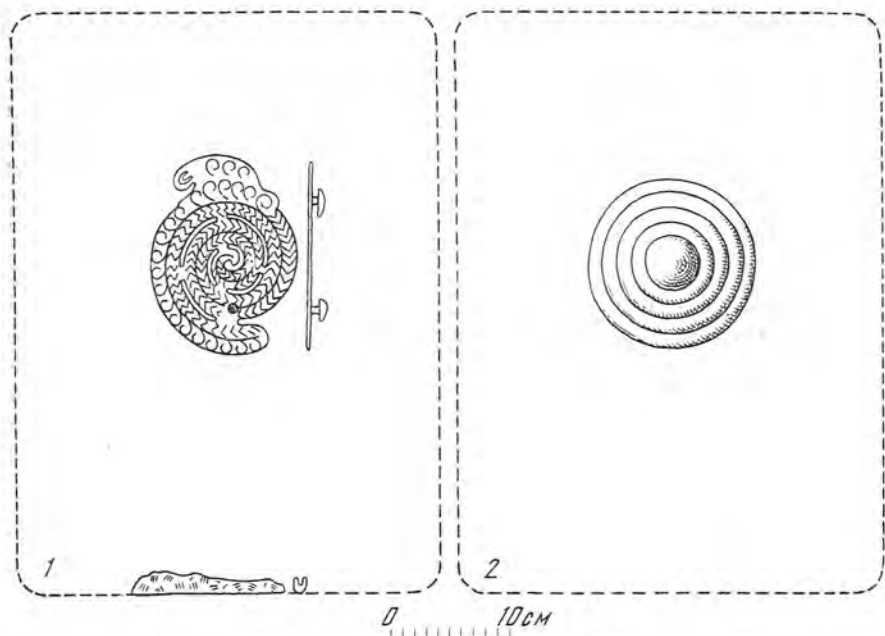

Рис. 80. Реконструкция раннеананьинских щитов (Ст. Ахмыловский могильник)
1 — погр. 704; 2 — погр. 513

близкого типа бляхи из п. 3 Лг.⁵⁴⁴ и из п. 3 Мл. Волосовского могильника⁵⁴⁵. В обоих случаях эти остатки, так же как и в п. 704 Ст.А. лежали на правой нижней стороне костяка или могильной ямы.

КОНСКАЯ УЗДА

При описании погребального обряда раннеананьинских могильников, особенно средневожских, было отмечено довольно частое приношение умершему коня (стр. 42—101). В раннеананьинском стаде лошадь занимала ведущее положение — около 42% всех домашних животных⁵⁴⁶. Причем в ряде случаев большинство лошадей забивалось уже в преклонном возрасте — свыше 10 лет, что было связано с превращением лошади в животное для верховой езды. Об этом же свидетельствуют находки металлических и костяных удил и псалий почти всех характерных для начала эпохи раннего железа типов в раннеананьинских памятниках.

Бронзовые удила

Бронзовые удила (рис. 81), рассматриваемые всеми исследователями как наиболее архаичные, представлены 14 экз., которые, по классификации А. А. Иессена и К. Ф. Смирнова⁵⁴⁷, следует подразделить на три типа.

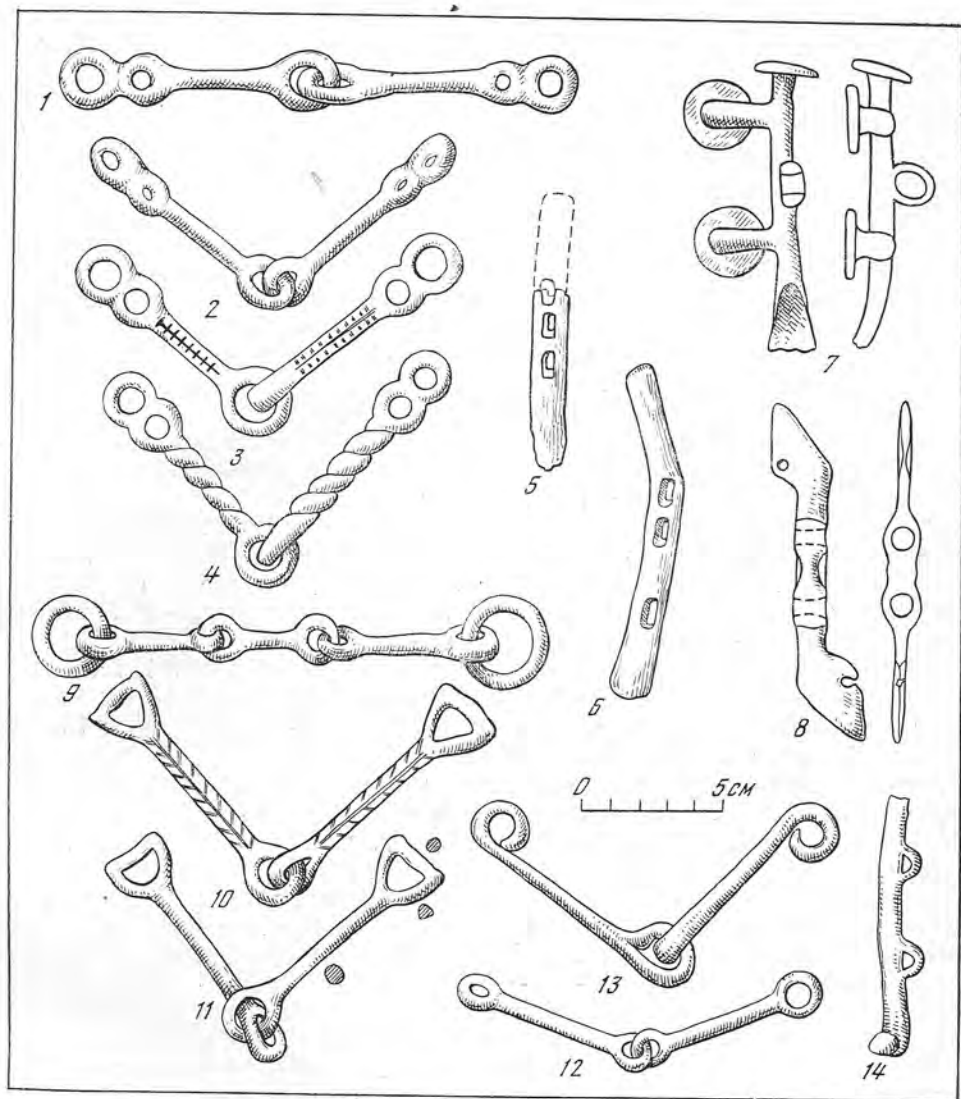

Рис. 81. Бронзовые (1—4, 7—14) и костяные (5, 6) удила и псалии из ранне-ананьинских памятников

1 — Чирки; 2, 5 — Акозинский могильник, погр. 52; 3, 4, 10, 11 — Ст. Ахмыловский могильник: 3 — погр. 136, 4 — погр. 509, 10, 11 — погр. 383; 6 — Сорочьи горы; 7—9 — Билярск; 12 — Ананьинский могильник; 13, 14 — Янада

I тип — двукольчатые удила, у которых крайняя пара колец располагается вертикально по отношению к внутреннему кольцу (рис. 81, 1, 2, 3, 4). Известно 4 экз.

Еще в конце XIX в. из дер. Чирки Тетюшского уезда Казанской губ. в Казань были доставлены бронзовые двукольчатые удила, опубликованные в 1901 г. А. А. Штукенбергом⁵⁴⁸. Удила довольно крупные (рис. 81, 1). Общая их длина — 19 см, длина ротовой части (расстояние между внутренними малыми кольцами) — 10,5 см. Возможно, в комплексе с удилами были раннеананьинский бронзовый кельт одного из наиболее архаичных типов I, 2Г и бронзовый наконечник дротика с боковым ушком⁵⁴⁹.

В 1958 г. в п. 51 Ак. вместе с обломками двух костяных трехдырчатых псалий (рис. 81, 5) были найдены гладкодротовые двукольчатые бронзовые удила, аналогичные чиркинским. Общая длина удил — 18,4 см, длина ротовой части — 10 см, толщина дрота — 0,8 см. Звенья удил отлиты неодинаково. У одного как внутренние, так и внешние кольца лежат в одной плоскости, а у другого — вертикально и горизонтально. Вместе с удилами найдены гладкодротовая бронзовая гривна с кольчатыми концами и хорошо отполированный «оселок» из темно-красного плотного песчаника⁵⁵⁰.

В 1964 г. в п. 136 Ст. А. в сопровождении комплекса VII в. до н. э. (бронзовый ананьинский кельт типа I, 1Ж, бронзовый наконечник копья типа II, 2Ба и пр.) были обнаружены бронзовые удила с орнаментом, напоминающим орнамент «выпуклыми квадратами» (рис. 81, 3). Общая длина удил — 17,5 см, длина ротовой части — 10 см, толщина дрота — 0,75—0,8 см.

В п. 509 Ст. А. вместе с бронзовым ананьинским кельтом типа II, 2А и кремневым наконечником стрелы (рис. 76, 4) найдены бронзовые двухкольчатые удила с перевитым дротом звеньев (рис. 81, 4). Общая длина удил — 18,5 см, длина ротовой части — 10,5 см, толщина дрота — 1,2 см.

Двукольчатые удила по признанию всех специалистов являются наиболее ранним типом удил эпохи раннего железа и также единодушно датируются VIII—VII вв. до н. э.⁵⁵¹ Кроме Северного Кавказа, где сосредоточено массовое количество их находок, они известны в Северном Причерноморье до Дунайского бассейна и на Волге. Здесь же встречаются и орнаментированные удила, орнамент которых напоминает характерный для позднекарасукского времени орнамент «выпуклыми квадратами»⁵⁵². Удила с витыми стержнями, широко распространенные в конце II — начале I тысячелетия до н. э.⁵⁵³, в основном были однокольчатыми. По А. И. Тереножкину, они доживают до конца VII в. до н. э.⁵⁵⁴ Удила из п. 509 Ст. А. найдены в комплексе VI в. до н. э.

В п. 51 Ак. вместе с двукольчатыми удилами были обнаружены роговые трехдырчатые псалии (рис. 81, 5). Очевидно, они были в узде и с другими описанными двукольчатыми удилами. Близкого типа роговые и костяные псалии известны из городищ Сорочьи Горы (рис. 81, 6) и Гремячий Ключ. Длина сорочьегорского полностью сохранившегося псалия — 12,3 см. Верхний конец его изогнут. Эти псалии, очевидно, продолжают развитие трехдырчатых псалий конца эпохи бронзы таких, как, например, найденные в позднеприказанских: I Маклашеевском и II Полянском могильниках⁵⁵⁵. К. Ф. Смирновым предложена реконструкция крепления двукольчатых удил к трехпетельчатым псалиям⁵⁵⁶ — поводья узды привязывались к внешним большим кольцам удил, а через малые кольца и среднее отверстие псалии пропускаться один из трех концов

нащечного ремня — крайние прикреплялись к крайним отверстиям псаля (рис. 83, 1).

II тип — однокольчатые бронзовые удила, распространенные, по мнению А. И. Тереножкина, «в течение переходного времени от бронзы к железу в Западной Европе, Средней Азии и Сибири... Их время VIII—VII вв. до н. э.»⁵⁵⁷ На раннеананьинской территории они известны в двух вариантах.

IIА — трехчастные или трехзвеньевые бронзовые удила с подвижными кольцами (рис. 81, 9). Находятся в коллекции В. И. Заусайлова (НМФ, 5384 : 4170) и происходят из Билярска⁵⁵⁸. Общая длина их вместе с подвижными кольцами — 19 см, длина ротовой части — 12,5 см. Непосредственных аналогий этим удилам мне неизвестно, и они оригинальны. Однако трехчастные или трехзвеньевые удила, правда, большей частью с неподвижными псалями, известны в памятниках поздней бронзы (Сналк Б) и начала эпохи раннего железа в Передней Азии⁵⁵⁹.

Возможно, что с этим вариантом бронзовых однокольчатых удил употреблялся бронзовый псаляй (рис. 81, 7), найденный в Билярске, опубликованный А. Ф. Лихачевым⁵⁶⁰ и А. А. Иессеном⁵⁶¹. Он в верхней части обломан, в сохранившейся имеет вид стержня со шляпкой на конце и с двумя Г-образно выступающими стерженьками со шляпками в средней части стержня, между которыми с другой стороны стержня имеется кольцо. К этому кольцу, продевавшемуся через внешнее подвижное кольцо удил с передней стороны, привязывался средний конец нащечного ремня, верхний и нижний концы которого надевались на шляпки и опускались на стерженьки боковых выступов (рис. 83, 2).

II, Б — простые кольчатые бронзовые удила с неподвижными относительно небольшими кольцами на концах. Известен 1 экз. из Ан. (коллекция НМФ, 1400 : 927). Это небольшие удила (рис. 81, 12). Общая их длина — 13 см, длина ротовой части — 10,5 см, толщина дрота — 0,6 см. Такие бронзовые удила имели широкий хронологический и территориальный диапазон бытования. Появившись во второй половине II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке, в Сибири они доживают до IV—III вв. до н. э.⁵⁶²

III тип — стремевидные (стремечковидные) бронзовые удила, по мнению одних археологов, в Евразии бытовавшие одновременно с двукольчатыми, т. е. в VIII—VII вв. до н. э.⁵⁶³, по мнению других, — позже, т. е. во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э.⁵⁶⁴ В раннеананьинских памятниках таких удил известно 6 экз. 2 из них были найдены в Ан. опубликованы Й. Аспелиным⁵⁶⁵ и А. М. Тальгреном⁵⁶⁶ и ныне хранятся в Национальном музее Финляндии — 1400 : 173 (публикация Й. Аспелина) и 7201 : 1 (публикация А. М. Тальгрена). Остальные происходят из Ст.А.

Две пары удил были найдены в п. 383 Ст.А вместе с железным кинжалом с брусковидным навершием и таким же перекрестием и набором бронзовых наконечников стрел, т. е. в комплексе, жестко ограниченном VII в. до н. э. Одни из них (рис. 81, 10) имеют орнаментированные стержни. Общая их длина — 18,5 см, длина ротовой части — 13 см. Вторые не орнаментированы (рис. 81, 11). Общая их длина — 17,8 см, длина ротовой части — 13 см.

Такого же типа удила найдены в п. 524 Ст.А вместе с аозинско-меларским бронзовым кельтом типа IV, 1Бб, железным наконечником копья типа I,2А и бронзовым навершием, т. е. в комплексе конца VII — первой половины VI в. до н. э. Общая длина удил — 17,7 см, длина ротовой части — 13 см.

Еще одни такого же типа удила обнаружены в раскопе 1966 г. Ст.А. Общая их длина — 17 см, длина ротовой части — 12,5 см.

С удилами не найдено псалий. Видимо, они почти все были или костяными, или деревянными. По другим материалам (северочерноморским, сибирским, среднеазиатским и другим) известно, что со стремевидными удилами употреблялись трехплетчатые или трехдырчатые бронзовые и костяные псалии, способ крепления которых к узде довольно подробно описан исследователями⁵⁶⁷.

По нашим материалам, стремевидные удила у ранних ананьинцев бытовали в промежутке между серединой VII и серединой VI в. до н. э.

Железные удила

На рубеже VII—VI вв. до н. э. раннескифский мир переходит к употреблению более практичных кольчатых *железных удил* и псалий, что приводило к полному вытеснению в VI вв. до н. э. бронзовых удил. Этот процесс активно шел и в раннеананьинской среде. Об этом свидетельствует довольно большая группа железных удил и псалий (кроме железных псалий, есть и роговые, или костяные), обнаруженная в раннеананьинских комплексах (рис. 82).

Сами удила достаточно однотипны — они изготовлены из простых кованых железных стержней, загнутых в кольца с двух сторон, внутренние из которых вдевались друг в друга, а внешние служили для прикрепления псалий и кожаных ремней узды. Возможно, на первых порах удила пытались изготавливать по принципу бронзовых — с замкнутыми кольцами. Два отдельных звена таких удил были обнаружены в раскопе 1967 г. Ст. А. (рис. 82, 1; длина — 8 см) и в раскопе 1971 г. Ак. (длина — 9 см).

Большой интерес представляет часть массивных железных удил из п. 605 Ст. А, найденных в арханчском комплексе вместе с бронзовым акозинско-меларским кельтом типа I, 1 Ад, железными наконечниками стрел (рис. 79, 1, 2). Комплекс не может быть датирован временем позже VII в. до н. э. Происходящие отсюда удила, очевидно, были трехчастные (трехзвеньевые) и напоминали в этом отношении такие же бронзовые удила из Билярска. Но ахмыловские более массивны — общая их длина, вероятно, достигала 28 см при длине ротовой части около 20 см (рис. 82, б). Сохранились лишь два звена — крайнее, и большее, у которого внутреннее кольцо цельное, а внешнее разомкнутое, и внутреннее — малое с разомкнутыми концами. Своей массивностью эти удила напоминают железные удила из Тарабутакского кургана № 2 на Илеке, которые, по мнению К. Ф. Смирнова, могли употребляться для верблюжьей упряжи⁵⁶⁸.

Основная масса железных удил, а их из раннеананьинских памятников известно более 20 экз., различаются между собой не своими собственными формами, а формами псалий (таблица III). Последние уже также изготавливаются из железа, но были, очевидно, и деревянные, сохранились костяные (роговые) и пережиточно бронзовые или биметаллические. О бытовании деревянных и костяных псалий свидетельствует тот факт, что многие удила найдены без псалий (см. табл. III). Размеры удил довольно стандартны — общая длина — в среднем 18—20 см, длина ротовой части — 10—12 см. Но есть и малые, например удила из п. 85 Ак, имевшие общую длину 12,5 см при длине ротовой части 8 см.

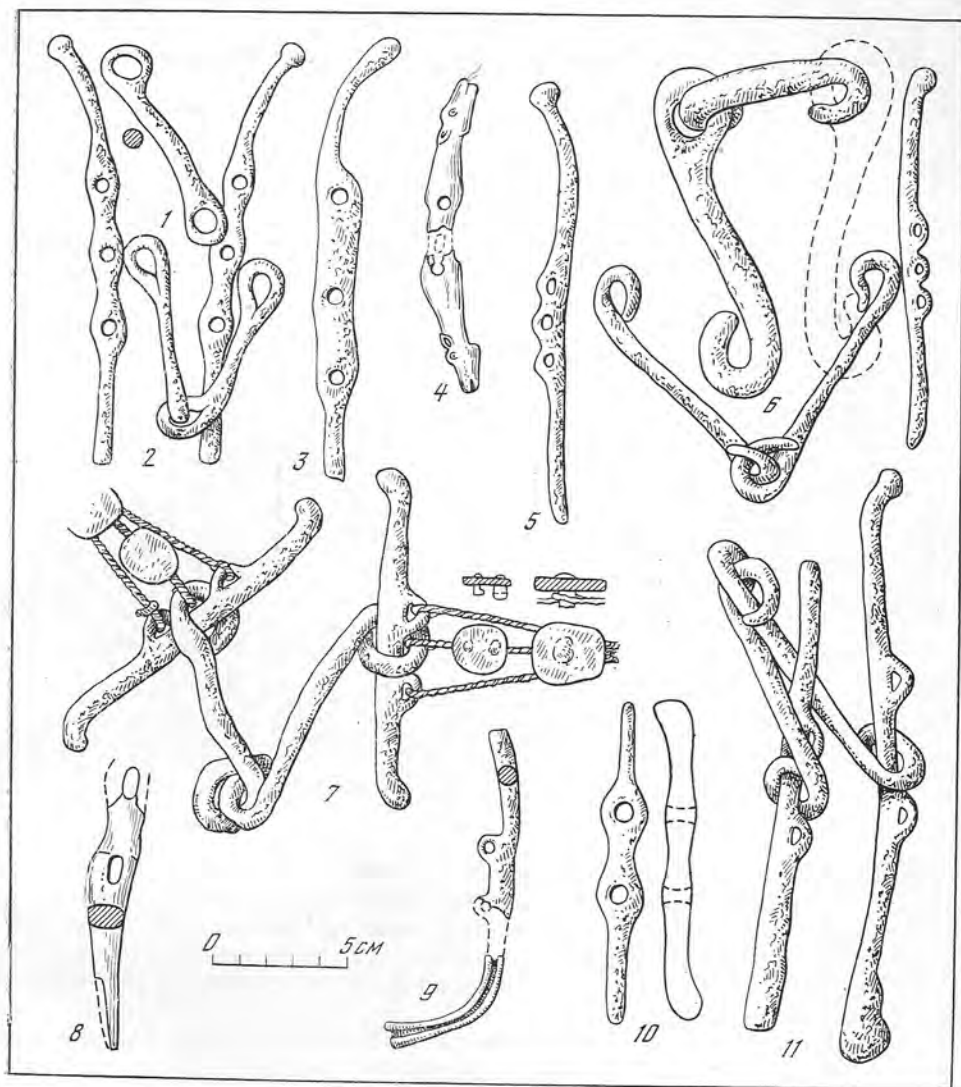

Рис. 82. Железные удила (1, 2, 5, 6, 7, 11), железные (2, 3, 5, 7, 10, 11), костяные (4, 8) и биметаллические (9) псаши из раннеананьинских памятников 1, 5—7, 9, 11 — Ст. Ахмыловский могильник: 1 — 1967 г., 5 — погр. 110, 6 — погр. 605, 7 — погр. 563, 9 — погр. 812, 11 — погр. 900; 2, 3 — Акозинский могильник: 2 — погр. 98, 3 — раскоп. I 1971 г.; 4 — Аргыжское городище; 8 — поселение Курган; 10 — Ананьинский могильник

Таблица III

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕЛЕЗНЫХ УДИЛ, НАЙДЕННЫХ В РАНИЕАНАНЬИНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Памятник	Место находки	Форма колец звеньев		Сохранность	Размер		Псалии (материал и тип)
		цельные	разомкнутые		общая длина в см	длина ротовой части в см	
Ст. Ахмыловский	Погр. 110	—	+	Оба звена	19	12	Железные, I
	Раск. 1967 г.	+	—	Одно звено	8	—	—
	Погр. 563	—	+	Оба звена	18	10	Железные, III
	Погр. 605	Трехчастные		Два звена	28	20	—
	Раск. 1969 г.	—	+	Одно звено	5	—	—
	Погр. 900	—	+	Оба звена	20	12	Железные, I
	Раск. 1975 г.	—	+	Одно звено	8,5	—	—
	Раск. 1975 г.	—	+	» »	9	—	—
Акозинский	Погр. 83	—	+	Оба звена	17,5	12	—
	Погр. 85	—	+	» »	12,5	8	—
	Погр. 97	—	+	Одно звено	11	8	—
	Погр. 98	—	+	Оба звена	15	11	Железные, I
	Раск. 1971	—	+	Одно звено	8	6	—
	Раск. 1972	+	—	» »	8	6	—
	Раск. 1972	—	+	Оба звена	16	13	—
Ананьинский	НМФ, 1400 : 556	—	+	» »	18	10	—
	НМФ, 1400 : 557	—	+	Одно звено	10	7	—
	НМФ, 1400 : 558	—	+	» »	9	6	—
	НМФ, 1400 : 559	—	+	» »	9	7	—
	НМФ, 1400 : 560	—	+	» »	9	6,5	—

Железные псалии подразделяются на несколько типов. Наиболее ранним среди них археологи считают трехпетельчатые псалии, которые А. А. Иессен склонен был выделить как один из характерных предметов наиболее раннего этапа развития скифской культуры — келермесского, датированного рубежом VII—VI вв. до н. э.⁵⁶⁹ С такими псалиями происходят удила из следующих раннеананьинских комплексов:

В п. 98 Ак обнаружены небольшие кованые железные удила с замкнутыми кольцами, к которым прикреплялись железные трехдырчатые псалии (рис. 82, 2, 3). Они состоят из изогнутого в верхней части и завершенного коническисрасширенной головкой стержня, центральная часть которой расширена и имеет три отверстия. Общая длина каждого псалия — 16 см.

Комплекс п. 98 Ак по биметаллическому кинжалу (рис. 60, 9) и бронзовой гривне должен быть датирован рубежом VII—VI вв. до н. э. Псалии близкого типа известны в п. 15 некрополя В в Сялке, где они датируются второй половиной VII в. до н. э.⁵⁷⁰ Аналогичные псалии, но с бронзовыми стремевидными удилами, происходят из раннескифских курганов (курган № 183 на р. Тенетинке) бассейна р. Тясминки⁵⁷¹. Два близких железных псалия найдены в раскопах Ак. один — в 1971 г. (рис. 82, 3), другой — в 1972 г.

Псалии другого варианта — с боковыми тремя петлями (рис. 82, 5) — происходят в комплексе с железными удилами из п. 110 Ст. А. Средняя длина каждого псалия — 16—17 см. Они слегка изогнуты в верхней части, где имеют шишкообразное завершение. Аналогичные псалии происходят также из п. 525 Ст. А, п. 87 Ак и раскопа 1972 г. Ак. В комплексе п. 100 Ст. А имеется железный втульчатый наконечник стрелы VII—VI вв. до н. э., п. 87 Ак содержало набор восьмеркообразных блюшек с выступающими дисками и задним ушком, что характерно для времени не ранее VI в. до н. э.

Близкого типа псалии обнаружены в Кармир-Блуре в слоях конца VII в. до н. э.⁵⁷², в п. 15 некрополя В в Сиалке⁵⁷³, в предскифских и раннескифских

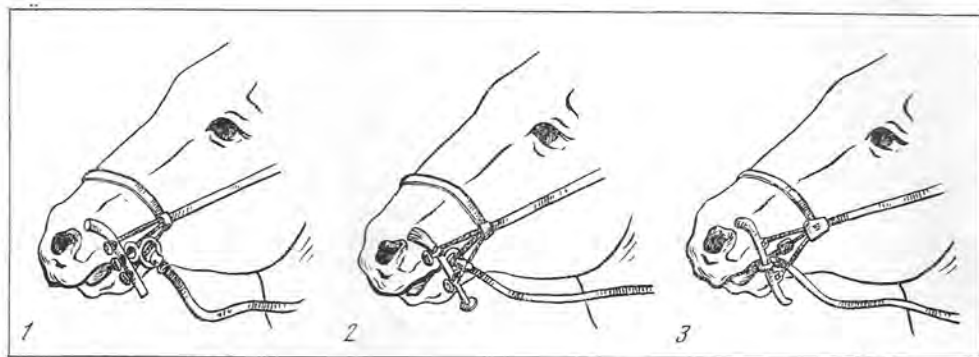

Рис. 83. Реконструкция раннеананьинской уздечки

1 — уздечка с бронзовыми удилами I типа и роговыми псалиями; 2 — уздечка с бронзовыми удилами II типа и бронзовыми псалиями (по материалам из Билярска); 3 — уздечка с железными удилами и железными псалиями II типа (по материалам погр. 563 Ст. Ахмыловского могильника)

памятниках рубежа VII—VI вв. до н. э. на Украине⁵⁷⁴. Этим же временем, т. е. рубежом VII—VI вв. до н. э. очевидно, следует ограничить и время их бытования в раннеананьинской среде. Об этом, между прочим, свидетельствует и интересный комплекс из с. Янада бывшего Тетюшского уезда Казанской губ., состоящий из бронзовых удил с загнутыми концами и обломка трехпетельчатых, но бронзовых удил (рис. 81, 13, 14)⁵⁷⁵. А. А. Иессен, обративший внимание на них, замечает, что это единственная «пара бронзовых удил, изготовленная» в той же технике, что и железные. Предположительно он их датирует VI в. до н. э.⁵⁷⁶.

К типу трехпетельчатых псалий принадлежит и роговая псалия из Аргыжского городища (рис. 82, 4), концы которой были оформлены в виде головок молодых оленей (важенок) с прижатыми ушами. Псалий в средней части от перетертости сломан. Аналогичные костяные псалии с головами животных на концах весьма характерны для раннескифской узды VI в. до н. э.⁵⁷⁷ Известны они и у савромат⁵⁷⁸.

Способ скрепления трехпетельчатых псалиев с удилами, в том числе и железными, оставался прежним, т. е. псалии накладывались с внешней стороны

удил, а средний конец нащечного ремня пропускался через внешнее кольцо удила к среднему кольцу псалий (см. рис. 83, 2).

Совершенно по-новому начинают крепиться псалии к удилам во второй половине VI в. до н. э., когда возникают и быстрое распространение получают более эффективные двухпетельчатые удила⁵⁷⁹. Они представлены и в раннеананьинских памятниках.

Так из п. 563 Ст.А происходит почти полный уздечный набор, состоявший из железных удила с псалиями и двух пар соединительных железных бляшек (рис. 82, 7). Комплекс, состоявший только из уздечного набора, к сожалению, не датирован. Псалии этого набора имеют S-овидную форму, т. е. концы стержня загнуты в противоположные концы. Псалии, имеющие две боковые петли, продеты во внешние кольца удила так, что кольцо удила приходится между петлями. К этому кольцу прикреплялись поводок узды и средний конец нащечного ремня при помощи железной бляшки, на которую накидывалась петля. Два крайних конца нащечного ремня прикреплялись к боковым петлям псалий (рис. 83, 3), а все три конца затем соединялись при помощи шайбы-тройника с остальными ремнями узды.

Остатки близкой по конструкции узды с железными удилами, псалиями и бляшками-переходниками обнаружены в п. 900 Ст.А в комплексе, датированном акозинско-меларским кельтом типа I, 1Ва, втульчатыми железными наконечниками стрел и наконечником копья типа II, 1Б VI в. до н. э., скорее, ее первой половиной. За относительно ранний возраст узды свидетельствуют и псалии, хотя уже двухпетельчатые, но по форме напоминающие трехпетельчатые с головкой на загнутом верхнем конце (рис. 81, 11). Они крупные, длина их доходит до 22,5 см.

Удила с новым типом крепления и новой формой псалий становятся известными на грани VII—VI вв. до н. э., в начале на Кавказе⁵⁸⁰, затем в причерноморских и волго-уральских степях. К. Ф. Смирнов полагает, что у савроматов такие удила получили распространение лишь во второй половине, если не в конце VI в. до н. э.⁵⁸¹ Наши материалы несколько корректируют. Эту дату и позволяют предполагать проникновение нового типа узды в Поволжье, и не только в степное, но и более северное — лесное уже в первой половине V в. до н. э. Об этом, в частности, говорят находки отдельных псалий, в том числе трех основных типов, выделенных К. Ф. Смирновым⁵⁸².

I тип. Псалии в виде прямого стержня с шишечкой на концах. Известно 2 экз. вместе с удилами (рис. 82, 11) из п. 900 Ст.А.

II тип. Наиболее широко распространенные у савроматов, особенно с конца VI и в V в. до н. э., так называемые S-овидные псалии. Кроме описанных из п. 563 Ст.А, близкого типа псалии происходят из Ананьинского могильника (см. коллекции НМФ, 1400 : 561, 562, 563). Оригинальный бронзовый псалий с расширенными топоровидными концами (рис. 82, 8) происходит из Билярска (коллекции НМФ, 5384 : 4645).

III тип. Псалии S-овидной формы, концы у которых изогнуто обращены в одну сторону. Известен в одном, довольно оригинальном экземпляре — основная часть железная, а один конец — бронзовый — из п. 812 Ст.А (рис. 82, 9). Погребение, содержащее лишь один этот псалий, к сожалению, не датировано. Биметалличность псалия скорее всего свидетельствует об его архаичности и времени его бытования не позднее VI в. до н. э. Нельзя исключать и того, что

этот псалий, сломанный в районе второй петли, мог быть и трехпетельчатым. Настоящих С-овидных или дуговидных псалий в раннеананьинских памятниках неизвестно, кроме обломка одной костяной или роговой псалии из поселения Курган (рис. 82, 8).

ПОСУДА

Массовая посуда, представленная в раннеананьинских памятниках глиняной, весьма многочисленна. Особенности форм, орнаментации этой посуды имеют важное значение для выяснения вопросов формирования, распространения этнической и даже общественной (племенной) истории ананьинских племен, на что уже обратили внимание многие исследователи и в первую очередь А. В. Збруева⁵⁸³. Над анализом форм и орнаментации ананьинской посуды, в том числе и ранней, работает ряд археологов. Так, В. С. Патрушевым⁵⁸⁴ продолжено начатое мной⁵⁸⁵ изучение ананьинской керамики западноволжских районов, Г. Р. Ишмуратовой — керамики средневолжских и нижекамских памятников⁵⁸⁶. Г. А. Архипов опубликовал классификацию раннеананьинской керамики с вятского городища Ройский Шихан⁵⁸⁷; разработку раннеананьинской керамики Удмуртского Прикамья, начатую В. Ф. Генингом и В. Е. Стояновым⁵⁸⁸, продолжает А. И. Ашихмина; первые предварительные результаты анализа раннеананьинской керамики памятников бельского района опубликовали И. Б. Васильев и В. С. Горбунов⁵⁸⁹; значительные работы по типологии ананьинской культуры Среднего Прикамья проведены А. Д. Вечтомовым⁵⁹⁰ и В. П. Денисовым⁵⁹¹, по памятникам Верхнего Прикамья — В. П. Денисовым⁵⁹²; начатую М. В. Воеводским⁵⁹³ классификацию ананьинской керамики Поветлужья продолжил В. Е. Стоянов, к сожалению, до сих пор не опубликовавший результаты своего интересного исследования⁵⁹⁴. Исходя из этого, нет смысла дублировать работы указанных исследователей и проводить новую детальную классификацию керамики отдельных локальных вариантов раннеананьинских памятников. В последующем изложении я вкратце остановлюсь лишь на общей характеристике раннеананьинской керамики, опираясь преимущественно на результаты работ вышеуказанных исследователей. Однако, прежде чем перейти к этой характеристике, несколько слов вообще о посуде, бытовавшей у раннеананьинского населения.

Металлическая посуда

Раннеананьинское население, также и как их потомки — марийцы⁵⁹⁵, удмурты⁵⁹⁶, коми⁵⁹⁷ и др., очевидно, очень широко пользовались разнообразной посудой, и не только глиняной, но и деревянной, берестяной и даже металлической. Только, к сожалению, деревянная и берестяная посуда почти не сохранилась, за исключением остатков берестяных коробов из могил с частичными погребениями и железной оковки от деревянного сосуда из Аозинского могильника⁵⁹⁸. Металлическая посуда была большой редкостью, ибо она была привозной, как, например, большая медная ваза, найденная в 1968 г. в размыве берега Куйбышевского водохранилища у с. Атабаево Лаишевского района Татарской АССР (рис. 84).

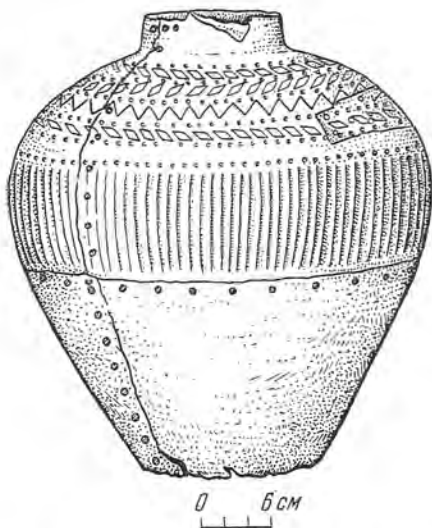

Рис. 84. Медная ваза из Атабаево

Абсолютно аналогичный сосуд — медная ваза — происходит из погр. 49 Тлийского могильника. Б. В. Техов, опубликовавший эту вазу, пишет: «Она изготовлена той же техникой, т. е. отдельные части ее скреплены с помощью заклепок. . . Ниже венчика на тулове вазы имеется узор, состоящий из косо расставленных ромбиков»⁵⁹⁹. Эту и подобную ей вазы Б. В. Техов датирует концом VIII — началом VII в. до н. э.⁶⁰⁰ и считает их местным, центрально-кавказским производением. Очевидно, такого рода вазы, поступающие из Центрального Кавказа на Среднюю Волгу, были не единичны. Обломки стенок таких ваз, использованные в качестве деталей женских головных уборов и содержавшие остатки характерных рядов косо расставленных ромбиков, были обнаружены в пп. 150 и 314 Ст. А.

Глиняная посуда

Глиняная посуда характеризуется для всех районов ананьинского расселения общими чертами⁶⁰¹: а) преобладание сосудов, изготовленных из глины с примесью толченых раковин; б) круглодонная и преимущественная чашевидность форм сосудов; в) орнаментация лишь верхней половины сосуда; г) выполнение орнамента преимущественно оттисками шнура в сочетании с рядом ямок; д) расположение орнамента горизонтальными зонами.

Следует отметить также, что вся эта керамика не отличается особым обилием форм. Нами в свое время была предложена типология форм раннеананьинской керамики⁶⁰², получившая в последнее время признание и других исследователей⁶⁰³. Выделяются в основном 3 типа форм сосудов:

1 тип — сосуды с прямым горлом, переходящим в несколько выпуклое чашевидное тулово или плавно (вариант 1), или резко (вариант 2);

II тип — сосуды с отогнутым горлом, переходящим в тулово: 1) плавно, 2) резко, 3) со скосом наружу (прикрытое горло);

III тип — сосуды чашевидной формы без выраженного горла, в том числе: 1) закрытые, 2) открытые.

Наряду с этим наблюдается определенное различие в формах, размерах и орнаментации сосудов могильников и поселений, а также в керамике различных локальных вариантов.

Керамика западноволжского варианта (Волга I). Первое выделение западно-волжской раннеананьинской керамики и ее типология были даны в начале 1960-х годов в результате анализа массового материала, полученного из 2 слоя Васильсурского городища⁶⁰⁴. В последнее время характеристика керамики западноволжского варианта значительно расширена В. С. Патрушевым за счет привлечения большей серии новых материалов как с поселений, так и с могильников.

Керамика могильников этого района включает в себя 50 сосудов из Ст. А и 4 сосуда из Ак.⁶⁰⁵ Почти все они происходят из могильных ям, т. е. являются погребальной керамикой. Характерно, что вся она, за исключением одного сосудика из Ст. А, приготовлена из глины с примесью в тесте толченых раковин.

Погребальная керамика отличается относительно малыми размерами (около 70% сосудов имеют диаметр горла меньше 10 см), приземистостью (у всех сосудов диаметр горла больше высоты), тонкостенностью (85% сосудов имеют толщину стенок 3—5 мм) и абсолютным преобладанием чашевидных, т. е. III типа сосудов (68%). Да и остальные формы — тип I (8%) и тип II (24%) — отличаются слабой профилированностью (рис. 85, 6). Вся эта посуда орнаментирована разреженно, 30% сосудов вообще лишены орнамента. Для орнамента, расположенного обычно только в верхней половине тулова, характерно обязательное наличие одного ряда ямок ближе к краю горла (рис. 85, 1—3, 5, 6), на 14 сосудах (28%) в сочетании с горизонтальными рядами шнуровых оттисков (рис. 85, 1, 6), и довольно редко (5 сосудов) с узорами, нанесенными оттисками зубчатого штампа.

Керамический материал поселений западноволжского локального варианта характеризуется прежде всего наличием двух групп сосудов с различными примесями в глине и разной техникой обработки поверхности. I группа представлена общепананьинскими сосудами (53% — на Васильсурском городище, 75% — на Сиухинском поселении, 90% — на Копаньском городище, 95% — на Малахайском поселении), 2 группа — круглодонными сосудами, изготовленными из глины с примесью песка и нередко покрытыми по поверхности «сетчатыми» отпечатками (40% — на Васильсурском городище, 20% — на Сиухинском поселении, 6% — на Копаньском городище, 3% — на Малахайском поселении). Кроме того, выделяется 3 группа (так называемая гибридная) керамики, включающая в себя сосуды с примесью песка, но со шнуровой орнаментацией или с примесью толченых раковин, но с «сетчатой» поверхностью⁶⁰⁶ (7% — на Васильсурском поселении, 5% — Сиухинском, 4% — Копаньском и 2% — Малахайском). Следует заметить, что по формам вторая и третья группы керамики мало чем отличаются от первой, т. е. основной, может быть, лишь большим преобладанием чашевидных форм.

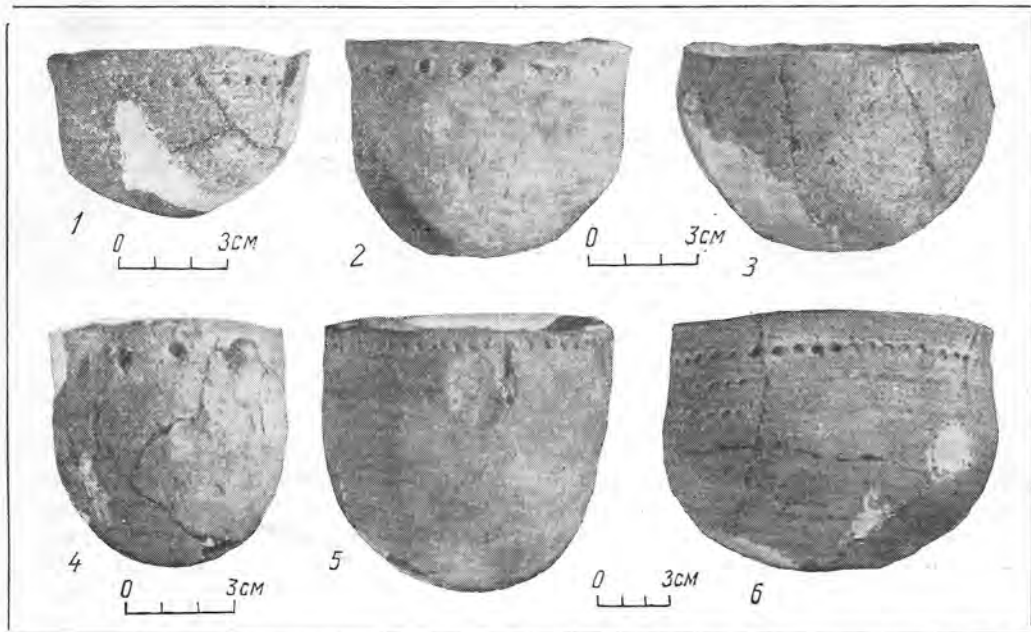

Рис. 85. Керамика Ст. Ахмыловского могильника

1 — погр. 242; 2 — погр. 267; 3 — погр. 328; 4 — погр. 247; 5 — погр. 252; 6 — погр. 318

Основная же группа керамики, обладающая всеми вышеперечисленными раннеананьскими особенностями и представленная значительной массой реконструированных для статистической обработки форм сосудов (187 экз. — на Васильсурском городище, 424 — Малахайском поселении), имеет ряд особенностей. Преобладают сосуды типа I, 1 (цилиндрошейные с плавным переходом от горла к тулову); 64,5% — на Васильсурском (рис. 86, 2, 3, 7, 8), 76,4% — на Копанском, 63% — на Малахайском⁶⁰⁷ поселениях при наличии и других типов: II, 1 (25,2% — на Васильсурском городище (рис. 86, 1, 5, 6), 25,5% — на Малахайском поселении, III, 1, 2 (6,3% — на Васильсурском (рис. 86, 4), 6,9% — на Малахайском поселениях). Поверхность сосудов хорошо заглажена, реже (около 10%) покрыта штриховой зачисткой. Абсолютное большинство сосудов (100% — на Васильсурском поселении, 98,5% — на Малахайском поселении) имеют ту или иную орнаментацию, расположенную только в верхней части сосудов (рис. 86), но иногда заходящих и на край венчика (21,8% — на Васильсурском поселении, 15,5% — на Малахайском поселении). В технике нанесения орнамента преобладают ряды ямочных вдавлений, на втором месте — узоры из оттисков зубчато-гребенчатого штампа, на третьем — оттиски преимущественно мелкого шнура (на керамике Васильсурского городища — соответственно 195, 114 и 81 случай). Большей частью орнаментированные узоры состоят из горизонтальных оттисков шнура или длинного зубчатого штампа в обязательном сочетании с рядом ямочных углублений. Горизонтальные зоны

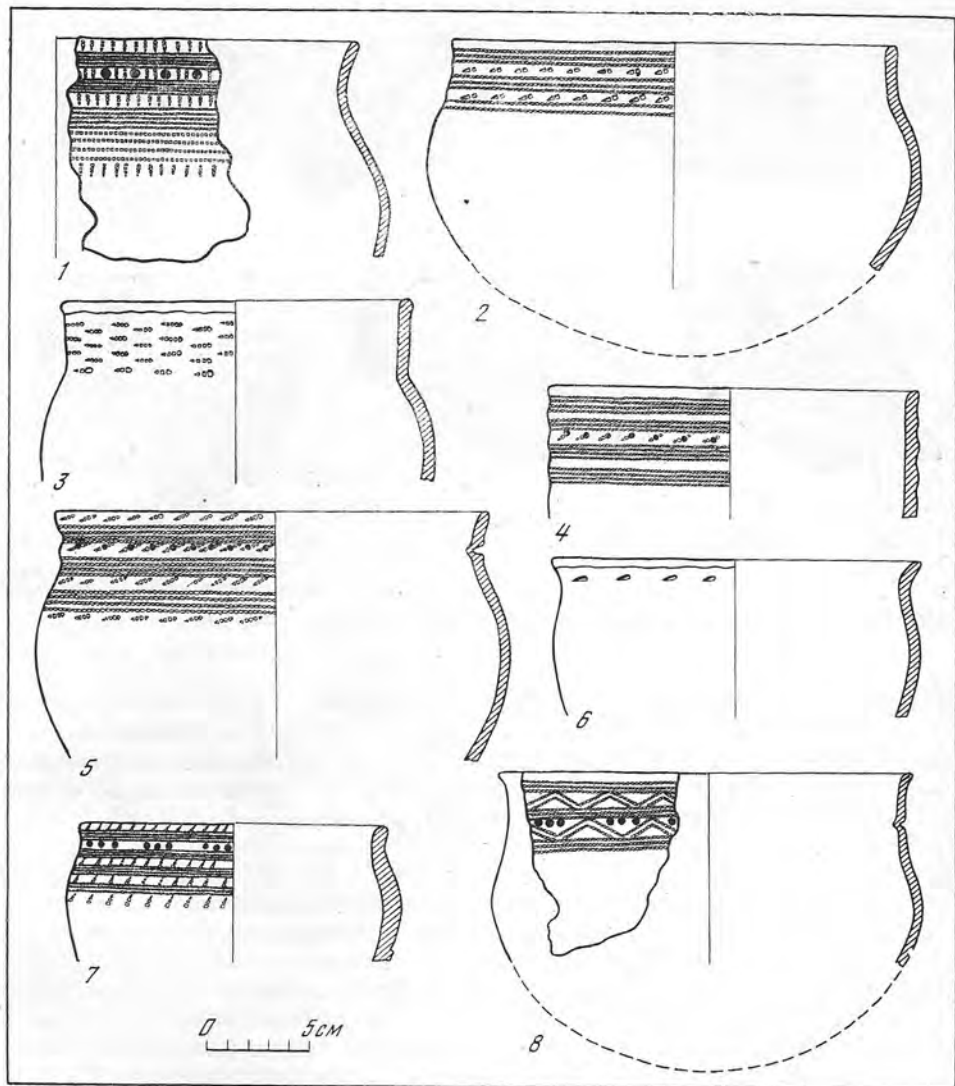

Рис. 86. Ананьинская керамика поселений западноволжского варианта (по материалам Васильсурского городища)

нередко разрезаются рядами вертикальных или косых оттисков короткого зубчатого штампа. Узоры в виде зигзагов, ромбов, треугольников или волны чрезвычайно редки (рис. 86).

Керамика средневолжского варианта (Волга II). Керамика этого варианта также подразделяется на керамику могильников (Тетюшский и Морквашинский) и поселений (городища Казанка I, Антоновское, Маклашеевское). К со-

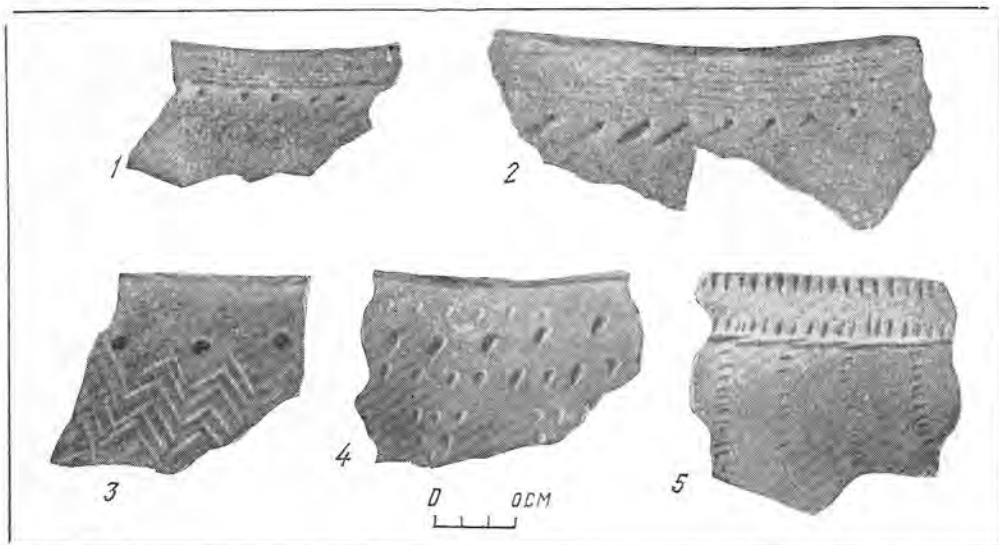

Рис. 87. Ананьинская керамика поселений средневожского варианта (по материалам ананьинских памятников в окрестности г. Казани)

жалению, в интересной статье Г. Р. Ишмуратовой, специально посвященной анализу раннеананьинской керамики Среднего Поволжья, полностью выпал керамический материал из могильников⁶⁰⁸. А он есть и представлен целой серией сосудов: 5 сосудов — из Пусто-Морквашинского могильника, 13 — сосудов из Тетюшского могильника (см. рис. 23, 1; 24А, 3; 24Б, 3, 4; 27, 2; 22, 8; 28А, 5; 21 Б, 1, 2, 4; 29, 1; 32, 2), 1 сосудик — из II Полянского⁶⁰⁹ и 2 сосудика — из Гулькинского⁶¹⁰ могильников. Это все небольшие сосудики (с диаметром горла от 5 до 9 см при высоте от 4 до 9 см) круглодонные, реже с уплощенным дном, в абсолютном большинстве случаев изготовленные из глины с примесью толченых раковин или растительных остатков. Лишь 2 сосудика из Тг (п. 221 и раскоп I, кв. Б/6) изготовлены из глины с примесью песка, но имеют гладкую поверхность. Сосудик из п. 280 Тг был покрыт тонким слоем желтоватого ангоба. Из 21 сосуда 6 относятся к I типу, в том числе 3 к типу I, 2 (Тг, п. 147, раскопы 1, 2) 4 — к типу II, 3 из которых имеют по горлу следы «воротничка» (рис. 22, 8; 24, Б, 3) 14 — к типу III (чашевидные), причем преобладают небольшие чашки со слабо профилированным горлом (см. рис. 27 А, 2, 21, Б2 и др.). В технике нанесения орнамента наряду с рядами круглых ямок есть и ряды клиновидных углублений. Шнуровые отписки относительно редки (лишь на четырех сосудах), несколько более часто встречаются узоры, нанесенные короткими резными линиями, образующими зигзаги или косо поставленные ряды (6 экз., рис. 24; 3; 22, 8).

Керамика поселений, достаточно подробно разобранный Г. Р. Ишмуратовой, представлена материалами городища Казанка I, Антоновское и II Маклашевское. К этой же серии можно причислить интересную коллекцию ранне-

ананьинской керамики, происходящую из Казанского кремля (рис. 87) ⁶¹¹.

Основная масса этой керамики, особенно с городищ Казанка I, Маклашеевка II и Нижнеуслонского поселения, подразделяется по примесям в глине и обработке поверхности на две группы: первая — типично ананьинские сосуды с примесью в тесте толченых раковин и заглаженной поверхностью (Нижнеуслонское поселение — 60%, Казанка I — 28, Маклашеевка II — 80, Антоновское городище — 100%); вторая — сосуды с примесью в глине песка и «сетчатой» обработкой поверхности (Нижнеуслонское поселение 34—8%, Казанка I — 71,6, Маклашеевка II — 16,6%). Очень высокий процент «сетчатой» керамики на городище Казанка I, очевидно, следует объяснить тем, что это поселение практически существовало все I тысячелетие до н. э. и в обработку, вероятно, вошли и более поздние материалы (второй половины I тысячелетия до н. э.), уже полностью характеризующиеся «сетчатой» керамикой. В целом же следует признать, что для района Среднего Поволжья (Волга II) число «сетчатой» керамики в раннеананьинских материалах едва ли превышало 20%. В ряде памятников (Антоновское городище, Казанский кремль, Каратаевское поселение) вторая группа керамики вообще неизвестна.

Собственно ананьинская керамика, представленная преимущественно сосудами средних размеров с диаметром горла 20—35 см, хотя есть и малые сосуды с диаметром 5—10 см и большие — с диаметром свыше 40 см ⁶¹², может быть охарактеризована следующим образом.

Преобладают горшковидные сосуды II типа (Казанка I — 59%, Антоновское — 51,3; Маклашеевка II — 50,9%); но есть, а в отдельных памятниках довольно много (Казанка I — 38,5%; Антоновское — 46, Маклашеевка II — 45,6%), цилиндрических сосудов I типа. Чашевидные сосуды (III тип) многочисленны — от 2,5% (Казанка I) до 3,5% (Маклашеевка II). Характерна почти полная орнаментированность сосудов узорами, нанесенными только в верхней половине (рис. 87).

В технике нанесения орнамента преобладают ямочные вдавления (до 50% орнамента), но резко увеличивается число сосудов (Казанка I — 23,8%, Антоновское — 43,1, II Маклашеевское — 21,8%), украшенных рядами клиновидных углублений (рис. 87, 5). Наблюдается как будто начало преобладания орнамента из шнуровых оттисков (Антоновское — 15,7%, Маклашеевка II — 9,5%) над орнаментом, выполненным зубчатым штампом (Антоновское — 1,9%, Маклашеевка II — 7,9%). В материалах городища Казанка I мы наблюдали обратную картину: шнуровой орнаментации — 7,1%, зубчатой — 23,8%.

Значительно более разнообразны орнаментальные мотивы. Хотя орнамент в целом и сохраняет горизонтальную зональность в своем расположении, но он характеризуется значительным разнообразием — «столбики» из прямо или косо поставленных клиньев. . . , из бессистемных заполнений клиньями и зубчатыми клиньями орнаментального поля. . . , линии из шнура или зубчатого штампа, перекрестные линии из шнура в одну, две или несколько линий, образующие ромбы, заштрихованные углы, косую сетку» ⁶¹³ (рис. 87).

Керамика первого нижнекамского варианта (Кама I). Представлена посудой из могильников (10 сосудов из I Новомордовского — рис. 88, по одному сосуду из II Базяковского — рис. 37, В2 и II Березогривского — рис. 37, Г8) и массовой керамикой из поселений Курган ⁶¹⁴ и Гремячий ключ ⁶¹⁵.

Погребальная керамика вся состоит из небольших, преимущественно чашевидных сосудиков с округлым, иногда приостренным и редко уплощенным дном (рис. 88). За исключением одного сосудика из I Новомордовского могильника (рис. 88, 2), она вся изготовлена из глины с примесью толченых раковин и весьма слабо орнаментирована. Орнамент состоит из ряда ямочных, реже клиновидных углублений, иногда расположенных группами по три (рис. 37, В, 2; 88, 10). Имеется по одному сосуду, орнаментированному шнуровыми (рис. 88, 9) и зубчатыми (рис. 88, 3) оттисками.

В керамическом материале поселений наблюдается еще сочетание двух групп: 1 — типично ананьинской с примесью в тесте толченых раковин и заглаженной поверхностью (Гремячий ключ — 97%, Курган — 93,9%); 2 — с примесью песка и нередкой обработкой поверхности «сеткой» (Курган — 6,1%, Гремячий ключ — 3%). Последняя группа керамики встречается в материалах и остальных раннеананьинских поселений варианта Кама I. В частности, такая керамика обнаружена на городище Грохань при устье Вятки⁶¹⁶. Это самый крайний восточный пункт распространения «сетчатой» керамики. Размеры сосудов обеих групп средние (20—30 см в диаметре).

По формам в поселенческой керамике преобладают горшковидные сосуды II типа (Курган — 66,6%, Гремячий ключ — 45,2%). Относительно много и сосудов I (преимущественно I, 1) типа, на городище Гремячий ключ она даже как будто превалирует — 45,9%. Чашевидных сосудов немного — 8,9—9,7%.

Орнамент, расположенный в верхней части сосудов, в основном наносился ямчатыми (Гремячий ключ — 86,2%, в том числе клиновидные — 24,6%; Курган — 88,2%, в том числе клиновидные — 21,5%) вдавлениями и шнуровыми (Гремячий ключ 28,5%, Курган — 17,2%) оттисками, Узоры, выполненные зубчато-резной техникой, немногочисленны в керамике Гремячего ключа (16,4%) и значительны в керамике Кургана (38,1%).

Орнаментальные мотивы более усложненные, чем в керамике вариантов Волга II и Волга I; кроме обычных горизонтальных линий, сочетающихся с ямочными рядами, здесь часты узоры в виде вертикальных рядов (рис. 89, 1), перекрещивающихся линий (рис. 89, 5, 7), зигзагов и т. п.⁶¹⁷

Керамика вятского варианта (Вятка). Для раннеананьинского времени она может быть охарактеризована материалами двух городищ — Ройского Шихана и Мальковского, исследованных в 1956 г. Марийской археологической экспедицией. Керамика этих памятников проанализирована Г. А. Архиповым, который выделил в материале Ройского Шихана из более чем 2000 фрагментов 122 раннеананьинских (VII—V вв. до н. э.) сосуда⁶¹⁸, а в материале Мальковского городища — из 1182 фрагментов 74 сосуда, синхронных керамике Ройского Шихана⁶¹⁹. Последняя статистически изучалась и мной⁶²⁰.

В керамике обеих памятников нет ни одного фрагмента «сетчатой» посуды. Вся она изготовлена из глины с примесью мелкой толченой раковины. Преобладают горшковидные формы (I, II типы): 82% сосудов Ройского Шихана, 95,5% — Мальковского городища (рис. 90, 1—4, 6, 8). Однако больше, чем в памятниках других вариантов, встречаются и чашевидные формы — до 18% сосудов Ройского Шихана (рис. 90, 5, 7, 9). Среди горшковидных преобладают сосуды II типа — 53% на Ройском Шихане, 56% составляют сосуды типа

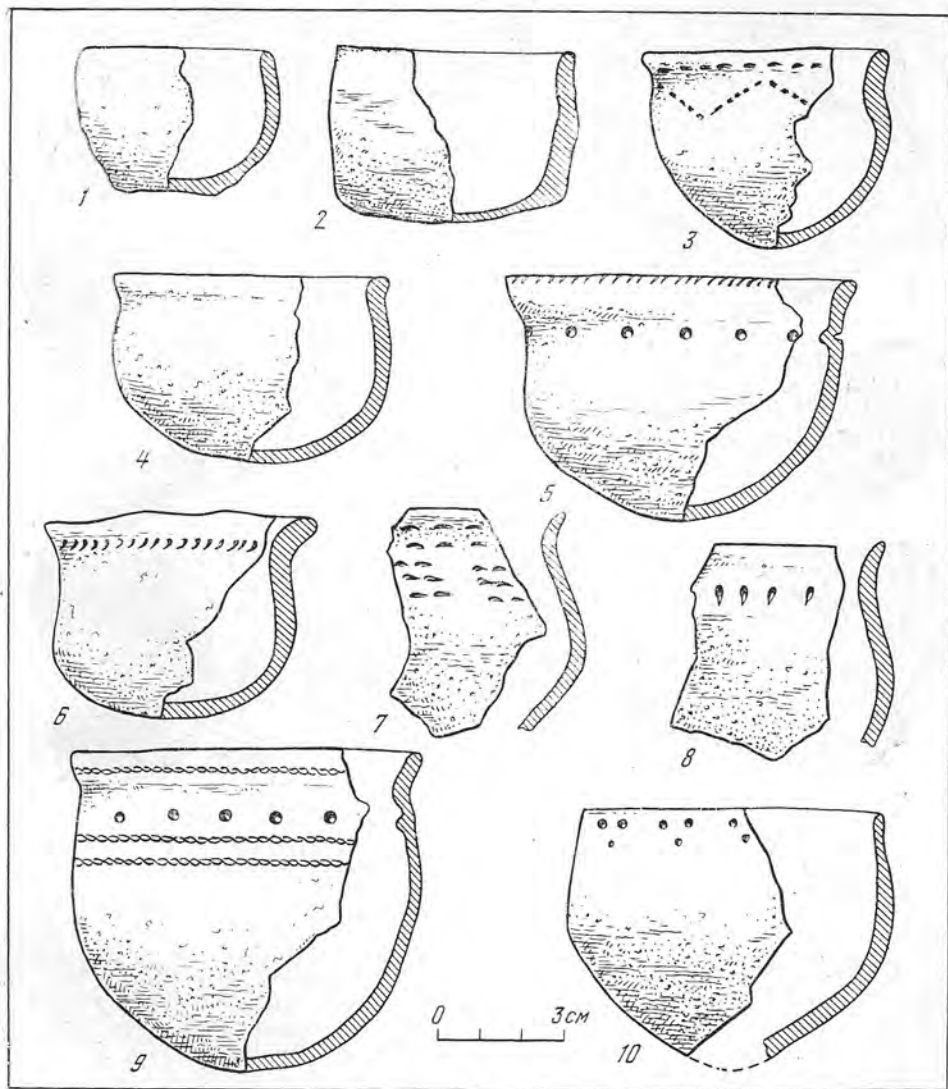

Рис. 88. Керамика I Новомордовского могильника

1, 4, 5 — материал 1967 г.; 2, 3, 7, 8, 10 — материалы 1961 г.; 6 — погр. 30; 9 — погр. 6

II, 2 (рис. 90, 3). Цилиндрожейные сосуды представлены 29% на Ройском Шихане и 27% — на Мальковском городище. Некоторые из них по краю горла имеют широкое утолщение (рис. 90, 6), обычно именуемое «воротничком» (7% — на Ройском Шихане, 13,5% — на Мальковском городище).

Размеры сосудов средние: диаметры горла колеблются от 10 до 42 см, а тол-

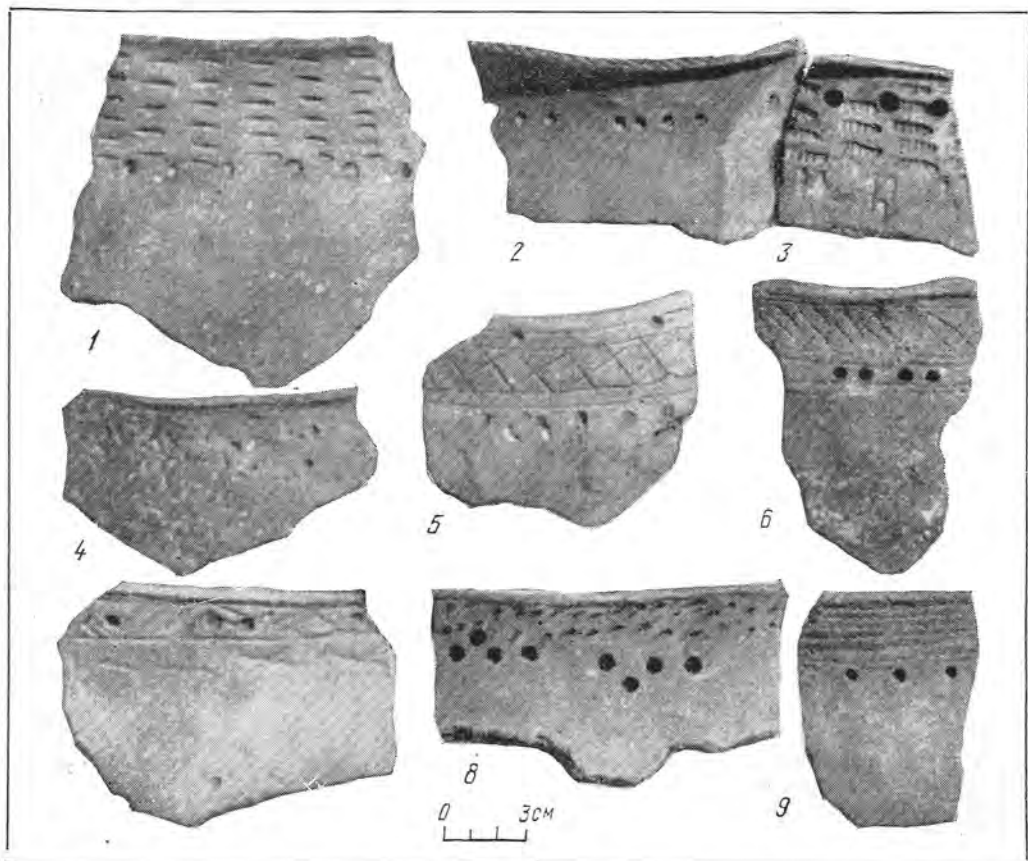

Рис. 89. Ананьинская керамика поселений первого нижнекамского варианта (по материалам поселения Курган)

щина стенок — от 0,3 до 1 см. Вся поддающаяся реконструкции по верхним частям керамика орнаментирована. В технике нанесения орнамента абсолютно преобладают ямочные вдавления: 93% — на керамике Ройского Шихана, 97% — на керамике Мальковского городища (рис. 90). На втором месте гребенчато-зубчатые оттиски (79% керамики Ройского Шихана, около 70% керамики Мальковского городища). Шнуровые оттиски были употреблены для орнаментации 48% керамики Ройского Шихана.

Хотя в целом орнаментальные узоры характеризуются горизонтальной зональностью (рис. 90), но более часто, чем в керамике других локальных вариантов, встречаются зигзаги, скошенные линии, заштрихованные ромбы и пр.

Керамика второго нижнекамского варианта (Кама II). В 50-х годах XX в. она представлялась наиболее изученной. Именно по ней А. В. Збруева дала основную характеристику ананьинской керамики⁶²¹. К сожалению, эта харак-

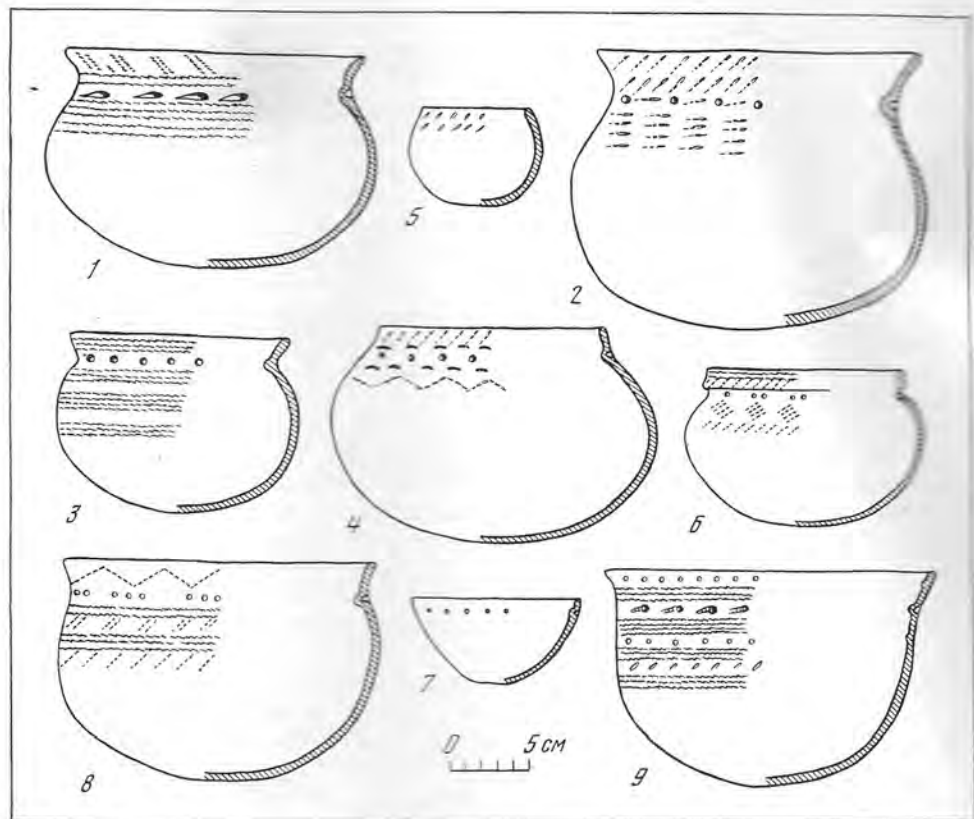

Рис. 90. Реконструированные сосуды городища Ройский Шихан

теристика была сделана на материалах лишь Ананьинского и Луговского могильников, т. е. на основе анализа погребальной керамики, которая, как мы видели выше, во всех группах и по формам, и по орнаменту довольно значительно отличается от массовой керамики, представленной на поселениях. Следует заметить, что до сих пор мы еще не имеем статистически разобранных керамических комплексов с раннеананьинских поселений варианта «Кама II». Развернувшиеся в начале 1970-х годов археологические исследования ананьинских поселений, в частности I Зуево-Ключевского городища⁶²², в этом районе позволяют надеяться на появление исследований, посвященных и раннеананьинской керамике второго нижнекамского варианта.

Керамика Луговского (25 сосудов)⁶²³ и Ананьинского (30 сосудов)⁶²⁴ могильников в целом характеризуется теми же общими чертами, что были присущи для керамики могильников других районов. Это в основном малые сосуды преимущественно чашевидных форм (до половины сосудов), хотя имеются

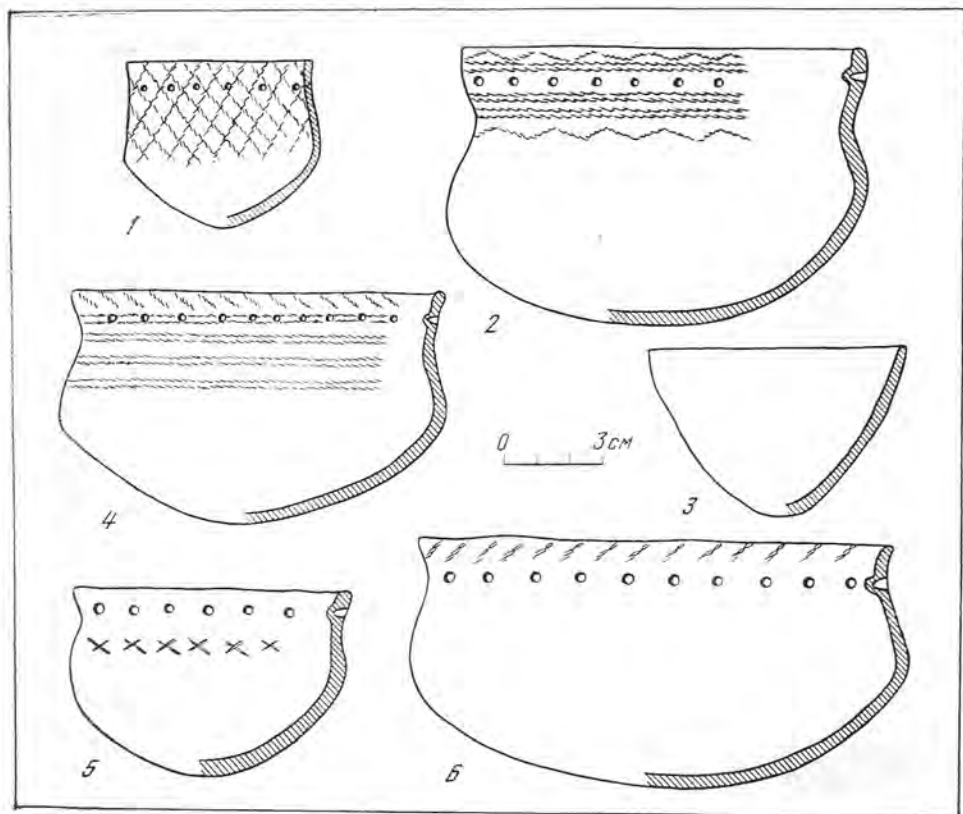

Рис. 91. Глиняная посуда Ананьинского могильника (по материалам Национального музея Финляндии, коллекции НМФ, 1400)

1 — 1400: 632; 2 — 1400: 629; 3 — 1400: 627; 4 — 1400: 630; 5 — 1400: 628; 6 — 1400: 631

и профилированные формы, где преобладают сосуды типа II, 1, имеющие приплюснутые очертания (рис. 91, 4—6) в относительно поздних (VI—V вв. до н. э.) комплексах и более высокую форму — в ранних комплексах⁶²⁵. Как отмечали А. В. Збруева⁶²⁶, В. Е. Стоянов⁶²⁷ и последующие исследователи, для керамики описываемого варианта характерно абсолютное преобладание орнамента, расположенного горизонтальными зонами и выполненного из оттисков шнура с ямочными вдавлениями, причем в орнаментации керамики самых ранних памятников (Каракулинское поселение, переходные от эпохи бронзы к эпохе раннего железа слои I Зуево-Ключинского городища) относительно много геометрических фигур (треугольники, зигзаги, ромбы, пересекающиеся линии и т. п.), характерных для орнаментации посуды маклашеевского этапа приказанской культуры, но выполненных оттисками шнура. В более поздних комплексах орнаментация становится относительно спокойной.

В заключение следует отметить, что в керамическом комплексе второго нижнекамского варианта имеется лишь первая группа, т. е. керамика, изготовленная из глины с примесью толченых раковин.

Керамика бельского варианта (Белая). Она изучена лишь в предварительном плане И. Б. Васильевым и В. С. Горбуновым⁶²⁸. К сожалению, ни одного чисто ананьинского памятника в этом районе, так же как и раннеананьинского могильника (Таш-Елгинский могильник, выявленный в Башкирии, относится к среднекамскому варианту), здесь пока не изучено. Раннеананьинская керамика Бирского поселения, наиболее подробно изученная указанными авторами, не может служить эталоном, так как она выбрана не стратиграфически, а типологически из материалов многослойного поселения.

К раннеананьинскому времени авторы отнесли 226 фрагментов керамики с примесью растительных остатков, толченой раковины и шамота, имеющих орнаментацию из шнуровых оттисков. По фрагментам венчиков выделено 90 сосудов, имеющих диаметр горла от 25 до 40 см, округлое дно, высокое со слабо отогнутым наружу венчиком горло (тип II, 1 по общей классификации). В орнаментации, имеющей в целом зональный характер, обязательно сочетание ряда глубоких ямочных вдавлений с оттисками шнура, при помощи которого выполнены не только горизонтальные линии, но и геометрические фигуры-зигзаги, перекрещивающиеся линии, заштрихованные треугольники и пр. (рис. 92). Следует отметить, что в своей основной массе керамика Бирского поселения близка к керамике раннеананьинских памятников варианта Кама II.

Керамика среднекамского варианта (Кама III). По мнению В. П. Денисова⁶²⁹ и А. Д. Вечтомова⁶³⁰, она близка к керамике *верхнекамского варианта (Кама IV)* и поэтому может быть охарактеризована едино. Тем более что наиболее изученными, а главное опубликованными являются материалы VI Заурчимского поселения⁶³¹, территориально расположенного недалеко от Перми, т. е. на грани Среднего и Верхнего Прикамья. Керамику этого поселения, в целом датированного серединой VII в. до н. э. (скорее VII—VI вв. до н. э.) по находке бронзового наконечника копья), можно считать в качестве эталона для локальных вариантов Кама III и Кама IV⁶³².

Погребальная керамика этих вариантов, к сожалению, неизвестна ввиду неизученности раннеананьинских могильников. В материалах Таш-Елгинского могильника, расположенного в южных районах Среднего Прикамья, имеется 4 небольших сосуда, изготовленных из глины с примесью в тесте толченых раковин и несущих в верхней части орнаментацию из горизонтального ряда ямочных вдавлений (3 сосуда) или шнуровых оттисков (2 сосуда). 2 сосуда имеют горшковидную форму (тип II, 1), 2 — чашевидную (тип II, 2).

На VI Заурчимском поселении из 5695 фрагментов В. П. Денисовым выделено 316 сосудов, изготовленных из глины с примесью толченой раковины (48,6%), органических остатков (38%), шамота (12,1%) и песка (1,3%).

Сосуды в целом имеют приземистые и уширенные в верхней части очертания и круглое дно. Преобладают профилированные (горшковидные) сосуды, в том числе: тип I, 1 — 40%, тип II, 1, 3 — 57,5%. Сосудов типов I, 2 и II, 2 практически нет. Чашевидные сосуды типов III, 1 и III, 2 очень немногочисленны — всего лишь 2,5%. «Воротничков» не выявлено, но характерно, что у

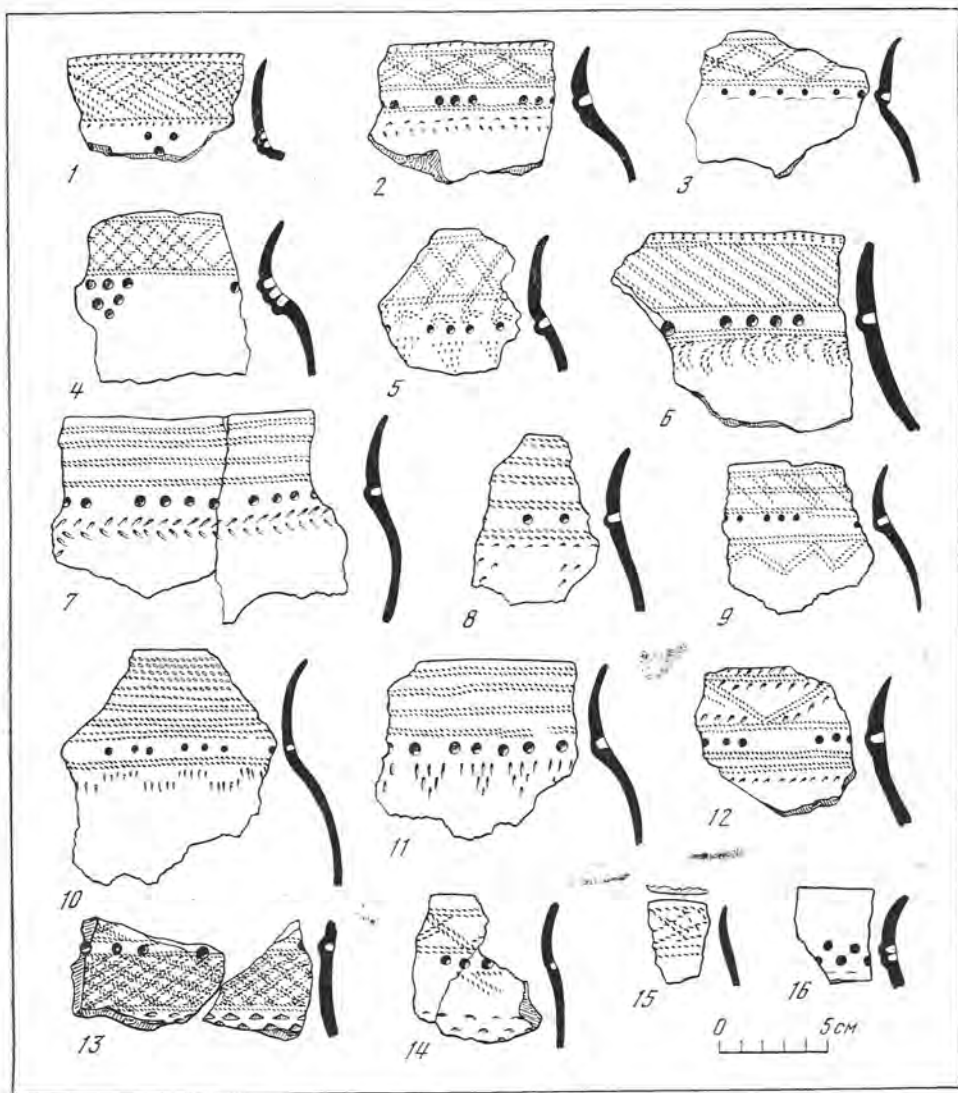

Рис. 92. Раннеананьинская керамика нижнебельского варианта (по И. Б. Васильеву и В. С. Горбунову)

1—12 — Бирское поселение; 13 — I Тартышевское поселение; 14—16 — Новобиктовское поселение

большинства сосудов толщина горла (шейки) на 1—3 мм, а иногда на 4 мм, больше толщины стенок. Нанесенный по горлу сосудов почти обязательный ряд ямок создает впечатление наличия у таких сосудов «воротничка». Сосуды I и II типов имеют довольно крупные размеры (диаметры их горла — от 12 до 30 см), сосуды III типа небольшие (диаметр горла — не более 10 см).

Орнаментировалась, как обычно, только верхняя часть сосудов. Характерно, что все 316 выделенных сосудов несут следы той или иной орнаментации. Обязательным элементом орнамента является ряд глубоких ямок с выпуклыми-жемчужинами с обратной стороны (99,85%). Так же часто (на 92,5% сосудов) употреблялись оттиски шнура, которыми «выполнялись самые разнообразные узоры — от простых горизонтальных линий до сложных зигзагов или сетки»⁶³³. Эти же узоры реже выполнялись оттисками зубчатого штампа (22,7%), «отступающей лопаточкой» (8,3%) и прочерченными линиями (15,9%).

В целом следует заметить, что керамика вариантов Кама II, III, IV и Белая характеризуется такой общей чертой, как полное господство в орнаментации сочетания узоров, нанесенных шнуровыми оттисками, с рядом глубоких ямочных вдавлений.

Керамика ветлужского варианта. Первоначально была изучена М. В. Воеводским, который уже тогда пытался провести ее хронологическое и типологическое членение⁶³⁴. Им, в частности, были подмечены следующие особенности, присущие для раннеананьинской керамики ветлужских поселений (третий слой Одоевского, вторые слои Русенихинского и Богородского городищ): преимущественно высокая чашевидная форма сосудов, примесь в тесте толченой раковины, преобладание в орнаменте шнуровых оттисков (80—95% орнаментированной керамики) в сочетании с гребенчато-зубчатыми (50—70%) и реже — ямочными (20—50%) вдавлениями.

В последующем В. Е. Стоянов на основе новых исследований ананьинских городищ (Русенихинского и Богородского) на Ветлуге выявил и систематизировал керамические материалы как предананьинской, так и раннеананьинской поры. Предананьинская керамика, выявленная в догородищенском слое Богородского городища, в основном имеет позднеприказанский облик (рис. 93, 5, б)⁶³⁵, что дает основание вопреки более раннему моему предположению⁶³⁶ утверждать, что и здесь основу ананьинского населения составили приказанские племена, вышедшие в бассейн Ветлуги еще в конце II тысячелетия до н. э.⁶³⁷ Следует отметить высокий процент (38,3) керамики с «сетчатой» обработкой поверхности в этих же материалах, что в общем согласуется с характером позднеприказанской керамики Среднего Поволжья⁶³⁸.

Раннеананьинская керамика Поволжья, представленная в исследованиях В. Е. Стоянова материалами из 3 слоя Богородского и 2 слоя Русенихинского городищ, состоит из абсолютно преобладающей массы типично ананьинской керамики, изготовленной из глины с примесью в тесте толченых раковин (95% всей керамики). Так же как и в западноволжской группе, на Ветлуге преобладают цилиндрические сосуды с плавным переходом к тулову (тип I, 1 — 74,5%) и горшковидные сосуды с плавным отогнутым горлом (тип II, 1 — 21,5%, рис. 93). Единичны небольшие чашевидные сосудики (рис. 94, 3, 4).

Орнамент, нанесенный в той или иной степени на всех сосудах, выполнялся почти всегда оттисками шнура (95%), реже — зубчато-гребенчатого штампа (41,5%), иногда в сочетании с одним рядом ямочных углублений (31,5%).

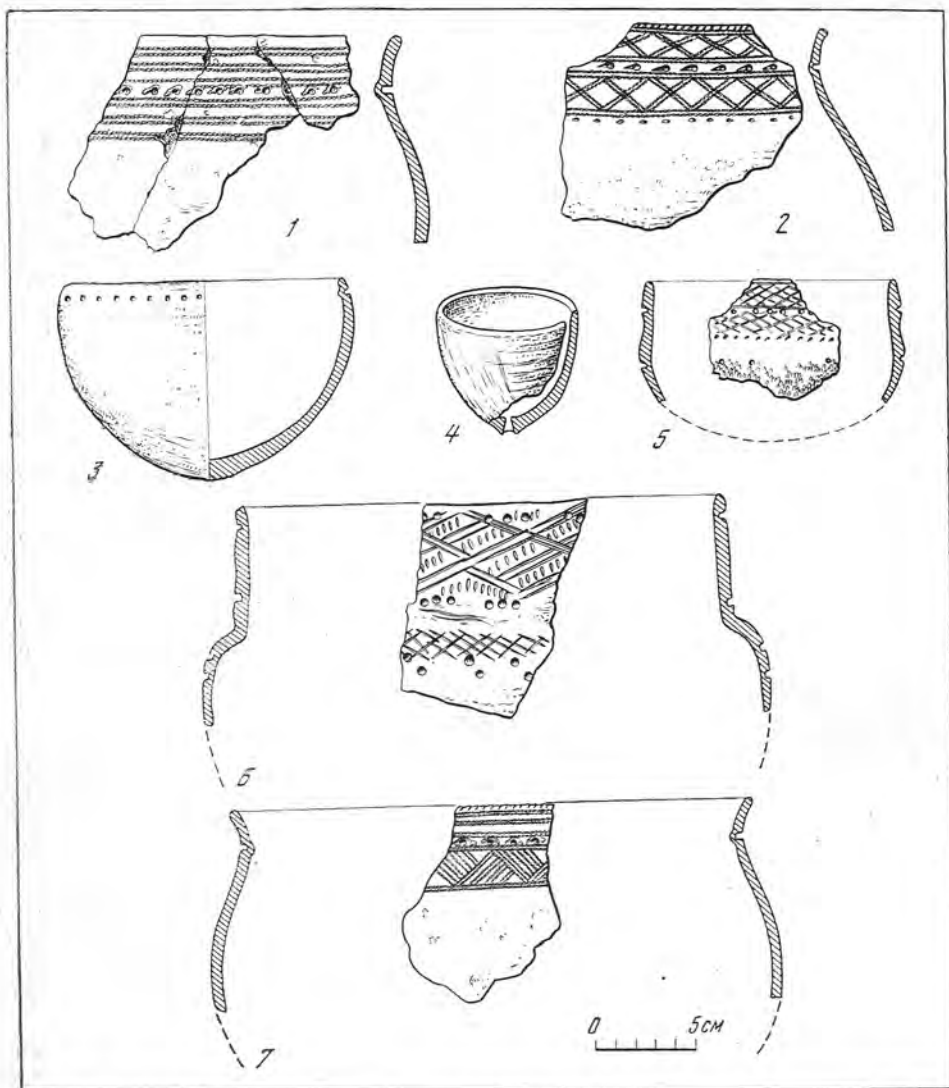

Рис. 93. Керамика из четвертого (5, 6) и третьего (1—4, 7) слоев Богородского городища (по В. Е. Стоянову)

В большинстве случаев ямки наносились по клиновидным углублениям, что создавало узор, называемый «глазчатым» (рис. 93, 1, 2). В системе узоров, расположенных горизонтальными зонами, имеются и сложные зигзаги, заштрихованные ромбы и треугольники, перекрещивающиеся линии, «бахрома» и т. п. Характерно наличие орнамента по краю венчика (рис. 93, 2, 7).

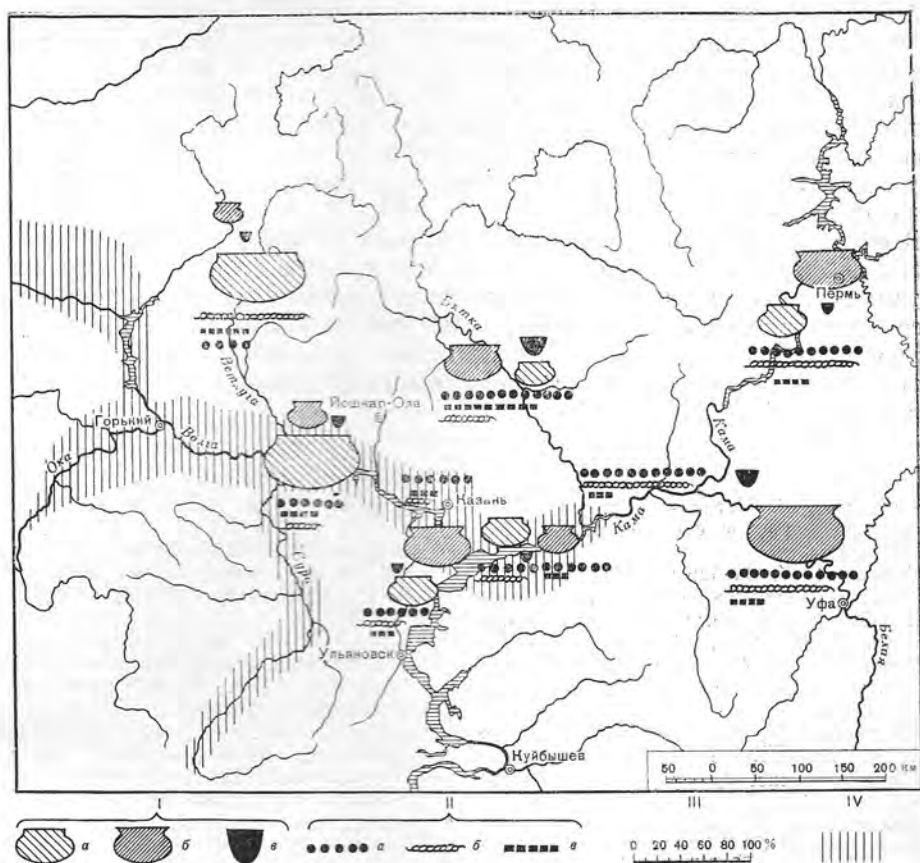

Рис. 94. Картограмма распространения основных форм и орнаментации раннеананьинской керамики

I — формы: а — тип I, б — тип II, в — тип III; II — техника нанесения орнамента: а — ямочная, б — шнуровая, в — гребенчато-зубчатая; III — обозначения числа процента (в каждом малом делении 10%); IV — распространение «сетчатой» керамики

* * *

Подводя итоги, следует заметить, что раннеананьинская керамика может быть довольно четко подразделена на поселенческую (крупные горшковидные сосуды) и погребальную (малые чашевидные сосуды) посуду. Среди поселенческой в западных районах (Волга I и Ветлуга) преобладают цилиндрошейные сосуды, а в восточных — сосуды с отогнутым краем (рис. 94). В орнаментации обязательны три основных приема нанесения орнамента — ямочные вдавления, оттиски шнура и зубчато-гребенчатого штампа, но в степени их употребления наблюдаются значительные различия. Так, в Поволжье (Волга I и Волга II)

и Нижнем Прикамье (Кама I) наблюдается примерно одинаково частое употребление оттисков шнура и зубчато-гребенчатого штампа (рис. 94). В Поволжье и на Ветлуге относительно редки ямочные вдавления (рис. 94), тогда как в керамике Прикамья (Кама I, II, III, IV) и Вятки употребление их имеет массовый (почти стопроцентный) характер. В Прикамье выше Вятки (Кама II, III, IV) и на Белой также массово употребление шнуровых оттисков, а в керамике Вятки и Поволжья более часты узоры, выполненные оттисками гребенчато-зубчатого штампа (рис. 94).

В целом анализ раннеананьинской керамики, с одной стороны, показывает принадлежность всех изученных памятников к одной культуре, а с другой — подтверждает правильность выделения ее локальных вариантов. Вместе с тем в керамике ни одного из вариантов, за исключением Волги I, II и Камы I, не ощущается какого-либо серьезного постороннего воздействия. Вся эта керамика вырастает из местной (позднеприказанской) и имеет характерные для нее особенности)⁶³⁹.

- 1 Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
- 2 Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Труды Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 34 и сл.
- 3 Патрушев В. С. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья.— СА, 1975, № 3.
- 4 Каменецкий М. С., Маршак Б. И., Шер А. Я. Анализ археологических источников (Возможности формализационного подхода). М., 1975.
- 5 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 34—43; Патрушев В. С. Акозинско-меларские кельты..., с. 28 и сл.
- 6 Патрушев В. С. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение.— КСИА, 1971, вып. 128. Могли быть и другие способы, вернее, варианты крепления кельтов (Грязнов М. П. К методике определения типа рубящего орудия.— КСИИМК, 1947, вып. XVI; Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 38—39).
- 7 Патрушев В. С. Кельты..., с. 43.
- 8 Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 43.
- 9 Сюда включены все известные мне находки из закрытых комплексов (могильников) по состоянию на 1975 г., а также случайные находки, хранящиеся в фондах музеев Москвы, Ленинграда, Казани, Хельсинки, Перми, Уфы и т. п.
- 10 Первичная типология кельтов ананьинского типа (Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 39 и сл.).
- 11 Збруева А. В. История населения..., с. 317.
- 12 Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, 1958, № 80, с. 79.
- 13 Збруева А. В. О датировке акинака из Луговского могильника.— КСИИМК, 1947, вып. XV, с. 146. Этот акинак скорее датируется рубежом VII—VI вв. до н. э. (Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 16).
- 14 Халиков А. Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— МИА, 1969, № 169, с. 280.
- 15 Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1, с. 157.
- 16 Tallgren A. M. Collection Zaoussailov au musee historique de Finlande a Helsingfors, I. Helsingfors, 1916, pl. XIV, 5.
- 17 Tallgren A. M. Collection..., pl. XIV, 4.
- 18 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 41.
- 19 Время бытования их VII—VI вв. до н. э. (Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 101).
- 20 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 41.
- 21 Халиков А. А. Железные кинжалы..., с. 280—281.
- 22 Там же, с. 279, рис. 1, 5.
- 23 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 50.
- 24 Там же, с. 41.
- 25 Там же, с. 46.
- 26 Халиков А. Х. Железные кинжалы..., с. 280, 281.
- 27 Штукенберг А. А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭ,

- т. XVII, вып. 4. Казань, 1901, с. 181.
- ²⁸ Чернецов В. Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов.— КСИИМК, 1947, вып. XVI, рис. 24, 6.
- ²⁹ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических раскопках в Прикамье в 1893 г.— МАНГР, т. III. М., 1899, табл. 18, 1.
- ³⁰ Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., табл. 1, 18.
- ³¹ Tallgren A. M. Collection..., p. 37.
- ³² Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., с. 181.
- ³³ Tallgren A. M. The Arctic Bronze Age in Europe.— ESA, XI. Helsinki, 1937, p. 24.
- ³⁴ Збруева А. В. История населения..., Табл. XI, 8.
- ³⁵ Там же, с. 56.
- ³⁶ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 39.
- ³⁷ Халиков А. Х. Железные кинжалы..., с. 279, 290.
- ³⁸ Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы..., с. 77.
- ³⁹ Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы..., с. 77. Правда, южный ряд погребений А. В. Збруева датирует по железненому акинаку пол. VI в. до н. э. К. Ф. Смирнов относит этот акинак к рубежу VII—VI вв. до н. э.
- ⁴⁰ Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., с. 201.
- ⁴¹ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, рис. 12, 12.
- ⁴² Бадер О. Н. Могильник Skorodum и ранний этап ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», том XII, вып. 1. Пермь, 1960, рис. 6, 1.
- ⁴³ Сальников К. В. Кельты Зауралья и Южного Урала.— МИА, 1965, № 135, рис. 2, 6.
- ⁴⁴ Чернецов В. Н. Опыт типологии..., рис. 23, 5.
- ⁴⁵ Там же, рис. 24, 5, 7.
- ⁴⁶ Бадер О. Н. Могильник Skorodum..., рис. 10, 8.
- ⁴⁷ Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finnland.— SMYA : FFT, 54, Helsinki, 1954, S. 45.
- ⁴⁸ Штукенберг А. А. Материалы для изучения..., табл. 1, 22.
- ⁴⁹ Халиков А. Х. Очерки..., с. 46.
- ⁵⁰ Бадер О. Н. Могильник Skorodum..., с. 147, 148. Столь ранней дате могильника, правда, противоречат находки шестигранных кельтов, бытование которых относится к VI—V вв. до н. э.
- ⁵¹ Мл. Волосовский могильник по погребальному обряду и особенно инвентарю проявляет значительную близость к раннеананьинским памятникам.
- ⁵² Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte Bd. XIII. Berlin, 1929, S. 6, taf. 3, Bh.
- ⁵³ Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России.— В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1916, рис. 4.
- ⁵⁴ Там же, рис. 5.
- ⁵⁵ Там же, рис. 3.
- ⁵⁶ Збруева А. В. Гулькинский могильник.— МИА, 1952, № 42, рис. 5, 3.
- ⁵⁷ Ахмеров Р. Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени.— КСИИМК, 1952, вып. 48, рис. 9, 3.
- ⁵⁸ Tallgren A. M. The Arctic..., fig. 27.
- ⁵⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов..., с. 49.
- ⁶⁰ Збруева А. В. История населения..., с. 90, табл. XIX, 14—15.
- ⁶¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 65.
- ⁶² Чернецов В. Н. Опыт типологии..., рис. 22.
- ⁶³ Сальников К. В. Кельты Зауралья..., рис. 2.
- ⁶⁴ Бадер О. Н. Могильник Skorodum..., рис. 10, 3, 7.
- ⁶⁵ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 46, 47.
- ⁶⁶ Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, с. 91.
- ⁶⁷ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 173, 174.
- ⁶⁸ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 48.
- ⁶⁹ Збруева А. В. История населения..., табл. XI, 7.
- ⁷⁰ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 61.
- ⁷¹ Збруева А. В. История населения..., с. 36.
- ⁷² Tallgren A. M. Collection..., pl. XIV, 9.
- ⁷³ Нефедов Ф. Д. Отчет..., табл. 16, 11, 12.
- ⁷⁴ Там же, табл. 14, 2.
- ⁷⁵ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 43.
- ⁷⁶ Ильинская В. А. Про скифські навершники.— В кн.: Археологія, т. XV. Київ, 1963, с. 35.
- ⁷⁷ Ильинская В. А. Скифська вузда VI ст. до н. э.— В кн.: Археологія, т. XIII. Київ, 1961, с. 53, 54.
- ⁷⁸ Збруева А. В. Памятники..., с. 90.
- ⁷⁹ Нефедов Ф. Д. Отчет..., табл. 10, 4, 14, 6.
- ⁸⁰ Збруева А. В. История..., табл. II, 21.
- ⁸¹ Ильинская В. И. Скифські сокири.— В кн.: Археологія, т. XII. Київ, 1961, с. 38.
- ⁸² Ахмеров Р. Б. Археологические памятники..., с. 27.
- ⁸³ Юсупов Г. В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР.— В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, табл. II, 1.
- ⁸⁴ Нефедов Ф. Д. Отчет..., табл. 10, 3.
- ⁸⁵ Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи...; Збруева А. В. История..., с. 110:

- Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 1960, № 90, с. 42.
- 86 Халиков А. Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ» (Пермь), 1967, № 148, с. 27.
- 87 Tallgren A. M. Die Bronzcelte vom sog. Ananino-typus. Berührungen zwischen die Bronzenkulturen Skandinaviens und des Wolga-Kamalandes. FUF, H. 1—2. Helsingfors — Leipzig, 1912, S. 76—85.
- 88 Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы..., с. 51.
- 89 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 34—38.
- 90 Патрушев В. С., Халиков А. Х. Ахмыловский археологический комплекс.— АО, 1966. М., 1967, с. 97; Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты.
- 91 Халиков А. Х., Очерки истории..., табл. XIX, 2.
- 92 Tallgren A. M. Collection..., I, pl. IX, 2.
- 93 Meinander K. F. Die Bronzezeit..., Taf. 9a.
- 94 Ibid., S. 28, Abb. 10.
- 95 Членова Н. Л. Хронология памятников Карасукской эпохи.— МИА, 1972, № 182, с. 48, 49.
- 96 Tallgren A. M. Die Bronzcelte..., S. 83, 84.
- 97 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 100.
- 98 Халиков А. Х. Древняя история..., с. 309.
- 99 Tallgren A. M. The Arctic..., fig. 49b.
- 100 Tallgren A. M. The Arctic..., fig. 49.
- 101 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 31, 32.
- 102 Там же, рис. 3, 1.
- 103 Халиков А. Х. Очерки истории..., табл. I, 1.
- 104 Tallgren A. M. Collection..., pl. IX, 4.
- 105 Ibid., pl. IX, 3.
- 106 Ibid., pl. IX, 1.
- 107 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 35, 36.
- 108 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 31, 32.
- 109 Там же, с. 29.
- 110 Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., табл. III, 15.
- 111 Tallgren A. M. Collection..., pl. X, 1.
- 112 Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., табл. III, 14.
- 113 Meinander K. F. Die Bronzezeit..., S. 31.
- 114 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 35.
- 115 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 100.
- 116 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 36.
- 117 Tallgren A. M. Collection..., pl. X, 6.
- 118 Коллекция НМФ, 14087 : 1.
- 119 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 36.
- 120 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 36.
- 121 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., рис. 3, 5.
- 122 Tallgren A. M. Collection..., pl. X, 4.
- 123 Там же, табл. X, 5.
- 124 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 58.
- 125 Городец В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г.— В кн.: Древности, т. XXIV. М., 1914. с. 112, рис. 66.
- 126 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 37.
- 127 Там же, с. 47.
- 128 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов..., табл. I, рис. 1.
- 129 Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., табл. I, 10, 11.
- 130 Tallgren A. M. Zur osteuropäischen archäologie.— FUF, V, XX, H. 1—3. Helsingfors, 1929, S. 27, Abb. 20.
- 131 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 38.
- 132 Meinander K. F. Die Bronzezeit..., Abb. 20.
- 133 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 36.
- 134 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 68, 69.
- 135 Ильинская В. А. Скифская узда VI в. д. э.— В кн.: Археология, т. XIII, Киев, 1961, с. 42.
- 136 Ильинская В. А. О скифских навершиях.— В кн.: Археология, т. XV. Киев, 1963, с. 35 и сл.
- 137 Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 169, 170.
- 138 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 37, 38.
- 139 Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты..., с. 39.
- 140 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 46.
- 141 Там же.
- 142 Sprockhoff E. Das Lausitzen Tüllenbeil.— «Prähistorische Zeitschrift», T. XXXIV/V. Berlin, 1949—1950.
- 143 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 46.
- 144 Tallgren A. M. Collection..., pl. X, 10.
- 145 Тихонов Б. Г. Металлические изделия..., с. 51, табл. VIII, 7.
- 146 Чернецов В. Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов.— КСИИМК, 1948, XVI; Сальников Е. В. Кельты Зауралья и Южного Урала.— МИА, 1965, 130.
- 147 Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей..., с. 260—264.
- 148 Tallgren A. M. Die Bronzcelte..., S. 78.
- 149 Meinander K. F. Die Bronzezeit..., S. 26—27, Taf. 9.
- 150 Ibidem., S. 25—26.
- 151 Sprockhoff E. Das Lausitzen Tüllenbeil...
152 Dechelette J. Manuel d'Archeologie, II. Paris, 1910, p. 253.

- 153 Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 127, 128.
- 154 Там же, рис. 86.
- 155 Збруева А. В. История населения..., стр. 45; Халиков А. Х. Древняя история..., с. 363.
- 156 Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 47.
- 157 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 43.
- 158 Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, Д1—31. М., 1965, табл. 18, 13—15.
- 159 Замятин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом.— СА, 1946, VIII, с. 31.
- 160 Либеров П. Д. Памятники..., рис. 2, 158, 201.
- 161 Збруева А. В. История населения..., с. 45.
- 162 Бидзиля В. И., Яковенко Ю. В. Киммерийское погребение Высокой могилы.— СА, 1974, № 1, с. 153, рис. 7.
- 163 На Кавказе такого рода орудия, служившие для обработки дерева, бытовали до VIII—VII вв. до н. э. (Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 117).
- 164 Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, 1970, № 172, рис. 52.
- 165 Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры.— САИ, VI—26. М., 1976, с. 59.
- 166 Раскопки В. И. Марковина 1963 г. Материалы областного краеведческого музея в Грозном (коллекции ОС—4259, № 128).
- 167 Ильинская В. А. Скифские топоры.— В кн.: Археология, т. XII. Киев, 1961, с. 29, 30.
- 168 CZ, 648.
- 169 Замятин С. Н. Скифский могильник..., с. 31.
- 170 Tallgren A. M. Collection Zaoussailoy au musee National de Finlande a Helsingfors, pl. III, 13.
- 171 ГМТР, 5379—16.
- 172 Штукенберг А. А. Материалы к изучению..., табл. 1, 2; IV, 2.
- 173 Нефедов Ф. Д. Отчет..., табл. 13, 25.
- 174 Халиков А. Х. Древняя история..., с. 310.
- 175 Tallgren A. M. Collection..., I, p. 40, табл. XV. 2, 3, 4, 6; Смолин В. Ф. Случайная находка бронзовых предметов в Казанском крае (Ерыклинский клад).— «Вестник научного общества Татароведения», 1926, № 4, с. 75, 76.
- 176 Dechelette Y. Manuel..., II, p. 250—260, fig. 92.
- 177 Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века.— СА, 1961, № 1, с. 37.
- 178 Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 151.
- 179 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 54—56.
- 180 Там же, с. 56; Смирнов К. Ф. Савроматы..., с. 106.
- 181 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 50, табл. VII, 3.
- 182 Архипов Г. А. Ананьинские городища..., табл. XXXIX, 12.
- 183 Абрамшвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа в Самтаврском могильнике.— В кн.: Вестник Гос. музея Грузии т. XIX. Тбилиси, 1957, с. 140.
- 184 Куфтин Б. А. «Урартский колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит.— В кн.: Вестник Гос. музея Грузии, т. XIII В. Тбилиси, 1944, с. 27, 68.
- 185 Трапи М. М. Древний Сухуми — «Труды», т. II, Сухуми, 1969, с. 168, 169.
- 186 Смирнов К. Ф. Савроматы..., с. 106.
- 187 Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.— САИ, Д1—4, с. 26, 27.
- 188 Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, с. 5.
- 189 Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 15.
- 190 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 56.
- 191 Там же, с. 56.
- 192 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 61.
- 193 Покровская Е. Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин.— СА, 1973, № 4, рис. 4, 30.
- 194 Трапи М. М. Абхазия в эпохи поздней бронзы и начале раннего железа.— «Труды», т. I. Сухуми, 1970, с. 128.
- 195 Смирнов К. Ф. Савроматы..., с. 105.
- 196 Збруева А. В. История населения..., т. IV, 15.
- 197 Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 38.
- 198 Козенкова В. И. Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт.— СА, 1969, № 4.
- 199 Покровская Е. Ф. Предскифское поселение..., рис. 4, 31.
- 200 Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 151, рис. 99, 4.
- 201 Смирнов К. Ф. Савроматы..., с. 105.
- 202 Петренко В. Г. Правобережье..., с. 26, 27.
- 203 Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 37, 38.

- 204 *Трапи М. М.* Древний Сухуми..., с. 55, 56.
- 205 Материалы Муромского музея.
- 206 *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур, II. Ереван, 1952, с. 28, 29.
- 207 *Трапи М. М.* Древний Сухуми..., с. 169.
- 208 *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махач-Кала, 1967.
- 209 *Халиков А. Х.* Очерки истории, табл. XXXI, 8.
- 210 Там же, табл. VII, 7.
- 211 *Денисов В. П.* Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье.— ВАН, вып. I. Свердловск, 1961, с. 71, рис. 5, 16.
- 212 *Трапи М. М.* Древний Сухуми..., с. 56.
- 213 *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение, рис. 4, 33.
- 214 *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 56, 57.
- 215 *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник...
- 216 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 310.
- 217 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 37, 38.
- 218 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 105, 106.
- 219 *Петренко В. Г.* Правобережье..., с. 26, 27.
- 220 *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 56.
- 221 *Вараксина Л. И.* Костеносные городища..., с. 94; *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Унжи.— МИА, 1951, № 22, с. 125 и сл.; *Збруева А. В.* История населения..., с. 63—65.
- 222 *Архипов Г. А.* Марийцы..., с. 48, 78, 79.
- 223 *Taligren A. M.* L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale. SMYA, XXXI, Helsinki, 1919, p. 143, fig. 109.
- 224 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 265.
- 225 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 107; *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени..., табл. 15, 9; *Тереножкин А. И.* Предскифское время..., с. 106; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1948, № 9, с. 131.
- 226 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 43.
- 227 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 265.
- 228 *Штукенберг А. А.* Материалы к изучению..., табл. IV, 18.
- 229 *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 66, 67.
- 230 *Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье.— КСИИМК, 1963, вып. L, рис. 18, 19.
- 231 *Смирнов К. А.* Савроматы..., с. 43.
- 232 *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени..., табл. 15, 16, 17.
- 233 *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1975, с. 113.
- 234 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 107.
- 235 *Киселев С. В.* Древняя история..., с. 131; *Маннай-Оол М. Х.* Тува в скифское время. М., 1970, с. 57.
- 236 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 67.
- 237 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 107.
- 238 *Ильинская В. А.* Раннескифские памятники бассейна р. Тесмянки. Киев, 1968, с. 114.
- 239 *Хлебникова Т. А.* Керамическое производство Волжской Булгарии X—XIII вв.— МИА, 1961, № 111.
- 240 *Ильинская В. А.* Указ. соч., с. 114; она же. Скифы..., с. 161.
- 241 *Трапи М. М.* Труды, т. II, с. 25 и 54.
- 242 *Литвинский В. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 82, 83.
- 243 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 86.
- 244 *Taligren A. M.* L'epoque..., p. 117.
- 245 Один из коллекции НМФ — 5383 : 26, другой опубликован Л. И. Вараксиной («Костеносные городища...», с. 95).
- 246 *Вараксина Л. И.* Костеносные городища..., с. 95.
- 247 Коллекция ГМТР, 14878 : 4200, 4419.
- 248 *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Утки..., р. 12, 43, 44.
- 249 *Халиков А. Х.* Древняя история..., рис. 262.
- 250 Там же.
- 251 Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына 1898 г. (Изв. ГАИМК, Л., 1933).
- 252 *Генинг В. Ф.* Чегандинская культура.— ВАН, 10. Ижевск, 1973.
- 253 *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени. Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 142.
- 254 *Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin, 1928, S. 6 usw.
- 255 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, Д1—4.
- 256 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 9 и сл.
- 257 *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 14.
- 258 Там же, с. 14, 15; см. также: *Тереножкин А. И.* Бронзовые кинжалы предскифского времени.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 121—123.
- 259 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением оружия раннего железного века.— СА, 1963, № 3, с. 185.
- 260 Хранится в коллекции В. И. Заусайлова в НМФ, № 5384 : 4317.

- 261 *Максимов Е. К.* Материалы из Хвалынского музея.— СА, 1962, № 3, с. 288, рис. 5.
- 262 *Спицин А. А.* Археологический альбом.— ЗОРСА РАО, т. XI. СПб., 1915, рис. 15; А. И. Тереножкин (*Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 9, 10) считает, что находки из Демкино и Навки относятся к степной группе.
- 263 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением..., рис. 1—2; 5—2.
- 264 *Штукенберг А. А.* Материалы к изучению..., табл. III—3.
- 265 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., табл. XXXIV—2, 4.
- 266 *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177, рис. 4, 2.
- 267 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., табл. XXXVII.
- 268 *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., с. 186; *он же.* Киммерийские мечи и кинжалы..., с. 8 и сл.
- 269 Там же, с. 201.
- 270 *Членова Н. Д.* Бронзовый меч из Минусинской котловины.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 135—138.
- 271 *Грязнов М. П.* Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII, с. 5—10.
- 272 *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история..., с. 20.
- 273 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 201—203.
- 274 *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3, рис. 4, 1.
- 275 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 201, 202.
- 276 *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья.— МИА, 1965, № 130, рис. 1—4.
- 277 *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., с. 220.
- 278 *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 2.
- 279 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 21.
- 280 *Смирнов К. Ф.* Оружие савроматов..., с. 10.
- 281 *Нефедов Ф. Ф.* Отчет..., с. 44.
- 282 *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 96, 97.
- 283 *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 100, 101.
- 284 *Халикова Е. А.* Второй Полянский могильник..., с. 129.
- 285 Благодарю за сообщение об этом кинжале и за предоставленную фотографию М. Р. Полесских.
- 286 *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— «Изв. ГАИМК», 1935, вып. 20, с. 162, 163.
- 287 *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур, вып. 1. Ереван, 1950, с. 39.
- 288 *Гобедишивили Г. Ф.* Археологические раскопки в Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XI, IV.
- 289 *Трапиш М. М.* Абхазия в эпохи..., с. 130, 131, табл. V, 1.
- 290 *Haskins J. F.* Northern Origins of Sasanian Metallwork.— «Artibus Asiae», XV, п. 3. Ascona, 1952, p. 258—261.
- 291 *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история..., с. 24.
- 292 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, XVIII, с. 76, рис. 17.
- 293 *Крупнов Е. И.* Древняя история...
- 294 *Анфимов Н. В.* Кинжалы...
- 295 *Guyla T.* Pecs-Jakahegyi földvar es tumudo—sok.— «Archaeologiai Ertesito», 77 : 1. Budapest, 1950.
- 296 *Czardapuzstai Gy.* Caucasian Relations of the Danubian Basin in the Early Iron Age.— In: Acta Archaeologica, t. XIX, f. 3—4. Budapest, 1967, pl. XXXIII—XXXIV.
- 297 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 105.
- 298 *Халиков А. Х.* Второй Полянский могильник..., с. 127.
- 299 *Иессен А. А.* Археологические памятники..., рис. 4—2.
- 300 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., табл. VIII, 4.
- 301 Там же, табл. XII, 1.
- 302 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением оружия..., с. 185.
- 303 *Членова Н. Д.* Происхождение..., с. 18.
- 304 *Godard A.* с. 49, рис. 28.
- 305 *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 100.
- 306 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 24.
- 307 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 16.
- 308 Там же, с. 12, 13.
- 309 *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 89.
- 310 *Збруева А. В.* О датировке захоронения из Луговского могильника.— КСИИМК, 1947, XV, с. 143—145; *она же.* История заселения..., с. 99.
- 311 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 17.
- 312 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов...

- 313 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., рис. 31, 5.
- 314 Там же, табл. LXXV, 2, 3.
- 315 Коллекция НМФ, 5380 : 4130.
- 316 Коллекция НМФ, 5380 : 4295; *Tallgren A. M.* Collection..., II, pl. IV, 6.
- 317 *Tallgren A. M.* L'eroque..., p. 11, fig. 7; коллекция НМФ, 1400 : 477.
- 318 Хранится в Пензенском краеведческом музее. Благодарю за сообщение о кинжалах в Шемышейском районе Пензенской области М. Р. Полесских.
- 319 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 10.
- 320 Там же, с. 17 и сл.; *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 91.
- 321 *Hertzfeld E.* Iran the Ancient East. London, 1941, p. 163.
- 322 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 131 и сл.
- 323 *Schüle W.* Probleme der Eisenzeit auf der Iberischen Halbinsel.— «Jahrbuch der Römisch—Germanischen Zentralmuseums Mainz», 1960, N 7.
- 324 *Tallgren A. M.* L'eroque..., p. 13, fig. 13.
- 325 *Архилов Г. А.* Ананьинские городища..., с. 195, табл. XXXIX, 14. На таблице меч изображен не совсем точно, в частности не отмечены отверстия на плечиках клинка (рис. 60, 10).
- 326 *Dechelette J.* Manuel..., p. 210.
- 327 *Sprockhoff E.* Die germanischen Griffzungenschwerver. Römisch—Germanische Forschungen, 5, 1931.
- 328 *Meinander K. F.* Die Bronzezeit..., S. 112 usw.
- 329 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 74.
- 330 *Членова Н. Л.* Хронология памятников..., с. 48, 49, табл. IV, 17.
- 331 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 106.
- 332 *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, табл. XXXVI, III, 10.
- 333 *Dechelette J.* Manuel..., p. 260, 261.
- 334 *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 121.
- 335 *Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 45, 47.
- 336 *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время.— МИА, 1969, № 169, с. 10; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 59.
- 337 *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, с. 57, 58; *В. А. Ильинская.* Скифы..., с. 90.
- 338 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 26.
- 339 *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы..., с. 4.
- 340 *Krömer K.* Das Gräberfeld von Hallstatt. Bd. 2. Firenze, 1959, S. 214.
- 341 *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969, табл. XXVIII, 7; XXXIV, 6; XXXVII, 7.
- 342 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением оружия...
- 343 *Ильинская В. А.* Скифские топоры..., с. 36.
- 344 *Radtzig M.* Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken. Acta Archaeologica, T. XXV, Fas. 1—2, S. 30 usw.
- 345 *Ильинская В. А.* Скифские топоры..., с. 36, рис. 6, 8.
- 346 *Збруева А. В.* История населения..., с. 107.
- 347 *Ильинская В. А.* Скифские топоры..., с. 38, рис. 6, 10.
- 348 *Збруева А. В.* История населения..., табл. II, 25.
- 349 Там же, с. 107.
- 350 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 12 и сл.
- 351 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 278.
- 352 *Збруева А. В.* История населения..., с. 105 и сл.
- 353 *Ильинская В. А.* Скифские топоры..., с. 34, 35.
- 354 *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1970, с. 215—217.
- 355 *Штукенберг А. А.* Материалы для изучения..., табл. III, 3.
- 356 *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177, с. 175, 176, рис. 4, 2.
- 357 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., табл. XXXVII.
- 358 *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени.— МИА, 1965, № 130, с. 207 и сл.
- 359 Коллекция НМФ, 5384 : 3288.
- 360 *Халиков А. Х.* Стелы с изображением оружия..., с. 184.
- 361 *Ильинская В. А.* Скифские топоры..., с. 28, рис. 1, I.
- 362 Там же, рис. 8.
- 363 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 108.
- 364 Хранится в Марийском НИИ, куда доставлен в 1974 г. Г. А. Архиповым и В. В. Никитиным, получивших топор от находчика А. И. Афанасьева. Благодарю Г. А. Архипова за любезное предоставление мне сведений об этой находке.
- 365 *Крупнов Н. И.* Древняя история..., с. 83; *М. М. Трапш.* «Труды», т. 2, Сухуми, 1969, с. 170.
- 366 *Нессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской

- части СССР.— СА, 1953, XVIII, с. 50, 51.
- 387 Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, вып. VIII. М., 1900, с. 15.
- 388 Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии.— СА, 1953, XVIII, с. 285.
- 389 Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XXXV, 16, 17.
- 370 Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 83.
- 371 Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры..., с. 293.
- 372 Техов Б. В. Очерки..., с. 187.
- 373 Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 334.
- 374 Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балаановской культуры...
- 375 Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 80, 81.
- 376 Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры.— «Труды ГИМ», т. 24. М., 1955, табл. VI, 4, 5.
- 377 Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 45.
- 378 Анфимов Н. В. Протогеотский могильник с Николаевского.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, рис. 5, с. 118.
- 379 Городцов В. А. Археологические исследования..., с. 110, 111.
- 380 Кроме отмеченных выше аналогий (см. примечания 371—374), можно указать: Техов Б. В. Очерки древней истории..., рис. 23, 1.
- 381 Коллекция Башкирского краеведческого музея в Уфе, шифр БКМ, 3950 : 3.
- 382 Техов Б. В. Очерки древней истории..., рис. 23, 3; 47, 19 — 21.
- 383 Gallus S., Horvath T. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Budapest, 1939, pl. XIII, 1.
- 384 Грязнов Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 91.
- 385 Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 219, 220.
- 386 Членова Н. Л. Происхождение..., с. 67.
- 387 Акишев К. А. Саки азиатские..., с. 51.
- 388 Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., с. 97.
- 389 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов..., ст. 70, 71.
- 390 Dechelette J. Manuel..., p. 217—218.
- 391 Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, № 46, с. 144.
- 392 Тереножкин А. И. Предскифский период..., рис. 92, 4.
- 393 Анфимов Н. В. Протогеотский могильник..., табл. II, 2.
- 394 Бадер О. Н. Могильник Скородум..., с. 147, 148.
- 395 Нефедов В. Д. Отчет..., табл. II, 1.
- 396 Müller-Kärpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfeldzeit nördlich und südlich des Alpen. Berlin, 1959, S. 25—30, Tabl. 1—2.
- 397 Збруева А. В. История населения..., табл. XX, 21.
- 398 Денисов В. П. Культура поздней бронзы..., рис. 2, 55.
- 399 Збруева А. В. История населения..., с. 36.
- 400 Нефедов В. Д. Очерки..., табл. II, 4.
- 401 Збруева А. В. История населения..., табл. XX, 22.
- 402 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 41.
- 403 Збруева А. В. История населения..., с. 93.
- 404 Первая попытка такой классификации для раннеананьинских копий была предложена на ограниченном материале Анозинского могильника в 1962 г. (Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 46, 47). С большими дополнениями она сохраняется и в настоящей работе.
- 405 Jerem E. The late iron age cemetery of Sœt-lörinc.— In: Acta Archaeologica, 20, Budapest, 1968, pl. XXXV, 3, 7.
- 406 Анфимов Н. В. Новый памятник древнегеотской культуры.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 40, 41.
- 407 Трапи М. М. Древний Сухуми..., табл. XXI.
- 408 Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 194.
- 409 Тереножкин А. И. Киммерийские мечи..., с. 13.
- 410 Иссен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1956, с. 135.
- 411 Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 46, табл. V, 1.
- 412 Ковпаненко Г. Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12, с. 70, рис. 2, 3.
- 413 Müller-Kärpe H. Beiträge..., S. 25—30.
- 414 Ковпаненко Г. Т. Нессачевский курган VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Археология, XX, Киев, 1966, с. 176, рис. 2, 1.
- 415 Ковпаненко Г. Т. Памятники скифского времени в бассейне р. Ворсклы.— В кн.: Археология, XIII, Киев, 1961, с. 76, рис. 4, 1.
- 416 Черных Е. И. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья..., рис. 45, 46.
- 417 Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворскле. Киев, 1967, с. 146.
- 418 Збруева А. В. История населения..., табл. II, 23.
- 419 Ильинская В. А. Скифы..., с. 91.

- 420 *Збруева А. В.* История населения..., с. 31, рис. 10.
- 421 *Крупнов Е. И.* Первые итоги изучения восточного Предкавказья.— СА, 1958, № 2, рис. 5, 8.
- 422 *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 91.
- 423 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов..., с. 36.
- 424 *Анфимов И. В.* Протогеотский могильник..., рис. 2.
- 425 *Нессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3, с. 21.
- 426 *Трапи М. М.* Абхазия в эпохи..., с. 131.
- 427 Там же, т. 2, с. 63.
- 428 Там же, с. 184.
- 429 *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 270, 271.
- 430 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 46, 47.
- 431 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 303.
- 432 *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи..., рис. 12, 13.
- 433 *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 91.
- 434 Там же, с. 91.
- 435 *Ковпаненко Г. Т.* Племена скифского часу..., с. 146.
- 436 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 74.
- 437 Там же, с. 71.
- 438 *Анфимов И. В.* Протогеотский могильник..., с. 117.
- 439 *Мартиросян А. А.* Армения..., с. 270.
- 440 *Герберштейн.* Записки о Московии. СПб., 1866, с. 131.
- 441 *Спицын А. А.* Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— МАВГР, т. I. М., 1893, табл. XII, 22; *Збруева А. В.* История населения..., с. 52, табл. IX, 7.
- 442 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов..., с. 14, 15; *Смирнов К. Ф.* Вооружение..., с. 31, 32; *Ю. Н. Козуб.* Модель лука из Ольвии.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 271—273.
- 443 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 31, рис. 9, 5.
- 444 *Tallgren A. M.* Miniaturbogenfutteral aus Ostrussland. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, LVIII. Helsinki, 1928, S. 220—228; *Збруева А. В.* История населения..., с. 92, табл. XIX, 19.
- 445 *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 104, табл. IV, 6. По мнению Н. Л. Членовой («Происхождение и ранняя история» с. 64, 65), такие наконечники луков в виде головок уток или львов части на луках ассирийских и ахеменидских рельефов, начиная с VII в. до н. э.
- 446 *Козуб Ю. И.* Модель лука..., с. 271.
- 447 *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.— САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 7—9.
- 448 *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, с. 34.
- 449 *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратского кургана.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 247.
- 450 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 32.
- 451 *Ковпаненко Г. Т.* Племена..., с. 144, рис. 47.
- 452 *Крюкова Т. А.* Материальная культура..., с. 34.
- 453 *Марийско-русский словарь.* М., 1956, с. 359.
- 454 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 35.
- 455 *Членова Н. Л.* Хронология памятников..., табл. 1, 11 и др.
- 456 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 35.
- 457 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 36.
- 458 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 63, рис. 15, 17.
- 459 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 35, рис. 10, 4, 6.
- 460 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 47, 48.
- 461 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., табл. 10, 3.
- 462 *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история..., табл. XIX, 20.
- 463 *Збруева А. В.* История населения..., табл. XIX, 52.
- 464 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., табл. 10, 10, 12.
- 465 *Збруева А. В.* История населения..., с. 88.
- 466 *Крюкова Т. А.* Материальная культура..., с. 34.
- 467 *Марийско-русский словарь,* с. 359.
- 468 *Архипов Г. А.* Анапийские городища..., с. 200.
- 469 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 56.
- 470 *Крижевская Л. Я., Халиков А. Х.* Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье.— Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук, 1959, вып. 2, с. 123.
- 471 *Цветкова И. К.* Волосовский клад.— «Труды ГИМ», 1957, вып. XXIII, с. 11, 12.
- 472 *Цветкова Л. Я.* Очерки по истории неолитических племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- 473 *Цветкова И. К.* Волосовский клад, с. 12.
- 474 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 83.
- 475 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 66.

- ⁴⁷⁶ Крижевская Л. Я., Халиков А. Х. Каменный инвентарь..., с. 123.
- ⁴⁷⁷ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 56.
- ⁴⁷⁸ Там же, с. 106.
- ⁴⁷⁹ Там же, с. 56.
- ⁴⁸⁰ Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган.— «Труды Марийской археологической экспедиции», т. III, Йошкар-Ола, 1966, с. 23, 24.
- ⁴⁸¹ Крижевская Л. Я., Халиков А. Х. Каменный инвентарь..., с. 123.
- ⁴⁸² Gimbutas M. Borodino, Seima and their contemporaries.— «The Proceedings of the Prehistoric Society for 1956», 1956, vol. XXII.
- ⁴⁸³ Халиков А. Х. Древняя история..., рис. 55, 116.
- ⁴⁸⁴ Денисов В. П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148 (Пермь), рис. 2, 43, 44, 48.
- ⁴⁸⁵ Халиков А. Х. Древняя история..., рис. 55, 72, 118—119, 154, 195.
- ⁴⁸⁶ Халиков А. Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки Пермского государственного ПГУ», 1967, № 148, с. 7—27.
- ⁴⁸⁷ Наиболее полная классификация костяных наконечников стрел эпохи раннего железа для лесной и лесостепной полос Восточной Европы по материалам памятников дьяковской культуры разработана К. А. Смирновым (Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 28—33). В основу типологии раннеананьинских стрел положена эта классификация. Однако в дьяковской классификации есть и недостатки— в отдел черешковых стрел введены без разделения стрелы как с выраженным черешком, так и без него; слишком большое внимание уделено сечению пера и и меньше — ее общей форме и т. п. К тому же ананьинские и дьяковские наконечники имеют существенное расхождение по формам. Дьяковские в этом отношении значительно более разнообразны. Поэтому для ананьинских принята несколько иная классификация.
- ⁴⁸⁸ Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 30. Им для костяных стрел намечено 2 отдела—втульчатые (I) и черешковые (II).
- ⁴⁸⁹ Там же, с. 30.
- ⁴⁹⁰ Там же, с. 31.
- ⁴⁹¹ Там же.
- ⁴⁹² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., табл. 22, 25.
- ⁴⁹³ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 307.
- ⁴⁹⁴ Смирнов К. А. Вооружение сарматов..., с. 29, 30.
- ⁴⁹⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., табл. 22, 23; Архипов Г. А. Марийцы..., рис. 68, 13.
- ⁴⁹⁶ Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 30.
- ⁴⁹⁷ Гурина Н. Н. Оленеостровской могильник.— МИА, 1956, № 47, с. 72-73, рис. 255, 2.
- ⁴⁹⁸ Смирнов К. А. Дьяковская культура..., с. 31.
- ⁴⁹⁹ Смирнов К. А. Вооружение сарматов..., с. 32.
- ⁵⁰⁰ Там же, с. 30.
- ⁵⁰¹ Там же, с. 30 (тип. II, 2).
- ⁵⁰² Мелюкова А. И. Вооружение скифов..., с. 16 и сл.
- ⁵⁰³ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., с. 36 и сл.
- ⁵⁰⁴ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жабовского в новочеркасского типов.— В кн.: Археология, вып. 12. Киев, 1973, с. 13—25.
- ⁵⁰⁵ Членова Н. Л. Происхождение..., с. 40 и сл.
- ⁵⁰⁶ Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. *Festschrift*, 1929, taf. XIV, 2, 1—M.
- ⁵⁰⁷ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники..., с. 24.
- ⁵⁰⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., с. 39.
- ⁵⁰⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 62.
- ⁵¹⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., табл. I, Б2.
- ⁵¹¹ Там же, табл. I, Б, 13, 16.
- ⁵¹² Ильинская В. А. Бронзовые наконечники..., рис. 8.
- ⁵¹³ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., с. 41.
- ⁵¹⁴ Там же, с. 41.
- ⁵¹⁵ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники...
- ⁵¹⁶ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., с. 41.
- ⁵¹⁷ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники...
- ⁵¹⁸ Там же.
- ⁵¹⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., табл. I, Б, 20.
- ⁵²⁰ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники..., рис. 6, 36.
- ⁵²¹ Збруева А. В. Гулькинский могильник..., рис. 3.
- ⁵²² Ильинская В. А. Бронзовые наконечники..., с. 15—17, рис. 2.
- ⁵²³ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов..., с. 44; Членова Н. Л. Происхождение..., с. 62.

- 524 *Ильинская В. А.* Бронзовые наконечники...
 525 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 46—48.
 526 Там же, с. 51.
 527 Там же, с. 52, 53.
 528 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 43, рис. 12, 26.
 529 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 70.
 530 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 284; *Трапиш М. М.* Древний Сухуми..., с. 181.
 531 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 33.
 532 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 40.
 533 *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 88.
 534 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 48.
 535 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 62.
 536 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура..., с. 34.
 537 Там же, с. 34.
 538 *Збруева А. В.* История населения..., с. 93.
 539 *Архипов Г. А.* Марийцы..., с. 48—53.
 540 *Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I и начала II тыс. н. э.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
 541 *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—IV вв. Ижевск, 1963, с. 70—73.
 542 *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 110.
 543 *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 168.
 544 *Збруева А. В.* История населения..., с. 165.
 545 *Городцов В. А.* Археологические исследования..., с. 111, рис. 65.
 546 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 362.
 547 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953; XVIII; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 77 и сл.
 548 *Штукенберг А. А.* Материалы к изучению. с. 201, табл. 1, 2.
 549 Там же, табл. IV, 2; коллекции ГМТР, 5379: 6, 16.
 550 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 50 и 84.
 551 *Gallus S., Hortvath T.* Un peuple cavalier..., р. 10, 11; *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 57 и сл.; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 76—78; *Тереножкин А. И.* Дата мингечаурских удил.— СА, 1974, № 4.
 552 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 64; *Gallus S., Hortvath T.* Un peuple cavalier..., р. XLVI, 3.
 553 *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 327.
 554 *Тереножкин А. М.* Дата..., с. 73.
 555 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 307.
 556 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 78.
 557 *Тереножкин А. И.* Дата..., с. 73.
 558 *Tallgren A. M.* Collection Zaoussailov..., II, pl. V, 3.
 559 *Potratz H. A.* Die Pferdgebisse der zwischentromländischen Raumes.— In: Archiv für Orientforschung, XIV, 1—2, 1941; *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство, с. 159.
 560 *Лихачев А. Ф.* Скифские элементы в чудских древностях.— «Труды IV АС», т. I. М., 1884, с. 179, табл. 3, 7. Хранится в ГМТР, 5427 : 159.
 561 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 95, 96. Псалии по датировке А. А. Иессена относятся к VII—VIII вв. до н. э.
 562 *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 71.
 563 *Тереножкин А. И.* Предскифский период..., с. 187. *Анфимов Н. В.* Новый памятник..., с. 45.
 564 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., ст. 102; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 79.
 565 «Труды I АС», атлас. М., 1871, табл. XXII, 61.
 566 *Tallgren A. M.* L'eroque..., р. T12, fig. 78 : 1.
 567 *Грязнов М. П.* Памятники майэммирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII, рис. 3, 1; *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 80.
 568 *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 82.
 569 *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1956, с. 113; *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 105.
 570 *Тереножкин А. И.* Дата мингечаурских удил..., с. 77.
 571 *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., табл. XIII, 10.
 572 *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство..., с. 240 и сл.
 573 *Тереножкин А. И.* Дата..., с. 77.
 574 *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., с. 108, 109.
 575 *Tallgren A. M.* Collection Zaoussailov..., I, pl. XV, 7, 8. Коллекции Национального музея Финляндии. 1584 : 4240, 4241.

- 576 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 106.
- 577 *Ильинская В. А.* Скифская узда VI в. до н. э.— В кн.: Археология, т. XIII. Киев, 1961, с. 46, 47.
- 578 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 80, 81.
- 579 Там же, с. 82—93.
- 580 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 81.
- 581 *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов..., с. 82.
- 582 Там же, с. 83—85.
- 583 *Збруева А. В.* История населения..., с. 66 и сл.
- 584 *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.), Л., 1971, с. 9, 10. Автореф. канд. дисс.
- 585 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 142 и сл.
- 586 *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии.— СА, 1975, № 1.
- 587 *Архипов Г. А.* Ананьинские городища... с. 200—205.
- 588 *Генинг В. Ф.* и *Стоянов В. Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии.— ВАУ, I. Свердловск, 1961, с. 79 и сл.
- 589 *Васильев И. Б., Горбунов В. С.* Бирское поселение.— СА, 1975, № 3, с. 152 и сл.
- 590 *Вечтомов А. Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148, с. 136.
- 591 *Денисов В. П.* Заюрчумское VI поселение памятник раннего железа в Среднем Прикамье.— «Ученые записки ПГУ», 1968, № 191, с. 59 и сл.
- 592 *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148, с. 43 и сл.
- 593 *Воеводский М. В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Ужи.— МИА, 1951, № 22.
- 594 *Стоянов В. Е.* Отчет об исследованиях Богородского городища на р. Ветлуге в 1958 г. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1958 г.— Архив КФАН СССР, ф. 5, с. 193, 194.
- 595 Народы Европейской части СССР, II. М., 1964, с. 535.
- 596 Там же, с. 485, 486.
- 597 Там же, с. 452, 453.
- 598 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 53.
- 599 *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 203 204, рис. 73а.
- 600 Там же, с. 205.
- 601 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 114*
- 602 Там же, с. 143.
- 603 *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье..., *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений...
- 604 *Халиков А. Х.* Очерки истории..., с. 142 и сл.
- 605 См. описание керамики из Акозинского могильника (Там же, с. 51—53, табл. IX).
- 606 Там же, с. 151.
- 607 Все статистические сведения по Малахайскому поселению даны по материалам В. С. Патрушева, которому за их использование считаю своим долгом выразить искреннюю признательность.
- 608 *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений...
- 609 *Халикова Е. А.* Второй Полянский могильник..., табл. II, I.
- 610 *Збруева А. В.* Гулькинский могильник..., рис. 6, 2; 7, 3.
- 611 Коллекция происходит из сборов, произведенных при строительстве в северо-западной части Казанского кремля в 1878—1879 гг. Хранится в ГМТР, 5364 : АА—80—1, 5, 6, 9.
- 612 Статистические сведения по материалам Казанка I и Макашеевка II даются по Г. Р. Ишмуратовой.
- 613 *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений..., с. 58, 59.
- 614 *Ишмуратова Г. Р.* Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148.
- 615 *Ишмуратова Г. Р.* Керамика ананьинских поселений...
- 616 *Збруева А. В.* Городище Грохань.— КСИИМК, вып. XVI. М., 1947, с. 57.
- 617 См. более подробно об этом рис. 5 в статье Г. Р. Ишмуратовой «Керамика ананьинских поселений».
- 618 *Архипов Г. А.* Ананьинские городища..., с. 200—203.
- 619 Там же, с. 205.
- 620 *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 244, табл. Д.
- 621 *Збруева А. В.* История населения..., с. 69 и сл.
- 622 *Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции — АО, 1972. М., 1973, с. 155.
- 623 *Збруева А. В.* Памятники эпохи поздней бронзы..., с. 84, 86.
- 624 *Збруева А. В.* История населения..., с. 73. А. В. Збруева учла среди материалов Ананьинского могильника из раскопок П. В. Алабина и П. А. Пономарева 23 сосуда. В Национальном музее Финляндии (НМФ, 1400) хранится еще 7 со-

- судов из этого памятника, привезенные
Й. Аспелиным (рис. 91).
- ⁶²⁵ Збруева А. В. История населения..., с. 68.
- ⁶²⁶ Там же, с. 73.
- ⁶²⁷ Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Итоги археологического изучения ..., с. 81.
- ⁶²⁸ Васильев И. Б., Горбунов В. С. Бирское поселение..., с. 152—154.
- ⁶²⁹ Денисов В. П. Культуры эпохи поздней бронзы..., с. 45.
- ⁶³⁰ Вечтомов А. Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья..., с. 135—138.
- ⁶³¹ Денисов В. П. Заюрчимское VI поселение..., с. 49 и сл.
- ⁶³² В последние годы А. Д. Вечтомовым ведутся раскопки расположенного рядом с VI Заюрчимским поселением I Половинного селища, представляющего собой хорошо стратифицированный памятник ананьинской культуры. Однако материалы этого памятника пока еще не опубликованы.
- ⁶³³ Денисов В. П. Заюрчимское VI поселение..., с. 59.
- ⁶³⁴ Воеводский М. В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи.— МИА, 1951, № 22, с. 159 и сл.
- ⁶³⁵ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 319.
- ⁶³⁶ Халиков А. Х. Очерки истории..., с. 12, 13.
- ⁶³⁷ Халиков А. Х. Древняя история..., с. 288.
- ⁶³⁸ Там же, с. 319.
- ⁶³⁹ Халиков А. Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148, с. 26, 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы можем сделать основной вывод — в начале эпохи раннего железа, т. е. в VIII—VII вв. до н. э., господствующими племенами в Волго-Камье были раннеананьинские племена, расселенные от Ветлуги и Суры на западе до Белой и верховий Камы на востоке. Наиболее густонаселенным районом были прибрежные районы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, где в ранней поре ананьинской культуры относятся такие широко исследованные памятники, как Старший Ахмыловский, Акозинский могильники и Малахайское поселение в Марийском Поволжье; Пусто-Морквашинский, Тетюшский могильники и городище Казанка I на Средней Волге; I Новомордовский могильник и городище Гремячий ключ на Нижней Каме; Ананьинский, Луговской могильники и городище Зуевские ключи по правобережью Камы, между Вяткой и Белой.

На всей основной территории расселения ананьинских племен формирование их культуры происходило на базе развития приказанской культуры и ее локальных вариантов (культуры курмантау в бассейне Белой, ерзовской — на Средней и Верхней Каме и т. п.)¹. Об этом свидетельствует все: и преемственность в местоположении поселений и кладбищ, в формах и конструкциях жилищ, в характере погребального обряда, в формах и особенностях глиняной посуды, орудий труда и оружия, украшений и орнамента и т. п.

Одновременно с этим нельзя не учитывать и посторонние воздействия, среди которых для начальных этапов развития ананьинской культуры на первое место следует поставить воздействие не восточного, сибирского, населения, как это предполагали некоторые исследователи², а южного мира — степного (киммерийского) и кавказского (кобано-колхидского). В результате этого в раннеананьинской среде — в оружии (биметаллические кинжалы, железные наконечники копий, бронзовые топоры и т. п.), орудиях труда (железные топоры), бытовых изделиях (металлическая посуда), украшениях (отдельные типы височных подвесок, шейные нагрудные и поясные украшения и т. п.) — так ярко проступают черты киммерийского и кавказского металла. Прямые связи между Волго-Камьем и степью, Волго-Камьем и Кавказом подтверждаются и проникновением мышьяковистого металла кавказского происхождения.

Конечно, при выяснении этнокультурных связей и вопросов формирования ананьинской культуры нельзя не учитывать и контакты с родственными племенами, каковыми с запада, т. е. со стороны Верхнего Поволжья и Волго-Окского района, являлись племена городецко-дьяковской общности с характерной для их культуры «сетчатой» керамикой и, очевидно, кельтами акозинско-меларского типа, а с восточной — племена Урала и Зауралья с нарядной керамикой гамаюнского или каменногорского типа. Эти связи носили, несомненно,

обоюдный характер, о чем свидетельствует наличие типично ананьинских предметов, например ананьинских кельтов и их литейных форм, как далеко на северо-западе, например в Финляндии, так и на юго-востоке, например в бассейне Иртыша.

Ананьинская культура в Волго-Камье и более северных областях, вплоть до Печорского Приполярья³, доживает до III—II вв. до н. э., тогда как на Средней Волге выраженные памятники ананьинской культуры прекращают функционировать не позже конца VI в. до н. э. Особенно выразительны в этом отношении памятники типа Ст. Ахмыловского могильника, анализ вещевого материала которого показал полное отсутствие предметов моложе конца VI в. до н. э., за исключением некоторых вещей, например, поздних типов кельтов и некоторых железных изделий, бытование которых относится к VI—V вв. до н. э.

Между прочим в средневожских раннеананьинских комплексах совершенно отсутствуют предметы, орнаментированные в скифском «зверином» стиле, получившем широкое распространение с V в. до н. э. Все это представляется случайным явлением. Прекращение существования в Поволжье ананьинского населения, может быть, следует поставить в прямую связь с политическими событиями конца VI в. до н. э., точнее с событиями 514 г. до н. э., когда персидский царь Дарий, преследуя скифов, остановился недалеко от земель, заселенных фиссагетами⁴, под которыми многие исследователи усматривают население Волго-Камья, т. е. ананьинцев⁵. Геродот сообщает, что скифы обошли персов с севера и, возможно, при этом опустошили западные (поволжские) земли фиссагетов-ананьинцев. В этих условиях основная масса волжских ананьинцев, очевидно, бежала на восток — в Прикамье и ушла на север, в Поволжье, если не севернее. Именно на рубеже VI—V вв. до н. э. произошло массовое передвижение ананьинского населения с юга в бассейн Вычегды и более северные районы⁶. С этой точки зрения наиболее перспективной должно оказаться сопоставительное изучение ананьинской керамики и других материалов бассейна Вычегды, Северной Двины, Белоозерья и других северных районов и керамики ананьинских памятников Среднего Поволжья, Нижней Камы, Вятки и Ветлуги. Это может дать ответ на вопрос об истоках массового ананьинского движения на север и северо-запад.

Уход ананьинского населения из Среднего Поволжья, т. е. с наиболее благоприятных в природном отношении районов, означал, что с рубежа VI—V вв. до н. э. начинается новый период в истории ананьинской культуры, период, который уже не характеризуется такой монолитностью и такой яркостью в развитии, как предшествующее время. Раскиданные на огромной территории, в ряде случаев утерявшие между собой культурно-экономические, а следовательно, и этнические контакты, ананьинские племена постепенно теряют свои этнокультурные особенности и формируются в новые этнокультурные образования, ставшие в конце I тысячелетия до н. э. такими известными в археологическом отношении культурами, как кара-абызская на Белой, пьяноборская в Бельско-Камском районе, гляденовская в Прикамье и Вычегодско-Печорском районе. Исходя из этого, мы можем полагать, что наиболее самобытным и чистым в культурном отношении было раннеананьинское время (VIII—VI вв. до н. э.).

Изучение истории и культуры раннеананьинского населения является еще

далеко не законченным делом. Многие вопросы, связанные с этим временем, еще требуют своего решения. Таковы, например, не получившие в настоящей книге освещения вопросы об украшениях, одежде и орнаменте раннеананьинского населения, о его быте, экономике и общественных отношениях, о его взаимоотношениях с ближайшими соседями и культурно-экономических связях с более отдаленными районами и, наконец, об отражении этнических особенностей ананьинской культуры в культуре народов Волго-Камья, в частности и Северо-Востока Европы в целом. Все эти вопросы еще ждут своего исследователя, и поэтому остается лишь выразить надежду, что изложенные в настоящей книге раннеананьинские материалы и поднятые в ней вопросы помогут изучению всей проблемы.

- ¹ См. об этом подробнее: *Халиков А. Х.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148; *Древняя история Среднего Поволжья.* М., 1969, с. 374; *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148.
- ² *Генинг В. Ф., Совцова Н. И.* О западно-сибирском компоненте в сложении ана-

ньинской этнической общности.— «Ученые записки ПГУ», 1967, № 148.

- ³ *Канивец В. И.* Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М., 1974.
- ⁴ *Геродот.* История, книга четвертая, Л., 1972, с. 217—219.
- ⁵ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 18, 19.
- ⁶ *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967, с. 122, 126.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКУ — Археологический кабинет Казанского университета
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АЭМК — Археология и этнография Марийского края
БКМ — Башкирский краеведческий музей
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
ГОМ — Горьковский областной музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗОРСА РАО — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЭСК — Краткий этимологический словарь коми языка
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при СМ Марийской АССР
МАМГУ — Музей антропологии Московского государственного университета
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
НКАЭ — Нижнекамская археологическая экспедиция
НМФ — Национальный музей Финляндии
ПАЭС — Поволжское археолого-этнографическое совещание
ПГУ — Пермский государственный университет
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
УдмНИИ — Удмуртский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СМ Удмуртской АССР
ЦМТР — Центральный музей Татарской АССР
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
FUF — Finno-Ugrischen Forschungen
MSFOu — Memories de la Societe Finno-Ougren
SMYA — Suomen Muinonmuistoyhdistik sen Aikakuskirja

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3	МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	
РАННЕАНАНЬИНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ	8	РАННЕАНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ	107
РАННЕАНАНЬИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ И ИХ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	21	<i>Орудия труда</i>	108
Акозинский могильник	21	Раннеананьинские кельты	108
Старший Ахмыловский могильник	30	Акозинско-меларские кельты	123
Пустоморквашинский (Морквашинский) могильник	44	Мотыгообразные орудия	137
Тетюшский могильник	50	Бронзовые тесла	139
II Полянский могильник	75	Топоры проушные	140
Гулькинский могильник	75	Каменные топоры	140
I Новомордовский могильник	77	Железные рабочие топоры	140
VII и VIIa Новомордовские могильники	81	Ножи	142
VI Семеновский могильник	82	Бронзовые ножи	142
III Нижне-Марьянский, II Базяковский, II Березовогривский могильник	82	Железные ножи	143
Мурзихинский могильник	84	Иглы и шилья	151
Билярские находки	86	Напрясла	154
Луговской могильник	86	Скребки	154
Подгорно-Байларский могильник	87	Огнива	155
Таш-Елгинский могильник	87	Лопаточки-тупики	155
Скородумский могильник	87	Терочные камни	156
Особенности погребального обряда	88	«Оселки»	158
		<i>Оружие</i>	158
		Мечи и кинжалы	159
		Двулезвийные мечи и кинжалы	159
		Однолезвийные мечи и кинжалы	171
		Булавковидные кинжалы-стилеты	174

Боевые железные топоры	177	<i>Посуда</i>	227
Топоры—знаки власти	179	Металлическая посуда	227
Кавказские топоры	181	Глиняная посуда	228
Булавы	182	Керамика западноволжского варианта (Волга I)	229
Наконечники копий	183	Керамика средневолжского варианта (Волга II)	231
Бронзовые наконечники копий	183	Керамика первого нижне- камского варианта (Кама I)	233
Каменные наконечники копий	188	Керамика вятского варианта (Вятка)	234
Железные наконечники копий	188	Керамика второго нижне- камского варианта (Кама II)	236
Биметаллические наконечники копий	196	Керамика бельского варианта (Белая)	239
Луки и стрелы	197	Керамика среднекамского ва- рианта (Кама III)	239
Луки	197	Керамика ветлужского вари- анта	241
Гориты	198	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	257
Колчаны	199	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	260
Наконечники стрел	200		
Каменные наконечники стрел	200		
Костяные наконечники стрел	204		
Бронзовые наконечники стрел	206		
Железные наконечники стрел	211		
Щиты	217		
<i>Конская узда</i>	218		
Бронзовые удила	218		
Железные удила	222		

Альфред Хасанович Халиков
ВОЛГО-КАМЬЕ
В НАЧАЛЕ ЭПОХИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

*Утверждено к печати
Институтом ои языка, литературы и истории
им. Г. Ибрагимова
Казанского филиала АН СССР*

Редактор Г. Н. Садокова
Художник Л. С. Кассис
Художественный редактор Ю. П. Трапакос
Технический редактор Э. Л. Кунина
Корректор Г. Н. Лац

Сдано в набор 2/XI 1976 г. Подписано к печати 29/XII 1976 г.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 19,816. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 1600.
Т-22426. Тип. зак. 1330. Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 24
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10